

336

III 2.010.562

III 18075

ИСТОРИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ

О

ЛИТВѢ.

ИЗДАНИЕ ПЕРВОЕ

ИСТОРИЯ РУССКОГО
ГОСУДАРСТВА

ТОМ I

ИСТОРИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ

О

Л И Т В Ъ

ПАВЛА КУКОЛЬНИКА.

45
165

ВИЛЬНА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ А. Е. КИРКОРА.

1864.

18075

ПОТОБНІЕЖІЯ ЗВМІЯНІ

И И Т И Р

И В І А К А Р О Т Р І Н Н І К А

Дозволено цензурою. 27 апрѣля 1864 года. Вильна.

296.010.862

ВІЛЬНА

ВЪ ТИПОГРАФІИ А. В. КАРБОРА

1864

ЕГО ВЫСОКОПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ

МИХАИЛУ НИКОЛАЕВИЧУ

МУРАВЬЕВУ.

TO THE DIRECTOR GENERAL OF THE BUREAU OF THE ARMY AND NAVAL STORES

WASHINGTON, D. C.

MAR 21 1894

Ваше Высочайшее Превосходительство!

Россія, съ отдаленнѣйшихъ концевъ своихъ, посылаетъ Вамъ дань благодарности за умиротвореніе здѣшняго края. Мы современники и свидѣтели Вашихъ великихъ подвиговъ, видимъ обильные и драгоцѣнные плоды Вашей неутомимой дѣятельности и истиннаго патриотизма. На всемъ обширномъ пространствѣ вѣрноподданной Вашему управленію страны водворены безопасность, законный порядокъ и спокойствіе. Угнѣтаемая и преслѣдуемая въ этой странѣ, въ продолженіи двухъ вѣковъ, Русь вступаетъ въ свои права, которыя такъ долго оспаривали у ней происки и изувѣрство. Многочисленные памятники благочестія православныхъ нашихъ предковъ воздвигаются изъ развалинъ въ новомъ блескѣ и благолѣпіи. Однимъ словомъ все окружающее Васъ обращается къ новой дѣятельности, къ новой жизни, какъ около своего свѣтила, котораго благотворные лучи вызываютъ растительность изъ самой бесплодной почвы. Эти то лучи согрѣли и мою хладѣющую кровь, оживили слабѣющія силы, и на краю моего земнаго пути, побудили меня стать въ ряды дѣятелей на поприщѣ, освященномъ Вашимъ водительствомъ и примѣромъ. Вамъ обязанъ я появленіемъ этого дѣтища души моей, съ которымъ я ненадѣялся уже встрѣтиться въ жизни. Вы воззвали его къ бытію. Позвольтежъ, повергнувъ его предъ Вами, какъ предъ виновникомъ его существованія, украсить

его дорогимъ для всей Россіи, Вашимъ именемъ. Пріймите эту
посильную но искреннюю жертву, какъ свидѣтельство, того глубо-
чайшаго почитанія и безпредѣльной преданности, съ которыми и-
мѣю честь быть.

Вашего Высокопревосходительства

всепокорнѣйшій слуга

Ш. Кукольникъ.

2

Въ продолженіи 40-лѣтняго пребыванія въ здѣшнемъ краѣ, старался я собирать всевозможныя свѣдѣнія о достопримѣчательныхъ событіяхъ, составляющихъ его исторію. Желая на старости лѣтъ подѣлиться съ читающею публикою приобрѣтенными мною свѣдѣніями, я рѣшился представить ей общее изображеніе судьбы всей Литвы сначала какъ народа, потомъ какъ государства, а наконецъ какъ области королевства, къ которому оно присоединилось. Не имѣя возможности, въ краткомъ очеркѣ, представить все, что только входитъ въ составъ исторіи какого либо народа, я обратилъ особенное вниманіе только на одинъ предметъ, а именно: развитіе въ Литвѣ Русскаго элемента, и вліяніе его на судьбу государства. Остальные предметы описаны будутъ вкратцѣ, только для сохраненія исторической связи.

Имѣя въ виду исключительно эту цѣль, я раздѣлю Исторію Литвы на три періода.

1) Отъ появленія литовскаго народа на историческомъ поприщѣ до перваго соединенія его съ Польшею, при Ягайлѣ, то есть до 1385 года.

2) Отъ Ягайлы до окончательнаго соединенія съ Польшею на люблинскомъ съѣздѣ въ 1569 году.

3) Отъ люблинскаго съѣзда до присоединенія Литвы къ Россіи въ 1795 году.

Первый періодъ заключаетъ въ себѣ развитіе силъ литовскаго народа, направленіе, данное ему первыми князьями, постоянное и часъ-

отъ-часу тѣснѣйшее сближеніе съ Русью. Кто захочетъ безъ предубѣжденія слѣдить за событіями этого періода, тотъ легко убѣдится, что могущество и благосостояніе Литвы зависѣло именно отъ ближайшаго соединенія съ Русью, и чѣмъ болѣе ослабляема была эта связь, тѣмъ ощутительнѣе были потери Литвы. Изложенные ниже факты оправдаютъ лучше это заключеніе.

Второй періодъ представляетъ непрерывныя усилія литовцевъ къ уничтоженію предначертанія Ягайлы и освобожденію себя отъ накинутаго имъ соединенія съ Польшею, пока непреклонная воля послѣдняго изъ Ягеллоновъ не укрѣпила этого союза окончательно.

Третій періодъ содержитъ въ себѣ стремленіе Польши къ уничтоженію литовскаго, а въ особенности русскаго элемента въ предѣлахъ б. велик. княжества. Въ этомъ періодѣ не только исчезаетъ самостоятельность великаго княжества, которой уже не видно на политическомъ поприщѣ; но измѣняется весь характеръ древней Литвы, нравы, обычаи ея жителей, порядокъ управленія, чиновное положеніе, и страна эта дѣлается только частію государства, къ которому присоединилась, какъ равное къ равному. Русскій элементъ, составлявшій существенную силу великаго княжества, подвергается преслѣдованію и униженію. Раздоры между иновѣрцами, возбужденные насиліемъ римско-католическаго духовенства, въ особенности Іезуитовъ, возмущаютъ спокойствіе страны, а иногда оканчиваются кровопролитіемъ. Перебивъ недостатки управленія Польши, Литва дѣлается жертвою честолюбія, алчности и фанатизма духовенства, насилія вельможъ, свосвольства шляхты, и вмѣстѣ съ Польшею клонится къ паденію.

Не обольщаясь мыслию, что сочиненіе мое можетъ имѣть какую нибудь особенную цѣнность въ глазахъ просвѣщенной публики, я только смѣю увѣрить читателей, что собранныя мною свѣдѣнія вѣрны, неискажены и не подвержены никакому сомнѣнію. Излагая ихъ, я не увлекался пристрастіемъ, не руководствовался предубѣжденіемъ, а заключенія свои оправдывалъ только послѣдствіями описываемыхъ событій.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Руководствуясь преданіями, которыя историки истекшихъ столѣтій помѣстили въ видѣ фактовъ въ своихъ лѣтонисяхъ — скажемъ нѣсколько словъ о предкахъ литовскаго народа. Отъ береговъ балтійскаго моря на югъ, между рѣками Нѣманомъ и Вислою, жило въ древности племя, именуемое Ульмигерами. Оно вело жизнь полудикую, не имѣло ни городовъ ни правителей, занималось скотоводствомъ звѣриною и рыбною ловлею, частію земледѣіемъ и платило дань Мазовецкимъ князьямъ. Воинственные Скандинавы, посѣщая Ульмигеровъ и видя слабость ихъ, начали селиться на ихъ землѣ, и въ короткое время построили на ней множество укрѣпленныхъ городовъ или замковъ. Два знаменитые Скандинава Вайдевуть и Брутенъ прекратили возникшія ссоры между ихъ соотечественниками и мѣстными жителями, соединили ихъ въ одинъ народъ, освободили его отъ платежа дани иноземцамъ и образовали государство. Вайдевуть превозглашенъ верховнымъ правителемъ, а Брутенъ начальникомъ іерархіи, которую онъ основалъ, научивъ Ульмигеровъ скандинавскому богослуженію. Отъ него приняли оба соединенные народа названіе Брутеновъ (Боруссовъ, Пруссовъ). По смерти Вайдевута и Брутена, государство раздѣлено было между двѣнадцатю сыновьями Вайдевута, или вѣрнѣе — распалось на двѣнадцать отдѣльныхъ племенъ. Преданіе даетъ названія этимъ племенамъ отъ именъ сыновей Вайдевута, въ числѣ которыхъ дано преимущество одному изъ нихъ по имени *Литво*. Обстоятельство это означало, по мнѣнію новѣйшихъ историковъ, преимущество литовскаго племени передъ прочими, потому что въ существованіе лица *Литво* теперь уже никто не вѣритъ. Когда произошло это раздѣленіе, и что происходило съ этими племенами до тѣхъ поръ пока они не сдѣлались извѣстны сосѣдямъ, скрывается во мракѣ древности. Въ то время когда Литва вошла въ сношенія съ сосѣдственною Русью, она уже извѣстна была подъ этимъ именемъ, и считалась одноплеменною съ окружавшими ее: Жмудью, Зимголою, Латышами, Корсью, Пруссами и Ятвятами. Впрочемъ собственная Литва и Жмудь составляли всегда одно племя, одинъ народъ, подъ общимъ

названіемъ Литвы. Разница въ наименованіяхъ происходила только отъ мѣстоположенія: южная Литва называлась Аукстоте, то есть верхнею, по теченію рѣки Нѣмана, сѣверная же — Шомойтъ (Жемайтень, Жмудь), то есть нижнею. Нравы, обычаи, религія, языкъ были у нихъ одни и тѣже. Жмудскій языкъ въ послѣдствіи нѣсколько измѣнился отъ сосѣдства съ Латышами и Пруссамъ.

ПЕРІОДЪ I.

*Отъ появленія литовскаго народа на историческомъ поприщѣ до
перваго соединенія Литвы съ Польшею при Ягайлѣ 1385 года.*

Отъ береговъ Нѣмана и Дубиссы на востокъ вдоль праваго берега Вилии простиралась область, именовавшаяся въ древности Ставаніей, извѣстная еще Птоломею. На югъ отъ лѣваго берега Вилии находилась другая область Нерома, названная такимъ образомъ отъ рѣки Нерисъ (Вилія); область эта граничила къ сѣверу съ Виліей, къ западу съ Нѣманомъ, къ востоку съ дремучими лѣсами, отдѣлявшими ее отъ земли Кривичей, а къ югу съ третьею областію, Пелузіей. Эти три области населены были первоначально племенемъ, сдѣлавшимся извѣстнымъ подъ названіемъ Литвы. Нерома извѣстна была Нестору, который причисляетъ ее къ странамъ, платившимъ дань Варяго-русскимъ князьямъ въ IX вѣкѣ, — слѣдственно вскорѣ послѣ пришествія Рюрика. Такимъ образомъ Русское государство при самомъ началѣ своего существованія пріобрѣло уже права владычества надъ частію Литвы. Преемники Рюрика, обративъ оружіе свое противъ восточныхъ и южныхъ сосѣдей, выпустили изъ виду дикую и бѣдную Литву, которая, въ свою очередь, начала дѣлать нападенія на Кривичей и Полочанъ. Въ срединѣ Пелузій, окруженной дремучими лѣсами и непроходимыми болотами, находились плодородныя поля, а множество оставшихся памятниковъ свидѣельствуютъ о весьма древнемъ населеніи этой области. Тамъ въ древности находились три укрѣпленные пункта: въ Меречѣ, Ейшишкахъ и Радунѣ, бывшіе средоточіями трехъ военныхъ округовъ. Но всего достопримѣчательнѣе считаются уцѣлѣвшія до сихъ

поръ два городища, или огромные земляные окопы. Одно находится близъ Ейшишекъ, а другое въ $3\frac{1}{2}$ верстахъ отъ Радуня, при деревнѣ Городищѣ. Одно отъ другаго отстоитъ на 10 версть. Это два огромныя земляныя укрѣпленія въ видѣ четырехугольниковъ, коихъ стѣны имѣють до 600 футовъ длины и 16 вышины. Они окружены широкими и глубокими рвами. Поверхность земли внутри укрѣпленій гораздо ниже вѣшней. Тамъ видны слѣды погребовъ, углубленій и колодцевъ. Видны также слѣды воротъ или отверстій для вылазки съ какими-то контрвалами. Толщина вала доходить до 20-ти футовъ и болѣе.

Жители этихъ трехъ областей именовались Литвою отъ слова *Летуви* (дождливый). Можетъ быть сырость климата въ странѣ лѣсистой и болотистой подала поводъ къ такому названію.

Народъ литовскій велъ жизнь полудикую, питался звѣриною и рыбною ловлею; земледѣіемъ занимались только въ нѣкоторыхъ удобныхъ для того мѣстахъ, а преимущественнѣйшее богатство жителей составляла добыча, награбленная въ сосѣдственныхъ странахъ. Литовцы были народъ воинственный, часто выходили въ поле, но цѣлью ихъ походовъ въ древности были не завоеванія, а только грабежъ. Они разоряли селенія въ сосѣднихъ странахъ, забирали все, что искушало ихъ корыстолюбіе и уводили толпами плѣнниковъ, которыхъ заставляли селиться въ своемъ отечествѣ. Сказано было выше, что русскіе великіе князья заняты были завоеваніями на востокъ и югъ. Славный Святославъ проникъ съ войскомъ даже за Дунай. Пользуясь удаленіемъ главныхъ русскихъ силъ и небрежностью пограничныхъ воеводъ или правителей областей Смоленской и Полоцкой, Литовцы не только отказались отъ платимой дани, но сами дѣлали набѣги на земли Кривичей и Полочанъ и производили въ нихъ грабежи и раззоренія. Наконецъ Владиміръ великій понялъ ошибку своихъ предшественниковъ и рѣшился не только оградить русскія земли отъ набѣдниковъ, но и привести снова непокорныхъ къ повиновенію. Россія находилась уже тогда на степени могущественнаго государства. Вѣнчанный многими блистательными успѣхами на полѣ брани, Владиміръ приблизился съ двухъ сторонъ къ предѣламъ Литвы: съ сѣверной, побѣдивъ Чудь и Ливовъ и наложивъ на нихъ дань, а съ юга, завладѣвъ значительнымъ простран-

ствомъ земли Ятвяговъ. Завоеванія эти были утверждены и еще болѣе распространены сыномъ его Ярославомъ Мудрымъ, предпринимавшимъ три похода (1038, 1040 и 1044 года), противъ Ятвяговъ и вспомошествовавшихъ имъ единоплеменныхъ литовцевъ. Вся земля Ятвяговъ и большая часть Литвы до устья Вилии завоевана была Ярославомъ. Изъ этихъ завоеваній составлена Ятвяго-русская область, въ которую переселено множество русскихъ, а въ 1045 году на мѣстѣ, гдѣ находился литовской городокъ Гургани, построены старыя Троки, бывшіе мѣстопребываніемъ русскаго намѣстника и правителя новой области. Лѣтописцы повѣствуютъ, что завоеванный народъ, по причинѣ бѣдности своей, платилъ дань лыками, желудями и вѣниками. Эта скудная дань взимаема была безъ сомнѣнія только какъ свидѣтельство подданства русскому Государю. Такимъ образомъ эта страна неоспоримо составляетъ одно изъ древнѣйшихъ достояній русскихъ государей, приобретенныхъ мудрою ихъ дѣятельностію, усердіемъ и кровью ихъ вѣрно-подданныхъ. Гибельная удѣльная система, ослабившая и едва не погубившая Россію, воспрепятствовала довершенію великаго подвига Владимира и Ярослава. Если бы Россія сохранила свою цѣлость, если бы преемники Ярослава шли проложеннымъ имъ путемъ, то въ короткое время утвердилось бы за ними навсегда владычество надъ цѣлымъ берегомъ Нѣмана до Балтійскаго моря. Чрезъ то Россія спаслась бы отъ могущественнаго и страшнаго сосѣда, и еще болѣе отъ пагубныхъ слѣдствій соединенія его съ Польшею, которое сдѣлалось источникомъ безчисленныхъ бѣдствій для жителей юго-западной Руси. Но раздробленіе Россіи на удѣлы принесло естественные свои плоды: междоусобіе, раздоръ, а въ слѣдъ за ними кровополитіе и ослабленіе государства. Преемники Ярослава, ссорясь между собою за великое княжество, выгоняя другъ друга изъ Кіева, оставили безъ вниманія Литву, которая, усиливаясь непрерывно, не только отняла у нихъ Ятвяго-русскую область, но и простерла далѣе свои завоеванія. Конечно, нестройныя толпы дикарей, вооруженныхъ палицами и каменными топорами, не могли бы нанести большаго вреда правильному и хорошо вооруженному русскому войску; но не ожиданное обстоятельство преобразило дикарей, развило и сосредоточило ихъ силы и дало имъ новое направленіе.

500 скандинавскихъ витязей подъ начальствомъ Балмунда, котора-

го Литовцы называютъ Палемономъ, приплывъ на ладьяхъ вверхъ по Нѣману къ устью Дубиссы, построили въ этомъ мѣстѣ первую крѣпость на литовской землѣ — Биссену. Избравъ ее средоточіемъ своихъ дѣйствій и пользуясь слабостію и невѣжествомъ туземцевъ, начали отсюда распространять свои завоеванія къ сѣверу, востоку и югу. Довшпрунгъ, товарищъ Балмунда, завладѣлъ берегами рѣки Свѣнты и построилъ Вилкоміръ, которымъ владѣли и его наслѣдники. Лѣтописцы разнымъ образомъ выводятъ происхожденіе новыхъ завоевателей. Нѣсколько вѣковъ вѣрили тому, что они были римскіе всадники. Основательнѣйшія изслѣдованія убѣдили, что они были именно Скандинавы. Имена Балмундъ, Довшпрунгъ, Алгимундъ, Рингольдъ, Миндове, Едимапъ (Гедиминъ), Ольгердъ и другія, встрѣчаемыя въ династіи Палемона, чисто Скандинавскія. При завоеваніи литовскихъ земель они поступали съ жителями совершенно такимъ образомъ, какъ Рюрикъ и его преемники съ Славянами. Они сливались съ покоренными, принимали ихъ языкъ, нравы, обычаи, вѣру и оставляли только верховную власть въ рукахъ своихъ династій. Наконецъ также, какъ и въ Россіи, ввели въ Литвѣ удѣльную систему.

Сыновья Балмунда, продолжая завоеванія, начатыя отцемъ, основали въ сѣверной Литвѣ три княжества. Боркусъ построилъ Юрборкъ на рѣкѣ Юрѣ, Кунасъ — Ковно при впаденіи Вилии въ Нѣманъ, а Спера утвердилъ мѣстопребываніе свое на Жмуди, на берегу озера, названнаго его именемъ. Боркусъ и Спера умерли безъ наслѣдниковъ, а Кунасъ присоединилъ ихъ владѣнія къ своимъ. По смерти Кунасы, убитаго на сраженіи съ Ярославомъ въ 1040 году, Кѣрнъ, сынъ его, простеръ еще далѣе свои владѣнія, завоевавъ правый берегъ Вилии. Онъ построилъ на немъ городъ Кѣрновъ, въ 35 верстахъ отъ Вильны къ западу. Городъ этотъ былъ долгое время столицею князей литовскихъ. Кѣрну приписываютъ также покореніе Кривичей. Кѣрнъ владѣлъ обширнымъ и сильнымъ княжествомъ; но введеніе Скандинавами удѣльной системы раздробило скоро Литву на множество мелкихъ владѣній, изъ коихъ въ XII вѣкѣ главнѣйшія были: Завилейское, Литовско-Полоцкое и Кѣрновское Княжества. Наслѣдники Ярослава, ссорясь съ князьями Полоцкими, мало обращали вниманія на успѣхи Литовцевъ и предоставляли имъ свободу раззорять княжество Полоцкое, обращая

свои усилія противъ отдаленныхъ ихъ соотечественниковъ. Такъ въ 1059 г. Изяславъ Ярославичъ предпринялъ походъ въ Прусскую Галлиндію, опустошилъ эту область и увелъ въ плѣнъ толпы ея жителей, которыхъ поселилъ на берегахъ рѣки Поротвы.

Вскорѣ послѣ этого похода начались ссоры сыновей Ярославыхъ за великокняжескій престолъ. Литовцы воспользовались этимъ. Эрдвилль, внукъ Гимбута брата Кѣрна, перешелъ съ войскомъ черезъ Вилію, и освободилъ Нерому и Пелузію отъ дани, платимой Русскимъ князьямъ. Продолжая успѣхи свои, онъ переправился черезъ Нѣманъ на лѣвый берегъ этой рѣки и перенесъ столицу своихъ владѣній въ Науенпилле. Городъ этотъ, навываемый лѣтописцами Новогрудкомъ, не должно смѣшивать съ Русскимъ Новогрудкомъ, завоеваннымъ позже и сдѣланнымъ столицей завоевателей.

Въ продолженіи этого времени, вѣроятно, существовалъ городъ Крево, столица образовавшагося потомъ княжества Кревскаго или бывшей земли Кривичей. Неизвѣстно время основанія этого города, находившагося въ 5-ти миляхъ отъ нынѣшней Опшяны, гдѣ понынѣ видны великолѣпныя развалины стараго замка, частаго мѣстопребыванія Ольгерда и Ягайлы, и котораго стѣны были свидѣтелями вѣроломнаго умерщвленія Кейстута.

Тогда, какъ раздробленіе Руси облегчало Литовцамъ распространеніе завоеваній въ сосѣднихъ Русскихъ областяхъ, явился новый непріятель Литвы, съ которымъ она должна была бороться около 300 лѣтъ. Это были военно-духовные ордена: Тевтонскій (крестоносцы) и Ливонскій (меченосцы). Оба эти ордена учреждены были съ цѣлью распространять христіанскую вѣру между язычниками. Тевтонскій орденъ явился прежде на берегахъ Вислы, гдѣ средоточіемъ его была крѣпость Мариенбургъ. Опираясь на этотъ пунктъ, онъ началъ свои проповѣди въ Пруссіи вмѣстѣ съ завоеваніемъ этой страны и насильно заставлялъ жителей ея креститься. Ливонскій орденъ возникъ позже. Въ 1186 году прибылъ въ Ливонію съ нѣмецкими купцами католическій монахъ Мейнгардъ и получилъ отъ Полоцкаго князя Владиміра позволеніе обращать мирно ливонскихъ язычниковъ въ христіанство. Вскорѣ Мейнгардъ построилъ на берегу Двины замокъ Икскуль, крестилъ язычниковъ волею и неволею и обучалъ ихъ военному искусству, якобы для

собственной их безопасности. Преемники Мейнгарда утверждены были в санъ епископовъ, и для вѣрнѣйшаго успѣха въ распространеніи христіанства, прибѣгли къ оружію. Третій изъ нихъ, Албертъ Буксгевденъ основалъ въ 1200 году городъ Ригу, а въ 1201 орденъ меченосцевъ. Папа Инокентій III далъ имъ уставъ Рыцарей храма, бѣлую мантию съ краснымъ крестомъ и подчинилъ ихъ Рижскому епископу. По призыву Буксгевдена и благословенію Папы безпрестанно отправлялись въ Ливонію толпы вооруженныхъ людей проложить себѣ дорогу къ царствію небесному кровопролитіемъ и грабежемъ, потому что скоро унущена была изъ виду главная цѣль учрежденія ордена. Ненасытные меченосцы думали только о новыхъ приобрѣтеніяхъ и о своемъ обогащеніи. Вскорѣ они подчинили власти своей большую часть Ливоніи и обратили мнимо-апостольскія усилія свои противу Литовцевъ; но въ 1236 г. встрѣтили сильное сопротивленіе и претерпѣли жестокое пораженіе отъ Рингольда.

Впрочемъ существованіе этого лица подвержено большому сомнѣнію. Ни одинъ изъ достовѣрныхъ древнихъ писателей не упоминаетъ даже имени его. Одинъ только изъ русскихъ лѣтописцевъ говоритъ объ немъ слѣдующее: „Княжилъ дѣлъ на Новгородку Рингольдъ, и кажутъ нѣщцы яко по Русской битвѣ (при Могильнѣ) трехъ сыновъ уробилъ, но невѣдомо каково дѣло сичихъ сыновъ было.“ Вотъ все повѣствованіе о Рингольдѣ, найденное въ одной только изъ древнихъ лѣтописей. Стрыйковскій, найдя эти нѣсколько словъ о Рингольдѣ у лѣтописца, котораго самъ называетъ хромымъ, темнымъ и недостойнымъ довѣрія, не только ввелъ этого государя въ свою исторію Литвы, но даже составилъ подробное повѣствованіе его царствованія, основываясь якобы на сказаніяхъ Мѣховиты, Кромера и Ваповскаго, изъ коихъ ни одинъ не упоминаетъ о Рингольдѣ. Несмотря на столь недостаточныя свидѣтельства о существованіи этого лица, всѣ позднѣйшіе историки повторяютъ повѣствованіе объ немъ Стрыйковскаго, и единогласно приписываютъ ему подвиги, доставившіе Литвѣ новыя приобрѣтенія, порядокъ и могущество. По ихъ словамъ Рингольдъ, сынъ Алгимунда, превосходя дарованіями и храбростью прочихъ князей, успѣлъ раздѣленную между ними власть въ государствѣ сосредоточить въ своемъ лицѣ и сдѣлался ихъ главою, или великимъ княземъ.

Въ 1230 году онъ перенесъ столицу въ завоеванный русскій Новгородокъ, подгрѣплялъ единоплеменныхъ Семигаловъ и Куроновъ въ войнѣ ихъ противъ Рыцарей; а когда частые набѣги его на Ливонію заставили магистра Вольквина предпринять съ сильнымъ войскомъ похвъ въ Литву и напасть на собственные владѣнія Рингольда, великій князь разбилъ его на знаменитомъ сраженіи при Камѣнѣ, въ 1236 г., гдѣ большая часть Рыцарей и самъ великій магистръ погибли. Не задолго передъ тѣмъ разбилъ онъ соединенныя силы нѣсколькихъ русскихъ князей подъ Могильною и завладѣлъ Полоцкомъ, которымъ съ тѣхъ поръ управлялъ намѣстникъ великаго князя. Случившееся въ это время нашествіе Батгя, и послѣдовавшее за тѣмъ ужасное опустошеніе Россіи, облегчило литовцамъ распространеніе завоеваній къ югу и приблизило ихъ владѣнія къ предѣламъ княжества Галицкаго.

Приобрѣтеніе русскихъ областей имѣло благотворное вліяніе на весь Литовскій народъ. Входя въ ближайшее сношеніе съ Русскими, они переняли и усвоили себѣ ихъ языкъ, письмена, нравы и обычаи; начали вводить русское законоположеніе и образъ судопроизводства. Тѣснимые и преслѣдуемые Татарами жители русскихъ областей переходили толпами въ Литву, въ которой находили дружескій и радушный пріемъ, и передавали туземцамъ свое образованіе и вѣроисповѣданіе. Русскій элементъ часъ отъ часу болѣе распространялся и утверждался въ Литвѣ. Послушаемъ, что говоритъ объ этомъ предметѣ одинъ изъ польскихъ дѣписателей нашего вѣка (Jaroszewicz, *Obraz Litwy*, Т. 1. str. 174 і 175.)

„Кромѣ торговли, которая, издавна сближая оба народа, ознакомила Литовцевъ съ русскимъ языкомъ; кромѣ религіи восточнаго исповѣданія, которая подъ покровительствомъ княжескихъ женъ, по большой части, русскаго происхожденія, уже отъ начала XIII столѣтія дѣлая въ Литвѣ значительные успѣхи, посредствомъ духовныхъ лицъ и славянской литургіи, освоивала Литовцевъ со всѣмъ русскимъ; еще болѣе содѣйствовали къ тому политическія сношенія Литвы съ болѣе населенной и гораздо образованнѣйшей христіанскою Русью. Еще прежде завоеваній Гедимина и Ольгерда, начали Литовцы вмѣшиваться въ дѣла русскихъ князей и городовъ; завоеванія же эти еще болѣе сроднили ихъ съ русскимъ народомъ. Въ слѣдствіе этого многіе изъ

нихъ, проживая долго между русскими, наблюдали ихъ нравы и обычаи, старались принаравливаясь къ ихъ образу жизни, учились ихъ языку, принимали крещеніе и православное исповѣданіе, и входили въ родственныя связи съ русскимъ народомъ; по возвращеніи же въ отечество служили образцами къ подражанію соотечественникамъ. Такимъ путемъ не только высшая тогдашняя цивилизація Руси могла, не въ одномъ отношеніи, имѣть вліяніе на Литву, но и русскій языкъ, въ особенности въ высшемъ классѣ жителей, получилъ въ послѣдствіи преимущество передъ отечественнымъ, до такой степени, что сдѣлался наконецъ языкомъ двора и судебныхъ мѣстъ. Вмѣстѣ съ языкомъ сдѣлались общеупотребительными и письмена русскія. А потому при такомъ перевѣсѣ руссизма, не удивительно, что самыя древнія уложенія, а потомъ всѣ три статута литовскіе, многія княжескія привилегіи и лѣтописи, составлены были только на Русскомъ языкѣ, и что до сихъ поръ не найдено ни малѣйшей даже частной сдѣлки, написанной по литовски.“

Этотъ ясный и убѣдительный выводъ, совершенно согласный съ фактами, описываемыми историками прежнихъ вѣковъ, представляетъ въ полномъ свѣтѣ отношенія, въ какихъ находились между собою оба народа, — что были Русскіе для Литовцевъ и Литовцы для Русскихъ. Мы увидимъ ниже еще яснѣе, какъ скрѣпилась связь между двумя поколѣніями и сколько было естественнаго, нелицемѣрнаго сочувствія между ими. Теперь считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ о судьбѣ Гродна до занятія его Литвою.

Городъ и земля, на которой онъ былъ построенъ, принадлежали неоспоримо русскимъ князьямъ, даже прежде завоеваній Владиміра и Ярослава. Самое названіе его явственно свидѣтельствуетъ, что онъ построенъ Славянами; но построеніе это произошло въ столь глубокой древности, что ни въ одной лѣтописи объ немъ не упоминается. Въ первый разъ названіе Гродна является въ Ипатьевской лѣтописи подъ 1128 годомъ, какъ о столицѣ особеннаго удѣла. Спустя около шестидесяти лѣтъ послѣ того, городъ истребленъ былъ произшедшимъ отъ грома пожаромъ, отъ котораго сгорѣли всѣ зданія и даже каменные церкви. Въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ граждане гродненскіе отстроили снова городъ, но въ 1241 году постигло его несчастіе ужас-

нѣ пожара. Койданъ, военачальникъ Батя, приступилъ къ нему съ сильнымъ войскомъ. Послѣдній гродненскій князь Георгій Глѣбовичъ съ неустрашимостью встрѣтилъ безъ сравненія многочисленнѣйшаго непріятели, и защищаясь до послѣдней крайности въ деревянномъ замкѣ, построенномъ на высокомъ берегу Нѣмана, палъ въ ожесточенномъ боѣ со всѣми храбрыми своими сподвижниками. Городъ и замокъ разрушены до основанія, окрестности опустошены ужаснымъ образомъ. Миндовгъ, преемникъ Рингольда, отомстилъ за то Койдану жестокимъ поражениемъ войскъ его подъ стѣнами Лиды, а сынъ его Ердзивилль пришелъ съ дружиною въ опустошенную гродненскую область, занялъ ее и отстроилъ разоренный городъ. Съ тѣхъ поръ область эта оставалась подъ властію литовскихъ князей.

Первымъ достовѣрнымъ литовскимъ великимъ княземъ считается Миндовгъ, котораго Стрыйковскій, неизвѣстно на какомъ основаніи, почитаетъ сыномъ Рингольда. Правленіе его, а еще болѣе первыхъ его преемниковъ считается эпохою самаго дѣятельнаго развитія русскаго элемента въ древней Литвѣ. Этому много содѣйствовали завоеванія русскихъ областей: Полоцкой, Смоленской, Витебской, также какъ и всей земли Кривичей, и занятіе Гродненской области. При вступленіи уже Миндовга на престолъ, русское населеніе въ великомъ княжествѣ превосходило числомъ безъ сравненія собственно литовское, селилось безпрепятственно въ Литвѣ, строило себѣ жилища и церкви, которыя никогда не подвергались насилію и даже неуваженію язычниковъ. Племянники Миндовга Арвидъ или Довмонтъ, Товцивилль и Тройденъ управляли Смоленскомъ, Полоцкомъ и Витебскомъ въ качествѣ намѣстниковъ дяди. Первые два приняли христіанство и православное исповѣданіе и сдѣлались ревностными его защитниками въ своемъ отечествѣ. Третій Тройнатъ остался въ язычествѣ, но за то сынъ его Римундъ не только принялъ христіанскую вѣру, но даже постригся въ монахи подъ именемъ Елисея, и былъ архимандритомъ въ основанной имъ лаврѣ св. Іліи близъ Новогрудка въ нынѣшнемъ Лавришевѣ. Съ этихъ поръ христіанство и православіе начали глубоко пускать корни по всей Литвѣ. Примѣру племянниковъ и внука Миндовга послѣдовали потомъ братья Тройдена Роумунтовича Наримундъ, Гольша

и Гедрусь и множество лицъ литовскихъ княжескихъ фамилій, какъ то увидимъ ниже.

Не смотря на ужасное опустошеніе Россіи, и тяготѣвшее на ней монгольское иго, одинъ изъ русскихъ князей успѣлъ не только охранить свое государство отъ раззоренія, но даже привести его въ цвѣтущее состояніе. Это былъ Галицкій князь Даніиль, сынъ знаменитаго Романа, одержавшаго многіе побѣды надъ Литовцами. Успѣхи Миндовга, перенесшаго завоеванія на южный берегъ Нѣмана, обратили на Литву все вниманіе Даніила. Пользуясь возмущеніемъ племянниковъ его, управлявшихъ Смоленскомъ, Витебскомъ и Полоцкомъ и вошедшихъ въ союзъ съ Рыцарями, Даніиль вступилъ въ предѣлы Литвы. Сначала счастье благоприятствовало Миндовгу. Въ 1249 году онъ одержалъ побѣду надъ княземъ Галицкимъ и выгналъ племянниковъ изъ ихъ владѣній. Но спустя три года, великій магистръ Стукландъ разбилъ его войско въ Курляндіи и приблизился къ берегамъ Вилии, а племянники его, соединясь съ Даніиломъ, подошли къ Гродну. Доведенный до крайности Миндовгъ примирился съ Даніиломъ, уступилъ ему Слонимъ и Волковыскъ, выдалъ дочь свою за Шварна, сына князя Галицкаго, и далъ ему въ залогъ сына своего Войшелга. Онъ предложилъ также миръ и Рыцарямъ; но великій магистръ объявилъ ему, что по долгу званія своего, онъ не можетъ входить ни въ какія условія съ язычникомъ, развѣ только въ такомъ случаѣ, когда литовскій государь прійметъ со всѣмъ народомъ своимъ христіанство. вмѣстѣ съ тѣмъ требовалъ утвержденія уступки ордену Курляндіи, сдѣланной его племянниками, за что обѣщалъ исходатайствовать ему у папы королевскую корону. Миндовгъ, для возстановленія мира, принужденъ былъ на все согласиться.

Въ 1251 г. Миндовгъ принялъ со всѣмъ своимъ семействомъ крещеніе, и коронованъ на полѣ близъ Новогрудка. Принятіе имъ христіанства не было искренно, а потому не могло имѣть благопріятнаго вліянія на преобразование народа. Оно не имѣло также собственно для него счастливыхъ послѣдствій, а потому не могло быть прочно, и дѣйствительно существовало не долго. Онъ долженъ былъ бороться внутри государства съ упорнымъ противудѣйствіемъ оставшихся язычниковъ, а внѣ — съ русско-литовскими князьями, смотрѣвшими

съ негодованіемъ на связь его съ Римомъ. Все это умножало только число его непріятелей. Чтобы имѣть возможность противиться имъ успѣшно, Миндовгъ принужденъ былъ почти вполнѣ отдать себя въ руки крестоносцевъ, которыхъ ненасытная алчность требовала, за ихъ покровительство, непрерывныхъ пожертвованій. Въ продолженіи 6-ти лѣтъ Миндовгъ отдалъ ордену Россіену, Бегыголу, Крожи, всю Карчевскую землю, половину Ейраголы и Понѣмуна, также Дайново и земли Салень и Ятвяжскую, а наконецъ въ 1260 году завѣщаль ордену все литовское королевство, въ случаѣ, если умретъ, не оставя законныхъ наслѣдниковъ. Такая неумѣренная щедрость въ отношеніи къ ордену, довела подданныхъ Миндовга до высочайшей степени ожесточенія. Куроны и Жмудины, не обращая вниманія на королевскую власть Миндовга, выступили въ значительныхъ силахъ противъ крестоносцевъ и разбили ихъ на голову при рѣкѣ Дурбѣ въ Курляндіи, въ 1259 году. Общее возстаніе Пруссаковъ, почти покоренныхъ крестоносцами, было слѣдствіемъ этого пораженія. Вслѣдъ за тѣмъ Тройнатъ, племянникъ Миндовга, являсь предъ нимъ съ жмудскимъ посольствомъ, ясно доказалъ ему, что онъ сдѣлался игрушкою вѣроломства и происковъ Рыцарей и предложилъ возвратитъ подъ власть его всю литовскую землю, обѣщавъ содѣйствіе Куроновъ и Латышей. Тогда то Миндовгъ обнаружилъ настоящія свои чувства, отказался отъ христіанской вѣры и королевской короны въ 1260 году и выступилъ съ Литовцами и Жмудью противу крестоносцевъ. Быстрые и блистательные успѣхи его надъ Рыцарями не имѣли благоприятныхъ послѣдствій для государства. Оно напрягло послѣднія силы для борьбы съ Нѣмцами, которыхъ потери скоро вознаграждены были прибытіемъ изъ Германіи новыхъ ополченій, собравшихся подъ знамя креста. Счастіе преклонилось на сторону непріятелей Литвы, которые въ свою очередь истребили несчетное множество Латышей, Куроновъ, Пруссаковъ, Литовцевъ и Ятвяговъ и опустошили ихъ земли. Наконецъ Миндовгъ за свои наслія и жестокости умерщвленъ въ 1263 году родственниками своими Тройнатомъ и Довмонтомъ.

Такимъ образомъ введенное въ Литву на короткое время, усиліями крестоносцевъ, христіанство не могло имѣть того спасительнаго вліянія на народъ литовскій, какого должно было ожидать отъ чи-

стоты и святости его ученія. Накинутое насиліемъ, оно было принято по необходимости, и отринуто при первомъ удобномъ случаѣ. Казалось, Провидѣніе хотѣло просвѣтить этимъ урокомъ литовскій народъ и показать ему опасность соединенія съ западомъ. Къ сожалѣнію, урокъ этотъ вышелъ изъ памяти отдаленныхъ преемниковъ Миндовга, изъ коихъ одни для личныхъ и временныхъ выгодъ, а другіе по причинѣ недалковидности, вовлекли насильно народъ свой въ неестественный союзъ съ Польшею, и приготовили ему одинаковый съ нею жребій. Несравненно успѣшнѣе проникало христіанство со стороны русскихъ проповѣдниковъ, путемъ кротости и убѣжденія. Ученіе мира и любви должно быть проповѣдуемо не иначе, какъ въ мирѣ и съ любовью. А между тѣмъ оно распространяемо было крестоносцами огнемъ и мечемъ. Поступки ихъ произвели въ сердцахъ Литовцевъ такую къ нимъ ненависть, что одно приведеніе имъ на память Рыцарей приводило ихъ въ ожесточеніе. Оттого то и самое римско-католическое вѣроисповѣданіе сдѣлалось для нихъ предметомъ отвращенія и ненависти. Русскіе же проповѣдники не употребляли никакого насилія, излагали въ простотѣ высокія истины Завѣта, которыя простыя и чистыя сердца принимали скоро и охотно. Выше сказано было о нѣкоторыхъ членахъ княжескихъ фамилій, обращенныхъ въ христіанство русскими проповѣдниками. Но гораздо блистательнѣйшій успѣхъ получило христіанство въ Литвѣ послѣ обращенія Войшелга, который, находясь при дворѣ Даніила, и научась истинамъ Завѣта, не только принялъ крещеніе по восточному обряду, но даже постригся въ монахи и былъ потомъ ревностнѣйшимъ поборникомъ православія въ своемъ отечествѣ. Узнавъ объ умерщвленіи отца, онъ немедленно отправился въ Новгородъ. Строгія мѣры, принятыя имъ для обличенія и наказанія виновниковъ его смерти произвели большое волненіе въ государствѣ. 300 гражданъ, вѣроятно чувствуя себя пригнобленными къ этому дѣлу, съ женами и дѣтьми переселились въ 1265 г. въ Псковъ и приняли тамъ крещеніе. Многіе изъ нихъ, возвратясь по смерти Войшелга въ отечество, принесли съ собою принятое ими вѣроисповѣданіе которое съ успѣхомъ передавали соотечественникамъ. Спустя годъ послѣ этой эмиграціи, послѣдовала другая. Знаменитый Довмонтъ, сообщникъ Тройната, съ семействомъ и дружиною, числомъ въ 500 человекъ, перешель

также въ Псковѣ, гдѣ, также принявъ крещеніе, посвятилъ жизнь свою на службу новому отечеству, и служилъ ему ревностно и вѣрно до смерти, защищая мужественно республику отъ ея непріятелей, въ особенности отъ ливонскихъ рыцарей. Въ свободное время онъ забавлялся охотою особеннаго рода. Собравъ небольшой вооруженный отрядъ, выходилъ изъ Пскова, переправлялся черезъ Двину и, наловивъ нѣсколько десятковъ Литовцевъ, приводилъ ихъ въ Псковъ, обучалъ правиламъ христіанской вѣры, потомъ, окрестивъ ихъ, снабжалъ всѣмъ нужнымъ на дорогу и отпускалъ въ отечество, и ни въ одной лѣтописи нѣтъ слѣдовъ, чтобы кто нибудь изъ новокрещенныхъ, по возвращеніи въ Литву, перешелъ опять въ язычество. Не явственно ли это убѣждаетъ, что ни Русскіе Литовцевъ, ни Литовцы Русскихъ не считали чуждыми?

Но самое торжественное доказательство этого мнѣнія состоитъ въ томъ, что послѣ смерти Миндовга, литовцы выбрали главою своего государства русскаго князя Шварна Даниловича, князя Хелмскаго и Дрогичинскаго. Утвержденіе его династіи могло бы навсегда соединить два поколѣнія: но къ несчастію Шварнъ по вступленіи своемъ на престолъ жилъ только два года. По смерти его Войшелгъ вышелъ изъ монастыря и занялъ престолъ своего отца. Воспитанный и утвержденный въ христіанской вѣрѣ и православіи, онъ всѣми силами старался сдѣлать его господствующимъ въ государствѣ. Для этой цѣли сносился въ 1265 году съ новгородскимъ княземъ Святославомъ Ярославичемъ, который обѣщалъ ему прислать священниковъ изъ Пскова, какъ ближе освоенныхъ съ языкомъ и обычаями Литовцевъ. Лѣтописцы не говорятъ дѣйствительно ли прибыли въ Литву обѣщанные проповѣдники, но и безъ нихъ, какъ сказано выше, не только изъ ближайшихъ, но даже изъ отдаленныхъ странъ Руси, лица какъ свѣтскія, такъ и духовныя, тѣснимыя татарами, толпами переселялись въ Литву и подъ покровительствомъ православнаго князя проповѣдывали безпрепятственно и успѣшно въ ней слово Божіе.

Этотъ блистательный періодъ торжества православія въ Литвѣ, которое такъ непринужденно, такъ искренно принимаемо было туземцами и такъ быстро распространялось по ихъ отечеству, которое подавало столько пріятныхъ надеждъ русскому населенію и обѣщало прав-

ственныхъ выгодъ литовскому народу, — прекращенъ былъ вѣроломнымъ поступкомъ Галицкаго князя Льва Даниловича. Чтобы овладѣть престоломъ своего брата Шварна, онъ умертвилъ предательски Войшелга, заманивъ его къ себѣ подъ видомъ дружбы. Литовцы отвергли царевича и выбрали великимъ княземъ Свенторога, ревностнаго язычника. Обстоятельство это отсрочило на 40 лѣтъ успѣхи православія въ Литвѣ, хотя русскій элементъ продолжалъ составлять въ великомъ княжествѣ преимущественную его силу.

Съ 1267 по 1283 годъ восходили на великокняжескій престолъ шесть государей, погибавшихъ по большей части насильственною смертію. Наконецъ избранъ былъ великимъ княземъ Лютаворъ, князь Ейрагольскій, котораго династія царствовала въ Литвѣ до прекращенія ея существованія какъ государства. Правленіе Лютавора, а въ особенности сына его Витенеса, примѣчательно непрерывными войнами съ крестоносцами, которыхъ силы возросли въ это время до необыкновеннаго размѣра. Въ особенности Витенесь во время 20-ти лѣтняго своего царствованія, каждый годъ долженъ былъ бороться съ ожесточенными и страшными врагами. Крестоносцы безпрестанно нападали на великокняжескія земли, грабили и опустошали ихъ и предпринимали нѣсколько разъ осаду Гродна, и одинъ разъ, въ 1284 г., взяли его приступомъ и разорили до основанія. Витенесь векорѣ отстроилъ городъ, и видя, что усилія крестоносцевъ обращаются непрерывно на этотъ важный пограничный пунктъ, сдѣлавшійся складомъ военныхъ запасовъ Литвы, устроилъ въ немъ новыя сильныя укрѣпленія, увеличилъ гарнизонъ и начальство надъ городомъ и областію поручилъ благоразумному и храброму старостѣ Давиду, сыну знаменитаго Довмонта Псковскаго. Невозможно при этомъ случаѣ не привести на память великодушнаго поступка Давида въ отношеніи къ Пскову, его родимому городу. Онъ свидѣтельствуетъ не только о прекрасныхъ качествахъ души Давидовой, но вмѣстѣ съ тѣмъ служить явственнымъ подтвержденіемъ сказаній о тѣхъ дружелюбныхъ отношеніяхъ, въ какихъ находились русскіе къ литовцамъ.

Въ 1324 году меченосцы, не уважавшіе никакихъ правъ и договоровъ, коль скоро дѣло касалось удовлетворенія ихъ корыстолюбія, не обращая вниманія на существовавшій между ними и Псковитянами миръ,

перебили псковскихъ охотниковъ, рыбаковъ и купцовъ, занимавшихся своимъ промысломъ на берегахъ озера Пейпусъ и рѣки Наровы. Псковитяне жаловались на нарушеніе мира и требовали удовлетворенія, но рыцари смѣялись надъ ихъ требованіемъ и угрожали новыми насиліями. Тогда Псковитяне вспомнили о смѣѣ незабвеннаго своего защитника и обратились съ просьбою о помощи къ Давиду. Гродненскій староста немедленно собралъ охотниковъ и устремился съ ними къ мѣсту своего рожденія. Псковитяне собрались толпами подъ его знамена. Давидъ вошелъ съ ними въ Эстонию, ограбилъ Дерптское епископство, собралъ богатую добычу, взялъ 1,000 плѣнныхъ, передалъ все забранное Псковитянамъ и возвратился въ Гродно, не принявъ никакого вознагражденія за свой великодушный поступокъ. Приведенные въ ярость, рыцари рѣшились отомстить за то не иначе, какъ раззореніемъ Пскова. На слѣдующій годъ, магистръ Іоцке приступилъ къ городу съ сильнымъ войскомъ, и грома пушками стѣны его 18 дней, сдѣлалъ во многихъ мѣстахъ проломы и готовъ былъ вороваться въ самый городъ. Прибытіе Изборскаго намѣстника, князя Евстафія, съ свѣжимъ войскомъ, которое ударило въ тылъ меченосцамъ, остановило на время ихъ успѣхи. Но по отраженіи Евстафія они стѣснили городъ болѣе прежняго. Псковитяне, прося тщетно помощи у Новгорода, обратились снова къ Давиду. Въ нѣсколько дней по отправленіи къ нему гонца, сынъ Довмонта явился съ войскомъ подъ стѣнами города, разгромилъ силы меченосцевъ, отнялъ у нихъ заграбленную добычу, знамена и военные снаряды, и принудилъ ихъ заключить съ Псковитянами восьмилѣтнее перемиріе. Такихъ примѣровъ дружбы и единодушія Литовцевъ съ Русскими мы найдемъ множество въ исторіи Литвы, если захочемъ только искать ихъ прилежно и добросовѣстно.

Пока жилъ Давидъ, Гродно пользовалось совершенною безопасностію. Но по смерти его, меченосцы возобновили къ нему свои приступы, и городъ этотъ нѣсколько разъ, переходя изъ рукъ въ руки, былъ разрушаемъ и возобновляемъ.

Впрочемъ Витенесъ въ продолженіи 20-лѣтняго своего царствованія не оставался въ долгу у рыцарей. За каждое ихъ нападеніе, онъ платилъ имъ вторженіемъ въ принадлежавшія имъ области, которыя грабилъ, опустошалъ, и съ богатою добычею и множествомъ

плѣнныхъ возвращался въ отечество. Такимъ образомъ онъ предпринималъ 11 походовъ противъ тевтонскихъ и ливонскихъ рыцарей и 9 противъ Польши. Цѣлью послѣднихъ было одно только собраніе добычи и плѣнниковъ, которыхъ онъ во множествѣ переводилъ въ Литву. Отъ основанія литовскаго государства, до смерти Витенеса, Литовцы никогда не находились въ дружескихъ сношеніяхъ съ Поляками; напротивъ того, они чуждались ихъ и ненавидѣли, тѣмъ болѣе, что исповѣдая римско-католическую вѣру, Поляки приводили имъ на память рыцарей, старавшихся жестокостью и насиліемъ нагнуть имъ это исповѣданіе. Мы увидимъ въ царствованіе Ольгерда безотчетную ненависть ихъ къ этому исповѣданію въ поступкѣ съ Францисканами. Они даже не дорожили польскими плѣнниками, на которыхъ не могли много полагаться. Преемникъ Витенеса, Гедиминъ, вступилъ въ первый разъ въ союзъ съ польскимъ королемъ Владиславомъ Локѣткомъ противъ крестоносцевъ, и отдавая дочь свою Альдону за сына его Казимира, далъ ей въ приданое 24,000 польскихъ плѣнниковъ. Въ 1315 году, Витенесъ убитъ громомъ. Русскіе лѣтописцы выводятъ его происхожденіе отъ Полоцкихъ князей роду св. Владиміра.

Со вступленіемъ на престолъ Гедимина, сына Витенесова, началась новая эпоха для всего великаго княжества. Берега Вилии сдѣлались средоточіемъ силъ государства и постояннымъ мѣстопробываніемъ государей, а нападенія рыцарей, опустошавшихъ одни пограничныя области, заводили ихъ нерѣдко во внутренность великаго княжества и самая столица видѣла ихъ не разъ подъ своими стѣнами. Впрочемъ первыя дѣйствія Гедимина противъ меченосцевъ увѣнчаны были блистательными успѣхами. Отразивъ русскихъ князей, напавшихъ на южныя предѣлы государства, и собравъ сильное войско, онъ отправился въ 1318 году противъ рыцарей, которые завладѣли уже большою частію Жмуди. Встрѣтивъ ихъ подъ начальствомъ Генриха Плоцке на берегахъ рѣки Жеймяны близъ курляндской границы, онъ истребилъ многочисленное ихъ ополченіе и отнялъ у нихъ завоеванную часть Жмуди. Непреклонный Плоцке, возобновивъ свои силы и нападеніе, вторгнулся съ многочисленнымъ отрядомъ во глубину Литвы и явился подъ стѣнами Мѣднигъ, тогдашняго мѣстопробыванія великихъ князей. Гедиминъ, окруживъ его со всѣхъ сторонъ и заваливъ

дорогу нарубленными деревьями, истребилъ весь его отрядъ, и Плоцке погибъ на полѣ сраженія. Фохтъ Самбійскій Герардъ Роде сожженъ былъ живой съ конемъ своимъ въ честь литовскимъ богамъ. Уронъ, претерпѣнный орденомъ, удержалъ на два года непріязненныя его дѣйствія противъ Гедимина, который въ продолженіи этого времени обратилъ всѣ свои силы на завоеваніе южной Руси. Въ 1320 г. онъ приобрѣлъ княжества Владимірское и Луцкое, женивъ сына своего Любарта на дочери послѣдняго князя Волынскаго, Владиміра Львовича, а въ 1321 году овладѣлъ Кіевомъ и окрестностями его. Нѣкоторые полагаютъ, что Кіевляне сами пригласили Гедимина, чтобы освободилъ ихъ отъ татаръ, которые, взявъ этотъ городъ въ 1239 году, управляли имъ чрезъ своего намѣстника. Сказаніе это весьма правдоподобно. Русскіе, претерпѣвая одни притѣсненія отъ татаръ и не имѣя надежды получить помощь отъ князей восточной Руси, очень естественно могли обратиться подъ покровительство государя, подъ властію котораго благоденствовали и пользовались свободою вѣроисповѣданія сотни тысячъ ихъ соотечественниковъ, и не чуждались литовскаго народа, съ которымъ имѣли вѣковыя дружелюбныя сношенія. Гедиминъ оставилъ въ Кіевѣ прежній гражданскій порядокъ и законы, обезпечилъ свободу вѣроисповѣданія и права гражданъ и греко-россійской церкви, и не препятствовалъ имъ въ важнѣйшихъ духовныхъ дѣлахъ относиться къ Московскому митрополиту.

Оставивъ въ завоеванныхъ странахъ своихъ намѣстниковъ и гарнизоны, Гедиминъ принялъ титулъ короля Литовцевъ и большой части Руси (*Rex Litwinorum et multorum Russorum*). Распространивъ предѣлы государства, котораго верховные правители имѣли мѣстопребываніе въ Кѣрновѣ, Наусинилле и Новогрудкѣ, онъ предпринялъ основать столицу, соотвѣтственную новому его состоянію. Сначала выбралъ онъ мѣсто своего пребыванія въ старыхъ Трокахъ. Оттуда перенесъ столицу въ новые Троки, гдѣ выстроилъ себѣ на берегу озера новый замокъ. Хотя Стрыйковскій полагаетъ, что новые Троки построены были Гедиминомъ въ 1320 году, но по всей вѣроятности селеніе Троки существовало несравненно прежде. Гедиминъ построилъ только замокъ Новотрокскій, въ которомъ, безъ сомнѣнія, имѣлъ временное пребываніе, когда отправлялся на охоту, а не постоянную

столицу, потому что уже въ 1322 году такою было Вильно, основанное имъ при впаденіи рѣки Вильны (Виленьки) въ Вилію.

На этомъ мѣстѣ, называемомъ долиною Свенторога, съ давняго времени существовало капище, посвященное Перкуну. Тамъ на олтѣ горѣлъ вѣчный огонь — Зничъ. Около капища находились зданія, въ которыхъ устроены были жилища первосвященника (Креве-Кревейто—судья судей,) жрецовъ и храмовой прислуги. На горѣ, находившейся близъ капища и названной *Туровой*, потому что Гедиминъ убилъ на ней тура, построенъ замокъ, украшенный шестиугольною башнею, которой большая часть уцѣлѣла до сихъ поръ. У подошвы горы построенъ другой замокъ, имѣвшій соединеніе съ капищемъ и названный кривымъ городомъ, по причинѣ криваго вида долины, а можетъ быть и потому, что въ стѣнахъ его жилъ креве-кревейто. Гедиминъ далъ большія льготы тѣмъ, кои пожелають строиться въ новомъ городѣ. Множество гражданъ разнаго званія воспользовались дарованными преимуществами и въ короткое время воздвигнуто большое число новыхъ зданій. Болѣе всего оказали въ этомъ отношеніи усердія и дѣятельности русскіе, застроившіе все пространство отъ нынѣшней Большой улицы и ратуши вплошь по Остробрамской улицѣ до заставы, отчего мѣсто это называлось Русскимъ концемъ. Его также называли Острымъ, отъ чего и ворота, находившіяся на концѣ улицы, получили названіе Острыхъ (*Ostra brama*). Нѣтъ никакого сомнѣнія, что русскіе, построивъ столь великое число домовъ въ Вильнѣ, строили и церкви, потому что Гедиминъ покровительствовалъ православному исповѣданію. Хотя лѣтописцы не помѣщаютъ этого обстоятельства въ царствованіе Гедимина, но неменѣе того оно не подвержено никакому сомнѣнію. Благочестивые наши предки, изъ коихъ многіе были зажиточные и даже богатые граждане, селясь во множествѣ въ новомъ городѣ, не могли оставаться безъ дома Божія и удовлетворенія требованіямъ души. Къ тому же лѣтописцы упоминають только о тѣхъ церквахъ, которыя были построены при содѣйствіи лицъ великокняжескихъ фамилій. Такихъ было только четыре: Пречистой Божіей Матери, Пятницкая и два монастыря, св. Троицы и св. Духа, пятая, воздвигнутая княземъ Константиномъ Острожскимъ, св. Николая. Между тѣмъ, какъ въ царствованіе Ягеллоновъ находилось въ Вильнѣ

36 церквей. На это существуют неоспоримыя доказательства: въ письмѣ Иоанна Мелетія къ Давиду Хитрею въ книгѣ подъ заглавіемъ: „*Respublica Moscoviae 1580*,” сказано: „Въ Вильнѣ (рускіе) имѣютъ тридцать церквей... при церкви всегда находится училище.“ Это было уже во времена Стефана Баторія, когда нѣкоторые изъ русскихъ церквей уже не существовали, потому что тогда уже прошло около двухъ сотъ лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ Казиміръ, сынъ Ягайлы, издалъ опредѣленіе, по которому запрещено было возобновлять разрушенныя и починять обветшалыя русскія церкви. При введеніи уніи при Сигизмундѣ III, насильно отнято было у православныхъ и отдано уніатамъ 15 церквей. Это было еще позже. Очень естественно, что между этими церквами были такія, которыя возникли въ царствованіе Гедимины. Наконецъ, 2-я и 3-я жены великаго князя, Ольга и Ева, были русскія; а потому невозможно, чтобы какъ онѣ, такъ и русскія лица, составлявшія ихъ дворъ, не имѣли храмовъ для своего богослуженія.

По приглашенію великаго князя поселилось въ Вильнѣ множество Нѣмцевъ, преимущественно ремесленниковъ и торговцевъ, и, можетъ быть, нѣмецкіе законы, коими управлялись въ Ригѣ, предоставлены были этимъ выходцамъ, ибо слѣды того остались понинѣ. Мѣстные же жители управлялись существовавшими обычаями и состояли подъ начальствомъ *Тіуна*, который при Ягайлѣ уже назывался Городничимъ.

Мудрый и проницательный Гедиминъ, видя недостатки гибельной удѣльной системы, но не могши искоренить ее совершенно, ввелъ феодальную. Въ собственной Литвѣ, гдѣ родъ князей, соединенныхъ узами крови съ царствующею фамиліей совершенно исчезъ, находилось мало вассаловъ. Жмудь, стѣсненная съ двухъ сторонъ крестоносцами и раздѣленная на малыя селенія, имѣла своихъ бояръ, и не отмѣнивъ вполнѣ народнаго правленія, составляла нѣкоторымъ образомъ отдѣльную часть государства. Но обширныя русскія области, пріобрѣтенныя Гедиминомъ и его предшественниками, имѣли своихъ князей, которые, будучи поставлены государемъ въ своихъ удѣлахъ, сдѣлались его ленниками и должны были исполнять, въ отношеніи къ нему, свои обязанности, не только военныя но и гражданскія, въ осо-

бенности касательно наслѣдства и замужства дочерей, чего слѣды видны въ законахъ литовскихъ даже до окончательнаго соединенія съ Польшею.

Гедиминъ, оказывая особенное покровительство христіанамъ православнаго исповѣданія, не пренятствовалъ и западнымъ католикамъ имѣть свои костелы, миссіонеровъ и проповѣдниковъ, даже думаютъ, что онъ построилъ въ Вильнѣ и Новогрудкѣ костелы для вызванныхъ имъ нѣмецкихъ ремесленниковъ и торговцевъ, кои имѣли въ нихъ нужду, но опредѣлительныхъ доказательствъ на это нѣтъ. Будучи выше своего вѣка, Гедиминъ постигъ недостатки идолослуженія и предвидѣлъ его упадокъ, но не оставлялъ еще явно идолопоклонства, находя въ немъ жизненную силу своихъ единомысленниковъ, которую еще болѣе возбуждали и укрѣпляли насилія крестоносцевъ. Новая опасность, угрожавшая Литвѣ, заставила его, по примѣру Миндовга, возобновить сношенія съ Римомъ. Въ 1322 году папа Іоаннъ XXII, по наущенію крестоносцевъ издалъ буллу, которою приглашалъ западныхъ христіанъ къ крестовому походу противъ Литвы. А потому, чтобы навсегда преградить крестоносцамъ путь къ нападенію, Гедиминъ, по совѣту рижскаго архіепископа и всего литовскаго духовенства, написалъ изъ Вильна 26 мая 1323 года письмо къ папѣ, въ которомъ, жалуясь на обиды крестоносцевъ, доказывалъ, что борьба съ ними никогда не имѣла цѣлью ниспроверженія христіанской вѣры, но только защиту отъ ихъ насилій. Въ доказательство приводилъ всѣ свои дѣйствія, свидѣтельствовавшія о покровительствѣ имъ христіанъ въ его государствѣ, а наконецъ готовность принять крещеніе со всѣмъ народомъ и признать верховную власть папы. Но въ послѣдствіи времени, выведенный изъ терпѣнія коварствомъ крестоносцевъ, отказался отъ подписи посланныхъ по этому предмету писемъ. Въ томъ же году отправлены Гедиминомъ письма въ Ганзейскіе города Любекъ, Ростокъ, Штральзундъ, Штеттинъ и другіе, которыми приглашалъ онъ въ Литву тамошнихъ ремесленниковъ, земледѣльцевъ и воиновъ, съ предоставленіемъ имъ разныхъ льготъ и преимуществъ, съ обезпеченіемъ ихъ личной безопасности и неприкосновенія собственности, и съ правомъ управляться рижскими гражданскими законами.

Сближеніе Гедимина съ Римомъ обнаружило настоящіе виды кресто-

носцевъ. Желая не просвѣтить, а поработить Литву, подобно Пруссакамъ и Ливонцамъ, они сами ставили непрерывныя преграды къ такому сближенію. Чувствуя, что съ принятіемъ крещенія Литвою, существованіе ихъ, какъ не нужное, должно будетъ прекратиться, старались ожесточить язычниковъ противу Рима, и не смотря на угрозы папы, возобновили нападенія на области Гедимины, который съ своей стороны платилъ имъ взаимно нападеніями и опустошеніями. Обстоятельство это было поводомъ перваго союза Литвы съ Польшею, которой тогдашній король Владиславъ Локѣтокъ, опасаясь одинаково какъ рыцарей, такъ и литовцевъ, желалъ найти въ послѣднихъ могущественныхъ союзниковъ противъ ордена.

Въ 1325 году послы Владислава прибыли въ Вильно, прося у Гедимины руки дочери его Альдоны для сына Владислава, Казимира, и вмѣстѣ для заключенія оборонительнаго союза противу крестоносцевъ. Гедиминъ принялъ оба предложенія. Альдона, крестившись подъ именемъ Анны, отправилась въ Польшу и привела съ собою 24 т. польскихъ плѣнниковъ, которымъ отецъ ея возвратилъ свободу. Изъ этого видно, что Польша сдѣлала первый шагъ къ сближенію съ Литвою, что къ этому склонила ее опасность отъ сосѣдства ордена, и что она имѣла болѣе довѣренности къ языческому государю и народу, нежели къ единовѣрному и духовному обществу.

Съ тѣхъ поръ начались военные дѣйствія обоихъ государей противъ ордена и его союзниковъ. Крестоносцы понесли огромныя потери; но иногда при благопріятныхъ обстоятельствахъ распространяли опустошенія до столицы Гедиминовой. Въ 1328 году они взяли Гродно, замокъ Онкаимъ и приблизились къ Мѣдникамъ; а въ 1336 г. произошла славная осада Пилоны или Пулень, гдѣ нынѣ мѣстечко Пунь, на берегу Нѣмана, въ трокскомъ уѣздѣ. Великій магистръ Теодорикъ съ многочисленнымъ войскомъ осадилъ этотъ городъ, въ которомъ укрылись отъ непріятеля 4000 Литовцевъ съ женами и дѣтьми. Не смотря на сильныя приступы Нѣмцевъ и дѣйствія стѣнобитныхъ машинъ, осажденные защищались съ неизвѣрнымъ мужествомъ. Днемъ отражали непріятеля, а ночью исправляли поврежденные укрѣпленія. Уже глубокій ровъ вокругъ замка наполненъ былъ во многихъ мѣстахъ трупами осаждавшихъ. Но число защитниковъ безпрестанно

уменьшалось. Не видя средствъ къ спасенію, и неимѣя надежды дождаться помощи отъ Гедимины, остатки осажденныхъ рѣшились лучше погибнуть, нежели отдаться въ руки Нѣмцамъ. Умертвивъ жѣнь и дѣтей своихъ, бросили тѣла ихъ на огромный костеръ, зажженный посреди замка, потомъ, умерщвляя другъ друга, бросались въ огонь. Одна старая и сильная женщина отрубила головы сту язычникамъ, и потомъ сама лишила себя жизни. Начальникъ замка князь Маргеръ, витязь исполинскаго роста и одаренный необыкновенной силой, защищался еще мужественно со своею стражей, но видя истребленіе ея и самъ будучи покрытъ ранами, бросился въ подземелье, убилъ свою жену и потомъ себя. Крестоносцы, овладѣвъ развалинами замка, сравняли его съ землею.

Въ 1337 году крестоносцы построили замокъ Маріенбургъ въ устьѣ Дубиссы, въ томъ мѣстѣ, гдѣ въ древности находилось Ромнове (священный огонь и жилище крече-кречейты). Спустя нѣкоторое время, они выстроили еще два замка, Фридебургъ и Байернъ, на правомъ берегу Нѣмана ниже Маріенбурга. Старый Гедиминъ, предвидя, что существованіе этихъ замковъ можетъ угрожать важной литовской крѣпости Велонѣ, находившейся между Маріенбургомъ и Байерномъ, рѣшился уничтожить всѣ три укрѣпленныя мѣста. Не смотря на преклонныя лѣта, онъ прибылъ съ сильнымъ войскомъ къ берегамъ Нѣмана въ 1338 году; но при осадѣ Байерна убитъ изъ огнестрѣльнаго оружія крестоносцемъ Тиллеманомъ Шнупахомъ.

Гедиминъ поставилъ великое княжество на степень одного изъ могущественнѣйшихъ государствъ того времени. Сказано было выше, что онъ принялъ титулъ короля Литвы и великой части Руси. И дѣйствительно Русь составляла преимущественную силу его государства. Собственная Литва занимала оба берега нижней Вилии и нижняго Нѣмана до Юрбурга, а оттуда правый берегъ послѣдняго: то есть часть нынѣшнихъ Виленской, Ковенской и Августовской губерній. Все же остальное пространство составляли области: Полоцкая, Витебская, Кривская, Минская, Гродненская, Волынская, Подоліе и Кіевъ. Кто же изъ людей безпристрастныхъ, не зараженныхъ безотчетнымъ ослѣпленіемъ, могъ бы признать эти области иными, какъ не чисто русскими по населенію, языку, нравамъ, обычаямъ? Это то населеніе, вхо-

дя часть отъ часу въ тѣснѣйшія связи съ Литовцами, распространилось и по ихъ собственной землѣ, на которой въ безчисленныхъ мѣстахъ имѣло свои жилища и церкви. Оно пользовалось покровительствомъ и благодѣянiями, на равнѣ съ Литовцами, одного государя. Преданіе, именуя его потомкомъ св. Владиміра, еще болѣе скрѣпляло эту связь. Земли, занимаемыя русскими, обширностію своею превосходили въ 10 кратъ пространство собственно литовскихъ, а народонаселеніе русское было безъ сравненiя многочисленнѣе литовскаго. Къ тому же послѣднее, принявъ языкъ, письмена, нравы и обычаи русскіе, а многіе и православную вѣру, дали рѣшительный перевѣсъ русскому элементу въ государствѣ. Если поименованныя области, по происхожденію жителей, языку, вѣроисповѣданію, ни въ какомъ случаѣ нельзя назвать Литвою, хотя они и принадлежали къ великому княжеству; то съ какою совѣстью, съ какимъ здравымъ смысломъ можно рѣшиться назвать ихъ Польшею? Однакожь имъ дается это названіе не въ одномъ сочиненiи, изданномъ въ наше время. Не понимаю, какъ можно навязывать публикѣ насильно дикое мнѣніе, несогласное съ исторіей и здравымъ смысломъ, и заставлять ее вѣрить тому, чему самъ авторъ во глубинѣ души своей не вѣрить?

Гедиминъ въ началѣ своего царствованiя постигъ пагубныя слѣдствiя удѣльной системы, и для предупрежденiя бѣдственныхъ плодовъ ея ввелъ феодальную. Но предъ смертію своею не устоялъ противъ общаго тогдашняго соблазна и раздѣлилъ государство между сыновьями своими. Онъ сдѣлалъ еще болѣшую погрѣшность, отдавъ Вильно одному изъ меньшихъ сыновей, неспособному Евнутію, и сдѣлавъ его главой государства съ правомъ старшинства надъ братьями. Ольгердъ получилъ княжества Кривское и Витебское; Кейстуть — Троки, Гродно и Жмудь; Монтевидъ — Кѣрновъ и Слонимъ; Наримундъ — княжество Пинское, откуда въ 1333 году призванъ былъ для управленiя Новымъ городомъ, гдѣ и крестился подъ именемъ Глѣба или Василія. Новое доказательство братства между Русскими и Литовцами. Любарту отдано княжество Владимірское на Волыни; а Коріату Новогрудокъ и Волковыскъ.

Для управленiя оставленнымъ въ такомъ состоянiи государствомъ нужны были руки сильнѣе Евнутіевыхъ и умъ обширнѣе. Это вскорѣ

примѣтили Ольгердь и Кейстуть, превосходившіе другихъ брагивъ быстрою ума и прославившіеся еще при жизни отца громкими военными подвигами. Опасаясь, чтобы Литва, вознесенная мудростію и храбростію ихъ отца, не распалась на части, какъ сосѣдственная Русь, они уговорились низложить неспособнаго Евнутія. Въ 1338 году, Кейстуть, ворвавшись ночью въ Вильно, взялъ въ плѣнъ Евнутія и посадилъ его подъ стражу. Вскорѣ прибылъ изъ Крева Ольгердь, занялъ Вильно, и принялъ титулъ великаго князя. Евнутію отданъ во владѣніе Заславъ Минскій.

Царствованіе Ольгерда составляетъ новую славную Эпоху въ Литовской исторіи. Онъ не только сохранилъ но и увеличилъ пріобрѣтеніе своего отца, содержалъ въ подчиненности удѣльныхъ князей и громилъ Татаръ, которые до тѣхъ поръ распространяли одинъ ужасъ въ восточной Европѣ. Ольгердь оказывалъ особенное покровительство жителямъ Вильна. Всѣмъ виленскимъ мѣщанамъ, занимавшимся торговлею, безъ различія вѣроисповѣданій, онъ далъ привиллегію, освобождавшую ихъ отъ пошлинъ въ цѣломъ государствѣ. Множество русскихъ купцовъ поселилось тогда въ Вильнѣ. Въ это то время окончательно обстроены и заселены Русскій конецъ города. Въ этомъ мѣстѣ уже лѣтописцы явственно упоминаютъ о постройкѣ Русскихъ церквей, при содѣйствіи великихъ княгинь. Обѣ жены Ольгерда, Марія княжна Витебская и Юлія Тверская, какъ дочери православной церкви, способствовали всѣми силами къ ея благолѣпію въ Литвѣ. Маріи приписываютъ постройку церквей св. Троицы, св. Духа и Пречистой Божіей Матери. Первые двѣ были деревянныя, послѣдняя каменная и въ послѣдствіи переименована въ митрополитальную. Юлія построила Пятницкую церковь на развалинахъ капища Рагутиса, литовскаго Бахуса. Насупротивъ этой церкви стояла, на углу переулка, другая церковь Успенія св. Николая. На Большой улицѣ противъ нынѣшняго корпуснаго штаба, построена церковь перенесенія мощей св. Николая, гдѣ и теперь находится; а напротивъ ея, на углу Стеклоной и Нѣмецкой улицъ, построены были еще двѣ церкви, истребленныя въ послѣдствіи пожаромъ. За Троицкимъ монастыремъ, близъ Острыхъ воротъ, стояла маленькая церковь св. Николая, а далѣе за городомъ—церковь и кладбище св. Никодима. Такимъ обра-

зомъ на пространствѣ отъ нынѣшней гостинницы Нишковскаго до Острыхъ воротъ находилось 8 русскихъ церквей такихъ, о коихъ сохранились свѣдѣнія въ лѣтописяхъ и преданіяхъ. Это одно можетъ убѣдить въ многочисленности русскаго народонаселенія въ Вильнѣ, и преобладанія православной вѣры.

Несравненно труднѣе было утвердиться въ Вильнѣ римско-католическому исповѣданію, несмотря на то, что оно имѣло могущественнаго покровителя и защитника въ Петрѣ Гаштолдѣ, пользовавшемся особенною милостію и довѣріемъ Ольгерда. Влюбясь въ плѣнницу свою Анну Буцацкую, родомъ Польку, Гаштолдъ хотѣлъ на ней жениться. Плѣнница объявила ему, что выйдетъ за него не иначе, какъ если онъ приметъ христіанскую вѣру по обрядамъ римской церкви. Гаштолдъ на все согласился и, крестившись, вызвалъ 14 Францишкановъ для устройства костела и богослуженія. Онъ далъ имъ помѣщеніе въ своемъ домѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь находится монастырь Бонифратровъ, противъ генераль-губернаторскаго сада. Ненависть Литовцевъ къ католицизму, который крестоносцы хотѣли накинуть имъ насиліемъ, была причиною гибели новыхъ проповѣдниковъ. Въ 1345 году, во время отсутствія Ольгерда и Гаштолда, чернь ворвалась въ убѣжище Францишкановъ, и схвативъ семерыхъ изъ нихъ повлекла въ мѣстное судилище. Ихъ осудили на смерть и на рынкѣ отрубили имъ головы. Другіе семь, успѣвшіе скрыться, пойманы были на горахъ по берегу Виленки, и безъ всякаго уже суда, сброшены съ такъ называемой Лысой горы въ рѣку. По общему водворенію христіанства, поставлены на горѣ въ память этого событія три креста, кои видны и нынѣ. Но Даниловичъ утверждаетъ, что эти три креста поставлены въ исполненіе права Магдебургскаго, предписывающаго ставить кресты при всѣхъ городахъ, которымъ дано это право и которые перешли уже на степень муниципальныхъ христіанскихъ городовъ.

Ольгердъ, по прибытіи въ Вильно, строго наказалъ виновниковъ мятежа и убійства; а Гаштолдъ вызвалъ снова 36 Францишкановъ и помѣстилъ ихъ въ собственномъ домѣ на Пескахъ, близъ источника Вингры, гдѣ въ послѣдствіи построенъ костель Пресвятой Богородицы. Жители Вильна, ненавидя этихъ пришельцевъ, но не смѣя уже сами

напасть на нихъ, употребили хитрость, чтобы избавиться отъ ненавистныхъ гостей. Пользуясь вторичнымъ отсутствіемъ Ольгерда и узнавъ, что недалеко отъ Вильна находился многочисленный отрядъ Татаръ, они тайно дали имъ знать, что во францишканскомъ монастырѣ хранятся несчетныя сокровища, а потому совѣтовали напасть на него, обѣщавъ не препятствовать имъ ограбить его. Получивъ эту вѣсть, Татары ночью напали на монастырь, умертвили всѣхъ Францишкановъ и самого Гаштолда, постригшагося въ монахи. Тогда жители Вильна, кои были приготовлены и вооружены, узнавъ о истребленіи Францишкановъ, напали въ свою очередь на Татаръ, частію перебили ихъ, а частію выгнали изъ города. По прибытіи Ольгерда они оправдались передъ нимъ тѣмъ, что нападеніе Татаръ произошло нечаянно, а потому граждане, хотя не успѣли спасти монаховъ, но перебили и выгнали наѣздниковъ. По свидѣтельству большей части лѣтописцевъ, Гаштолдъ взятъ въ плѣнъ крестоносцами въ Велонѣ и умерщвленъ въ 1364 году.

Совершенно иначе обходились Литовцы съ христіанами православнаго исповѣданія, которые имѣли жилища свои на всемъ пространствѣ Литовской земли, а въ столицѣ населяли большую половину города. Хотя въ 1347 году и произошло преслѣдованіе трехъ первыхъ и послѣднихъ мучениковъ православія въ Литвѣ, но народъ Литовскій вовсе въ немъ не принималъ участія. Это была интрига жрецовъ, которые, видя съ негодованіемъ, что христіанство проникло уже въ чертоги великаго князя и принимается приближенными къ нему лицами, вытребовали ихъ у Ольгерда и предали смерти. Три придворные чиновники Ольгерда. Круглецъ, Михлей и Нижило, будучи обращены въ христіанство духовникомъ великой княгини Маріи, іеромонахомъ Несторомъ, приняли крещеніе подъ именемъ Антонія, Иоанна и Евстафія. Сохраненіе постовъ, предписанныхъ церковью, обнаружило тайну ихъ исповѣданія. Они были взяты подъ стражу и осуждены на смерть. На мѣстѣ страдальческой ихъ кончины великая княгиня построила церковь Пресв. Троицы, въ которой похоронены и прославленныя тѣла ихъ. Ни прежде ни послѣ того, до введенія римско-католической вѣры въ Литвѣ Ягайломъ, православные христіане, не только не терпѣли въ ней никакого преслѣдованія, но пользовались совершенною свободою сво-

его исповѣданія, покровительствомъ государей и искреннимъ сочувствіемъ народа.

Ольгердь и Кейстуть представляютъ въ исторіи рѣдкій примѣръ дружбы и согласія между двумя братьями. Управляя самовластно въ своихъ удѣлахъ, они дѣйствовали единодушно противъ непріятеля. Въ продолженіи 32 лѣтняго правленія Ольгерда, Литва каждый годъ претерпѣвала нападенія отъ крестоносцевъ. Сѣверо-западная часть ея была безпрестанно опустошаема. Города: Ковно, Гродно, Биссены, Велона, были разоряемы и вновь отстраиваемы. Вильно видѣло два раза непріятеля подъ стѣнами своими, и два раза превращено ими въ пепель. Кейстуть, отомщая каждый разъ, за нападенія крестоносцевъ, опустошеніемъ Пруссіи, два раза попадался къ нимъ въ плѣнъ и два раза уходилъ отъ нихъ съ необыкновенною ловкостію и искусствомъ. Но при всемъ томъ крестоносцы не получили никакой существенной пользы отъ своихъ нашествій, а понесли только огромныя потери. Только Жмудъ и Пруссія, въ концѣ царствованія Ольгерда, представляли ужасный видъ запустѣнія. Тамъ не видно было ни городовъ ни деревень; мѣстами только бродили по лѣсамъ разбѣжавшіеся жители.

За то на востокъ и на югъ вліяніе и оружіе Ольгерда приобрѣли ему большія выгоды. Собравъ многочисленное войско, котораго большую часть составляли русскіе, онъ обратился съ нимъ къ Подолію, которое заняли Татары, выгналъ ихъ оттуда, и вслѣдъ за ними проникъ въ Крымъ, истребилъ три татарскія орды, и опустошивъ полуостровъ, возвратился, вѣнчаный славою и обремененный добычею, въ Вильно. Въ это-то время, какъ полагаютъ, онъ привезъ, въ числѣ добычи, взятое въ Корсунѣ изображеніе Божіей Матери, и подарилъ его женѣ своей Маріи. Она отдала его Троицкому Монастырю. Вскорѣ построена была деревянная часовня на Острыхъ воротахъ и въ ней помѣщенъ этотъ образъ, извѣстный и понынѣ подъ названіемъ Остробрамской Божіей Матери.

Здѣсь должно сказать нѣсколько словъ о судьбѣ этого образа, который, какъ все земное, переходилъ чрезъ разныя колеи. Не подвержено никакому сомнѣнію, что образъ этотъ принадлежалъ одной изъ русскихъ церквей. Все пространство отъ Ратуши до Острыхъ воротъ, какъ сказано выше, населено было исключительно русскими

и носило названіе Русскаго конца. На этой улицѣ находилось нѣсколько русскихъ церквей и монастыри, когда еще не было слѣдовъ ни одного католическаго костела, между тѣмъ какъ, до появленія ихъ на этомъ мѣстѣ, образъ и часовня съ давняго времени существовали. Наконецъ самое обьяновеніе ставить часовни съ образами на городскихъ воротахъ сохранилось только въ Россіи. Часовня, въ которой помѣщенъ образъ, о которомъ говорится, была деревяная. Образъ обращенъ лицомъ за городъ, какъ бы навстрѣчу прѣзжающимъ. По той сторонѣ воротъ устроена была узкая деревяная лѣстница, чтобы можно было приблизиться къ образу и ставить при немъ свѣчи, и придѣланы деревянныя дверцы для защиты образа въ ненастное время отъ дождя и снѣга. По введеніи униі, Базиліане, захвативъ великое число церквей отъ православныхъ, завладѣли также Троицкимъ монастыремъ и часовнею на Острыхъ воротахъ. Базиліане, не смотря на большіе доходы монастыря, думая только о собственныхъ матеріальныхъ выгодахъ, вовсе не заботились о томъ, чтобы окружить святыню подобающимъ ей благолѣпіемъ, и оставили въ пренеберженіи часовню. Въ такомъ состояніи она находилась въ 1626 году, когда воздвигнуты были въ сосѣдствѣ съ Острыми воротами костель св. Терезіи и монастырь Кармелитовъ. Базиліане позволяли безпрепятственно Кармелитамъ служить обѣдни предъ иконою и дѣлать въ часовнѣ разныя украшенія.

Въ 1671 г., Кармелиты, собравъ значительную сумму изъ добровольныхъ пожертвованій, построили новую деревянную же, но благовидную часовню, украсивъ ее живописью и приличными надписями. Образъ обращенъ былъ уже лицомъ къ городу. Въ 1715 году, во время сильнаго пожара, отъ котораго большая часть города превращена въ пепель и развалины, сгорѣла и Остробрамская часовня. Кармелиты успѣли спасти образъ и перенести его въ костель. Въ послѣдствіи, собравъ вторично складку отъ множества добродѣтельныхъ дателей, выстроили каменную часовню въ такомъ видѣ, въ какомъ она находится нынѣ, и помѣстили въ ней снова икону. Базиліане смотрѣли равнодушно на дѣйствія Кармелитовъ, и даже рады были, что другіе заботились о обновленіи и украшеніи святыни, и тѣмъ избавили ихъ отъ издержекъ на эти предметы. Но когда они примѣтили, что

число чествующихъ икону, а вмѣстѣ съ тѣмъ и пожертвованія на украшеніе святыни непрерывно умножаются, а чрезъ то и монастырь обогащается часъ отъ часу болѣе, потребовали отъ Кармелитовъ возвращенія иконы Троицкому монастырю, и представили неоспоримыя доказательства, что она искони ему принадлежала. Само собою разумѣется, что Кармелиты не хотѣли уступить. Между двумя орденами завязалось тяжёлое дѣло, которое, переходя чрезъ разныя инстанціи, представлено было наконецъ на разрѣшеніе папѣ. Не было возможности опровергнуть доказательствъ, представленныхъ Базиліянами. А потому, чтобы удовлетворить требованію Кармелитовъ, за которыхъ ходатайство было сильнѣе, а можетъ быть полновѣснѣе, папа придумалъ новое и вовсе не относящееся къ дѣлу положеніе, на которомъ основалъ свое рѣшеніе. Онъ присудилъ оставить часовню въ обладаніи того монастыря, который находится ближе къ Острымъ воротамъ. На основаніи этого рѣшенія часовня и икона Божіей матери остается понынѣ при костелѣ св. Терезіи.

Вліяніемъ, которое Ольгердъ пріобрѣлъ на восточную Русь, онъ обязанъ соперничеству между князьями Тверскимъ и Московскимъ. Покровительствуя тестя своего, князя Тверскаго, Ольгердъ предпринималъ три похода противъ Дмитрія Донскаго и два раза осаждалъ самую Москву. Нападенія крестоносцевъ на Литву принуждали его каждый разъ оставлять своего тестя, котораго непреклонный Дмитрій принудилъ наконецъ смириться. Впрочемъ оружіе Ольгерда распространило его власть и вліяніе въ восточной Руси далѣе Гедимина. Кромѣ владѣній предшественника онъ пріобрѣлъ часть княжества Смоленскаго, княжества Брянское и Сѣверское; князья Ржевскій и Можайскій были введены въ управленіе своими удѣлами его рукою.

По свидѣтельству русскихъ лѣтописцевъ, Ольгердъ, по вступленіи въ бракъ съ Юліаніей Александровной, склоняясь на просьбу ея, принялъ изъ рукъ православнаго духовника крещеніе подъ именемъ Андрея, а передъ смертію облекся въ схимну подъ именемъ Алексѣя. Всѣ сыновья его исповѣдывали православную вѣру, а нѣкоторые изъ нихъ доказали на дѣлѣ усердіе и благодарность Руси, отъ которой приняли лучи божественнаго просвѣщенія. Андрей и Дмитрій Ольгердовичи привели многочисленныя дружины на Куликово поле въ по-

мощь русскимъ князьямъ, и своею храбростію много содѣйствовали къ истребленію мамаяныхъ полчищъ.

Польскіе писатели съ ожесточеніемъ отвергають повѣствованіе о крещеніи Ольгерда, а еще болѣе Ягайлы. Впрочемъ и между ими встрѣчаются люди добросовѣстные, которые, повинувась болѣе внушенію истины нежели страстей, подтверждаютъ сказаніе русскихъ лѣтописцевъ. Ярошевичъ говоритъ утвердительно, что всѣ сыновья Ольгерда крещены по обрядамъ восточной церкви. Въ синоптической таблицѣ польской исторіи Виктора Гельтманна (1863) сказано: Ягайло въ сообществѣ Витовта и братьевъ своихъ прибылъ въ Краковъ 12 февраля 1386 г. Перекрещенный изъ Греческаго въ Латинское исповѣданіе, 14 тогоже мѣсяца, принимаетъ имя Владислава. Наконецъ, нельзя при этомъ случаѣ не обратить вниманія на то, сколько иногда ничтожный клочекъ можетъ бросить свѣта на событія, затмѣваемые дѣписателями по невѣдѣнію или злонамѣренію. По упраздненіи Троцкаго доминиканскаго монастыря, извѣстный историкъ литовскій Федоръ Нарбуттъ, нашелъ въ немъ въ описи вещей, принадлежащихъ монастырю, слѣдующее: Колоколь, подаренный княземъ Огинскимъ, въ составъ котораго вошелъ другой малый разбитый колоколь, вѣсомъ въ 645 фунтовъ, съ слѣдующею надписью: „Се азъ рабъ Божій, Іаковъ Ондрѣевичъ сматерію «своею Уліаною Александрова... В. К. Л. дали есмо сей колоколь у- «лить въ церковь... св... Парас...;“ внизу: 6887, (годъ вступленія на престолъ Ягайлы). Спрашивается, какого великаго князя, сына Юліяніи, должно разумѣть по смыслу этой надписи? Въ это время дѣйствительно вступилъ на престолъ великаго княжества сынъ Юліяніи Ягайло; но это языческое его имя; принятое же при крещеніи въ Краковѣ—Владиславъ. Откуда же взялось имя Іакова? Не возможно вывести изъ того инаго заключенія, какъ согласное съ сказаніемъ русскихъ лѣтописцевъ, что онъ дѣйствительно крещень, прежде въ православную вѣру подъ именемъ Іакова. Мало того.—Этотъ самый клочекъ явственно убѣждаетъ что и Ольгердъ былъ крещень. Кого инаго можно бы разумѣть подъ именемъ Андрѣя отца Іакова какъ не Ольгерда, о которомъ Русскія лѣтописатели явственно говорятъ что онъ принялъ крещеніе подъ этимъ именемъ?

Ольгердъ оставилъ отъ двухъ женъ двѣнадцать сыновей; Кейстуть

имѣлъ шестерыхъ. При столь многочисленномъ потомствѣ можно было опасаться, что Литва распадется на множество мелкихъ владѣній; но счастливыя событія предупредили это раздробленіе. Сильнѣйшіе владѣтели взяли верхъ надъ слабѣйшими и заставили ихъ повиноваться.

По смерти Ольгерда, по принятому обыкновению въ Литвѣ, престоль его принадлежалъ Кейстуту, какъ старшему въ родѣ. Такъ точно происходило и въ Россіи, гдѣ княжили такія же Скандинавскія династіи. Но Кейстутъ, уважая распоряженія Ольгерда, уступилъ Вильно съ великокняжескимъ титуломъ любимому его сыну Ягайлѣ, и даже помогъ ему выгнать Евнутія, домогавшагося этого званія.

Миръ и согласіе господствовало не долго между дядею и племянникомъ. При дворѣ Ягайлы находился одинъ мужикъ, по имени Войдыло. Онъ сперва смотрѣлъ за печеніемъ хлѣба, потомъ исправлялъ должность постельничьяго Ягайлы и подавалъ ему питье. Вскорѣ онъ подольстился своему князю до такой степени, что, получая отъ него милость за милостию, приобрѣлъ въ управленіе Лиду. Наконецъ Ягайло отдалъ ему въ супружество родную сестру свою Марію Ольгердовну, вдову гродненскаго старосты, князя Давида. Войдыло, предвидя, что столь неравное супружество будетъ противно Кейстуту, рѣшился поссорить его съ Ягайлою, чтобы изъ ихъ ссоры извлечь для себя выгоды. Онъ уговорилъ Ягайлу заключить тайный союзъ съ крестоносцами, который уничтожилъ бы перемиріе, заключенное съ обоими князьями на 10 лѣтъ. Договоръ этотъ заключенъ былъ въ Ригѣ 27 февраля 1380 года и возобновленъ 1-го іюня. Ягайло обязался не защищать своего дядю отъ нападенія крестоносцевъ, которые охотно согласились на такой договоръ, надѣясь захватить подъ власть свою цѣлую Жмудь. Рыцарь Куно фонъ Либенштейнъ, бывшій восприемникомъ при св. крещеніи одной изъ дочерей Кейстута, увѣдомилъ его о проискахъ Ягайлы и о заключенномъ договорѣ. Витовтъ, сынъ Кейстута, будучи связанъ съ Ягайлою тѣснѣйшою дружбою, удерживалъ нѣсколько времени отца отъ непріязненныхъ дѣйствій. Но когда Ягайло послалъ съ союзными крестоносцами и свое войско къ Полоцку, чтобы выгнать оттуда Андрѣя Кейстutowича и посадить на его мѣсто брата своего Скиргайлу, Кейстутъ рѣшился наказать его за вѣроломство. Онъ ввелъ хитростию 900 вооруженныхъ Жмудиновъ

въ Вильно, и при содѣйствіи ихъ, сдѣлавъ нечаянное нападеніе на Трокскую заставу, овладѣлъ городомъ и замками. Ягайло, его мать, нѣсколько сыновей Ольгерда и Войдылло взяты въ плѣнъ. Въ замѣтъ найденъ былъ договоръ Ягайлы съ крестоносцами, свидѣтельство коварнаго его поступка съ дядею. Не имѣя возможности оправдаться, Ягайло сложилъ всю вину на Войдыллу, котораго Кейстутъ приказалъ повѣсить на лысой горѣ. Съ Ягайлою дядя обошелся кротко, но отнялъ у него Вильно и главное управленіе Литвою, а отдалъ ему только Крево и Витебскъ, первоначальныя владѣнія его отца. Ягайло не думалъ довольствоваться этимъ удѣломъ и въ тайнѣ изобрѣталъ средства къ отомщенію. Въ 1383 году, во время похода Кейстута противъ Корибута Ольгердовича, князя Сѣверскаго, Ягайло напалъ на Вильно, защищаемое слабымъ гарнизономъ подъ начальствомъ Витовта. При помощи благопріятствовавшихъ ему жителей и городничаго, Гавнула или Гамилона, онъ овладѣлъ городомъ. Витовтъ спасся бѣгствомъ въ Гродно, а Ягайло съ помощію крестоносцевъ взялъ Троки. Кейстутъ, узнавъ о томъ, тотчасъ возвратился, и собравъ подкрѣпленіе на Жмуди, встрѣтилъ племянника между Вильномъ и Троками. Оба войска стояли въ виду одно другаго. Желая будто избѣгнуть кровопролитія, Ягайло предложилъ миръ. Заманивъ въ свой станъ Кейстута и Витовта, онъ отправился съ ними въ Вильно, гдѣ обоихъ объявилъ военно-плѣнными. Кейстутъ отосланъ былъ въ Крево, заключенъ въ подземельѣ, а въ пятый день своего заключенія, по приказанію Ягайлы удушенъ. Тѣло его, по языческому обычаю сожжено въ долинѣ Свенторога. Это былъ послѣдній языческій князь въ Литвѣ. Витовтъ отправленъ былъ подъ сильной стражей въ Крево, гдѣ его безъ сомнѣнія ожидала участь отца; но жена его Анна, которой позволено было посѣщать мужа, переодѣвши его въ платье одной изъ служанокъ своихъ, облегчила ему способъ уйти изъ Крева. Онъ обратился подъ покровительство крестоносцевъ.

Съ тѣхъ поръ началась ожесточенная борьба между Витовтомъ и Ягайлою, продолжавшаяся 8 лѣтъ. Витовтъ нѣсколько разъ уходилъ къ крестоносцамъ и опустошалъ съ ними Литву. Ягайло, опасаясь болѣе коварства крестоносцевъ, нежели Витовта, примирился съ нимъ, отдалъ ему Гродно, Брестъ, Слонимъ, Волковыскъ и другіе города;

но Витовтъ недовольтвовался этимъ, соединился снова съ крестоносцами, два раза осаждалъ столицу Ягайлы, превратилъ городъ и нижній замокъ въ пепель и наконецъ, въ 1391 году, принудилъ Ягайлу отдать ему Вильно съ титуломъ великаго князя. Въ продолженіи этого времени Ягайло, вступивъ въ брачный союзъ съ Ядвигою, дочерью Людовика великаго, получилъ польскую корону, а потому не противился требованію Витовта. Впрочемъ, эти событія входятъ уже въ предѣлы втораго періода.

Оглянемся теперь на нѣсколько времени назадъ, чтобы сдѣлать бѣглый обзоръ успѣхамъ въ Литвѣ русскаго элемента, который началъ съ тѣхъ поръ вѣковую борьбу съ католицизмомъ, обнаружившимъ, съ самаго появленія своего въ великомъ княжествѣ, свое отличительное свойство—нетерпимость. Мы видѣли, что съ востока и юга, русскіе безпрепятственно переселялись въ Литву, и вносили въ нее свой языкъ, вѣроисповѣданіе, нравы и обычаи. Такимъ же образомъ Литовцы переходили въ Русскія области, селились въ нихъ, принимали крещеніе, и сливались съ Русскими въ одинъ народъ. Если случалось, что литовскіе князья вели съ русскими войны, то это ни мало препятствовало сближенію двухъ поколѣній и неослабляло дружелюбныхъ ихъ сношеній. Это было слѣдствіе духа тогдашняго времени. И между русскими князьями, кои соединены были даже узами родства, иногда самаго близкаго, происходили междоусобныя и опустошительныя войны, но они не производили ненависти между жителями ихъ владѣній, кои всегда составляли одинъ Русскій народъ. За то нерѣдко случалось, что Литовцы, видя Русскихъ въ опасности, спѣшили имъ на помощь, какъ братья, и служили имъ ревностно и вѣрно. Мы видѣли старосту гродненскаго, Давида, устремившагося два раза на помощь Псковитянамъ противъ ливонскихъ рыцарей. Андрей и Дмитрій Ольгердовичи содѣйствовали съ такою славою пораженію Мамая на Куликовомъ полѣ. Во время войны Данила Романовича съ Венгерцами, толпы Литовцевъ присоединились добровольно къ его войску и сражались какъ за собственное свое дѣло. Наконецъ, во время нападенія Тохтамыша, Дмитрій Донской поручилъ защиту Москвы Литовскому витязю Остею. Чтобы убѣдиться въ томъ, какъ далеко углубилось русское населеніе внутрь собственной Литвы, довольно взгля-

нутъ на число церквей православныхъ, сооруженныхъ въ отдаленнѣйшихъ концахъ ея. Не говорю о Ятвяго-Русской области, гдѣ еще со времени Ярослава половина жителей была русскаго происхожденія и вѣроисповѣданія и гдѣ въ послѣдствіи, при покровительствѣ государей и безпрерывномъ переселеніи выходцевъ, Русская народность прибрѣла значительный перевѣсъ предъ Литовскою. Не говорю о числѣ церквей въ Вильнѣ, въ которомъ было ихъ болѣе 30, а большую половину жителей составляли русскіе, такъ что еще въ позднѣйшія времена, не смотря на вѣковое ихъ преслѣдованіе католиками, извѣстный своею ненавистію ко всему русскому, Стебельскій, называетъ этотъ городъ *мѣстечкомъ Фотіевой ереси*. Взглянемъ на остальное пространство литовской земли и исчислимъ тѣ церкви, коихъ названія сохранились въ лѣтописяхъ. Въ Новыхъ Трокахъ существовали долго монастырь Благовѣщенскій и двѣ приходскія церкви. Кромѣ того находились, даже по прекращеніи линіи Ягеллоновъ, монастыри: Іеввейскій, въ трокскомъ уѣздѣ, Кронскій въ трокскомъ уѣздѣ, — Кейданскій въ мѣстечкѣ Кейданахъ, Сурдекскій, въ Вилкомирскомъ уѣздѣ, Міорскій, на границахъ Ново-александровскаго и Вилкомирскаго уѣздовъ, наконецъ Подъ-дубинскій почти на концѣ Жмуди, въ нынѣшнемъ Шавельскомъ уѣздѣ. А сколько могло находиться такихъ, о которыхъ не упоминаютъ лѣтописи? Само собою разумѣется, что церкви не могли существовать безъ прихожанъ. А потому можно судить, какъ далеко Русское населеніе распространилось въ Литвѣ, и какъ близко было сліяніе обоихъ поколѣній въ одинъ народъ. Скажемъ въ этомъ мѣстѣ словами польскаго лѣтописца (Jaroszewicz, *Obraz Litwy* Т. II, str. 7) „Еслибъ такое теченіе дѣлъ продлилось еще нѣкоторое время, то Литва, присвоивъ себѣ Русскій языкъ, Русскіе обычаи, частію и Русское законодательство, принимая Русское вѣроисповѣданіе съ духовною Русской церкви властію, и вступая часть отъ часу въ тѣснѣйшія сношенія съ цѣлою Русью, посредствомъ семейныхъ связей своихъ князей, — Литва, говорю, перемѣнилабы современемъ свою Литовско-языческую въ христіанско-Русскую народность.“ Этому-то естественному, непридуманному соединенію двухъ поколѣній положилъ главное препятствіе и умедлилъ его на нѣсколько вѣковъ Ягайло, вовлекшій Литву въ противный ей союзъ съ Польшею, какъ то увидимъ въ слѣдующемъ періодѣ.

П Е Р І О Д Ъ П.

*Отъ перваго соединенія Литвы съ Польшею до Люблинскаго създа
въ 1569 году.*

По смерти Людовика великаго, терзаемая беспорядками и смятеніями Польша, увидѣла себя наконецъ безъ короля. На престолѣ ея находилась молодая дочь Людовика, королева Ядвига. Выборъ ея долженствовалъ дать Польшѣ короля. Впрочемъ и этотъ выборъ не зависѣлъ отъ собственной ея воли, а должно было утвердить его согласіемъ народныхъ представителей. Поляки не хотѣли соединяться съ Нѣмцами, которыхъ не терпѣли. Зѣмовитъ князь мазовецкій добивался руки Ядвиги, но Поляки боялись его жестокости и злодѣяній. Также отринуть былъ ими Владиславъ князь Опольскій, по причинѣ вѣроломнаго поступка его съ Людовикомъ и пристрастія къ Нѣмцамъ. Вильгельмъ Австрійскій обрученъ былъ Ядвигѣ въ малолѣтствѣ, воспитывался вмѣстѣ съ нею и болѣе всѣхъ былъ ею любимъ; но онъ имѣлъ весьма мало приверженцевъ въ Польшѣ. Вниманіе всѣхъ обращено было на Ягайлу, владѣтеля обширнаго сосѣдственнаго государства, который и Русскія югозападные области могъ присоединить къ Польшѣ. Не менѣе того въ пользу его говорила благочестивая идея распространенія христіанства между язычниками. Такимъ образомъ существенную нужду въ этомъ соединеніи двухъ государствъ имѣли Поляки, а не Ягайло, для котораго могли служить приманками только рука молодой прекрасной государыни и королевская корона. Правда, что Ягайло чувствовалъ недостатки язычества, видѣлъ ослабленіе власти и вліянія жрецовъ и безпрестанно думалъ о соединеніи своего народа узами христіанства съ остальными частями Европы. Но для этого не было надобности вступать въ соединеніе съ Польшею, съ которою народъ его не имѣлъ ничего общаго, и навязывать ему Римское исповѣданіе, которое, приводя ему безпрестанно на память рыцарей, возбуждало въ сердцахъ Литовцевъ ненависть и ожесточеніе. Несравненно благоразумнѣе было бы идти путемъ предшественниковъ, ограничась однимъ покровительствомъ православнаго исповѣданія, съ которымъ Литовцы

свыклись, и которое такъ непринужденно и быстро проникало и распространялось по ихъ отечеству. Литва сдѣлалась бы христіанскою безъ всякихъ насильственныхъ потрясеній, а что еще важнѣе, спаслась бы отъ тѣхъ безчисленныхъ бѣдствій, кои были слѣдствіемъ продолжительной и ожесточенной борьбы между двумя исповѣданіями, возбужденной и поддерживаемой римскимъ духовенствомъ.

Но жребій Литвы на этотъ разъ былъ брошень. Въ 1385 году Ягайло отправилъ посольство въ Краковъ съ предложеніемъ руки своей королевѣ Ядвигѣ. Предложеніе это было принято королевою и всѣми польскими вельможами. Ягайло обѣщаль принять крещеніе со всѣмъ своимъ народомъ и соединить оба государства. Онъ обѣщаль даже болѣе нежели могъ привести въ исполненіе, а именно: обратить все русское населеніе въ великомъ княжествѣ въ Латинскую вѣру. Неудивительно, что благочестивой королевѣ и польскимъ сановникамъ было по душѣ такое намѣреніе языческаго государя; но удивительно то, что монашескій римско-католическій орденъ противу-поставилъ ему упорное сопротивленіе. Магистръ Конрадъ Цольнеръ представилъ это обстоятельство западной Европѣ въ видѣ самомъ неблагопріятномъ для христіанства, предсказывая упадокъ его въ самой Польшѣ и гибель католической церкви. Онъ призываль со всѣхъ сторонъ рыцарей и ратниковъ подъ знамя креста, для защиты угрожаемой опасностію вѣрѣ, при чемъ не щадилъ обѣщаній и даровъ. Многочисленное войско, прибывшее изъ разныхъ государствъ, собралось въ Кенигсбергѣ 1385 года. Великій магистръ повелъ его къ Ковну.

Не обращая вниманія на запрещеніе и даже угрозы папы, крестоносцы начали опустошительную войну съ Ягайлою. Переправясь черезъ Вилію близъ Ковна, они ограбили и опустошили Трокскую область, и прошедъ мимо Вильна, приблизились къ Мѣдникамъ. Узнавъ, что Ягайло, Витовтъ и Скиргайло заняли своими войсками всѣ мѣста, удобныя къ переправѣ черезъ Вилію, они послѣшно обратились къ Нѣману и найдя близъ Румшишегъ оставленные ими суда, перебрались на лѣвый берегъ и ушли въ Пруссію, не получивъ никакой пользы отъ своего нашествія.

Освободясь отъ крестоносцевъ, Ягайло въ сопровожденіи Витовта, четырехъ братьевъ и нѣсколькихъ литовскихъ сановниковъ прибылъ

въ Краковъ. 12-го февраля 1386 года онъ принялъ крещеніе. Въ тотъ же день произошло бракосочетаніе его съ Ядвигою, а на четвертый день послѣ крещенія онъ коронованъ какъ польскій король. Въ 1387 году онъ отправился съ женою въ Литву для распространенія въ ней той вѣры, которую самъ исповѣдывалъ. Зная хорошо образъ мыслей и наклонности Литовцевъ, онъ рѣшился прежде всего убѣдить ихъ въ бессиліи мнимыхъ боговъ. Для этого велѣлъ ниспровергнуть языческіе алтари и идоловъ, истребить священныхъ змѣй и гадовъ, вырубить рощи и распустить жрецовъ. Потомъ собранъ былъ для принятія крещенія народъ, который, видя, что боги не мстятъ за нанесенное имъ оскорбленіе, не прекословилъ волѣ великаго князя. Самъ Ягайло переводилъ Литовцамъ слова польскихъ миссіонеровъ. Для возбужденія въ народѣ желанія креститься, Ягайло приказалъ выдавать всѣмъ новокрещеннымъ по бѣлому суконному кафтану и по красной обуви. Чтобы воспользоваться нѣсколько разъ этимъ даромъ, иные крестились по два и по три раза. Крестили вдругъ цѣлую толпу, и всѣмъ находившимся въ ней давали одно имя. Совершая такимъ образомъ крещеніе, въ короткое время окрестили 30,000 человекъ. Впрочемъ и въ этомъ случаѣ можно утвердительно сказать, что принятіе въ Литвѣ введеннаго Ягайлою христіанства не было вполнѣ искренно. Простой народъ, и то только въ верхней Литвѣ, повиновался волѣ великаго князя и слѣдовалъ его примѣру. Жмудъ еще болѣе 50 лѣтъ съ ожесточеніемъ противилась введенію новаго вѣрованія; наконецъ почти вся высшая литовская аристократія приняла христіанскую вѣру по обрядамъ восточнаго исповѣданія и слушала литургію на славянскомъ языкѣ (Linde o stat. lit. str. 21).

Въ Вильнѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ во времена язычества горѣлъ неугасаемый огонь *Зничи* передъ Кумиромъ *Перкуна*, основанъ каедральный костель св. Станислава. Ягайло основалъ виленское епископство и первымъ епископомъ назначенъ былъ Андрей Василло. вмѣстѣ съ тѣмъ обезпечено было содержаніе четырехъ прелатовъ и восьми канониковъ. Съ этой цѣлью Ягайло подарилъ капитулу нѣсколько значительныхъ имѣній въ окрестностяхъ Вильна.

Съ принятіемъ римско-католической вѣры Ягайло послѣдовалъ за стремленіемъ свойственнаго ей духа нетерпимости. Еще не прошло

года со времени крещенія жителей Вильна, а уже начались первыя предвѣстія тѣхъ преслѣдованій, которыя, усиливаясь безпрестанно, терзали русское населеніе, въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ. 22-го февраля 1387 года Ягайло издалъ манифестъ, въ которомъ объявилъ, что далъ клятвенное обѣщаніе привести все народонаселеніе великаго княжества къ одной римско-католической вѣрѣ и подчинить папскому престолу. А потомъ лишилъ русскихъ всѣхъ преимуществъ, коими пользовались католики; запретилъ бракъ между лицами разныхъ исповѣданій, развѣ только если лице восточнаго исповѣданія пріиметь западное. Если же такія лица вступятъ въ бракъ, не перемѣнивъ своего исповѣданія, то не разлучать ихъ, а всѣми силами склонять и принуждать непринужденнаго къ римской церкви, испремѣнно къ ней присоединиться, употребляя для успѣшнаго достиженія этой цѣли даже тѣлесныя наказанія. Можетъ быть изданіе этаго манифеста внушило русскимъ лѣтописцамъ сказаніе о жестокомъ преслѣдованіи русскихъ и насильственномъ обращеніи ихъ въ *Латынство* Ягайлою.

Впрочемъ этотъ манифестъ, какъ свидѣтельствуютъ неоспоримые историческіе факты, былъ обнародованъ, но не приведенъ въ исполненіе. Множество русскихъ князей и бояръ, занимавшихъ важныя мѣста на поприщѣ государственнаго управленія, и большая часть собственно-литовской аристократіи, принявшая православную вѣру, защищали ее усердно и дѣятельно. Знаменитый Витовтъ, принявшій въ руки свои власть въ Литвѣ, при жизни Ягайлы, являлся болѣе покровителемъ нежели противникомъ православія. Свидригайло, явно благопріятствовалъ Руси и восточному вѣроисповѣданію. Въ царствованіе потомковъ Ягайлы, хотя и обнаруживались слѣды нетерпимости и пристрастія къ католичеству, но открытаго преслѣдованія небыло, а примѣръ великаго князя Александра, вступившаго въ бракъ съ дочерью Іоанна III, которая осталась вѣрною своему исповѣданію до самой смерти, свидѣтельствуется явно, какъ мало заботились о исполненіи манифеста Ягайлы. Рѣшительный перевѣсъ латынства и явное преслѣдованіе православія начались съ возшествіемъ на престолъ Сигизмунда III и усилились со времени введенія Уніи.

По водвореніи католицизма въ Литвѣ, тотчасъ возникли споры и несогласія между двумя исповѣданіями. Западные католики основыва-

ли преимущество свое на томъ, что исповѣданіе ихъ провозглашено господствующимъ, а восточные, что еще прежде 1387 года большая половина Вильна исповѣдывала христіанскую вѣру по обрядамъ греческой церкви и имѣла своихъ мучениковъ Ольгердовыхъ временъ.

Ягайло далъ городу Вильну, по образцу главнѣйшихъ польскихъ городовъ нѣмецкое городское право, вообще называемое Магдебургскимъ. По этому праву выбираемъ былъ горожанами, изъ среды ихъ, бургомистръ и члены войтовскихъ судовъ, которые судили исключительно однихъ виленскихъ жителей. Поселившіеся на землѣ, принадлежавшей замку, капитулу, костеламъ, епископу, не пользовались магдебургскимъ правомъ. Наконецъ на мѣщанъ возложена обязанность защищать оба виленскіе замка. Ягайло помѣстилъ въ обоихъ замкахъ польскіе гарнизоны и оставилъ намѣстникомъ Литвы Скиргайлу.

Управление этого князя не представляло ничего благопріятнаго для Литвы. Сидя въ Трокахъ, онъ не обращалъ вниманія на Вильно, не занимался распространеніемъ христіанской вѣры, не поддерживалъ промышленности ни торговли, впрочемъ тайно благопріятствовалъ русскимъ и ихъ вѣроисповѣданію. Но предаваясь часто пьянству, употреблялъ во зло власть свою и по неосновательнымъ подозрѣніямъ и доносамъ осуждалъ на смерть приближенныхъ и друзей своихъ. Ягайло, не довѣряя ему и опасаясь ссоры его съ Витовтомъ, отправилъ для охраненія виленскихъ замковъ польскій гарнизонъ подъ начальствомъ Москоржевскаго.

Съ этого то времени Витовтъ составилъ предначертаніе овладѣть Вильномъ и вступилъ въ новую борьбу съ Ягайлою. Послѣ разныхъ неудачныхъ предначертаній, онъ обратился къ крестоносцамъ, которые рады были каждому случаю, доставлявшему имъ возможность грабить и опустошать Литву. Собравъ огромную армію и соединясь съ ливонскими рыцарями, крестоносцы взяли Ковно, сожгли Троки и приблизились къ Вильну. Скиргайло, хотѣвшій остановить ихъ успѣхи, разбить былъ въ кровопролитномъ сраженіи за Верками. Наконецъ Вильно было осаждено. Все народонаселеніе его скрылось въ кривой городъ, или нижній замокъ, въ которомъ начальствовалъ Казиміръ Коригайло. Не смотря на отчаянное сопротивленіе, замокъ взятъ. Около 14,000 жителей и съ ними Коригайло погибли отъ непріятельскаго меча. Витовтъ и крестоносцы приетушили къ верхнему замку. Москоржевскій,

отражая всѣ ихъ усилія, держался нѣсколько недѣль. Недостатокъ въ сѣстныхъ припасахъ въ станѣ крестоносцевъ и вѣсть о приближеніи Ягайлы съ польскимъ войскомъ, заставили осаждающихъ удалиться. Витовтъ отступилъ въ Самогицію. Ягайло по прибытіи въ Вильно смѣнилъ неспособнаго Скиргайлу, давъ ему въ управленіе Кіевъ, а начальство надъ замками поручилъ Яну Олесницкому. Москоржевскій возвратился въ Польшу.

Витовтъ не думалъ отказаться отъ своего намѣренія и на слѣдующій годъ снова явился подъ стѣнами Вильна, соединясь съ крестоносцами, коими начальствовалъ Конрадъ Валленроде. Олесницкій для удобнѣйшей защиты замковъ, сжегъ въ городѣ и тѣ строенія, кои уцѣлѣли отъ разоренія во время послѣдняго нападенія. Крестоносцы расположились огромнымъ станомъ между францишканскимъ монастыремъ и кривымъ городомъ. Удачная вылазка Олесницкаго, въ которой онъ истребилъ великое множество крестоносцевъ, и приближеніе Скиргайлы съ новыми силами, заставили Валленрода возвратиться въ Пруссію. Въ Вильнѣ не осталось ничего, кромѣ пепла и развалинъ, посреди которыхъ возвышались почернѣвшіе отъ дыму два замка.

Послѣднія два нападенія на Вильно вполне убѣдили Ягайлу въ невозможности бороться съ Витовтомъ. Еще въ 1391 году, онъ отправилъ къ Витовту въ качествѣ посла Генриха, князя Мазовецкаго, который предложилъ ему, отъ имени короля, Вильно съ титуломъ великаго князя, подъ условіемъ, чтобы онъ навсегда прервалъ сношенія съ крестоносцами, не стараясь отторгать Литвы отъ Польши и оставаясь всегдашнимъ ея союзникомъ. Витовтъ принялъ эти предложенія въ Риттервердерѣ (Ковнѣ), гдѣ тогда находился, тайно ушелъ отъ крестоносцевъ, овладѣлъ нечаянно построеннымъ нѣмцами замкомъ Меттенбургомъ на Нѣманѣ, и истребивъ въ засадѣ сильный нѣмецкій отрядъ, посланный за нимъ въ погоню, прибылъ въ торжествѣ въ Вильно. Вскорѣ самъ Ягайло пріѣхалъ съ Ядвигою въ литовскую столицу и подтвердилъ условія, предложенныя Генрихомъ. Въ 1392 году Витовтъ вмѣстѣ съ супругою своею коронованъ былъ на великое княжество въ костелѣ св. Станислава.

Витовтъ обратилъ въ то время все свое вниманіе на возобновленіе разоренной столицы, далъ новыя преимущества переселенцамъ

сбиралъ разбѣжавшихся жителей и оказывалъ имъ всевозможную помощь при постройкѣ ихъ жилищъ.

Витовтъ, принявъ въ сильныя руки свои управленіе великимъ княжествомъ, безпрестанно помышлялъ о томъ, чтобы сдѣлать его могущественнымъ и самостоятельнымъ. Князя, управлявшаго особенными удѣлами и не хотѣвшаго ему повиноваться, выгнаны были изъ своихъ владѣній, въ которыя Витовтъ послалъ своихъ намѣстниковъ. Крестоносцы, предпринявшіе противъ него новый походъ, потеряли около тридцати тысячъ человѣкъ и принуждены были заключить съ нимъ миръ. Наконецъ Свидригайло, желая овладѣть Витебскомъ, увеличилъ только могущество своего соперника. Витовтъ, разбивъ и взявъ его въ плѣнъ, присоединилъ къ великому княчеству Витебскъ, Друцкъ и Оршу. Такимъ образомъ онъ составилъ себѣ обширную и сильную державу. Не смотря на договоръ съ Ягайломъ, Витовтъ, не оказывая ему явнаго сопротивленія, управлялъ великимъ княжествомъ совершенно отдѣльно и независимо. Онъ принималъ и угощалъ великолѣпно короля во время посѣщенія имъ Вильна, посылалъ ему богатые дары, но въ дѣйствіяхъ своихъ не давалъ ему отчета и безъ его вѣдома предпринималъ отдаленнѣйшіе походы, имѣя въ виду собственную свою пользу.

Въ 1397 году, Витовтъ, разбивъ Татаръ подъ Азовымъ, перевелъ цѣлый ихъ улусъ въ Литву и поселилъ ихъ на рѣкѣ Вагѣ въ 12-ти верстахъ отъ Вильна. Онъ позволилъ имъ также поселиться въ самой столицѣ и выстроить мечеть на предмѣстіи Лукишкахъ. Войны и преслѣдованія значительно уменьшили число Татаръ въ Вильнѣ, остались только въ немъ памятники ихъ существованія—Татарскія ворота и татарская улица.

Витовтъ, думая постоянно объ отдѣленіи Литвы отъ Польши, хотѣлъ обезпечить себя со стороны восточной Руси. Для этого поддерживалъ дружелюбныя сношенія съ княземъ Тверскимъ и выдалъ дочь свою Софію за великаго князя Московскаго Василя Дмитріевича, наконецъ, полагаясь слишкомъ много на свое счастье, предпринялъ исплинскій подвигъ, надѣясь властвовать надъ Золотою ордою. Покровительствуя Тохтамышу, низверженнаго Тамерланомъ, онъ хотѣлъ возвести его на престолъ въ Сараѣ. Но въ 1399 году былъ на голову разбитъ Едигѣемъ при Воркслѣ и убѣжалъ съ остаткомъ войска съ по-

ля сраженія. 125 тысячъ человекъ пало съ обѣихъ сторонъ на полѣ битвы; въ числѣ ихъ находилось 80 русскихъ князей, такъ какъ самую многочисленнѣйшую часть Витовтовыхъ ратниковъ составляли русскіе. Въ томъ же самомъ году возникъ страшный пожаръ въ Вильнѣ, который истребилъ почти весь городъ. Сгорѣли кафедральный костель и домъ великаго князя.

Сколь ни чувствительны были такія несчастія для Витовта и его государства; но геній его въ короткое время нашель средства загладить слѣды пораженія и пожара, и сдѣлалъ его снова грознымъ и опаснымъ для сосѣдей. Съ Тамерланомъ заключенъ миръ. Монгольскій владыка прислалъ Литовскому князю богатые дары, въ числѣ коихъ находились 27 прекрасныхъ лошадей и верблюды. Городъ былъ отстроенъ, такъ что не осталось слѣдовъ опустошительнаго пожара.

Въ это время умерла королева Ядвига. Ягайло, опасаясь, чтобы со смертію ея не лишиться польской короны, рѣшился укрѣпить, по крайней мѣрѣ въ глазахъ Поляковъ, соединеніе Литвы съ Польшею. Въ 1400 году, прибывъ въ Вильно, онъ сдѣлалъ новый уговоръ съ Витовтомъ, по которому Литва и Польша должны составлять одно государство, обоимъ народамъ жить въ согласіи и исповѣдывать одну вѣру. Витовтъ объявленъ только пожизненнымъ владѣтелемъ, а по смерти его верховная власть должна была возвратиться къ королю. Витовтъ согласился на эти условія единственно потому, чтобы этимъ новымъ договоромъ навсегда уничтожить записи, сдѣланныя имъ нѣкогда въ пользу крестоносцевъ. Впрочемъ онъ цѣнилъ и уважалъ одинаково какъ тѣ такъ и другія условія, потому что ни тѣхъ ни другихъ не исполняли буквально. Договоръ 1400 г. не утвердилъ соединенія Литвы съ Польшею. Много еще должно было устранить препятствій и одолѣть сопротивленія, пока послѣдній изъ потомковъ Ягайлы не успѣлъ привести этого дѣла окончательно въ исполненіе.

Въ 1403 Витовтъ овладѣлъ Смоленскомъ.

Наконецъ наступила эпоха рѣшительнаго ослабленія ордена, который съ тѣхъ поръ началъ видимо клониться къ паденію. Свидригайло, удаленный отъ участія въ управленіи Литвою, старался подвигнуть снова крестоносцевъ противу Ягайлы и Витовта. Послѣдній, чувствуя, что существенную силу его державы составляютъ русскія области, мало

заботился о собственно литовскихъ, въ особенности отдаленныхъ областяхъ; а потому легко обезоружилъ своихъ противниковъ, уступивъ имъ въ 1404 году Жмудь и надѣясь, также легко, при благоприятѣйшихъ обстоятельствахъ, отнять ее. И дѣйствительно, по прошествіи шести лѣтъ, Нѣмцы потеряли навсегда это приобрѣтеніе по своей неосторожности и корыстолюбію. Въ 1408 году въ Литвѣ случился голодъ. Ягайло выслалъ изъ Польши 20 судовъ съ хлѣбомъ для вспомоствованія Литовцамъ. Крестоносцы, рассчитывая, что Литовцы будутъ покупать у нихъ хлѣбъ во время голода, захватили эти суда, подъ предлогомъ, что въ нихъ находилось оружіе, и несмотря на требованія Ягайлы, не хотѣли возвратитъ ихъ; а вмѣстѣ съ тѣмъ задержали литовскихъ купцевъ въ Рагнетѣ. Съ обѣихъ сторонъ начали приготовляться къ войнѣ. Витовтъ, взбунтовалъ Жмудь, выгналъ оттуда Нѣмцевъ, а въ 1410 году, соединясь съ Ягайлою, разбилъ ихъ на голову подъ Грунвальдомъ. Это былъ смертельный ударъ, нанесенный могуществу ордена. Магистръ Ульрихъ фонъ Юнингень, погибъ на мѣстѣ сраженія съ множествомъ союзныхъ князей и знатныхъ рыцарей. Орденъ былъ бы доведенъ до высочайшей степени униженія, еслибы побѣдители умѣли пользоваться побѣдою. Но Витовтъ, опасаясь слишкомъ усилитъ Ягайлу, и нежелая гибели ордена, въ которомъ могъ найти, въ случаѣ нужды, помощь противу Польши, оставилъ короля, подъ предлогомъ возникшихъ болѣзней въ войскѣ, и возвратился въ Вильно. Въ 1411 году заключенъ миръ, по которому Жмудь присоединя оная къ владѣніямъ Витовта.

Не смотря на частыя посѣщенія Вильна Ягайлою и дѣланные ему Витовтомъ великолѣпные приемы, между двумя государями существовало согласіе только наружное, а въ самомъ дѣлѣ не было искренности и довѣрія. Поляки безпрестанно опасались, и не безъ причины, чтобы Литва совершенно не отдѣлилась отъ Польши. Для укрѣпленія соединенія обоеихъ народовъ положено слѣдать въ Городлѣ на Бугѣ съѣздъ, на который созваны были всѣ литовскіе князья, бояре, и другія знатнѣйшія лица. На этомъ то съѣздѣ въ 1413 году составленъ былъ извѣстный Городельскій актъ, коимъ даны Литвѣ совершенно польскія учрежденія, литовскіе дворяне превращены въ шляхту, и получили польскіе гербы. Съ тѣхъ поръ Польша набрасывала Литвѣ все свое: законы, управленіе, обы-

чай, языкъ, не оставляя ей ничего отечественаго, не сообразуясь съ нуждами края, но заставляя ее соображаться съ чуждыми для ней законами. Заведено новое чиновноеположеніе. Явились воеводы, каштеляны и проч. Первымъ виленскимъ воеводой и старостою жмудскимъ былъ Кѣжтайло.

Актомъ Городельскимъ даны большія преимущества римскому духовенству. Епископы получили мѣста въ сенатѣ, который вмѣстѣ со шляхтою обоихъ народовъ имѣлъ право выбирать царствующаго, съ общаго согласія. Учреждены земскіе суды по образцу польскихъ. Общимъ сеймамъ надлежало собираться въ Люблинѣ или Парчевѣ. Право достигать высшихъ степеней въ государствѣ и даже занимать высшія государственныя должности предоставлено было однимъ римскимъ католикамъ. Эта послѣдняя статья, какъ и всѣ распоряженія Ягайлы по предмету нетерпимости, не была приведена въ исполненіе. Православные, составляя несравненно многочисленнѣйшую часть населенія въ великомъ княжествѣ, пользовались покровительствомъ Витовта, который, подписывая уговоры съ Ягайлою, вовсе не думалъ о ихъ исполненіи, въ особенности если они были противны справедливости, пользамъ государства и его собственнымъ выгодамъ.

По возникшему несогласію съ Московскимъ митрополитомъ Фотіемъ, Витовтъ, созвавъ въ Новогрудокъ на соборъ Русскихъ епископовъ Полоцкаго, Черниговскаго, Луцкаго, Владимірскаго, Туровскаго и Хелмскаго, въ 1416 г. предложилъ имъ избрать особаго митрополита западной Руси. Въ этотъ санъ избранъ былъ Григорій Симвлакъ родомъ Булгаринъ, который избралъ мѣстопробываніемъ своимъ Вильно, и наименовалъ Церковь Пречистой Божіей Матери митрополитскою. Этотъ смѣлый шагъ доказываетъ, сколько Витовтъ старался о томъ, чтобъ ничто не выходило изъ подъ его власти и вліянія. Впрочемъ по смерти Симвлака въ 1420 году, церкви Западной Руси опять перешли подъ вѣдомство Фотія, который послѣ свиданія съ Витовтомъ, объѣзжалъ всю страну и дѣлалъ распоряженія какъ митрополитъ.

Городельскій актъ неутвердилъ соединенія съ Польшею великаго княжества; Витовтъ управлялъ имъ самовластно, не относясь ни въ чемъ къ Ягайлѣ, а при наслѣдникахъ его произошли явныя противудѣйствія этому соединенію, какъ то увидимъ ниже.

Устроивъ обширное и могущественное государство, Витовтъ рѣ-

шился открыто привести въ исполненіе давно-обдуманное имъ намѣреніе утвердить его самостоятельность. Еще болѣе желалъ отдѣленія его отъ Польши императоръ Сигизмундъ и подалъ Витовту мысль искать королевской короны, обѣщая содѣйствовать къ тому всѣми силами. Витовтъ принялъ съ восхищеніемъ эту мысль и рѣшился во что-бы то ни стало осуществить ее. Напрасно нѣкоторые приписываютъ внушеніе этой мысли честолюбію или пустому тщеславію. Королевская корона не увеличила бы ни власти его, ни оказываемыхъ ему почестей; кътому же онъ имѣлъ тогда уже 80 лѣтъ и не имѣлъ потомства. Желая пріобрѣсть королевскій титулъ, онъ искалъ пользы государства, которому, обезпечивъ самостоятельное существованіе, могъ бы, какъ король, назначить наслѣдника по своему усмотрѣнію. Для этой цѣли онъ назначилъ съѣздъ въ Луцкъ, на который прибыли Императоръ, великій князь Московскій, митрополитъ Фотій, Ягайло съ семействомъ и множество иностранныхъ владѣтелей и почетныхъ лицъ. Витовтъ принималъ и угощалъ ихъ великолѣпно. Всѣ усилія, какъ Витовта, такъ и Императора клонились къ тому, чтобы вынудить у Ягайлы согласіе на коронованіе Витовта. Но Ягайло, подстрекаемый непрерывно поляками, упорно противился этому намѣренію и наконецъ, не простившись съ Императоромъ, выѣхалъ изъ Луцка.

Сигизмундъ, имѣя безпрестанно въ виду войти въ тѣснѣйшую связь съ Витовтомъ, успокоилъ его, обѣщавъ ему выслать въ непродолжительномъ времени корону и грамоту на королевское достоинство. Витовтъ домогался еще согласія Польши на сеймахъ въ Корчинѣ и Сендомирѣ, но, не получивъ желаемого отвѣта, самовольно назначилъ день своей коронаціи въ Вильнѣ 16 сентября 1430 года. Корона и грамота дѣйствительно высланы были ему Императоромъ. Но поляки, не имѣя уже возможности преклонить убѣжденіемъ Витовта отказаться отъ своего намѣренія, рѣшились прибѣгнуть къ насилію. Познанскій подкоморій Чариковскій перехватилъ на дорогѣ корону и грамоту. Въ Вильнѣ все уже было приготовлено къ коронаціи, на которую съѣхались великій князь Московскій, князья Тверской, Одоевскіе и множество другихъ князей Русскихъ и Татарскихъ, и также магистръ Прусскій. Но вдругъ пришла вѣсть о поступкѣ Чариковскаго, а вслѣдъ за тѣмъ прибылъ и Ягайло. Напрасны были всѣ усилія Витовта, Ягайло остался непрекло-

нень и не далъ своего согласія. Огорченный этимъ Витовтъ впалъ въ тяжкую болѣзнь и по прошествіи 14 дней умеръ 27-го октября въ Трокахъ.

Витовтъ, пріобрѣвъ и заслуживъ неоспоримо титуло героя своего времени, распространилъ предѣлы своего государства и обогатилъ его; но не могъ утвердить его самостоятельности и воспрепятствовать его паденію, къ которому видимо клонило его соединеніе съ Польшей. Агтъ Городельскій сдѣлался источникомъ величайшихъ безпорядковъ въ управленіи, перешедшихъ изъ Польши въ Литву. Безпорядки эти, умножаясь постепенно, произвели наконецъ въ Литвѣ, также какъ и въ Польшѣ, настоящую анархію, которая вовлекла оба государства въ неизбежную погибель. Витовтъ безъ сомнѣнія постигъ ошибку Ягайлы, и неимѣя возможности воспрепятствовать дѣйствіямъ Городельскаго съѣзда, старался по крайней мѣрѣ въ послѣдствіи, посредствомъ пріобрѣтенія королевской короны, положить основаніе отторженію Литвы отъ Польши. Не удивительно, что Ягайло, опасаясь лишить себя и потомковъ своихъ вліянія на Литву, противился всѣми силами намѣреніямъ Витовта. Но сопротивленіе это не доставило преемникамъ Ягайлы вождѣнныхъ плодовъ. По смерти Витовта несогласія между двумя народами возобновились. Благоразумные государственные люди въ Литвѣ, видя въ этомъ соединеніи одно только угожденіе тщеславію поляковъ и предчувствуя пагубныя его слѣдствія для своего отечества, употребляли всевозможныя усилія къ ускоренію и утвержденію разрыва.

По смерти Витовта Свидригайло, поддерживаемый русскими, получилъ преимущество передъ всѣми соискателями и заставилъ Ягайлу вѣнчать его на великое княжество.

Во время управленія Свидригайлы обнаружилась явственно настоящіе виды поляковъ на Литву. Самыя первыя ихъ дѣйствія доказали, что они, подобно крестоносцамъ, желали не присоединенія Литовцевъ, а присоединенія ихъ земель, владѣчества надъ ихъ страной. Вскорѣ по вступленіи Свидригайлы въ управленіе Литвою, поляки, безъ вѣдома короля, захватили крѣпости въ Подольи и выгнали оттуда литовскіе гарнизоны. Раздраженный этимъ поступкомъ, Свидригайло грозилъ Ягайлѣ темницею, если онъ не возвратитъ Литвѣ захваченныхъ подольскихъ городовъ. Ягайло обѣщаль исполнить это требованіе, и по возвращеніи въ Польшу далъ соотвѣтственныя тому приказанія. Но поляки не

слушали своего короля, а посланнаго Свидригайлою для принятія захваченныхъ мѣстъ Михаила Бабу посадили подъ стражу. Тогда Свидригайло, собравъ сильное войско, выступилъ противъ поляковъ и овладѣлъ Подольемъ. Поляки напали на Волынскую область, сожгли Луцкъ, и стѣснили осадою замокъ. Спрашивается послѣ этого: какое значеніе имѣлъ Городельскій актъ и вообще то соединеніе Литвы съ Польшею, которое приписываютъ Ягайлѣ, когда два по видимому соединившіеся народа должны были прибѣгнуть къ оружію, чтобы расправиться за несправедное похищеніе владѣній однимъ у другаго? Мы будемъ имѣть случай встрѣтить не одно доказательство ничтожности Городельскаго акта и примѣры рѣшительнаго сопротивленія Литовцевъ этому соединенію, съ какимъ они отстаивали самостоятельность своего отечества въ продолженіи 180 лѣтъ.

Удивительно, что польскіе писатели и прежнихъ и нашего времени, имѣя эти неоспоримые факты передъ глазами, рѣшаются увѣрять публику, что соединеніе двухъ народовъ произошло добровольно, не принужденно, съ согласія обѣихъ сторонъ! Еще удивительнѣе, что нынѣшніе просвѣщенные Литовцы, коихъ самыя прозванія свидѣлствуютъ явственно о ихъ происхожденіи, вѣрятъ этому сказанію, или стараются увѣрять и другихъ и себя въ истинѣ его!!

Ягайло, опасаясь запальчиваго нрава Свидригайлы, а еще болѣе особеннаго его благорасположенія къ русскимъ, которые содѣйствовали ему всѣми силами, рѣшился противопоставить ему соперника. Онъ призвалъ Сигизмунда, брата Витовта, князя Стародубскаго, обѣщавъ возвести его на великокняжескій престолъ и прислать ему на помощь польскія войска, чтобы выгнать Свидригайлу; но предложилъ ему слѣдующія условія: возобновить соединеніе Литвы съ Польшею, управлять Литвою только пожизненно, безъ распространенія этого права на сына его, Михаила, не принимать королевской короны и отдать по смерти своей Волынь Польшѣ. Напрасно Юрій Бутримъ, богатый и благоразумный Жмудинъ, имѣвшій большой вѣсъ въ государствѣ, сильно противился соединенію двухъ народовъ. Его заставили молчать и условія были подписаны.

Съ тѣхъ поръ началась кровавая и опустошительная распря между двумя соперниками. Счастіе клонилось то на ту, то на другую сторону.

Города Вильно, Троки, Гродно, Опшяна, Лида и другіе погибли въ пламени. Въ продолженіи этой борьбы Ягайло умеръ въ 1434 году, доведя упрямствомъ своимъ Литву до самаго ужаснаго положенія. Междоусобная война покрыла ее пепломъ и развалинами и истребила многія тысячи жителей. Сигизмундъ, чтобъ утвердиться на престолѣ, долженъ былъ уступить полякамъ Луцкъ, и обязать присягой Виленскаго воеводу, что онъ, въ случаѣ смерти великаго князя, никому не отдастъ Виленскихъ замковъ кромѣ короля или его законнаго наслѣдника. Эти условія оказались въ послѣдствіи также ничтожными, какъ и Городельскій актъ.

Сигизмундъ одолѣлъ наконецъ своего соперника, но освободясь отъ него, обнаружилъ подозрительный и склонный къ жестокости нравъ, который принужденъ былъ скрывать во время борьбы съ Свидригайломъ. Будучи еще къ тому корыстолюбивъ, онъ подъ самымъ ничтожнымъ предлогомъ велѣлъ брать подъ стражу богатѣйшихъ гражданъ, казнилъ ихъ, и имущество ихъ забиралъ въ казну. Многочисленные его лазутчики и угодники, разсѣянные по всему государству, доставляли безпрестанно новыя жертвы его корыстолюбію и жестокости. Никому не было пощады, на кого падало подозрѣніе или поданъ былъ доносъ. Наконецъ разнеслась вѣсть, что Сигизмундъ намѣренъ созвать на съѣздъ въ Троки всѣхъ знатнѣйшихъ вельможъ, и, умертвивъ ихъ, отдать ихъ мѣста своимъ любимцамъ. Вѣсть эта встревожила всю Литовскую знать, которая составила противъ него заговоръ. Князь Иванъ Чарторійскій, сынъ Любарта Гедиминовича, съ воеводами виленскимъ и трокскимъ, проникнувъ въ Трокскій Замокъ, въ вербное воскресенье 1440 года умертвили Сигизмунда. Сынъ его Михайлъ спасся бѣгствомъ.

По смерти Ягайлы вступилъ на Польскій престолъ сынъ его Владиславъ. Еслибы Городельскій актъ и заключаемая съ Ягайлою условія имѣли какую нибудь силу, то назначеніе правителя Литвы зависѣло бы исключительно отъ новаго короля. Между тѣмъ литовскіе епископъ и вельможи, не относясь вовсе къ Польшѣ, встрѣтили прибывшаго въ Вильно Казимира, брата Владиславова, съ торжествомъ повели его въ костель св. Станислава и провозгласили великимъ княземъ. Напрасны были жалобы прибывшихъ съ нимъ поляковъ, представлявшихъ, что такой поступокъ противенъ акту соединенія обоихъ народовъ. Ни-

кто не хотѣлъ ихъ слушать, и они принуждены были вскорѣ оставить Вильно. Изъ этого ясно видно, какими глазами Литовцы смотрѣли на предназначенія Ягайлы. Въ 1444 году Казимиръ издалъ привилегію, которою объявилъ Вильно главою Литовскихъ городовъ, вѣроятно, чтобы сравнять его въ правахъ и преимуществахъ съ Краковомъ, столицей Польши. Это доказываетъ, до какой степени старались о сохраненіи самостоятельности Литвы сами великіе князья, пока не были избираемы въ Польскіе короли.

Въ продолженіи трехъ лѣтъ Польша и Литва управляемы были двумя особенными государями, независимыми другъ отъ друга. Въ 1443 году Владиславъ погибъ на сраженіи съ Турками подъ Варною. Около двухъ лѣтъ Поляки не могли рѣшиться на выборъ короля, а Казимиръ, не заботясь о дѣлахъ Польши, управлялъ самостоятельно и отдѣльно Литвою. Наконецъ въ 1445 году прибыли въ Вильно Польскіе послы, призывая Казимира на престолъ его брата. Казимиръ долго противился этому предложенію, наконецъ, на собравшейся для этого предмета сеймъ въ Піотрковѣ 1446 года, отправилъ шестерыхъ пословъ, которые объявили, что Казимиръ довольствуется великимъ княжествомъ Литовскимъ и не ищетъ Польской короны.

Опасаясь слѣдствій продолжительнаго междуцарствія, Поляки рѣшились отдать престолъ Болеславу князю Мазовецкому, если Казимиръ будетъ долѣе уклоняться отъ его принятія. Это обстоятельство заставило наконецъ Казимира рѣшиться удовлетворить ихъ желанію. Опасаясь, чтобы Болеславъ, сдѣлавшись королемъ Польскимъ, не оказаль помощи шурина своему Михаилу Сигизмундовичу, и не содѣйствовалъ ему къ достиженію великокняжескаго престола, Казимиръ принялъ Польскую корону.

Но Казимиръ, сдѣлавшись Польскимъ королемъ, поставилъ себя въ весьма затруднительное положеніе. Ставъ нѣкоторымъ образомъ посредникомъ и даже судіею между двумя враждовавшими народами, ему невозможно было угодить одной сторонѣ, не оскорбивъ другой. Согласить же ихъ притязанія не было средства.—А потому царствованіе его представляетъ рядъ непрерывныхъ распрей и ссоръ на сеймахъ, на которыхъ ничего не было рѣшено опредѣлительно, и только умножалось неудовольствіе обѣихъ сторонъ.

Въ 1448 году на сеймѣ, созванномъ въ Люблинѣ, произошли жаркіе споры между Поляками и Литовскими уполномоченными. Первые домогались присоединенія Подолія къ Польшѣ; Литовцы сильно противились этому. Наконецъ, для прекращенія спора, Поляки предложили, чтобы Литву включить въ составъ Польскаго государства, и тѣмъ обладаніе Подолія сдѣлать общимъ обоимъ народамъ. Это ожесточило Литовцевъ до высочайшей степени. Громко жалуясь на измѣну, послы разошлись, назначивъ для разрѣшенія этого спора сеймъ въ Новогрудкѣ. Между тѣмъ въ 1449 году напали на Подольскую область Татары. Поляки, полагая, что это сдѣлалось по наущенію Литовцевъ, обвиняли короля въ бездѣйствіи и равнодушіи къ судьбѣ королевства, и на сеймѣ въ Пиотрковѣ требовали отъ него присяги, что онъ не будетъ помогать Литвѣ къ возвращенію Подолія и Волыни и не дозволитъ присоединять ихъ къ великому княжеству. Это открыло глаза Казимиру. Онъ явственно убѣдился, что Поляки хотятъ не присоединить Литву, а завладѣть ею совершенно, а потому отказался отъ всякаго содѣйствія въ этомъ дѣлѣ, а предоставилъ его собственному разрѣшенію обоихъ народовъ. Но разрѣшеніе это, откладываемое съ одного сейма на другой, ожесточало только ненависть между Литовцами и Поляками. Три года прошли въ бесполезныхъ спорахъ. На созванномъ въ 1451 году сеймѣ въ Вильнѣ не сдѣлано также никакого опредѣлительнаго постановленія, потому что ни одна ни другая сторона не хотѣла сдѣлать никакой уступки, а на предположенный сеймъ въ Брестѣ Литовцы не явились.

Въ томъ же 1451 году въ первый разъ въ Литвѣ празднуемъ былъ юбилей, учрежденный въ западной церкви. Множество народа прибыло со всѣхъ частей государства въ столицу. Папа Юлій II, далъ право Кракову, Вильну и Гітѣзну пользоваться индульгенціей, сопряженной съ празднованіемъ юбилея, котораго обрядъ совершаемъ былъ въ костелѣ Св. Станислава. Тамъ поставленъ былъ сундукъ для собирація денегъ отъ тѣхъ, кои хотѣли удостоиться отпущенія грѣховъ. Каждый такой обязанъ былъ положить въ сундукъ четвертую часть той суммы, какая нужна была на дорогу въ Римъ и пребываніе въ немъ въ продолженіи 15 дней.

Вскорѣ послѣ того, на созванномъ сеймѣ въ Парчовѣ, несогласія

между послами Литвы и Польши довели вражду между обоими народами до высочайшей степени. Поляки хотѣли задержать Литовскихъ пословъ и включить насильно Литву въ составъ королевства. Литовскіе послы, узнавъ о томъ, тайно выѣхали изъ Парчева. Негодование быстро распространилось по всей Литвѣ. Гаштольдъ, Монвидъ, Кѣжгайло, Монгѣрдовичъ бросили гербы, данные ихъ фамиліямъ на Городельскомъ съѣздѣ, въ знакъ совершеннаго разрыва съ Поляками. Между тѣмъ въ 1452 году умеръ Свидригайло, а Литовцы заняли удѣлъ его Луцкъ. Это съ другой стороны ожесточило Поляковъ, которые осмѣлились даже оскорбить на сеймѣ короля упреками, что онъ пренебрегаетъ дѣлами Польши, ѣздитъ только на охоту, забавляется и благопріятствуетъ Литовцамъ болѣе, нежели тѣмъ, которые избрали его на свой престолъ. Вслѣдъ за тѣмъ сзываютъ были сеймъ за сеймомъ для разъясненія спора за Подолье и Волынь, но не принесли никакой пользы.

Въ 1454 году несчастная война съ Орденомъ увеличила бѣдствіе государства. Король, претерпѣвъ совершенное поражение въ битвѣ при Хойницахъ, съ величайшимъ трудомъ спасся бѣгствомъ. Воспользовавшись этимъ, Гаштольдъ, непримиримый врагъ Поляковъ, склонилъ Литву къ явному возстанію. Король, желавшій мѣрами кротости примирить обѣ стороны, возбудилъ противъ себя негодование обѣихъ. Литовцы называли его Полякомъ, — Поляки Литовцемъ. Наконецъ Литовцы, негодуя на его нерѣшительность, хотѣли возвести вмѣсто его на великокняжескій престолъ князя Кіевскаго Симеона Омельковича. Заговоръ противъ Казимира составили Гаштольдъ, князь Юрій Острожскій и нѣкто Александръ Юрьевичъ, возведенный Казимиромъ изъ низкаго состоянія на знатную степень въ государствѣ. Прибытіе короля въ Вильно устршило заговорщиковъ. Одинъ только Гаштольдъ, не смотря на то, что былъ оставленъ прочими, осмѣлился явиться къ Королю въ качествѣ посла народа, и требовать избранія особеннаго великаго князя Литвѣ. Броженіе умовъ въ великомъ княжествѣ было всеобщее; въ особенности Русь, составлявшая самую большую часть его народонаселенія, съ горестію смотрѣла на привязанность короля къ католикамъ, и равнодушіе его къ оказываемымъ ей притѣсненіямъ, по части вѣроисповѣданія. Король не рѣшался при-

нять строгихъ мѣръ противъ Гаштольда и его сообщниковъ и оставилъ ихъ вину безъ наказанія, опасаясь всеобщаго возмущенія. Безпокойства въ Литвѣ и стремленіе къ возведенію на престолъ Симеона продолжались до 1459 года, то есть до смерти Гаштольда. Наконецъ въ 1471 году умеръ и Симеонъ Олельковичъ, и Казимиръ, опасаясь вліянія его фамиліи на Русь, удалилъ сына его Василя отъ наслѣдованія удѣломъ, и послалъ въ Кіевъ Мартына Гаштольда въ званіи воеводы. Съ тѣхъ поръ начинается рядъ Кіевскихъ воеводъ, управлявшихъ этимъ городомъ.

Въ продолженіи этого времени нѣсколько разъ сзываемы были съѣзды въ разныхъ городахъ для разрѣшенія вопросовъ о соединеніи двухъ народовъ и обладаніи Подоліемъ и Волынью, но оставались также безуспѣшными, какъ и предидущіе.

Въ 1471 году, издано первое уложеніе въ Литвѣ, извѣстное подъ названіемъ Судебника Казимира, написанное, какъ и всѣ прочіе государственные акты въ Литвѣ, на русскомъ языкѣ. Уложеніе это, конечно, было недостаточно для удовлетворенія всѣхъ нуждъ государства; но Литва сдѣлала уже первый, важный шагъ на этомъ поприщѣ, и преемники Казимира довершили похвальное его дѣло.

Въ томъ же году произошло событіе, которое сильно польстило самолюбію Казимира, но ни ему ни его государству не принесло никакой пользы. Въ Новгородѣ произошло памятное въ Русской исторіи возмущеніе противъ Іоанна III Василевича. Извѣстная посадница Марѳа Борецкая, овладѣвъ умами своихъ соотечественниковъ, внушила имъ мысль отторгнуться совершенно отъ Москвы и покориться Казимиру на тѣхъ условіяхъ, на которыхъ управляли ими великіе князья Московскіе. Составлена была грамота съ изясненіемъ правъ и обязанностей Казимира въ отношеніи къ республикѣ и отослана королю, который обязался присягою исполнить все, въ ней заключавшееся. Но какъ Новгородцы требовали вспомогательнаго войска для отраженія Іоанна, рѣшившагося силою обуздать ихъ своевольство, а Казимиръ, занятый внутри государства волненіями умовъ, и несогласіями между двумя подвластными ему народами, а извнѣ войною съ Орденомъ, не имѣлъ возможности удовлетворить ихъ желанію; то присланная къ нему грамота обличила только неосновательность республики и безсиліе короля. Бы-

стрый и рѣшительный въ дѣйствіяхъ своихъ Іоаннъ, двинувъ сильную рать къ Новгороду принудилъ вече покориться на всю его волю, и оставилъ Казимиру одинъ только стыдъ принятія несбыточнаго намѣренія.

Равнодушіе Казимира къ судьбѣ православной Руси, которой Римское духовенство начало дѣлать разныя притѣсненія, вывело изъ терпѣнія пограничныхъ владѣльцевъ и было причиною большихъ потерь, понесенныхъ Литвою при Казимирѣ, и еще болѣе при его преемникахъ. Князья Сѣверскіе: Ольшанскій, Михаилъ Олельковичъ и Федоръ Бѣльскій, правнуки славнаго Ольгерда, недовольные Казимиромъ, рѣшились поддаться, съ своими удѣлами, Іоанну III, великому князю Московскому, который въ то время сдѣлалъ исполинскіе успѣхи въ восточной Руси, и быстро возводилъ государство свое на высокую степень могущества и славы. Намѣреніе ихъ было открыто. Два первые схвачены, и Казимиръ, увлекшись несвойственною ему строгостію, приказалъ умертвить ихъ. Бѣльскій на другой день послѣ свадьбы своей, оставивъ юную супругу, убѣжалъ въ Москву, и будучи принятъ благосклонно Іоанномъ, получилъ во владѣніе городъ Демонъ. Польскій историкъ Кроммеръ описываетъ это происшествіе слѣдующимъ образомъ: „Князья Сѣверскіе, пріѣхавъ въ Вильно, хотѣли видѣть короля; но стражъ не дозволилъ имъ войти во дворецъ и, прихлопнувъ одному изъ нихъ дверью ногу, сломалъ ему палецъ. Казимиръ осудилъ на смерть этого воина; но не могъ укротить тѣмъ злобы князей. Считаая себя несносно обиженными, и давно имѣя разныя досады на Литовское правительство, къ нимъ неблагосклонное за иновѣріе, они поддались Московскому государю.“

„Незачѣмъ“, говоритъ одинъ изъ новѣйшихъ польскихъ историковъ (Kraszewski, Wilno. Т. 1 стр. 162—3) „искать причины отторженія Русскихъ князей отъ Литвы въ столь мелочныхъ обстоятельствахъ. Въ продолженіи всего царствованія Казимира Русь смотрѣла на него съ неудовольствіемъ. Его окружало Католическое духовенство, которое производило въ немъ отвращеніе отъ Руси, или умножало число непріятелей себѣ и королю неумѣстнымъ обращеніемъ Русскихъ въ католичество. Главнѣйшую причину такого отторженія

составляло стѣсненіе свободы вѣроисповѣданія, другую не менѣе важную вліяніе ненавистныхъ поляковъ. Можно судить въ какомъ положеніи находилась Русь Литовская изъ того, что намъ извѣстно о церквахъ въ Вильнѣ. Церкви эти были ветхи, бѣдны, клонившіяся къ разрушенію, деревянныя, — священники жили въ нуждѣ, народъ былъ бѣденъ. Запрещено было строить новыя церкви въ Вильнѣ. Можно ли было смотрѣть на все это спокойнымъ окомъ, и непредвидѣть, что вліяніе Латинскаго духовенства подымется далѣе во глубину края. По этой то причинѣ всѣ князья православнаго исповѣданія переходили мало по малу на сторону Москвы, которая, со времени смерти Витовта, достигала исполинскими шагами могущества и славы. Такъ, еще прежде Бѣльскаго, перешелъ къ Московскому государю князь Василій Воротынскій, а послѣ, около 1490 года, князь Иванъ Перемышльскій и Иванъ Бѣлевскій съ братьями Андреемъ и Василюемъ, безъ всякихъ иныхъ причинъ, кромѣ единства вѣры, языка, происхожденія, считая судьбу свою неразрывною съ судьбою Россіи. Они не могли согласиться съ Латинскою Литвою, обнаруживавшею часть отчасу менѣе вѣротерпимости, не имѣя съ нею никакого узла соединенія. Напротивъ того, разница въ вѣроисповѣданіяхъ, при наущеніи духовенства, начала уже возрождать ту неприязнь между двумя народами, одинаковаго происхожденія, которая могла повлечь за собою столь продолжительныя и страшныя послѣдствія.“

Въ 1481 году Казимиръ заключилъ союзъ съ Ахматомъ, послѣднимъ ханомъ Золотой орды, чтобы вмѣстѣ дѣйствовать противъ Іоанна III, отказавшагося отъ платежа дани Татарамъ. Но Ахмать, расположась съ многочисленнымъ войскомъ на берегахъ рѣки Угры, тщетно ожидалъ помощи Казимировой. Въ это самое время Крымскій ханъ Менгли-Гирей, вѣрный союзникъ Іоанна, напалъ на Литву, а великій князь Московскій отправилъ сильный отрядъ войскъ во внутренность Золотой орды для опустошенія ея. Ахмать, узнавъ о томъ, обратился для защиты собственныхъ владѣній, которымъ угрожала опасность, но на дорогѣ войско его истреблено ханомъ Тюменскимъ, и самъ Ахмать погибъ. Со смертію его, владычество Татаръ надъ Россією кончилось.

Въ 1485 году прибылъ въ Вильно князь Тверской Михаилъ Борисовичъ. Будучи лишенъ своихъ владѣній Иоанномъ III, онъ предложилъ королю присоединеніе княжества Тверскаго къ Литвѣ, если онъ поможетъ исторгнуть его изъ рукъ Иоанна. Польскіе историки увѣряютъ, что Казимиръ, будучи уже старъ, не хотѣлъ принять этого предложенія, сколько оно ни обѣщало выгодъ Литвѣ. Но гораздо вѣроятнѣе, что Казимиръ не могъ исполнить желанія Михаила. Судьба Новагорода убѣдительно доказала ему его безсиліе; а потому онъ, весьма благоразумно, не хотѣлъ подвергаться новымъ безпокойствамъ и опасностямъ, необѣщавшимъ никакого успѣха.

Въ 1492 году Казимиръ, забавляясь охотою въ окрестностяхъ Трогъ, опасно заболѣлъ и умеръ въ Гроднѣ 25 іюня.

Казимиръ оставилъ по себѣ нѣсколькихъ сыновей. Трое изъ нихъ занимали по смерти его престолы въ Литвѣ и Польшѣ; четвертый, Казимиръ, посвятивши себя совершенно благочестію, велъ труженническую жизнь и по смерти своей, западною церковью, причисленъ къ лику святыхъ. Будучи воспитанъ въ римско-католическомъ духѣ, онъ простеръ свою благочестивую ревность за предѣлы христіанской любви. Склонясь на просьбу его, отецъ его издалъ привилегію, которою запретилъ строить новыя Православныя Церкви и починять ветхія. Во время пожаровъ, опустошавшихъ часто Вильно, многія православныя церкви сгорѣли. А какъ по силѣ упомянутой привилегіи ихъ нельзя было возстановлять, то въ продолженіи двухъ столѣтій число такихъ церквей значительно уменьшилось. Въ послѣдніе годы существованія Уніи, въ Вильнѣ находился одинъ только Св. Духовскій Монастырь съ принадлежавшею къ нему теплою Благовѣщенскою церковью, да военноподданная церковь въ домѣ военнаго губернатора. Остальныя или разрушились или захвачены были Уніатами.

Тотчасъ по смерти Казимира Литовскіе князья и сановники, пріѣхавъ въ Вильно, рѣшились выбрать великаго князя безъ участія Польши, не смотря на многократныя повторенія этого условія. Такъ какъ сынъ умершаго короля, Александръ, находился тогда въ Вильнѣ, то прибывъ къ нему все вмѣстѣ, отвели его въ костель Св. Станислава, и тамъ Виленскій епископъ Адальбергъ Таборъ вѣнчалъ его на ве-

ликое княжество, а князья, вельможи и всѣ присутствовавшіе присягнули ему въ вѣрности.

Между тѣмъ Поляки выбрали королемъ другого сына Казимирова, Іоанна Альбрехта, къ которому Александръ въ дѣлахъ правленія вовсе не относился, и Литва, до смерти Іоанна, составляла совершенно отдѣльное государство, не смотря на съезды въ Парчевѣ и Вильнѣ, на которыхъ хотѣли утвердить актъ соединенія. На этихъ съездахъ только спорили и ссорились, и Литовцы, день ото дня видя яснѣе настоящіе намѣренія Поляковъ, каждый разъ выходили изъ собранія съ сильнѣйшимъ противъ нихъ ожесточеніемъ.

Александръ чувствовалъ, что для прочнаго благоденствія или по крайней вѣрѣ для спокойствія Литвы, нужно обезпечить себя со стороны восточной Руси, чрезвычайно усилившейся и управляемой мудрымъ и дальновиднымъ государемъ. Онъ отправилъ въ Москву Станислава Глѣбовича для предупрежденія непріязненныхъ дѣйствій, и вмѣстѣ съ тѣмъ для предложенія руки его одной изъ дочерей Іоанна Васильевича. Царь Московскій не противился этому предложенію, и потому отправлены новые послы, которые, именемъ великаго князя, уступили Іоанну нѣсколько городовъ и страну до береговъ Угры. По устраненіи разныхъ препятствій и разъясненіи недоумѣній брачный договоръ былъ подписанъ и дочь Іоанна, Елена, въ сопровожденіи своего двора и многочисленнаго посольства, прибыла въ Вильно.

Но Александръ не умѣлъ пользоваться выгодами, которыя могло пріобрѣсти его государство отъ союза съ могущественнымъ сосѣднимъ монархомъ. Внушенія Римскаго духовенства, смотрѣвшаго съ негодованіемъ на бракъ его съ православною княжною, дѣйствовали на недальновидный умъ и слабый его характеръ столь сильно, что, увлекшись духомъ нетерпимости, онъ выпустилъ изъ виду благо своихъ подданныхъ и собственное семейное счастье. Въ заключенномъ по этому предмету съ Іоанномъ договорѣ, который Александръ подтвердилъ клятвою, послѣдній обязался дать полную свободу вѣроисповѣданія Еленѣ, никогда не принуждать ее къ перемѣнѣ его, и устроить для ней православную церковь въ замкѣ. Не смотря на то, вопреки христіанской клятвѣ, онъ не исполнилъ своего обѣщанія, а черезъ то по-

вергъ свое государство въ продолжительную войну, въ которой Литва понесла еще болѣе потерь нежели при Казимирѣ.

Впрочемъ встрѣча Еленѣ сдѣлана была со всеѣмъ великолѣпнѣмъ, приличнымъ ея сану и предназначенію. Александръ выслалъ знатнѣйшихъ чиновниковъ привѣтствовать ее на пути, и самъ встрѣтилъ ее за три версты отъ города съ многочисленною свитою князей и другихъ Литовскихъ сановниковъ, и оттуда проводилъ ее въ городъ посреди безчисленной толпы народа, желавшаго взглянуть на торжественный вѣздъ будущей своей государыни. Русскіе священники и монахи, съ крестами, образами и зажженными свѣчами встрѣтили великую княжну у дверей церкви Пречистой Божіей матери, въ которую она прежде всего заѣхала. Тамъ они отслужили молебень, по окончаніи котораго начались свадебные обряды по Русскому обычаю. Жены Русскихъ бояръ расплели ей косу, надѣли на голову кигу съ покрываломъ, осыпали ее хмѣлемъ, и повели къ жениху въ Кафедральный костелъ, гдѣ вѣнчаль ихъ Виленскій епископъ Адальбертъ Таборъ и прибывшій съ великою княжною Русскій священникъ Тома. Княгиня Ряполовская держала надъ головою невѣсты вѣнецъ, а дьякъ Кулешинъ скляницу съ виномъ.

Послѣ свадьбы начались пиры. Александръ великолѣпно угощалъ Московскихъ бояръ. Но вскорѣ возникли недоразумѣнія между двумя дворами и взаимныя жалобы. Александръ жаловался на производимые якобы Ряполовскимъ грабежи на обратномъ пути въ Москву. Это была явная клевета, потому что Ряполовскій и сопровождавшія его лица терпѣли на дорогѣ во всеѣмъ крайній недостатокъ.

Жалобы Иоанны были гораздо основательнѣе, потому что поведеніе Александра въ отношеніи къ Еленѣ скоро послѣ свадьбы переменилось. Онъ удалилъ отъ ней Русскихъ слугъ, не хогѣлъ устроить для ней въ замкѣ церкви и началъ употреблять средства къ обращенію Елены въ Латынскую вѣру. Онъ даже не позволялъ ей видѣться часто съ Русскими боярами и ихъ женами, находившимися въ Вильнѣ. Кромѣ князя Ромодановскаго, его жены, архимандрита и подбѣячаго, даннаго ей для письмоводства, она никого изъ Русскихъ не видала. Александръ же приводилъ къ ней очень часто латынскихъ епископовъ и ксендзовъ.

Иоаннъ выслалъ въ Вильно боярина Кутузова съ требованіемъ удовлетворенія условіямъ, заключеннымъ съ нимъ во время сватовства, которыя Александръ утвердилъ присягою. Но онъ отвѣчалъ, что построеніе новой церкви противится привиллегіямъ, даннымъ его предшественниками латынскому духовенству, (какъ будто онъ этого не зналъ, когда искалъ руки Елены), что русскія семейства, оставшіяся при великой княгинѣ, занимаются ссорами, доносами и шпионствомъ, желая произвести раздоръ между супругами, наконецъ на требованіе Иоанна о дозволеніи княгинѣ Бѣльской ѣхать къ мужу, отвѣчали ему, что княгиня сама того не хочетъ.

Такимъ образомъ исчезла надежда Литовской Руси, ожидавшей тщетно покровительства отъ великой княгини, которая сама съ трудомъ сохранила православную вѣру. Латынское духовенство безпрестанно подущало Александра, чтобы онъ старался склонить супругу свою къ пріятію Римской вѣры, если не хочетъ и собственной души погубить. Что же касается построенія церкви, то Виленскій епископъ противился этому на основаніи Казимировой привиллегіи, данной по просьбѣ св. королевича Казимира. Этою привиллегіею, не только не дозволено было строить новыхъ Русскихъ церквей, но даже запрещено поддерживать и починять старыя. Словомъ Латынское духовенство видимо старалось овладѣть душою слабаго Александра. Русскіе мало по малу удалялись. Слыша, съ какимъ усиліемъ стараются преклонить Елену къ пріятію Римскаго исповѣданія, не одинъ изъ нихъ подумалъ, что „если великая княгиня столько терпитъ за религію, то что же будетъ съ другими?“ Дѣятельность въ торговлѣ ослабѣла. Съ обѣихъ сторонъ обнаруживалась недовѣрчивость, и должно было надѣяться неминуемаго раздора и войны. Такимъ то образомъ этотъ плачевный духъ обращенія, господствовавшій тогда въ западной Европѣ, угрожалъ и Литвѣ множествомъ несчастій. Елена, невинная жертва государственныхъ и религіозныхъ соображеній, увядала между тѣмъ въ Вильнѣ, окруженная чужими людьми, любя мужа, и принуждена будучи скрывать письма отца и свои на нихъ отвѣты. Переноса терпѣливо преслѣдованіе отъ католиковъ, старавшихся принудить ее къ перемѣнѣ исповѣданія, она столько еще имѣла любви и снисхожденія къ мужу, что въ письмахъ своихъ къ отцу старалась извинить и оправдать Александра. Иоаннъ,

получая съ прискорбіемъ вѣсти о страданіяхъ Елены, просилъ предстательства у папы Александра VI, который писалъ къ мужу ея, запрещающаю ему склонять Елену къ перемѣнѣ вѣроисповѣданія; но неизвѣстно какія были слѣдствія этого письма. Между тѣмъ число трудившихся надъ обращеніемъ Елены увеличилось. Въ Вильно пріѣхала вдовствующая королева, мать Александра, съ дочерьми Варварою и Елисаветою, и дѣйствовала за одно съ католическою партіею противу дочери Іоанновой; но усилія ихъ остались тщетными. Въ 1497 году Александръ вывелъ наконецъ изъ терпѣнія Іоанна, приказавъ, по старанію латынскаго духовенства, выѣхать изъ Вильна послѣднему спутнику Елены, священнику Томѣ. Кромѣ того Михаилъ Плещевъ, посолъ Іоанна, возвращавшійся изъ Константинополя, задержанъ по приказанію Александра, а жители Смоленска ограбили Вяземскіхъ купцевъ. Небыло надежды предупредить бѣдствія войны, къ которой присоединился еще голодъ; наконецъ зараза, вывезенная Колумбомъ изъ Америки, быстро распространилась по Литвѣ и привела въ ужасъ ея жителей.

Преслѣдованіе православнаго исповѣданія въ Литвѣ сдѣлалось общимъ. Измѣна смоленскаго епископа, Іосифа, взяшагося обратитъ всѣхъ нашихъ литовскихъ единовѣрцевъ въ латынство, ободрила Александра и придала смѣлости Римскому духовенству. Виленскій епископъ Адальбертъ и бернардинскіе монахи, объѣзжая Русскіе города и селенія и крича: „да будетъ одно стадо и одинъ пастырь,“ старались склонить жителей къ соединенію съ Римомъ. Александръ содѣйствовалъ имъ въ этомъ дѣлѣ, угрожая гнѣвомъ своимъ тѣмъ, кои внушеніямъ ихъ не покорятся. Но всѣ усилія проповѣдниковъ латынства не могли поколебать твердости православныхъ жителей великаго княжества и обратились во вредъ самому же Александру, который черезъ то лишился многихъ земель и подданныхъ. Князья Симеонъ Бѣльскій, Масальскіе и Хотетовскій, Бояре Мценскіе и Серпейскіе покорились Іоанну, и земли ихъ заняты были московскими войсками. Вскорѣ послѣ того сдѣлали тоже самое потомки непримиримыхъ враговъ московскаго Государя, Іоанна Можайскаго и Ивана Шемякина. Литва утратила чрезъ то Черниговъ, Стародубъ, Гомель, Любечъ, Рыльскъ и Новгородъ Сѣверскій. На послѣдокъ перешли на сторону Іоанна князья Трубчевскіе (Трубецкіе) потомки Ольгерда. Іоаннъ, объявивъ войну Александру, от-

правиль двѣ сильныя рати, которыя завоевали весь лѣвый берегъ Днѣпра, а въ Смоленской области взяли Дорогобужь.

Александръ, видя въ опасности свою державу, по неимѣя способностей полководца, обратился къ любимому и уважаемому всѣми Литовскому гетману Петру Бѣлому, который, будучи уже тогда на смертномъ одрѣ, сказалъ Александру, что князь Константинъ Острожскій одинъ только можетъ замѣнить его. Не смотря на необыкновенную ревность къ православію этого потомка князей Галицкихъ, Александръ принужденъ былъ покориться необходимости и заставить на время умолкнуть голосъ нетерпимости. Онъ возвелъ Константина въ званіе Литовскаго гетмана и далъ ему главное начальство надъ войскомъ противу россіянъ его братьевъ. Князь Острожскій устремился сквозь болотистыя и лѣсистыя ущелія къ Дорогобужу, близъ котораго на берегахъ рѣки Ведроши расположены были русскія войска подъ начальствомъ князя Даниіла Щени и Юрія Захарьевича. Сторожевыя полкъ рати Іоанновой отступилъ отъ берега, чтобы вывести литовцевъ на обширное Митково поле. Здѣсь то произошла битва, продолжавшаяся нѣсколько часовъ съ мужествомъ и упорствомъ съ обѣихъ сторонъ. Наконецъ засада, устроенная княземъ Данииломъ Щенею, ударила литовцамъ въ тылъ и разстроила ихъ совершенно. Восемь тысячъ сподвижниковъ Острожскаго погибло на мѣстѣ битвы, не считая утонувшихъ въ рѣкѣ. Князь Острожскій, намѣстникъ Смоленскій Станиславъ, маршалки Остюковичъ и Хребтовичъ, князья Друцкіе, Масальскіе, паны: Кишка, Глѣбовичъ, Зиповичъ и множество другихъ знатнѣйшихъ въ государствѣ лицъ взяты въ плѣнъ. Вслѣдъ затѣмъ Менгли-Гирей выслалъ на Литву сыновей своихъ съ 15 т. конницы, которые выжгли Хмѣльницъ, Кременецъ, Брестъ, Владиміръ, Луцкъ, Бряславъ и другіе города, и забравъ множество народа въ плѣнъ, возвратились въ Крымъ. Отправлено было также посольство къ Стефану, господарю Молдавскому, чтобы склонить его къ войнѣ съ Литвою.

Александръ, видя себя въ крайности, принялъ сначала нѣкоторыя мѣры къ защитѣ государства: укрѣпилъ Витебскъ, Полоцкъ, Оршу, Смоленскъ, сносился со Стефаномъ Молдавскимъ и Менгли-Гиреемъ, чтобы отвлечь ихъ отъ союза съ Москвою и вступилъ въ союзъ съ ливонскимъ магистромъ Вальтеромъ фонъ Плеттенбергомъ, а между тѣмъ

отправилъ пословъ въ Москву для заключенія мира при содѣйствіи королей венгерскаго и польскаго. Въ продолженіи этого времени умеръ Іоаннъ Альбрехтъ въ 1501 году, и Александръ, домогаясь польской короны, забылъ о дѣлахъ съ Россіею. Не смотря на то, что онъ могъ, вступивъ на Польскій престолъ, располагать силами двухъ государствъ, Іоаннъ успѣшно продолжалъ войну и войска его съ двухъ сторонъ, сѣверной и восточной, нагрянули на Литву. Близъ Мстиславля воеводы Іоанновы одержали блистательную побѣду надъ княземъ Михаиломъ Ижеславскимъ и Евстафіемъ Дашковичемъ, умертвили до семи тысячъ непріятелей, взяли множество плѣнныхъ и все знамена. Магистръ Плеттенбергъ получилъ было нѣкоторый успѣхъ близъ Пскова, но Даніиль Щеня, присланный Іоанномъ, отомстилъ за то ужаснымъ опустошеніемъ Ливоніи и жестокимъ пораженіемъ Нѣмцевъ близъ Гельмета. Чтобы отвлечь Менгли-Гирея отъ границъ Литвы, Александръ вступилъ въ союзъ съ Шихъ-Ахметомъ, ханомъ большой орды; но Менгли-Гирей, восторжествовавъ надъ нимъ, истребилъ остатки Батыева царства. Преслѣдуемый непріятелями Шихъ-Ахметъ обратился подъ покровительство Александра, но по его приказанію задержанъ и посаженъ подъ стражу. Имѣя его въ своей власти, Александръ надѣялся держать въ страхѣ Менгли-Гирея и отторгнуть его отъ союза съ Іоанномъ. Но это бесполезное злодѣйство не доставило ему никакихъ выгодъ. Менгли-Гирей остался вѣрнымъ союзникомъ Іоанна до самой его кончины.

Должно было употребить всевозможныя усилія для примиренія съ Москвою. Предстательство папы непомогло въ этомъ случаѣ Александру. Димитрій, сынъ Іоанна, войдя съ сильнымъ войскомъ въ Литву, взялъ Оршу, выжегъ предмѣстіе Витебска и распространилъ опустошеніе до Полоцка. Приведенный въ ужасъ Александръ отправилъ въ Москву посольство, которое заключило съ нею перемиріе на шесть лѣтъ. Вслѣдъ затѣмъ прибыли изъ Москвы послы взять присягу съ Виленскаго епископа, что королеву Елену не будутъ принуждать къ перемѣнѣ вѣроисповѣданія. Александръ сначала задержалъ этихъ пословъ, якобы за оскорбленіе смоленскихъ купцевъ; но вскорѣ потомъ одумался и, подписавъ перемиріе, отправилъ ихъ съ честію.

Заключенное съ Россіею перемиріе оживило остановившуюся тор-

говлю и Русскіе купцы начали привозить въ Литву товары изъ Москвы, Новгорода, Пскова, Твери и другихъ городовъ. Должно полагать, что въ то время были дѣятельнѣйшія торговыя сношенія съ Россіей, потому что для Русскихъ купцовъ построень былъ въ Вильнѣ въ 1501 году гостинней домъ, въ которомъ они должны были исключительно останавливаться и продавать свои товары. На устройство этого дома состоялась привиллегія Александра, дошедшая до насъ.

Въ продолженіи этого времени возникло въ Литвѣ внутреннее волненіе, котораго причиною былъ человекъ знатный, могущественный, и обладавшій несмѣтнымъ богатствомъ, но честолюбивый и мстительный безъ границъ. Это былъ потомокъ перешедшаго къ Витовту одного Татарскаго князя Михаилъ Глинскій. Онъ долго служилъ императору Максимилиану и отличился многими блистательными подвигами въ Итали. По прибытіи его въ Литву, Александръ принялъ его со всѣми знаками необыкновенной благосклонности и оказывалъ ему неограниченную довѣренность. Это произвело зависть въ Литовскихъ вельможахъ, которые омрачали его непрерывно клеветою, и наконецъ начали подозрѣвать его въ намѣреніи овладѣть великимъ княжествомъ. Глинскій видѣлъ грозу, а потому, стараясь отвратить ее, принималъ свои мѣры. Онъ не щадилъ своихъ соперниковъ, награждалъ съ необыкновенною щедростію своихъ приверженцевъ, и чрезъ то увеличилъ число своихъ непріятелей. По его проискамъ Лидскій староста Иллиничъ безвицею смѣненъ и мѣсто его отдано Дрозду, приверженцу Глинскаго. Воеводы Виленскій, Трокскій, Полоцкій, староста Жмудскій и намѣстникъ Смоленскій представляли королю, что такое дѣйствіе противно данной имъ самимъ привиллегіи при вступленіи на престолъ, по силѣ которой ни одинъ государственный чиновникъ, необличенный въ преступленіи, не могъ быть лишень своего мѣста. Усилія ихъ ожесточили до высочайшей степени Глинскаго. Онъ представлялъ Александру непрерывно пагубныя слѣдствія для него и для государства отъ сопротивленія вельможъ королевской волѣ. Совѣты его имѣли на короля такое вліяніе, что Иллиничъ посаженъ въ тюрьму, Трокскій воевода Забржезинскій и братъ епископа Варооломей Таборъ лишились мѣстъ своихъ. Эти дѣйствія произвели въ государствѣ ропоть и общую ненависть противъ Глинскаго. На Радомскомъ сеймѣ епископъ смѣлою

рѣчью упрекалъ короля въ безвинномъ осужденіи его брата и въ нарушеніи правъ, которыя онъ самъ утвердилъ присягою. Рѣчь свою онъ окончилъ словами: „Богъ да судитъ нарушителя клятвы!“ Стрыйковскій и Кояловичъ увѣряютъ, что послѣ этихъ словъ Александръ пораженъ былъ параличемъ и больной уже отправился въ Краковъ.

Между тѣмъ Шихъ-Ахметъ, который съ такою довѣренностію предалъ судьбу свою въ руки Александра, сдѣлался игрушкою вѣроломства своего союзника. Обманывая его безпрестанно обѣщаніемъ помощи противъ Менгли-Гирей, его перевозили изъ города въ городъ, а наконецъ посадили подъ стражу въ Ковнѣ, гдѣ онъ и умеръ въ 1506 году. Такой поступокъ не доставилъ Литвѣ ни выгоды, ни даже спокойствія. Менгли-Гирей, узнавъ о смерти Шихъ-Ахмета, тотчасъ съ сыновьями своими напалъ на юго-восточныя области великаго княжества. Опустошивъ окрестности Слуцка, Новогрудка и Минска, Татары возвратились въ Крымъ съ несмѣтною добычею.

Совершенное истощеніе государства, которое со всѣхъ сторонъ открыто было нашествію непріятеля, заставило Александра подумать о укрѣпленіи столицы. Починка обоихъ замковъ производима была съ усиленіемъ и поспѣшностію. Наконецъ положено было обвести стѣною весь городъ. Но эта работа, часто прерываемая и возобновляемая, никогда не была приведена къ совершенному окончанію, и во многихъ мѣстахъ каменную стѣну замѣнилъ деревянный заборъ.

Въ 1505 году умеръ царь Московскій Іоаннъ III, послѣ сорока трехлѣтняго славнаго царствованія. Надѣясь, что юный преемникъ его будетъ сговорчивѣе непреклоннаго своего отца, Александръ отправилъ въ Москву пословъ для переговоровъ о возвращеніи отнятыхъ Іоанномъ владѣній. Но посольство его не имѣло успѣха. Василій не уступилъ ничего изъ пріобрѣтеній своего отца.

Между тѣмъ болѣзнь Александра, отъ неудачнаго лѣченія неспособныхъ врачей, усилилась. Жизнь его была въ опасности, а потому присовѣтовали ему обратиться къ славившемуся тогда въ Польшѣ своими мнимыми успѣхами въ леченіи шарлатану Балинскому; новый этотъ врачъ не хотѣлъ тронуться съ мѣста, пока не выдали ему впередъ 300 червонцевъ. Потомъ, забравъ всю королевскую аптеку, прибылъ въ Вильно. Онъ устроилъ къ замкѣ баню, въ которой парилъ короля

до изнеможенія, потому поилъ его мальвазией. Такой способъ лѣченія совершенно истощилъ силы короля, и не было возможности оказать ему какое нибудь пособіе. Обнаружился всеобщій ропотъ противъ шарлатана, и канцлеръ Ласскій велѣлъ посадить его въ тюрьму; но оказалось, что Балинскій имѣлъ тайныхъ покровителей при дворѣ, потому что вскорѣ доставили ему средство освободиться изъ заключенія и убѣжать изъ Литвы.

Въ продолженіи болѣзни короля, Крымскіе Татары, въ числѣ тридцати тысячъ человекъ, сдѣлали нашествіе на Литву. Оставивъ подъ Клецкомъ, близъ истока Нѣмана, десять тысячъ, прочіе пустились въ разныя мѣста для грабежа. Большой король, получивъ о томъ извѣстіе, приказалъ собирать войско. Можно судить до какой степени безпорядка довели государство начавшіе въ немъ укореняться недостатки Польскаго управленія. Литва, которая при Гедиминѣ, Ольгердѣ, Витовтѣ, выводила мгновенно въ поле громадныя ополченія, быстро возобновляла свои силы и являлась въ грозномъ видѣ даже послѣ жесточайшихъ пораженій, теперь, въ роковую свою минуту, не могла, для спасенія отечества, собрать болѣе трехъ тысячъ ратниковъ. Мало того; эта малочисленная рать, не хотѣла идти противъ непріятеля безъ короля, котораго присутствіе, вмѣсто пользы, составляло только для ней лишнее бремя и препятствіе. Прежде на голосъ великаго князя собирались многочисленныя ополченія, движимыя и направляемыя одною волею, одушевленныя одною мыслию. Теперь такъ называемая шляхта, составлявшая исключительную касту ратныхъ людей, перенимая часть отъ часу болѣе отъ Польской шляхты своеволія и прихотей, часто не могла во время составить достаточнаго числа ратниковъ, для отраженія, тѣмъ менѣе для предупрежденія опасности. Духъ безпокойства и своеволія усиливался часть отъ часу болѣе между этой шляхтою. Это были уже не тѣ защитники отечества, кои съ самоотверженіемъ несли на пользу ему жизнь свою и отстаивали грудю его безопасность и славу! Это уже родъ наемниковъ, заставляющихъ себѣ платить за кровь свою, грозящихъ удаленіемъ съ поля битвы при неполученіи платы, и наконецъ рѣшающихся поднимать руки на вождей своихъ, не могшихъ удовлетворить ихъ прихотямъ, какъ то увидимъ ниже.

Не смотря на тяжкую болѣзнь свою, Александръ рѣшился удовлетворить страчному желанію войска и отправился за нимъ въ сопровожденіи Елены. Доѣхавъ до Лиды, онъ не могъ уже продолжать путешествія. Тѣлесныя силы совершенно оставили его. Тамъ онъ составилъ завѣщаніе, которымъ назначилъ по себѣ наслѣдникомъ брата своего Сигизмунда, поручивъ его пощрительству супругу. Непріятель быстро приближался къ Лидѣ. Опасность, въ которой находился король, пробудила наконецъ чувства долга и совѣсти въ шляхтѣ, которая со всѣхъ сторонъ начала стекаться въ Лиду. Но при всемъ томъ число ея достигло не болѣе семи тысячъ. Положено было отправить больного короля въ Вильно. Преодолѣвъ величайшія трудности, и избѣжавъ очевидной опасности, Александръ прибылъ наконецъ въ столицу. Въ это время Глинскій, принявъ начальство надъ войскомъ, выступилъ отважно противъ несравненно многочисленнѣйшаго непріятели. Встрѣтивъ Татаръ въ семи верстахъ отъ города, онъ разбилъ ихъ на голову. Вѣсть о томъ утѣшила короля въ послѣднія минуты его жизни; вскорѣ по полученіи ея онъ умеръ 19 августа 1506 года.

Потери, понесенныя Литвою въ царствованіе Александра, были весьма ощутительны. Казалось сначала онъ понялъ, что союзъ съ Россіей составлялъ единственное средство къ укрѣпленію могущества и утвержденію благосостоянія его государства; но онъ не умѣлъ пользоваться ни родствомъ съ могущественнымъ сосѣдомъ, ни урокомъ, какимъ могъ бы просвѣтить его примѣръ отца. Увлечшись духомъ ложно понятаго благочестія и сдѣлавшись орудіемъ фанатическаго духовенства, онъ ожесточилъ противъ себя большую часть подданныхъ и тестя своего обратилъ въ непріятели. Такимъ образомъ, потерявъ весь лѣвый берегъ Днѣпра, лишилъ государство преимущественнѣйшей, можно даже сказать, существенной силы, преслѣдуя и приведя въ уныніе Литовскую Русь, и предавъ ее на жертву хищничеству Татаръ.

Одно только Вильно въ царствованіе Александра приобрѣло многія выгоды, украсилось новыми зданіями и обогатилось по причинѣ почти непрерывнаго пребыванія въ немъ королевской фамиліи. Торговля съ Русскими, привозившими мѣхове товары, производилась дѣятельно; не малымъ содѣйствіемъ къ тому служило устройство гостиннаго

двора. Успѣхъ сношенія съ Россіей затрудняло одно только Латинское духовенство, поселившее отвращеніе къ Русскимъ, которыхъ силились обратить въ Латинство. Александръ призвалъ въ Вильно Доминикановъ и помѣстилъ ихъ при костелѣ св. Духа, снабдивъ ихъ фундушемъ и мѣстами для построекъ. Съ тѣхъ поръ одинъ изъ этихъ монаховъ былъ всегда кафедральнымъ проповѣдникомъ. При Александрѣ устроенъ и увеличенъ былъ арсеналь въ верхнемъ замкѣ и учрежденъ Литовскій монетный дворъ. Страніемъ королевы Елены построена Русская церковь св. Духа и исправлены прежнія церкви, въ чемъ никакъ не могъ ей воспрепятствовать Александръ, не смотря на привиллегію Казимира, о которой упомянуто выше; наконецъ при Александрѣ построенъ громадный Бернардинскій костель, вмѣсто бывшаго деревянаго, и при немъ прекрасный маленькій костель св. Анны въ готическомъ вкусѣ.

Сигизмундъ не засталъ уже брата въ живыхъ, только присутствовалъ при его погребеніи, которое совершилось съ необыкновеннымъ великолѣніемъ. Тѣло его похоронено въ часовнѣ кафедральнаго собора, близъ того мѣста, гдѣ покоились останки брата его Казимира.

Въ десятый день послѣ погребенія Александра, Литовскіе вельможи возвели на великокняжескій престолъ Сигизмунда, 20 октября 1506 года, не сносая по этому предмету съ Польшею, чѣмъ явственно доказали, что Литва сохранила еще свою самостоятельность и не смотря на всѣ старанія потомковъ Ягайлы, почитала себя совершенно отдѣльнымъ государствомъ, недумая о соединеніи съ Польшею, и не считая это за особенную важность.

Поляки, съ своей стороны, не вышускали изъ виду Литвы. Со смертію Александра они утратили вліяніе на дѣла ея. Чтобы возобновить его не было другаго средства, какъ провозгласить королемъ польскимъ новаго великаго князя Литовскаго. Это было одно средство къ утвержденію предполагаемаго соединенія двухъ народовъ; и Поляки взяли за него послѣдствіе. Вскорѣ послѣ коронаціи въ Вильнѣ совершилась другая въ Краковѣ, и Сигизмундъ вступилъ на Польскій престолъ.

Въ продолженіи этаго времени царь Московскій Василій Іоанновичъ послалъ чиновника своего Наумова съ утѣшительною грамотою къ Еленѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ поручено было тайно Наумову, при содѣй-

ствіи вдовствующей королевы, склонить вельможъ Литвы и Польши къ соединенію трехъ государствъ избраніемъ въ короли Василя. Эта мысль, хотя смѣлая и удивительная по тогдашнимъ обстоятельствамъ, оправдывала умъ и дальновидность Василя. Постигая, что Литва и Россія не могутъ иначе примириться, какъ составивъ одну державу, онъ хотѣлъ предупредить кровопролитные споры о границахъ, которые, въ продолженіи трехъ послѣдовавшихъ вѣковъ, истощали оба государства и кончились на послѣдокъ сліяніемъ ихъ въ одно. Сколькихъ раздоровъ, бѣдствій, преслѣдованій и ожесточенныхъ войнъ избѣжали бы оба народа, еслибы великая мысль Василя могла тогда же осуществиться! Обладая въ мирѣ и согласіи подъ однимъ вѣнценосцемъ сѣверо-восточную Европою, чего не могли бы они предпринять и совершить для славы и могущества своего общаго отечества! Но Наумовъ прибылъ поздно. Сигизмундъ былъ уже въ то время на престолѣ Литвы и Польши. Елена увѣдомила о томъ брата. Положеніе ея было, по смерти мужа, весьма горестное. Она не имѣла въ Литвѣ никакого вѣса, ни покровительства и испытала многія оскорбленія, отъ которыхъ не защитили ее ни санъ ни добродѣтели. Она оставалась въ Вильнѣ, поддерживая Русскія церкви и монастыри, въ которыхъ имѣла данное мужемъ право назначенія старшихъ. (*Jus Colationis*).

Въ 1508 году князь Константинъ Острожскій, измѣнивъ присягѣ, данной Василю, и оскорбивъ обманомъ митрополита, давашаго за него поручительство, бѣжалъ изъ Москвы и прибылъ къ Сигизмунду, который принялъ его необыкновенно милостиво.

По смерти Александра ободрились всѣ завистники Глинскаго и, пылая противъ него непримиримою ненавистію, чернили его передъ Сигизмундомъ. Въ особенности ненавидѣлъ и злословилъ его передъ королемъ Троксскій воевода Забржезинскій. Болѣе всего возбуждали противъ него негодованіе короля тѣмъ, что обвиняли его въ стремленіи къ достиженію верховной власти. Напрасно Глинскій многократно убѣждалъ Сигизмунда быть судіею между имъ и его врагами и дать ему случай оправдать себя совершенно. Сигизмундъ уклонялся отъ удовлетворенія его просьбъ и оказывалъ ему постоянную холодность. Глинскій, выведенъ будучи изъ терпѣнія, сказалъ королю: „Го-

сударь! Мы оба, и ты и я, будемъ раскаиваться, но поздно.“ Забравъ съ собою братьевъ Ивана и Василя, созвавъ своихъ родственниковъ и друзей, онъ прибылъ въ принадлежавшій ему Турокъ, и вооруживъ своихъ приверженцевъ, вошелъ въ уговоръ съ царемъ Московскимъ. Увѣрясь въ его помощи, онъ напалъ съ сообщниками своими на домъ Забржезинскаго близъ Гродна, велѣлъ отрубить ему голову, умертвилъ многихъ непріятелей своихъ, потомъ съ братьями и дружиной, перешелъ на сторону Василя Іоанновича. Началась между Василемъ и Сигизмундомъ война, которой слѣдствіемъ было опустошеніе значительной части Литвы. Глинскій, соединясь съ Московскими воеводами на берегахъ Березины, распространилъ опустошеніе до Вильна. Полки изъ Москвы и Новагорода подъ начальствомъ боярина Якова Захаревича и славнаго Данила Щени заставили князей Друцкихъ присягнуть въ вѣрности Іоанну. Не смотря на отчаянное состояніе государства, Сигизмундъ не упалъ духомъ. Собравъ поспѣшно войско, онъ изумилъ своихъ непріятелей нечаяннымъ приближеніемъ къ Оршѣ. Русскія войска перешли на лѣвый берегъ Днѣпра. Станиславъ Кипка завладѣлъ было на время Дорогобужемъ, но Холмскій и Яковъ Захаревичъ выгнали его оттуда. Наконецъ при содѣйствіи королевы Елены заключенъ былъ миръ, по которому Россія возвратила Сигизмунду нѣсколько Смоленскихъ волостей, взятыхъ Василемъ, а король утвердилъ за Россією всѣ приобрѣтенія Іоанны.

1509 годъ ознаменованъ соборомъ духовныхъ лицъ православнаго исповѣданія въ Вильнѣ, на которомъ составлены въ XV статьяхъ правила, относящія къ занятіямъ, роду жизни и нравственности духовныхъ лицъ, также предостереженія, чтобы свѣтская власть не вмѣшивалась въ духовныя дѣла и не касалась церковной собственности подъ опасеніемъ отлученія отъ церкви, и разныя другія постановленія. Дѣйствія этого собора убѣждаютъ, что Русская церковь въ Литвѣ пользовалась еще въ то время свободою и независимостію, и оставалась вѣрною православному Греко-каѳолическому ученію. Соборъ начался 25 декабря, а кончился 15 генваря слѣдующаго 1510 года. Засѣданія происходили подъ предѣдательствомъ митрополита Іосифа Солтана; присутствовали епископы: Владимірскій и Брестскій Вассіанъ, Смоленскій Варѳоломей, Луцкій и Острогскій Кирилль, По-

лоцкій и Витебскій Евфимій, Туровскій и Пинскій Арсеній, Перемышльскій Антоній и Хелмскій Филаретъ. Уже по числу епископовъ можно судить о перевѣсѣ православной Литвы надъ Латынскою. На Виленскій соборъ собралось 8 православныхъ епископовъ, тогда какъ католики имѣли въ Литвѣ только одного Виленскаго. Кромѣ епископовъ находились на соборѣ 7 архимандритовъ, 6 игуменовъ и 7 протоіереевъ.

Между тѣмъ въ продолженіи трехъ лѣтъ ведены были тщетныя переговоры съ Москвою, пока наконецъ новое обстоятельство не довело объ державы до явнаго разрыва. Неизвѣстно по какой причинѣ воспрещено вдовствующей королевѣ Еленѣ возвратиться въ Москву, по смерти ея супруга. Она жила въ Вильнѣ уединенно, посвятивъ себя молитвѣ и благотворенію, и не мѣшаясь вовсе въ государственныя дѣла. Сигизмундъ не оказывая ей никакого вниманія, умножалъ только дерзость Литовскихъ вельможь, которые начали дѣлать ей различныя оскорбленія. Въ 1512 году она хотѣла отправиться въ свое имѣніе близъ Бряславля и, приготовивъ все къ отъѣзду, пошла по обыкновенію въ церковь къ обѣднѣ. Воеводы Николай Радзивиллъ и Юрій Остыкъ, увидя приготовленныя къ дорогѣ повозки, бросились въ церковь во время обѣдни, крича: „ты хочешь бѣжать въ Москву,“ и схвативъ ее за рукава, вывели изъ церкви, посадили въ сани, отвезли въ Троки, держали въ неволѣ и удалили отъ нея всѣхъ слугъ ея. Это происшествіе, въ описаніи котораго всѣ историки согласны между собою, говоритъ убѣдительно всякаго вывода и заключенія. Подобнаго примѣра не представляетъ исторія Литвы даже во времена язычества и варварства ея.

Василій, получивъ о томъ извѣстіе, послалъ немедленно гонца въ Вильно съ запросомъ: по какому поводу поступлено столь недостойно съ Еленою, и съ требованіемъ, чтобы ей возвращены были свобода, казна, слуги и всѣ знаки должнаго уваженія. Король узнавъ о прибытіи гонца, тотчасъ приказалъ возвратить ей все требуемое и проводить съ честью въ Виленскій дворецъ. Но этимъ не удовлетворилъ Василія, имѣвшаго еще другіе поводы къ разрыву съ Литвою. Сигизмундъ, чувствуя всю важность союза Василія съ Крымомъ старался склонить на свою сторону сыновей устарѣлаго Менгли-Ги-

рея обѣщавъ платить имъ ежегодно по 15 червонцевъ. Ахметъ и Бурнашъ Гирей дѣйствительно ворвались въ Бѣлевскія и Одоевскія области, но были оттуда выгнаны Московскими воеводами. Тогда Василій, узнавъ еще, что Сигизмундъ собираетъ войска для вторженія въ Россію, рѣшился предупредить его и послалъ къ нему складную грамоту, съ исчисленіемъ въ ней всѣхъ причинъ къ объявленію войны. Многочисленное войско, предводимое самымъ Государемъ выступило въ поле въ намѣреніи овладѣть Смоленскомъ; но два похода, предпріятыя въ 1513 году были безуспѣшны. Наконецъ въ третій разъ Василій, осадивъ Смоленскъ, въ 1514 году, и громя его стѣны пушками, заставилъ городъ сдаться. Сологубу, начальствовавшему въ Смоленскѣ, Василій позволилъ возвратиться въ Литву. Онъ прибылъ въ Вильно съ многими королевскими воинами, которыхъ побѣдитель великодушно отпустилъ въ отечество; но Сигизмундъ приказалъ отрубить ему голову, какъ измѣннику.

Въ продолженіи этой войны, 24 января 1513 года, скончалась въ Вильнѣ королева Елена. Она отличалась всѣми добродѣтелями, свойственными ея полу: кротостію, благоразуміемъ, добросердечіемъ и, оставшись вѣрною своей религіи и отечеству, провела всю жизнь въ Литвѣ посреди обидъ и преслѣдованія. Напрасно подозрѣваютъ Литовцевъ въ отравленіи этой достойной государыни. И безъ яда было слишкомъ много причинъ къ сокращенію ея жизни. Къ тому же Сигизмундъ имѣлъ въ ней важный залогъ для благопріятнаго мира съ Россіею, и она сама нѣсколько разъ ходатайствовала въ пользу Литвы передъ отцемъ и братомъ своими. Тѣло ея похоронено съ царскою пышностію въ церкви Пречистой Божіей матери, въ которую прежде всего вступила она при вѣздѣ своемъ въ Вильно. Гробъ ея исчезъ вмѣстѣ съ Церковью, изъ развалинъ которой сооруженъ въ послѣдствіи, Анатомическій театръ при б. Виленскомъ университетѣ. Елена построила на свой счетъ близъ замка домъ для Русскихъ гостей; сверхъ того поддерживала Русскія церкви, въ которыхъ сдѣлала значительныя улучшенія. Но до сихъ поръ остался послѣ ней одинъ только памятникъ, образъ Божіей матери, который она привезла съ собою изъ Москвы и которымъ благословилъ ее отецъ. Она отдала его въ Пречистенскую церковь, а въ послѣдствіи онъ перенесенъ въ

Троицкій монастырь, гдѣ и теперь находится. По свидѣтельству Кояловича, Русскіе считали этотъ образъ столь важнымъ, что хотѣли отдать въ замѣну за него Оому Мацкевича и пятьдесятъ другихъ плѣнниковъ, но уговоръ этотъ не состоялся.

Въ это время совершенно измѣнились нравы и обычаи жителей Литвы. Простота и мужество уступили мѣсто стремленію къ познаніямъ и еще болѣе къ пышности, роскоши и извѣженности; оружіе, которое шляхта всегда при себѣ носила, было только вывѣскою шляхетства и свидѣтельствомъ, что оно приобрѣтено кровію, между тѣмъ какъ носившіе его съ жадностію искали довольства и наслажденій. Пиршества, пьянство и пренебреженіе отеческихъ нравовъ и правилъ вошли въ употребленіе не только въ высшемъ классѣ, но даже между мѣщанами и купцами. Такимъ то образомъ начало въ Литвѣ обнаруживаться просвѣщеніе, принесенное съ Запада. Великолѣпіе дворовъ Литовскихъ вельможъ представляло нѣчто баснословное. Николай Радзивилль, сопровождая короля на сѣздъ въ Пресбургъ, кромѣ многочисленной и блиставшей богатою одеждою свиты, велъ съ собою сто музыкантовъ. Богатые купцы и мѣщане, не имѣя права носить оружіе, старались сравняться съ шляхтою роскошью и пышностію. Въ простомъ народѣ, который по бѣдности своей не могъ соперничествовать со шляхтою, невидно было еще никакой перемѣны.

Отнятіе Смоленска возбудило сильное безпокойство и смятеніе во всей Литвѣ. Собрано было войско, чтобы остановить успѣхи Русскаго государя. Острожскій, принявъ начальство надъ 35,000 ратниковъ и переправясь черезъ Диѣпръ, вступилъ 8-го сентября 1514 года въ кровопролитное сраженіе съ Русскими воеводами между Оршею и Дубровною и одержалъ блистательную побѣду.

Прибывъ обратно въ Вильно и желая принести благодареніе Богу за одержанную побѣду, онъ построилъ на мѣсто сгорѣвшихъ деревянныхъ двѣ каменныя Русскія церкви: Св. Троицы, гдѣ нынѣ Троицкій монастырь, и Св. Николая на Большой улицѣ. На постройку этихъ церквей онъ получилъ отъ Сигизмунда особенную привиллегію, потому что постройка новыхъ Русскихъ церквей запрещена была еще со времени Казимира. Онъ привелъ съ собою множество плѣнныхъ, которыхъ Сигизмундъ роздалъ Папѣ и другимъ владѣтелямъ. Импера-

торъ Максимилианъ отправилъ присланныхъ къ нему назадъ къ Василію.

Однако же побѣда Острожскаго не имѣла важныхъ слѣдствій для Литвы. Сигизмундъ и его полководцы полагали, что Россія, послѣ Оршанской битвы, лишилась всѣхъ силъ своихъ, и что войска ихъ могутъ безъ сопротивленія проникнуть въ самую глубину ея. Острожскій, съ шестью тысячами отборнаго войска, отправился для взятія Смоленска, въ которомъ нѣсколько злоумышленниковъ составили заговоръ съ цѣлю впустить Сигизмундово войско въ городъ. Но непріатели Россіи жестоко обманулись, намѣстникъ Василіевъ въ Смоленскѣ, Шуйскій, изумилъ непріателя неожиданнымъ зрѣлищемъ. Открывъ заговоръ и схвативъ его виновниковъ, онъ приказалъ повѣсить ихъ на стѣнахъ въ виду Литовской арміи и встрѣтилъ Острожскаго съ такимъ мужествомъ, что войско его, послѣ напрасныхъ усилій, должно было отступить съ большею потерею.

Дѣятельность Василія вскорѣ вывела еще болѣе изъ заблужденія его непріателей, почитавшихъ государство его вполне обезсиленнымъ послѣ Оршанской битвы. Изъ Новгорода, Смоленска, Пскова, Стародуба пошли многочисленныя дружины къ границамъ Литвы. Царь Московскій вступилъ въ союзъ съ королемъ Датскимъ Христіаномъ II и заключилъ наступательный договоръ противу Польши съ магистромъ Нѣмецкаго ордена Альбрехтомъ Брандебургскимъ. Сигизмундъ не былъ ослѣпленъ побѣдою Острожскаго и чувствовалъ вполне тягость положенія изнуреннаго государства. Онъ обратился къ императору Максимилиану, прося его посредничества для примиренія съ Василіемъ. Императоръ отправилъ на этотъ конецъ въ Москву посломъ ученаго и краснорѣчиваго барона Сигизмунда Герберштейна. Василій согласился наконецъ, чтобъ Литовскіе послы прибыли въ Москву для переговоровъ. Въ 1517 году послы дѣйствительно прибыли въ Россію, но Василій не велѣлъ впускать ихъ въ Москву, потому что въ то же время пришла вѣсть о вторженіи Литовцевъ въ предѣлы Россіи. Самъ король находился въ Полоцкѣ съ запаснымъ войскомъ. Непрительскія дѣйствія началъ Псковскій воевода Сабуровъ, который безъ вѣдома государя сдѣлалъ набѣгъ на Литву, взялъ и ограбилъ Роставль. Чтобъ отомстить Псковитянамъ за этотъ поступокъ Острожскій съ

Литовскимъ войскомъ и Богемскими наемниками устремился къ Опочкѣ въ намѣреніи взять эту ничтожную крѣпость. Но тамъ начальствовали Василій Михайловичъ Солтыковъ, котораго имя заслуживаетъ помѣщенія въ исторіи. Не смотря на многочисленность непріятеля и слабыя укрѣпленія города, онъ геройски встрѣтилъ Острожскаго и отбилъ всѣ его приступы. Наконецъ, не ограничиваясь защитою, онъ сдѣлалъ вылазку, умертвилъ множество непріятелей и воеводу Сокола, у котораго отнялъ знамя. Русскіе воеводы Шуйскій, Оболенскій-Телепневъ и Иванъ Лятскій, стремясь со всѣхъ сторонъ на помощь Опочкѣ, разбили на голову 14-ти тысячный отрядъ, посланный на помощь Острожскому, забрали всѣ непріятельскія пушки и плѣнили воеводу. Острожскій, видя приближающееся къ нему Русское войско, бѣжалъ отъ стѣнъ Опочки, не могши даже спасти своихъ стѣннотныхъ орудій, коими завладѣлъ Солтыковъ. Обративъ въ бѣгство Острожскаго и истребивъ большую часть Литовской рати, Россіяне загладили поряженіе подъ Оршею. Василій, по полученіи о томъ извѣстія, позволилъ посламъ прибыть въ Москву. Совѣщанія начались въ присутствіи Герберштейна. Не могши согласиться на требованія Василія, послы выѣхали ни съ чѣмъ изъ Москвы, и посредничество императора осталось безъ дѣйствія.

Война съ Россіею началась съ новымъ ожесточеніемъ. Союзникъ Василія, великій Магистръ, нагрянулъ на Литву съ сѣвера, съ другой стороны Московскіе воеводы Шуйскій, Горбатый и Курбскій распространяли опустошенія до Вильна. Другая рать подъ начальствомъ Годунова, Елецкаго и Засѣкина осадила Полоцкъ, выжгла его предмѣстія и взяла внѣшнія укрѣпленія. Третья рать подъ начальствомъ Θεодора, племянника царя Казанскаго Алегамы, также опустошала Литву. Магистръ совѣтовалъ Василію перенести войну въ Самогитію, завоевать эту изобильную хлѣбомъ и беззащитную область, а потомъ перейти въ Мазовію и, соединясь съ нимъ, ударить въ самое средоточіе силъ Сигизмундовыхъ. Этотъ умный, но отважный планъ не былъ приведенъ въ исполненіе. Сигизмундъ, заключивъ съ Василіемъ перемиріе на шесть мѣсяцевъ, обратился со всѣми силами на магистра и заставилъ его просить мира. Происки въ Крыму и слѣдствія ихъ, измѣна царя Казанскаго и опустошительное нашествіе Магметъ-Гирея

на Россію, отвлекли вниманіе и силы Василія отъ Литвы и дали ей время возстать изъ пепла и развалинъ. Узнавъ о слѣдствіяхъ нашествія Магметъ-Гирея, но не имѣвъ возможности воспользоваться ими по причинѣ недостатка въ войскѣ и деньгахъ, Сигизмундъ отправилъ посольство въ Москву съ предложеніемъ мира. Не могли согласиться въ условіяхъ мира, заключили только перемиріе на пять лѣтъ съ 22 декабря 1522 года. Смоленскъ остался за Россіей, границею обоихъ владѣній назначены Днѣпръ, Ивака и Меря. Такъ окончилась дѣсятилѣтняя война между Василіемъ и Сигизмундомъ. Несравненно выгоднѣе для короля былъ миръ съ магистромъ Альбрехтомъ Брандбургскимъ. Сигизмундъ призналъ его наслѣдственнымъ владѣтелемъ орденскихъ городовъ, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ призналъ надъ собою владчество Польскихъ королей и управлялъ своими владѣніями въ качествѣ васала Польши. Сигизмундъ далъ Пруссіи гербъ чернаго орла съ изображеніемъ начальной буквы своего имени S.

Наступила блистательнѣйшая эпоха царствованія Сигизмундова. Онъ приступилъ къ подвигу, которымъ Литва опередила соединившееся съ нею государство, считавшееся древнѣе и образованнѣе ея. Онъ приказалъ собрать все распоряженія своихъ предшественниковъ, равно какъ и все учрежденія и обычаи, вошедшіе въ силу закона, и составить изъ нихъ уложеніе, дополнивъ его нѣкоторыми новыми постановленіями, соотвѣтственными тогдашнимъ государственнымъ нуждамъ. Уложеніе это, написанное на Русскомъ языкѣ, обнародовано было въ 1522 году подъ именемъ *Литовскаго Статута*.

Остановимъ въ этомъ мѣстѣ на нѣсколько времени повѣствованіе о прочихъ событіяхъ въ государствѣ, и пройдемъ вкратцѣ исторію законодательства въ Литвѣ. Этотъ предметъ стоитъ того, чтобы заняться имъ особенно. Для этого должно будетъ намъ выйти на время не только изъ предѣловъ описываемаго нами царствованія, но даже изъ предѣловъ II-го періода нашихъ замѣтокъ.

Не будемъ касаться законодательства языческой Литвы, въ особенности до тѣхъ поръ, пока она начала входить въ тѣснѣйшія сношенія съ Русью, тѣмъ болѣе, что по этой части, историки не доставили намъ достаточныхъ свѣдѣній. Неизвѣстно даже существовали ли какіе нибудь законы въ Литвѣ въ то время. Впрочемъ если и су-

ществовали, то они извѣстны были однимъ жрецамъ (кревамъ), кои были не только хранителями священныхъ предметовъ религіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ истолкователями воли боговъ. Такъ какъ волѣ боговъ сопротивляться невозможно, то изреченія жрецовъ считались приговорами, кои должно было приводить въ исполненіе. А потому жрецы были настоящіе судіи. Крече-Кревейто (Судія судей) былъ верховный начальникъ сословія жрецовъ, слѣдственно верховный судія, котораго опредѣленія считались непреложными. Сами владѣтельные князья обязаны были исполнять ихъ свято. Впрочемъ власть князей въ управленіи ихъ удѣлами, была неограниченна. Въ важнѣйшихъ только государственныхъ случаяхъ они обращались за совѣтами въ Крече-Кревейтъ.

Съ XII столѣтія начинается этотъ порядокъ вещей, и дѣла управленія въ Литвѣ принимаютъ совершенно иной видъ. Безпрерывныя войны, въ коихъ начальство надъ войскомъ принадлежало князьямъ, постепенно усиливали ихъ власть и ослабляли вліяніе жрецовъ. Еще болѣе обширности получила власть князей съ начала XIII столѣтія, по завоеваніи многихъ Русскихъ областей, доставившихъ князьямъ сильныя дружины, состоявшія изъ однихъ христіанъ, на которыхъ сословіе языческихъ жрецовъ, ни самъ Крече-Кревейто, не имѣли никакого вліянія. При ихъ помощи, князья менѣе обращали вниманія на жрецовъ, а наконецъ свѣтская власть совершенно отдѣлилась отъ духовной. Возникла княжеская дума, безъ сомнѣнія заимствованная отъ Руси, отъ которой Литва начала перенимать обычаи и даже порядокъ управленія. Въ это время составилъ въ Литвѣ особенный классъ бояръ, родъ древняго Литовскаго дворянства, обязанный исправлять военную службу, за данныя ему земли, и находившійся въ ленной зависимости отъ своихъ князей. Они оставались въ такомъ видѣ въ Литвѣ до тѣхъ поръ, пока не составила въ ней шляхта, по образцу Польской, которая начала презирать бояръ, давая ихъ названіе своимъ дворовымъ людямъ. Оттого и произошло впоследствии раздѣленіе бояръ на отчичей и вольныхъ, панцерныхъ путниковъ и служковъ, о которыхъ упоминается въ древнихъ актахъ и Литовскомъ Статутѣ.

Упомянуто было выше, что Гедиминъ ввелъ феодальную систему. Въ послѣдствіи времени при Ольгердѣ, а особливо при Витовтѣ, ленники превращены были въ намѣстниковъ, коихъ назначеніе зависѣло отъ безусловной воли великаго князя. Хотя многіе историки утверждаютъ, что до временъ Сигизмунда I, Литва не имѣла никакого законодательства, но подъ этими выраженіями можно разумѣть только то, что она неимѣла полного уложенія, то есть собранія законовъ. Не естественно, чтобы государство, образовавшееся, распространившее свои предѣлы и утвердившее свое могущество, не имѣло другихъ законовъ, кромѣ естественныхъ, какъ сказалъ объ немъ Папа Инокентій IV. Эти естественные законы были, безъ сомнѣнія, мѣстные постановленія, освященные временемъ обычаи, а можетъ быть законы и обычаи сосѣдственной Руси, къ чему наиболѣе содѣйствовало присоединеніе къ Литвѣ обширныхъ Русскихъ областей. Извѣстно, что Литовцы перенимали отъ сосѣдственной Руси все, что находили для себя полезнымъ. Не одна статья Русской правды могла войти въ Литовское законодательство, а потомъ и въ Статутъ, потому что нѣкоторыя подробности въ обоихъ уложеніяхъ имѣютъ между собою разительное сходство.

Въ числѣ древнѣйшихъ судовъ, учрежденныхъ въ Литвѣ, историки полагаютъ *коповые*, заимствованные отъ Русскихъ (родъ повального обыска). Для открытія вора, убійцы или инаго преступника, скрывшагося отъ рукъ правосудія, собирали на граничныхъ курганахъ (*коповискахъ*) совѣтъ, составленный изъ мѣстныхъ жителей, достойныхъ довѣрія, и называемый *копою*. Постановленія такой копы утверждалъ въ позднѣйшее время Гродскій судъ.

Особеннаго вниманія достойно одно постановленіе, укоренившееся въ Литвѣ съ самой глубокой древности, — такъ называемое *положеніе шапки въ доводѣ съ рублемъ грошей*. Это было нѣчто въ родѣ поруки, залога, вклада, употребляемого на Руси, гдѣ жалующійся представлялъ въ судъ извѣстную сумму денегъ, съ тѣмъ, что ежели дѣло его окажется несправедливымъ, то онъ теряетъ ее, если же дѣло выиграетъ, получаетъ ее обратно, а противная сторона должна представить такое же количество денегъ въ пользу судіи. Это русское обыкновеніе перешло въ Литву съ таковымъ измѣненіемъ, что не только жалующемуся,

но и обвиненному, въ особенности, когда также имѣлъ претензію, позволено было представлять вклады, всыпавъ рубль грошей въ шапку, которая у Литовцевъ могла имѣть еще какое нибудь символическое значеніе. Нарбутъ, найдя въ одномъ документѣ слова: „люди добрые, веры годные, полагали шапки“ и проч., утверждаетъ, что это была въ Литвѣ древнѣйшая форма свидѣтельства или присяги, при чемъ свидѣтель, извѣстный своими безукоризненными свойствами, снявъ шапку и положивъ ее на столъ передъ судіею, произносилъ: „какъ эту шапку кладу въ твои руки, такъ готовъ я положить голову мою въ залогъ справедливости моего показанія.“ Если это дѣйствительно такъ происходило, то въ этой формѣ соединены два обыкновенія: древнее Русское—представленіе вкладовъ, и Литовское—положеніе шапки съ присягою.

Къ числу чиновниковъ древней Литвы принадлежали Тіуны и Децкіе. Званіе Тіуновъ видимо перешло изъ Руси, гдѣ ихъ было нѣсколько родовъ. Въ Литвѣ находились только высшіе и деревенскіе. Первые назначаемы были изъ высшаго сословія, завѣдывали имѣніями царствующиыхъ, были судьями жителей, находившихся въ ихъ округахъ, и сборщиками государственныхъ податей. Деревенскіе, назначаемые изъ простаго народа, смотрѣли за порядкомъ въ селеніяхъ и деревняхъ. Также заимствовано въ Литвѣ изъ Руси учрежденіе Децкихъ. Они первоначально развозили приказанія князей и наблюдали за ихъ исполненіемъ, имѣли надзоръ за мелкою монетою, наконецъ начали мѣшаться въ судебныя дѣла. Злоупотребленія ихъ возбудили жалобы шляхты, по просьбѣ которой Казимиръ ограничилъ кругъ ихъ дѣйствій. Въ царствованіе этаго государя воеводы имѣли уже собственныхъ децкихъ.

Первые памятники писанныхъ законовъ въ Литвѣ находимъ въ привиллегіяхъ, издаваемыхъ великими князьями, коими дарованы были разныя права и преимущества городамъ, сословіямъ, а иногда и цѣлымъ областямъ. Изъ такихъ документовъ извѣстнѣйшими были: 1) Привиллегія Ягайлы 20 февраля 1387 года, о преимуществахъ принявшихъ Риско-католическое исповѣданіе. 2) Актъ Городельскій 1413 года. 3) Земская привиллегія Казимира Ягелона 1457 года, коею даны разныя права и преимущества духовенству и шляхтѣ съ освобожденіемъ послѣдней отъ всякой подати, также свобода располагать сво-

имъ имѣніемъ, обезпечено вдовѣ свободное обладаніе недвижимымъ имѣніемъ, возобновлено право выдавать дочерей за мужъ безъ согласія царствующаго, предоставлено право выѣзда за границу для образованія себя и т. п.

Вѣроятно эта привиллегія дана была только для жителей собственной Литвы, потому что преемники Казимира давали такія же другимъ областямъ. Александръ далъ подобную привиллегію землѣ Дрогицкой а Сигизмундъ I Бѣльскому повѣту и воеводствамъ Витебскому, и Кіевскому. Кромѣ того Александръ далъ еще двѣ привиллегіи Литвѣ и Жмуди. Въ первой обѣщаль не перемѣнять постановленія, утвержденнаго думою, не ставить никому во зло противное мнѣніе въ думѣ, а государственные доходы съ согласія думы обращать на надобности государства. Во второй сравнивалъ Жмудиновъ въ правахъ съ прочими жителями Литвы, позволилъ имъ охотиться въ лѣсахъ, уничтожилъ нересуды и виновцизны, освободилъ ихъ отъ постройки замковъ, обѣщаль не посылать Децкихъ за Невяжу и утверждать выбираемыхъ ими воеводу, старосту и тиуновъ.

Мало по малу образовалась въ Литвѣ народная представительность. Это дѣло шло съ величайшею медленностію и препятствіями. Главнѣйшее сопротивленіе происходило со стороны Литовской аристократіи, которая, будучи прозорливѣе и дальновиднѣе нисшей шляхты, опасалась подвергнуть отечество свое тѣмъ безпорядкамъ, смятеніямъ и своевольству, какимъ подвержена была, отъ уравнианія правъ шляхты, Польша. По этой самой причинѣ основательные Литовскіе вельможи съ такимъ усиліемъ противились окончательному соединенію двухъ государствъ болѣе 180 лѣтъ. Низшая Литовская шляхта, мало безпокаясь о благѣ общественномъ и даже не имѣя надлежащаго о немъ понятія, употребляла постоянныя усилія къ приобрѣтенію личныхъ выгодъ. Завидуя правамъ и вольности польской шлѣхты, стремилась упорно къ тому, чтобы сравняться съ нею, и ссылась безпрестанно на актъ Городельскій и другія постановленія, о коихъ сказано выше, громко домогалась ихъ исполненія.

Для предохраненія крестьянъ отъ притѣсненій и указанія средствъ къ усовершенствованію сельскаго хозяйства изданы Сигизмундомъ I два Устава въ 1529 году. 1) *О дворахъ* для Литвы, а преимущественно

для Виленскаго и Трокскаго повѣтовъ, въ руководство содержателямъ имѣній и чиновникамъ. 2) Для простаго народа земли Жмудской, въ которомъ указаны средства обезпеченія крестьянъ отъ злоупотребленій старосты и тиуновъ, обозначены обязанности крестьянъ, и указанъ путь къ законному ихъ удовлетворенію въ случаѣ обиды. Несравненно важнѣе было постановленіе Сигизмунда Августа, обнародованное въ 1557 году подъ названіемъ: *Устава на волоки Господаря Короля его Милости*. Этотъ важный уставъ отличается глубокою практическою мудростію, заключаетъ въ себѣ постановленія весьма удобныя къ исполненію и бросаетъ яркій свѣтъ не только на управленіе казенныхъ имѣній въ Литвѣ, но и на всю хозяйственную часть въ государствѣ. Сигизмундъ Августъ издалъ также *Уставъ о мѣсахъ, инструкцію землемѣрамъ* и положилъ основаніе учрежденію почтъ.

Всѣ эти памятники законодательства изданы были на особенные случаи, или въ пользу какого нибудь отдѣльнаго сословія. Первое общее уложеніе вышло въ Литвѣ въ 1492 году подъ названіемъ *Судебника Казимира Яеллона*. Оно заключаетъ въ себѣ по большей части законы уголовныя, въ особенности наказанія за воровство и насилія, а также нѣсколько распоряженій на счетъ граничныхъ споровъ, наконецъ о податяхъ и бобровой ловлѣ на тѣхъ рѣкахъ, гдѣ берега боярскіе граничатъ съ княжескими.

Наконецъ въ Литвѣ вышло полное и систематическое собраніе законовъ. Какъ сказано выше, Литва опередила Польшу, не смотря на преимущества ея въ просвѣщеніи и древности гражданской образованности. Литовцы подъ опекою велик ихъ князей достигли скоро и удобно этой благодѣтельной цѣли, къ которой Поляки стремились безпрестанно и съ величайшими усиліями, но всегда безуспѣшно. Въ Польшѣ ослабѣла уже власть короля, а шляхта не имѣла духа согласія, предпочитала свои преимущества полезнымъ узаконеніямъ и гражданскому порядку, между тѣмъ какъ Литва, пользуясь только правомъ совѣтовать на своихъ сеймахъ, не осмѣливалась останавливать намѣреній и дѣйствій великихъ князей. А потому въ Литвѣ до конца царствованія Яеллоновъ и даже нѣсколько позже, преобладалъ порядокъ, который въ Польшѣ уже пересталъ быть извѣстенъ. Литовцы, под-

держивая въ продолженіи 66 лѣтъ, благодѣтельныя намѣренія своихъ государей, трудились надъ составленіемъ полнаго Уложенія.

Въ 1522 году, какъ сказано выше, собраны въ одну книгу всѣ распоряженія прежнихъ государей и древніе обычаи, вошедшіе въ силу законовъ, и приведены въ систематическій порядокъ. Это уложеніе, рассмотрѣнное въ 1524 году, принято было всѣми Литовскими чинами, утверждено королемъ и получило обязывающую силу съ 1-го января 1530 года. Это собраніе законовъ, извѣстное подъ названіемъ перваго или стараго Статута Литовскаго, состояло изъ XIII главъ или раздѣловъ, писано было въ подлинникѣ, равно какъ и всѣ вышеупомянутыя узаконенія, на Русскомъ языкѣ и по приказанію Сигизмунда переведено въ послѣдствіи сначала на Латвійскій, а потомъ уже и на Польскій языкъ.

Уложеніе это оказалось не полнымъ. Нашлись пропуски и недостатки въ опредѣленіи судебнаго дѣлопроизводства. А потому въ 14 лѣтъ послѣ обнародованія перваго Статута, Сигизмундъ-Августъ назначилъ для дополненія его 10 комиссаровъ, изъ коихъ одна половина была Греко-Россійскаго, а другая Римско-католическаго исповѣданія. Они составили 10 новыхъ статей разнаго содержанія. Кромѣ того продолжались дополненія на пяти сеймахъ до 1564 года, въ которомъ уложеніе утверждено королемъ. Этотъ второй Статутъ, также какъ и первый, никогда не были напечатаны.

Рѣшительное соединеніе Литвы съ Польшею на Люблинскомъ съѣздѣ повлекло за собою многія перемѣны въ законодательствѣ, и требовало новаго пересмотра и дополненія Статута. Нѣкоторыя его распоряженія должно было совершенно исключить, какъ противныя Уніи. Для этого назначено 14 комиссаровъ подъ предсѣдательствомъ Виленскаго епископа Валеріана Протасевича. Коммиссія занялась прилежно этимъ дѣломъ, но Сигизмундъ-Августъ не дождался его окончанія. Стефанъ Баторій приказалъ дополнить Статутъ еще десятью статьями, объяснявшими права суда, также помѣститъ въ немъ дарованное имъ право выбора судей. Наконецъ при новомъ учрежденіи литовскаго трибунала нашлось множество новыхъ предметовъ, кои должно было включить въ новое уложеніе. Такимъ образомъ Литовскій Статутъ, столько разъ исправляемый и пополняемый, утвержденъ

былъ наконецъ Сигизмундомъ III, 23 января 1588 года, и напечатанъ на русскомъ языкѣ въ Вильнѣ въ типографіи Козьмы и Льва Мамоничей. Уложеніе это, извѣстное подѣ названіемъ третьяго Статута, сохранило въ здѣшнемъ краѣ обязательную силу до 2 сентября 1840 года, а съ тѣхъ поръ замѣнено русскимъ сводомъ законовъ. Законодательство Литвы составляетъ несокрушимый памятникъ преобладанія русскаго элемента въ Литвѣ. Никто не можетъ въ томъ сомнѣваться, что законы издаются для руководства въ государствѣ всеѣмъ гражданамъ безъ исключенія и согласно съ обстоятельствами того времени, въ которое издаются. А потому очевидно, что природные Литовцы имѣли въ употребленіи не иной какой языкъ, какъ только русскій, на которомъ написаны ихъ законы и ведено судебное дѣлопроизводство во всеѣмъ государствѣ. Убѣдительнѣйшимъ тому доказательствомъ служатъ самыя слова Статута раз. IV въ арт. I. «Писарь земскій долженъ писать всеѣ бумами, выписи и позывы по Русски, словомъ и буквами русскими, а не на иномъ какомъ языкѣ и иными словами.» Далѣе въ арт. 37, сказано: «Воеводы и судовые старосты имѣютъ особенно каждый изъ нихъ по своему мѣсту выбрать и опредѣлить въ судъ въ помощь себѣ намѣстника, или подстаросту, городскаго судію и писаря, людей честныхъ, благонравныхъ, достойныхъ, знающихъ законы и русскую грамоту изъ дворянъ въ томъ же повѣтѣ и уроженцевъ великаго княжества литовскаго.» Не очевидно ли свидѣтельствуютъ эти статьи сколь нуженъ былъ въ Литвѣ русскій языкъ? Наконецъ ежели городу Вильнѣ, столицѣ и средоточію великаго княжества дано было множество привилегій, написанныхъ не на иномъ какъ на русскомъ языкѣ, изъ чего должно вывести самое естественное заключеніе, что столица имѣла необходимую нужду въ Русскомъ, а не въ иномъ языкѣ; — то что сказать о тѣхъ областяхъ, въ которыхъ съ самихъ древнихъ временъ господствовали народонаселеніе, вѣра и языкъ русскіе, которыя одна сила оружія присоединила къ великому княжеству, и которыя усилія пристрастныхъ польскихъ патриотовъ и іезуитовъ старались представить свѣту въ видѣ коренныхъ литовскихъ областей? Все эти свидѣтельства и множество другихъ, имъ подобныхъ, которыя встрѣчаемъ на всякомъ шагу въ памятникахъ литовскаго законодательства, ясно убѣждаютъ въ томъ, что русскій элементъ имѣлъ съ самаго начала

ощутительный перевѣсъ надъ литовскимъ во владѣніяхъ великаго княжества.

Возвратимся теперь къ царствованію Сигизмунда I.

Сигизмундъ женатъ былъ на Бонѣ Сфорчи, дочери Іоанна Галеацо, герцога Медіоланскаго. Эта хитрая, користолюбивая и мстительная женщина была причиною многихъ домашнихъ огорченій для Сигизмунда и неудовольствій въ государствѣ. Онъ имѣлъ отъ нея одного сына Сигизмунда Августа, который въ 1529 году, въ присутствіи отца, матери, литовскихъ вельможъ и народа провозглашенъ, въ Каоедрѣ св. Станислава, великимъ княземъ Литовскимъ. Поляки не смѣли обнаружить своего неудовольствія, что этотъ актъ былъ совершенъ безъ ихъ участія. Впрочемъ Сигизмундъ Августъ не могъ еще заняться государственными дѣлами по причинѣ малолѣтства. Онъ имѣлъ всего въ то время 9 лѣтъ. Безразсудная привязанность къ нему матери удаляла его отъ занятій науками и воинскихъ упражненій, забавляла дѣтскими игрушками и довела до такой сѣпени изнѣженности, что онъ прежде времени состарѣлся. Благонамѣренные государственные люди съ негодованіемъ смотрѣли на то, что надежда обширнаго государства, которое могло поддержать себя однимъ оружіемъ, тратитъ время посреди женщинъ и дѣтей, въ забавахъ и занятіяхъ, несвойственныхъ не только будущему государю, но даже вообще взрослому мальчику. Ропотъ обнаружился въ народѣ. Просили короля и домогались на сеймахъ, чтобы поручить наслѣдника престола достойнымъ воспитателямъ. Но Бона, овладѣвъ душою своего стараго мужа, не хотѣла отпустить отъ себя сына до шестнадцатилѣтняго возраста. Тогда уже съ трудомъ согласились отдать его умному и опытному Гнѣзненскому кастеляну Петру Опалинскому, который старался ознакомить его съ наукою управлять государствомъ и познавать людей. Сигизмундъ Августъ, съ самаго начала своего образованія обнаружилъ большіе успѣхи, но прежнія впечатлѣнія не остались безъ дѣйствія. Вскорѣ молодой государь оказалъ страсть къ удовольствіямъ, за которою явилось утомленіе, отвращеніе отъ дѣлъ, въ особенности отъ стана, а наконецъ изнѣженность, ослабленіе тѣла и бездѣйствіе.

Въ 1533 году умеръ царь Московскій Василій Іоанновичъ. Си-

гизмундъ отправилъ пословъ въ Москву для заключенія мира съ новымъ правительствомъ, но посольство это не имѣло успѣха.

Василій оставилъ по себѣ наслѣдникомъ престола четырехлѣтняго сына Іоанна IV, подъ опекою матери его Елены и руководствомъ двадцати вельможъ, составлявшихъ верховный совѣтъ. Въ числѣ ихъ болѣе всѣхъ приобрѣлъ довѣрія правительницы, а вмѣстѣ съ тѣмъ явный перевѣсъ надъ своими товарищами князь Овчина-Телепневъ-Оболенскій. Зависть товарищей его была причиною происковъ, которые произвели волненіе умовъ въ Россіи. Сигизмундъ хотѣлъ воспользоваться имъ и началъ дѣлать приготовленія къ походу, желая отнять всѣ Іоанновы и Василіевы приобретенія. Измѣнники князь Бѣльскій и окольный Лятскій, перешедшіе на его сторону, разсказывая ему о слабостяхъ Елены, тиранствѣ членовъ совѣта и негодованіи народа, еще болѣе утвердили его въ этомъ намѣреніи. Въ 1534 году онъ приказалъ Кіевскому воеводѣ Немирову идти съ многочисленнымъ войскомъ въ Сѣверскую область. Немировъ приступилъ къ Стародубу. Жители этого города, подъ начальствомъ Андрея Левина, сдѣлавъ вылазку, напали на Литовцевъ съ такою стремительностію и съ такимъ мужествомъ, что въ короткое время привели ихъ въ совершенный безпорядокъ, и разогнали все войско Немирова. Литовцы бросились къ Чернигову. Благоразумный и храбрый воевода Ѳеодоръ Мезицкій не далъ имъ приблизиться къ стѣнамъ, встрѣчая ихъ повсюду мѣткими пушечными выстрѣлами. Ночью Черниговцы вышли изъ города, напали нечаянно на непріятеля и привели его въ такое разстройство, что онъ, оставивъ множество убитыхъ и плѣнныхъ, а также весь обозъ и пушки, бѣжалъ стремительно за границу.

Нападеніе другаго военачальника Сигизмунда, князя Вишневецкаго, на Смоленскъ было также неудачно. Намѣстникъ князь Никита Оболенскій отразилъ его съ большою потерею. Тогда то московское правительство, негодую на Сигизмунда, за его непріязненные дѣйствія, объявило ему войну, именемъ Іоанна. Эта война началась блистательными успѣхами русскихъ войскъ, которыя, опустошивъ большую часть Витебской и Полоцкой областей, находились уже въ 15 верстахъ отъ Вильны. Другая русская рать сдѣлала тоже самое въ окрестностяхъ Мозыря, Турова и Могилева. Побѣдители шадли повсюду русскія

церкви, и плѣнниковъ русскаго происхожденія великодушно отпускали. Но къ сожалѣнью русскіе воеводы не хотѣли продолжать своихъ дѣйствій. Довольствуясь своими успѣхами, они собрали только несмѣтную добычу и возвратились въ Москву.

Сигизмундъ ободрился, подкупилъ Крымскаго хана и склонилъ его напасть на Россію, наконецъ, собравъ 40 т. войска, послалъ его къ Стародубу. Слуги измѣнниковъ Бѣльскаго и Лятскаго, ограбивъ господъ своихъ, прибыли въ Москву и увѣдомили правительство о намѣреніяхъ Сигизмунда. Выслана была сильная рать къ Смоленску; но въ окрестностяхъ его не нашли непріятеля. Новгородцы и Псковитяне вошли въ предѣлы Литвы съ сѣверной стороны. Воевода Бутурлинъ построилъ на Литовской землѣ крѣпость Ивангородъ и снабдилъ ее всѣмъ нужнымъ для защиты. Узнавъ о приближеніи литовцевъ къ Стародубу, отправили для защиты его сильное войско. Но въ это время узнали о нашествіи Крымскихъ татаръ. Россіяне отразили ихъ набѣгъ, но не могли подоспѣть на защиту Стародуба и Гомеля, которыми литовцы завладѣли. Шуйскій отомстилъ имъ за то опустошеніемъ окрестностей Шклова, Копыся, Орши, Дубровны и другихъ городовъ.

Построеніе Себежской крѣпости не давало покоя Сигизмунду. Въ 1536 году онъ послалъ Немирова съ 20 т. войска, приказавъ ему взять ее во чтобы то ни стало. Это намѣреніе увеличило только славу русскаго оружія и покрыло новымъ стыдомъ Сигизмунда. Отрадивъ непріятеля мѣткими выстрѣлами, Россіяне сдѣлали вылазку, и загнали литовцевъ на тонкій ледъ Себежскаго озера, въ которомъ большая часть ихъ войска потонула. Рать, пришедшая для взятія новой крѣпости, вся истреблена. Съ другой стороны русскія войска, поражая Сигизмундовы войска въ Сѣверной области, возобновили раззоренный Стародубъ и другіе города и построили на Литовской землѣ двѣ новыя крѣпости: Велижь и Заволочье.

Сигизмундъ понялъ, что не имѣетъ возможности бороться съ младенцемъ Московскимъ государемъ и рѣшилъ просить мира. Послѣ многихъ бесполезныхъ споровъ, заключили наконецъ перемиріе на пять лѣтъ. Россіяне удержали Себежь и Заволочье, а Литовцы Гомель.

Съ тѣхъ поръ до кончины Сигизмунда вѣшнее спокойствіе государства не было нарушено, за то внутри оно было смущено въ

1542 году ужаснымъ пожаромъ, истребившимъ большую часть Вильна, а въ 1544-мъ жестокимъ голодомъ, слѣдствіемъ появившейся въ предъидущемъ году саранчи. Обѣднѣвшіе жители стекались толпами въ столицу въ надеждѣ найти сострадательную помощь или работу. По этой причинѣ сеймъ, который предполагалось собрать въ Вильнѣ, перенесенъ въ Брестъ. На этомъ-то сеймѣ, не смотря на сопротивление короля и происки Боны, по усиленнымъ просьбамъ Литовскихъ вельможъ, управление Литвою вполне было отдано Сигизмунду Августу. Виленскій воевода Николай Радзивиллъ болѣе всего содѣйствовалъ къ исполненію этого предположенія. Не задолго передъ тѣмъ Сигизмундъ Августъ вступилъ въ бракъ съ дочерью Фердинанда, короля Римскаго, Елисаветою. Лѣтописцы прославляютъ ея красоту, привѣтливость и благочестіе, также ея умъ и присутствіе духа, а болѣе всего кротость и терпѣніе, какими она отвѣчала на прихоти и своенравіе Боны. Сигизмундъ, прибывъ съ нею въ Вильно, занялся прилѣжно государственными дѣлами. Начало его управленія Литвою привело всѣхъ въ восхищеніе. Дѣятельность его возобновила и украсила столицу послѣ пожара. Его кротость, правосудіе, благородство безъ гордости, терпимость всѣхъ исповѣданій привлекли къ нему всѣ сердца. Одно Римско-Католическое духовенство, смотря съ негодованіемъ на его вѣротерпимость, менѣе всѣхъ сословіи оказывало ему привязанности. Немало содѣйствовала похвальнымъ его подвигамъ молодая его супруга Елисавета. Она, по словамъ одного изъ лѣтописателей, какъ ангель-хранитель, бодрствовала надъ нимъ и государствомъ. Но пріятныя надежды народа, полагавшаго видѣть въ ней источникъ своего благосостоянія и отрады, скоро исчезли. Въ самомъ первомъ году своего замужества, послѣ кратковременной болѣзни, Елисавета скончалась къ общей неліцемерной скорби цѣлаго народа. Подозрѣвали, что она отравлена по приказанію Боны, и можетъ быть не безъ основанія. Всѣмъ извѣстенъ былъ завистливый нравъ королевы. Она могла опасаться, что Елисавета, пріобрѣвъ, въ такое короткое время, любовь мужа, отца его и всего народа, возьметъ наконецъ надъ нею рѣшительный перевѣсъ. Поводомъ къ подозрѣнію, кромѣ кратковременной болѣзни великой княгини, было еще и отсутствіе мужа во время ея кончины. Потеря добродѣтельной Елисаветы была тѣмъ чувствительнѣе

для Литовцевъ, что со смертію ея Сигизмундъ Августъ совершенно перемѣнился. Онъ не показывалъ уже дѣятельности, заботливости о благѣ государства и вообще тѣхъ свойствъ, которыя пріобрѣли ему всеобщую любовь. Забывъ скоро свою потерю, онъ предался разсѣянію, забавамъ, роскоши и пиршествамъ и часто забывалъ свое званіе, предпочитая шумныя удовольствія обязанностямъ государя. Болѣе всего занимали сердце молодаго государя женщины. Въ особенности обратила на себя его вниманіе молодая и прекрасная вдова Трокскаго воеводы Гаштольда, дочь Виленскаго кастеляна Юрія Радзивилла, Варвара. Въ Вильнѣ извѣстны были всѣмъ безпрестанныя съ нею свиданія Августа. Построена была даже галлерей, которая вела изъ замка надъ улицею и Виліей къ ближайшему дому Варвары. Наконецъ разнеслись слухи, что Августъ тайно женился на ней. Извѣстіе это встревожило Польскій дворъ, въ особенности Бону. Употреблены были всѣ средства къ отвращенію молодаго наслѣдника престола отъ этого намѣренія. Сигизмундъ, прибывъ въ Вильно, самъ разспрашивалъ о томъ своего сына, но онъ опровергалъ эту вѣсть, какъ ложный слухъ. Между тѣмъ Николай и Юрій Радзивиллы, братья Варвары, желая сблизить сколько нибудь разстояніе между ними и царствующимъ домомъ, исходатайствовали себѣ у Карла V, на Аугсбургскомъ соборѣ, титулы князей Римской имперіи. Съ этаго то времени начинается поколѣніе князей Радзивилловъ, которыхъ предки этимъ титуломъ не пользовались. Впрочемъ въ Литвѣ смотрѣли на связь Августа съ Варварою довольно равнодушно. Одни только непріатели Радзивилловъ шумѣли и кричали. Но въ Польшѣ, въ которой умами управляла Бона, негодованіе и волненіе достигло высочайшей степени. Воеводы Иванъ Тенчинскій и Петръ Кмита громко говорили, что лучше желали бы видѣть Турецкаго султана въ Краковѣ, нежели Варвару королевой. Не смотря на все это Августъ въ 1547 году тайно обвѣнчался съ Варварой.

Спустя годъ послѣ того Сигизмундъ I умеръ, царствовавъ 41 годъ. Нельзя отказать ему въ нѣкоторыхъ похвальныхъ свойствахъ, составляющихъ достоинство и украшеніе государей, въ особенности въ присутствіи духа, которое два раза спасло его государство отъ очевидной опасности. Впрочемъ въ царствованіе его успѣхи Русскихъ

войскъ были блистательны и если Русскія области не отпали совершенно отъ Литвы, то этому были причиною небрежность Русскихъ воеводъ и малолѣтство Іоанна IV.

Коль скоро пришло въ Вильно извѣстіе о кончинѣ Сигизмунда, тотчасъ совершенно было во всѣхъ церквахъ и костелахъ за упокой души умершаго богослуженіе со всѣмъ погребальнымъ торжествомъ и великолѣпіемъ, приличнымъ его сану. 17 апрѣля 1548 года Сигизмундъ Августъ созвалъ сеймъ въ Вильнѣ и объявилъ на немъ о супружествѣ своемъ съ Варварою. Потомъ самъ проводилъ ее въ замокъ и составилъ для ней дворъ, приличный ея сану. Потомъ отправился въ Краковъ, куда призывали его мать и сестры. Тамъ извѣстіе о бракѣ его съ Варварою было причиною сильнѣйшаго волненія умовъ, ожесточенныхъ непрерывно происками Боны. Старались увѣрить Августа, что безъ согласія государственныхъ чиновъ онъ не имѣлъ права вступать въ брачный союзъ, который чрезъ то самъ собою уничтожается. На сеймѣ Піотрковскомъ Тенчинскій, Кмита и всѣ приверженцы Боны обратились къ королю съ рѣчами и убѣжденіями, чтобы онъ удалилъ отъ себя Варвару, какъ незаконную супругу. Но всѣ эти просьбы, убѣжденія и даже колѣнопреклоненія были напрасны. Августъ, обнаруживавшій слабость характера въ продолженіи всей жизни, былъ въ этомъ случаѣ непреклоненъ, и побѣдилъ своихъ противниковъ рѣшительнымъ и прекраснымъ отвѣтомъ. „То, что совершилось, сказалъ онъ, переменить не можетъ, а вамъ слѣдуетъ просить меня не о томъ, чтобы я нарушалъ данное слово жень, но чтобы сохранилъ данное каждому изъ васъ. Я далъ клятву быть вѣрнымъ жень, и не нарушу ее пока Господь Богъ сохранитъ меня на свѣтѣ. Для меня дороже мое честное слово, нежели всѣ королевства въ мірѣ.“

Между тѣмъ срокъ перемирія съ Россіей окончился. Августъ отправилъ посольство въ Москву для заключенія мира. Литовскіе послы требовали сначала очень много, но окончили тѣмъ, что заключили снова перемиріе на пять лѣтъ на прежнихъ условіяхъ.

Не смотря на продолжительное сопротивленіе Боны и польскихъ вельможъ, Варвара была наконецъ коронована въ 1550 году. Она уже въ то время была больна, и въ слѣдующемъ 1551 году сконча-

лась, какъ нѣкоторые увѣруютъ, отъ рака на груди. Большая часть писателей, основываясь на общемъ тогдашнемъ мнѣніи въ народѣ, утверждаетъ, что она была отравлена по приказанію Бона. Король приказалъ перевезти тѣло ея въ Вильно и самъ сопрождалъ его до мѣста погребенія. Она погребена въ замковомъ костелѣ. Король получилъ отвращеніе отъ Польши, гдѣ столько перевѣса имѣла Бона и непріатели Варвары, а потому цѣлый годъ оставался въ Вильнѣ. Тутъ созванъ былъ сеймъ, на которомъ Польскіе послы домогались присоединенія къ Польшѣ Подлѣся, Волыни, Кіева и возобновленія Уніи, но не получили никакого успѣха. Пока жилъ Николай Радзивиллъ, извѣстный подъ именемъ *чернаго*, не было возможности и вспоминать о подобныхъ предложеніяхъ. „Государь! говорилъ онъ королю, Поляки льнутъ къ Литвѣ, какъ пчелы къ цвѣтамъ, чтобы, высосавъ изъ нихъ медъ, потомъ ихъ бросить.“

Сигизмундъ Августъ чувствовалъ, какія могутъ быть послѣдствія отъ безпрестанно усиливающейся власти духовенства, которой оно присвоивало себѣ часть отъ часу болѣе. Къ обузданію этой власти онъ не нашелъ другаго средства, какъ только покровительство своихъ подданныхъ всѣхъ исповѣданій, отдавая каждому справедливость соотвѣтственно его способностямъ и заслугамъ и не обращая никакого вниманія на разницу въ вѣрѣ. Это равнодушіе къ различію въ исповѣданіяхъ грозило въ то время государству большою опасностію по причинѣ быстраго распространенія ученія Лютера, Кальвина и другихъ реформаторовъ. Передъ глазами короля составлялись общества иновѣрцевъ, ксендзы вступали въ брачные союзы и великая часть жителей приняла реформу: средній классъ — Лютера, а аристократія — Кальвина. Въ католическомъ духовенствѣ возникли сильныя тревоги, и начали уже думать о учрежденіи въ Вильнѣ инквизиціи. Кромѣ послѣдователей Лютера и Кальвина, начали вторгаться въ Литву и распространять свои ереси Цвингліане, Анабаптисты, Аріяне, Социніане, Антитринитары и другіе. Князь Николай Радзивиллъ, съ давняго уже времени принявъ ученіе Кальвина, объявилъ себя ревностнымъ защитникомъ его послѣдователей, далъ имъ мѣсто для богослуженія въ своемъ домѣ на Лукишкахъ, и просилъ короля посѣтить ихъ общество и присутствовать при ихъ молитвахъ. Король отправился къ нему съ

многочисленной свитой. Но когда проѣзжалъ мимо Каѳедральнаго костела, Виленскій епископъ князь Павелъ Ольшанскій, узнавшій предварительно о его намѣреніи, вышелъ ему на встрѣчу съ духовенствомъ въ торжественныхъ облаченіяхъ схватилъ узду его коня, воскликнувъ: „Государь! Не по этой дорогѣ предки твои ходили въ домъ Божій, а вотъ по которой!“ и указалъ на костель. Потомъ продолжалъ: „Ты заблудился, государь! Ты оставляешь мать, которая возвела тебя на престоль, а спѣшишь къ мачихѣ.“ Наконецъ, повергнувшись на землю со всѣмъ клиромъ, сказалъ: „только по нашимъ тѣламъ ты поѣдешь туда.“ Августъ противъ воли долженъ былъ уступить убѣжденіямъ епископа, сошелъ съ лошади и обратился съ нимъ вмѣстѣ въ костель. Польскіе историки превозносятъ похвалами поступокъ этого пастыря, ревновавшаго ко славѣ ввѣренной управленію его церкви и защищавшаго ее отъ соблазна нововведеній. Отдавая въ этомъ случаѣ полную справедливость епископу Павлу, спросимъ однакожь, какъ назвать поступки Римско-Католическаго духовенства, употреблявшаго болѣе 200 лѣтъ преступныя усилія, чтобы отгнать миллионы православныхъ отъ матери и перевести ихъ на лоно мачихи, новоизобрѣтенной Уніи, которая по времени своего происхожденія была еще моложе протестантскихъ обществъ?

Впрочемъ это событіе не перемѣнило образа мыслей короля. Онъ остался по прежнему покровителемъ реформаторовъ, и противникомъ духовенства, которое всѣми мѣрами старался удержать въ предѣлахъ подчиненности. Но Августъ былъ слишкомъ слабъ для такого подвига, а можетъ быть уже поздно было приступать къ нему.

Въ 1552 году Августъ, прибывъ съ Піотрковскаго сейма въ Вильно, нашель въ столицѣ большое смятеніе, возбужденное шляхтой, на которую наложилъ онъ подать по Литовской копѣ съ коня. Смятеніе это, послѣ кратковременнаго шума и жалобъ, утихло съ прибытіемъ короля. Литва, перенимая исподволь своеволие и буйство Польской шляхты, не была еще вполне проникнута этой заразой, а присутствіе государя было еще въ ней сильнымъ средствомъ къ сохраненію порядка и подчиненности.

Въ 1553 году Сигизмундъ Августъ вступилъ въ третій бракъ съ

Екатериною, дочерью короля Римскаго, сестрою первой его супруги Елисаветы, на что получилъ разрѣшеніе отъ папы.

Быстрое распространеніе религиозной реформы привело въ ужасъ оставшесся вѣрнымъ Римскому престолу духовенство. Въ 1555 году созванъ былъ въ Вильнѣ епархіальный соборъ. Совѣщанія происходили въ каеदारльномъ костелѣ, подъ предѣдательствомъ Самогитскаго епископа. Хотѣли непременно учредить инквизитора, дабы остановить распространеніе реформы. Броженіе умовъ и безпокойства въ государствѣ были столь сильны и грозили такими смятеніями, что наконецъ обратили на себя вниманіе Рима. Папа Павелъ IV отправилъ къ Сигизмунду Августу епископа Веронскаго Алоизія Липпомани, который совѣтовалъ ему употребить насильственные средства для искорененія ересей. Но какъ соборъ, такъ и посольство папы не имѣли успѣха. Учрежденія инквизитора не послѣдовало, а на Липпомани наклѣно множество пасквилей, которые иновѣрцы во множествѣ разсѣяли по городу.

Въ 1556 году окончился срокъ перемирія съ Россіей. Миръ легко могъ бы послѣдовать за нимъ. Иоаннъ требовалъ только, чтобы Августъ призналъ его царемъ, какимъ признали его уже императоръ, папа, султанъ, короли Шведскій и Датскій. Неизвѣстно по какой причинѣ Августъ не согласился на это, и миръ не состоялся. Продолженъ только срокъ перемирія до 1562 года.

Между тѣмъ случилось обстоятельство, которое могло бы примирить оба враждовавшія государства и обратить соединенныя ихъ силы противу общаго врага Крымскаго хана. Вождь Днѣпровскихъ козаковъ и начальникъ Канева, князь Димитрій Вишневецкій, посвятивъ себя на службу Иоанна, привелъ успѣхами своими въ ужасъ Крымскихъ татаръ и предложилъ Иоанну покорить для него Кіевъ и всѣ южныя Русскія области, отторгнутыя Литвою. Иоаннъ, не желая нарушать перемирія съ Литвою, не принялъ его предложенія. Онъ далъ ему 5000 ратниковъ и велѣлъ двинуться къ предѣламъ Ханства; а въ тоже время отправилъ посла къ Августу, предлагая ему союзъ противъ Крымцевъ и обѣщая, при началіи непріятельскихъ дѣйствій помогать ему всѣми своими силами. Предложеніе это было принято въ Литвѣ съ необыкновеннымъ восторгомъ. Посла Московскаго носили на рукахъ, чест-

вовали и угощали какъ при дворѣ Августа тягъ и въ домахъ знатнѣйшихъ вельможъ. Король отправилъ также посольство къ Иоанну съ изъявленіемъ благодарности. Но это похвальное намѣреніе, исполненіе котораго могло быть столь благодѣтельно для обоихъ государствъ и обезпечить навсегда южныя Русскія области отъ нашествія хищниковъ, скоро было оставлено, и всѣ прекрасныя надежды обоихъ народовъ исчезли какъ мечта. Нашелся новый предлогъ къ раздору, и вскорѣ запылала новая война между Россією и Литвою. Предметомъ этой войны была Ливонія.

Еще при Иоаннѣ III, при заключеніи мира съ магистромъ Плеттенбергомъ въ 1503 году, между условіями находилась статья, по которой Дерптская область обязана была платить Московскому государю ежегодную дань по одной нѣмецкой маркѣ съ каждаго человѣка. Видно, что Московскій дворъ мало обращалъ вниманія на выгоды этой статьи, потому что Дерптская область въ продолженіи 50 лѣтъ не присылала дани. Между тѣмъ орденъ безпрестанно раздражалъ Иоанна, благоприятствуя то Польшѣ, то Швеціи, и пренятствовалъ проѣзду въ Москву художникамъ, которыхъ Московскій царь призывалъ изъ за границы. Иоаннъ рѣшился отомстить рыцарямъ за ихъ непріязненные дѣйствія. Въ 1554 году Ливонскіе послы просили его о возобновленіи перемирія еще на 15 лѣтъ. Иоаннъ согласился, но съ тѣмъ, чтобы Дерптская область, на основаніи уговора, заключеннаго съ его дѣдомъ, платила ежегодную дань, и внесла недоимку за 50 лѣтъ. Требованіе Иоанна привело въ ужасъ рыцарей; но оно было столь справедливо и основано на такихъ неоспоримыхъ доказательствахъ, что не было никакой возможности отказаться отъ удовлетворенія. Послы обязались присягою исполнить все требуемое царемъ Московскимъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшились обмануть его и подъ разными предлогами уклонялись отъ исполненія обязательства. Вѣроломство ихъ вывело наконецъ Иоанна изъ терпѣнія. Онъ объявилъ ордену войну, которая была причиною окончательнаго его паденія и вовлекла Россію въ новую войну съ Литвою.

Русскія войска, вошедъ въ Ливонію, опустошили ее ужаснымъ образомъ. Гермейстеръ Фирштенбергъ сложилъ съ себя свое званіе и передалъ его Готарду Кетлеру. Новый Гермейстеръ былъ еще не-

счастливейе въ борьбѣ съ Іоанномъ. Русскіе воеводы завладѣли въ короткое время Нейшлоссомъ, Дерптомъ, Везенбергомъ, Оберпаленомъ, Маріенбургомъ и другими городами, наконецъ, разбивъ меченосцевъ на рѣшительномъ сраженіи при Эрмисѣ и взявъ Феллинъ, привели орденъ въ самое отчаянное положеніе.

Готардъ Кеттлеръ, предвидя неминуемое паденіе ордена, обратился отъ имени его къ Сигизмунду Августу и предложилъ ему въ вѣчное владѣніе Ливонію. Король забылъ благородный поступокъ Іоанна, не принявшаго столь выгоднаго для него предложенія князя Вишневецкаго, забылъ столь искренно предложенную имъ помощь противъ Крымцевъ, которая обѣщала столько благопріятныхъ послѣдствій для южныхъ областей его государства и принялъ съ неумѣстною радостію даръ Кеттлера, за который отдалъ ему во владѣніе въ качествѣ вассала Польши, Курляндію и Семигалію съ титуломъ герцога. вмѣстѣ съ тѣмъ Эстляндія покорилась Швеціи, и епископство Езельское Даніи. Существованіе ордена прекратилось. Гермейстеръ и множество рыцарей пережились и приняли Лютеранскую вѣру, которая скоро распространилась и утвердилась въ Курляндіи, Ливоніи и Эстляндіи.

Августъ не ограничился принятіемъ Кеттлерова дара, и не дождавшись окончанія перемирія, началъ войну съ Россіей и послалъ въ Ливонію Николая Радзивилла, который взялъ городъ Тарвистъ. Русскіе скоро выгнали его оттуда и раззорили крѣпость до основанія. Іоаннъ, собравъ 300 т. человекъ, чтобы нанести рѣшительный ударъ Литвѣ, взялъ Полоцкъ, считавшійся неприступнымъ, переправился черезъ Двину и приблизился къ Вильну. Устрашенный Августъ прибѣгнулъ къ великодушію Московскаго царя и выпросилъ у него перемиріе на шесть мѣсяцевъ. Въ декабрѣ 1563 года прибыли въ Москву Августовы послы для заключенія мира. Не смотря на то, что Русскія войска почти постоянно поражали Литовцевъ и что еще недавно Іоаннъ довелъ Августа до крайней опасности, Литовскіе послы не отставали отъ неумѣренныхъ требованій, а потому переговоры не имѣли успѣха, и война снова запылала.

Эта война сначала ведена была съ переменнымъ счастьемъ, но въ послѣдствіи сдѣлалась несчастливѣе для Россіянъ, по причинѣ удивительной переменны въ характерѣ Іоанна. Онъ, будучи 13 лѣтъ об-

разцомъ вѣнценосцевъ, славясь столько же на полѣ брани и благоразуміемъ во вѣшной политикѣ, сколько кротостію, милосердіемъ и любовію къ своимъ подданнымъ, по кончинѣ первой своей супруги Анастасіи, обнаружилъ такія склонности, которыя приводили въ ужасъ однихъ его подданныхъ. Нѣкоторые изъ его вельможъ, опасаясь его жестокости, перешли въ Литву. Въ числѣ ихъ находился князь Андрей Курбскій, который не ограничился тѣмъ, что нашель безопасность въ чужой странѣ, но простеръ свои злыя намѣренія далѣе. Онъ посвятилъ себя на службу Августу, подавалъ ему преступные совѣты, училъ его губить Россію, и самъ принялъ участіе въ незаконной войнѣ противъ оставленнаго имъ отечества. Провидѣніе не дозволило измѣннику торжествовать надъ преданными имъ соотечественниками, и новыя его усилія покрыли только стыдомъ предателя.

Въ 1564 доду обнаружались пагубныя для Россіи слѣдствія совѣтовъ Курбскаго. 70 т. Литовцевъ, поляковъ и иноземныхъ наемниковъ подъ начальствомъ Радзивилла и Курбскаго приблизились къ Полоцку. Съ другой стороны Девлетъ-Гирей съ 60 т. крымцевъ вступилъ въ Рязанскую область. Къ счастью, на этотъ разъ покушенія измѣнника были неудачны. Крымскіе татары, поражаемые на всякомъ шагу, со стыдомъ и урономъ выгнаны были изъ Россіи. Походъ Курбскаго и Радзивилла былъ еще неудачнѣе. Простоявъ 17 дней подъ стѣнами Полоцка, громимые пушечными выстрѣлами съ высотъ укрѣпленій, и узнавъ о приближеніи Пронскаго и Оболенскихъ, шедшихъ имъ въ тылъ съ новыми войсками изъ Великихъ Лукъ, они поспѣшно сняли осаду и переправились на лѣвый берегъ Двины. Въ глазахъ ихъ Русскіе воеводы взяли Озерице. Въ то же время Прозоровскій разбилъ Сапѣгу близъ Чернигова и взялъ его знамя. Наконецъ въ Ливоніи, въ которую Августъ послалъ также войско, Литовцы были разбиты на двухъ сраженіяхъ Русскими воеводами Вѣшныковымъ и Бутурлинымъ, которые взяли у нихъ 3200 плѣнныхъ.

Съ того времени Августъ нѣсколько разъ пытался примириться съ Іоанномъ, но упорство Литовскихъ пословъ всякій разъ ставило къ тому преграды, а потому война возобновлялась. Война эта продолжалась до 1569 года. Наконецъ обѣ стороны рѣшились заключить пере-

миріе. Полоцкъ и завоеваніе Іоанна въ Ливоніи остались въ рукахъ Русскихъ.

Въ продолженіи этой войны въ 1562 году произошло въ Вильнѣ бракосочетаніе принца финляндскаго Іоанна, брата Шведскаго короля Эрина XIV, съ Екатериною, меньшею сестрою Августа. Плодомъ этого супружества былъ Сигизмундъ III.

Наконецъ ударилъ роковой часъ для Литвы. Часъ, котораго не могли отвратить вѣковыя усилія благомыслящихъ и дальновидныхъ сановниковъ ея. Сигизмундъ Августъ рѣшился всею силою воли своей утвердить соединеніе ея съ Польшей. Не имѣвъ потомства и будучи открытымъ врагомъ Іоанна IV, онъ опасался, чтобы по смерти его, Литовская Русь не перешла къ Московскому царю, и для того рѣшился лучше пожертвовать ея самостоятельностью и включить ее въ составъ королевства Польскаго. Сильнѣйшаго противника, проискавъ Поляковъ и защитника Литовской самобытности, князя Радзивилла чернаго, уже не было на свѣтѣ. Августъ повидимому ожидалъ только его смерти, чтобы освободиться отъ послѣдней преграды, препятствовавшей осуществленію давно обдуманнаго имъ намѣренія.

Мы видѣли изъ описанія предъидущихъ царствованій, сколько усилій употребляла Польша для приведенія въ исполненіе этого намѣренія и сколько сопротивленія встрѣчала со стороны литовскихъ вельможъ. Сигизмундъ-Августъ, имѣя въ этомъ случаѣ менѣе причинъ противиться стараніямъ поляковъ, потому что былъ бездѣтенъ, сдѣлалъ рѣшительный шагъ для устраненія препятствія къ соединенію. Въ Польшѣ введено было избирательное правленіе, въ Литвѣ существовало наслѣдственное. На сеймѣ въ Варшавѣ 1563 года онъ отказался отъ наслѣдственнаго права въ Литвѣ въ пользу Польской короны, а потому постановлено, чтобы тотъ, кто будетъ выбранъ королемъ польскимъ, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ признанъ великимъ княземъ литовскимъ. Постановленіе это встрѣтило сильное сопротивленіе въ Литвѣ и не скоро было утверждено. Жившій еще въ то время Николай Радзивиллъ Черный и двоюродный братъ его, бывшій потомъ гетманомъ литовскимъ, сильно протестовали противъ него, и обнаруживали безпрестанно недовѣрчивость и неблагорасположеніе къ Поля-

камъ. Они имѣли многочисленную партію въ Литвѣ, поддерживавшую ихъ мнѣніе. Напрасно король сзывалъ съѣзды въ Бѣльскѣ и Парчевѣ въ 1564, а также въ Брестѣ и Люблинѣ въ 1566 году, на которыхъ, раздавая милости шляхтѣ и подтверждая ея права и преимущества, старался увротить ожесточеніе умовъ и склонить обѣ стороны къ соединенію. Поляки требовали присоединенія Подлѣсья, Кіева, Волыни собственно къ королевству, а Литва, думая всегда о своей самостоятельности, не хотѣла уменьшить предѣловъ своего государства. Въ такомъ состояніи умовъ созванъ былъ памятный сеймъ въ Люблинѣ въ 1569 году. Гетманъ Радзивиллъ не прибылъ на этотъ сеймъ, а литовскіе послы, раздражены будучи неумѣренными требованіями Поляковъ, поссорились съ ними, и ночью, наканунѣ 1 марта, выѣхали изъ Люблина, не откланявшись королю. На сеймѣ начали уже думать о подкупѣ Татаръ, чтобы Литовцы не обратили ихъ на Польшу. Но въ это время Сигизмундъ-Августъ, который предъ тѣмъ называлъ Польшу вражескою землею (Kraszewski, Wilno, Т. 1, стр. 250, прим. 8), который часто говорилъ, что онъ въ Польшѣ не считаетъ себя королемъ, а *коронованнымъ* слугою (Чацкій, III, ст. 569), первый подписалъ актъ соединенія. Вслѣдъ за тѣмъ воеводы: кievскій князь Острожскій и волынскій князь Чарторійскій, не обращая вниманія на отсутствіе своихъ товарищей, убѣдили малую часть оставшихся въ Люблинѣ литовскихъ представителей послѣдовать примѣру короля. Со слезами на глазахъ это малое число подписало бѣдственный для Литвы актъ, по которому Кіевъ, Волынь, Подлѣсье и Украина вошли навсегда въ составъ королевства. Узнавъ, къ величайшему удивленію своему, о томъ уѣхавшіе изъ Люблина послы, немедленно воротились, и на колѣнахъ умоляли короля удовлетворить хотя нѣкоторымъ желаніямъ ихъ соотечественниковъ, но всѣ усилія ихъ остались тщетными. Король отвѣчалъ имъ только съ холодною колкостью, что колѣна преклонять должно только предъ Богомъ, а не предъ людьми. Такимъ образомъ предначертаніе, составленное Ягайлою, послѣ продолжительныхъ и бесполезныхъ усилій, приведено было въ исполненіе послѣднимъ изъ его потомковъ. Спрашиваемъ каждаго благомыслящаго читателя: есть ли тутъ слѣдъ того *добровольнаго* соеди-

ненія, въ дѣйствительности котораго, съ такимъ усиліемъ, стараются увѣрить другихъ и себя его защитники?

Теперь остается намъ разрѣшить вопросъ: получила ли какую нибудь выгоду Литва отъ соединенія съ Польшею? Для этого должно намъ бросить взглядъ на обстоятельства, предшествовавшія соединенію, и слѣдствія его. Мы видѣли, что древній малочисленный, но воинственный литовскій народъ, занимая небольшое пространство земли на берегахъ Нѣмана и Вилии, соединясь подъ властію скандинавскихъ вождей и воспользовавшись раздѣленіемъ и порабощеніемъ сосѣдственной Руси, распространилъ быстро предѣлы своего отечества, отторгъ отъ Россіи прекраснѣйшія и плодороднѣйшія области, противился съ успѣхомъ Тевтонскому и Ливонскому орденамъ, громилъ и опустошалъ Польшу и неоднократно торжествовалъ надъ страшными ордами татарскими, которые приводили въ ужасъ и обагрили кровію восточную Европу. Гедиминъ, Ольгердъ, Витовтъ составили обширную, могущественную, богатую и страшную для сосѣдей державу, а потому неудивительно, что слабая, громимая внѣшнимъ непріателемъ и истерзанная внутренними безпорядками Польша, напрягала всѣ усилія, чтобы безъ боя сдѣлать пріобрѣтеніе, увеличивавшее ея предѣлы болѣе нежели въ четверо. Чтожъ было причиною столь быстраго развитія могущества Литвы? Напрасно нѣкоторые писатели старались найти ее въ привязанности Литовцевъ къ язичеству, въ которомъ, какъ они объясняютъ, заключалась *родимая* сила народа, которой не хотѣли уничтожить ни Миндовгъ, ни Гедиминъ, государи мудрые и дальновидные. Жители русскихъ обширныхъ областей, завоеванныхъ Литвою, были христіане, а между тѣмъ они то и составляли преимущественнѣйшій источникъ силы и богатства государства. Они охотно ополчались для защиты и славы своихъ государей, въ которыхъ видѣли покровителей своего вѣроисповѣданія, правъ и народности и сражались успѣшно вмѣстѣ съ Литовцами противъ Нѣмцевъ, Поляковъ, Татаръ, и нерѣдко противъ Московскихъ князей, на которыхъ смотрѣли, какъ на данниковъ ненавистныхъ хановъ. Справедливѣе можно бы искать этой причины въ привязанности жителей къ ихъ народности, правамъ, обычаямъ, законодательству и въ отвращеніи отъ новизны, которую хотѣли нагнуть ей съ одной стороны Нѣмцы а съ другой Поляки. Но

разсмотрѣвъ внимательно событія, случившіяся въ древней Литвѣ, обстоятельства, въ которыхъ находились сосѣдственныя государства, откроется само собою, безъ всякихъ умствованій и натяжекъ, настоящая, неоспоримая причина исполинскихъ успѣховъ Литвы. Она состояла—въ самодержавіи. Чего не могли привести въ исполненіе силы предприимчиваго, отважнаго и воинственнаго народа, направленные къ одной цѣли, однимъ умомъ, одною волей государей, въ особенности такихъ, какими были Гедиминъ, Ольгердъ и Витовтъ?— Въ то время, когда порядокъ, подчиненность и безусловная покорность великому князю царствовали въ Литвѣ, когда на голосъ его возставали мгновенно и двигались по его указанію все подвластные ему народы,— какое сопротивленіе могли оказать ему раздѣленная и поработенная Россія, ссорившіеся съ епископами гермейстеры и зараженная уже безначаліемъ Польша, которой вельможи, являясь истинными тиранами въ своихъ частныхъ владѣніяхъ, оспаривали права законной власти своихъ королей? Приобрѣтеніе польской короны и супружество съ молодою прекрасною дочерью Людовика великаго, могли польстить тщеславію Ягайлы. Онъ не взвѣсилъ тягости обязательствъ, принимаемыхъ имъ при вступленіи на Польскій престолъ и не предвидѣлъ гибельныхъ отъ того послѣдствій для своего отечества. Но благоразумный и дальновидный Витовтъ смотрѣлъ на его предположеніе совершенно иными глазами. Управляя самовластно Литвою, онъ уступалъ Ягайллѣ только по необходимости, и если согласился на условія Городельскаго съѣзда, то единственно потому, что тогда не былъ еще увѣренъ въ своихъ силахъ. Но едва только почувствовалъ свое могущество и утвердилъ власть свою въ распространенномъ подвигами его государствѣ, тотчасъ началъ думать объ уничтоженіи пагубнаго намѣренія Ягайлы. Возстать явно противъ него было бы опасно, ибо собственная Литва не могла забыть, что Ягайло былъ дѣйствительнымъ ея государемъ; а потому Витовтъ избрѣлъ другое средство къ обезпеченію самостоятельности Литвы. Усилія его къ приобрѣтенію королевской короны не должно считать плодомъ одного тщеславія. Это доказываетъ упорное сопротивленіе Ягайлы, который не противился бы одному его тщеславію, но онъ понималъ, что намѣреніе Витовта составляло единственный шагъ къ совершенному отдѣленію Литвы отъ

Польши. Наслѣдники Ягайлы, государи, повидимому, слабые и недалевидные, принимали польскую корону единственно для удовлетворенія своего честолюбія, не предвидя, подобно ему, сколько вреда принесеть ихъ отечеству такое приобрѣтеніе. Но непрерывное сопротивленіе представителей Литвы на многочисленныхъ сеймахъ со времени смерти Ягайлы, достаточно убѣждало въ томъ, что умные и безпристрастные люди понимали сколь гибельно было вліяніе Польши на дѣла великаго княжества. Вельможи Литовскіе, повидимому, приобрѣтали болѣе правъ отъ соединенія ихъ отечества съ Польшею. Въ Литвѣ отдѣльно они совершенно зависѣли отъ великаго князя, который былъ неограниченнымъ владыкою ихъ участи, имуществъ и даже жизни. Сравнявшись съ Польскою шляхтою, Литовская аристократія приобрѣтала личное обезпеченіе отъ самовластия великихъ князей, право располагать своимъ имуществомъ по произволу, свободу противиться на сеймахъ распоряженіямъ государя и участіе въ законодательствѣ. Но Литовскіе вельможи долго и упорно отвергали эти обманчивыя преимущества, видя ясно, что они, льстя только ихъ самолюбію, могутъ сдѣлаться причиною паденія и гибели отечества. Такъ и случилось. Со смертію Витовта окончился періодъ могущества и славы Литвы. Чѣмъ болѣе употребляемо было усилій къ соединенію ея съ Польшею, тѣмъ болѣе она поносила потерь и тѣмъ сильнѣе, въ свою очередь, громима была сосѣдственною Русью, въ которой права самодержавія утверждены были великимъ умомъ и сильною рукою Іоанна III. Къ числу пагубныхъ слѣдствій соединенія обоихъ народовъ неоспоримо принадлежитъ необдуманное обѣщаніе Ягайлы обратить въ Латынскую вѣру жителей подвластныхъ ему Русскихъ областей. Латынское духовенство, овладѣвъ умами его потомковъ, обратило всѣ усилія къ достиженію этой цѣли, и употребило къ тому мѣры противныя не только совѣсти, но даже благоразумію—принужденіе и преслѣдованіе. Легко себѣ представить, что отъ этого должно было произойти? Стѣсненіе совѣсти охладило любовь и ослабило преданность къ верховному правителю большей части его подданныхъ. Наконецъ цѣль семейства князей православныхъ, съ великимъ числомъ своихъ кліентовъ, переходили подъ покровительство Московскихъ государей и облегчали чрезъ то успѣхи оружія сильнѣйшихъ соперниковъ потом-

ства Ягайлы. Во всякомъ случаѣ до роковаго Люблинскаго сейма, Литва, противясь по возможности гибельному соединенію, сохраняла еще свою самостоятельность, государственный порядокъ и устройство, а вмѣстѣ съ ними остатки могущества, утвержденнаго и сохраненнаго самодержавіемъ. Съ подписаніемъ Люблинскаго акта ударилъ ее часъ, наступленіе котораго, съ такимъ усиленіемъ, старались уредить въ продолженіи 182 лѣтъ истинные Литовскіе патриоты. Обширное, могущественное, богатое великое княжество Литовское вошло въ составъ областей той самой Польши, которую прежде оно громило своимъ оружіемъ и приводило въ ужасъ своими успѣхами. Вмѣстѣ съ самостоятельностью его исчезли подчиненность, порядокъ, единство воли въ народѣ, — эти неоспоримыя и единственныя стихіи государственнаго могущества. Не будемъ говорить о народности. Она укрылась подъ соломенные крыши бѣдныхъ земледѣльцевъ, которые сохранили ее въ чистотѣ понинѣ вмѣстѣ съ языкомъ, нравами, обычаями, повѣрьями и даже первоначальнымъ сочувствіемъ къ Русскимъ, которыхъ языкъ имъ понятнѣе Польскаго *) А шляхта!... Она отеклась отъ своей народности, а все, что только напоминало древнюю Литву въ нравахъ, обычаяхъ, образѣ жизни, превратилось въ слабое, безцвѣтное и часто уродливое подражаніе польскому, а вмѣстѣ съ тѣмъ заимствовано было отъ новыхъ братій то, въ чемъ самый недалновидный умъ не могъ не предвидѣть паденія и гибели государства. Не стало уже того единства воли, которою верховная власть сосредоточивала все силы народа и обращала ихъ къ одной цѣли. Своевольная шляхта, управляемая нѣсколькими сильными вельможами, изъ которыхъ каждый имѣлъ свои личные виды, не полагая предѣловъ неправильно понятой свободѣ, похищая часъ отъ часу болѣе правъ у престола, умножала безпрерывно безпорядки, а вмѣстѣ съ ними бѣдствія отечества. Споря съ королемъ на сеймахъ, противясь его намѣреніямъ, часто самымъ спасительнымъ для государства, она раболѣпствовала вельможамъ, которые собирая ее вокругъ себя ничтожными дарами, обѣщаніями, одо-

*) Авторъ этого сочиненія имѣлъ случай убѣдиться въ этомъ на опытѣ не только въ собственной Литвѣ, но даже на Жмуди, гдѣ крестьяне свободнѣе объяснялись съ нимъ по Русски, нежели по Польски.

бреніемъ ихъ своевольства и страстей,— составляли внутри государства партіи истинныхъ и опасныхъ его непріятелей. Легко было отгадать чѣмъ все это кончится? Ссоры между вельможами, оганчивавшіяся часто кровопролитіемъ, сопротивленіе верховной власти, которыхъ слѣдствіями были нерѣдко преступныя возстанія противу короля, лишивъ престолъ святости, уваженія, а иногда и защиты, разторгли самыя священныя узы, которыми держится не только могущество, но и существованіе государства. Все это перешло изъ Польши въ Литву вскорѣ послѣ окончательнаго соединенія двухъ государствъ. За этотъ плачевный даръ, принятый отъ Польши, Литва заплатила своимъ могуществомъ, гражданскимъ устройствомъ, внутреннимъ спокойствіемъ, наконецъ— существованіемъ. Она увлечена была вмѣстѣ съ нею въ погибель, уготованную близорукостію Ягайлы и его потомковъ.

Отъ окончательнаго соединенія Литвы съ Польшею болѣе всего пострадала Литовская Русь. Собственная Литва, въ особенности шляхта, принявъ Римско-Католическое исповѣданіе, переняла мало по малу отъ Поляковъ нравы, обычаи, чиноположеніе, а на послѣдокъ и языкъ, и такимъ образомъ постепенно сливались съ ними въ одинъ народъ. Но Русь, напругая всѣ усилія къ сохраненію того, что почитала величайшею драгоцѣнностію, а именно вѣроисповѣданія, языка и народности, претерпѣла величайшія преслѣдованія, обиды и униженія. Притѣсненія православнаго исповѣданія, породившія столько смятеній при потомкахъ Ягайлы, возобновились съ новою силою при преемникахъ Сигизмунда Августа и повергли обитателей Русскихъ областей въ крайнія бѣдствія. Унія, плодъ преступнаго соображенія нѣсколькихъ интригантовъ, поддерживаемая призванными въ Литву Іезуитами, обманомъ, обольщеніемъ, а всего болѣе, насиліемъ, отторгла отъ восточной церкви многія тысячи дѣтей ея, неимѣвшихъ силы противустоять соблазну, или упавшихъ подъ бременемъ самовластия Латынскаго духовенства. Силясь истребить православіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и народность въ Русскихъ областяхъ, противники его доводили нерѣдко жителей тѣхъ областей до столь уничижительнаго состоянія, что сохраненіе Русскими вѣры предковъ и признака ихъ народности въ Литвѣ, должно почесть чудомъ, или лучше сказать особеннымъ дѣйствіемъ небеснаго Промысла.

ла, не дозволившаго погибнуть драгоцѣнному сѣмени, подавляемому вѣковыми терніями враждебныхъ усилій и злодѣйскаго расчета. Оскорбительно для человѣчества читать повѣствованіе о распоряженіяхъ, клонившихся къ уничтоженію Православной шляхты и дѣтей Русскаго бѣлаго духовенства, въ которыхъ съ такимъ ожесточеніемъ силились поселить отвращеніе отъ вѣры и обычаевъ предковъ, отнимая у нихъ средства быть полезными государству, преграждая имъ путь къ достиженію высшихъ званій, лишая ихъ всѣхъ способовъ къ образованію, стараясь всѣми силами доводить ихъ до нищеты, и наконецъ направляя всѣ мѣры къ тому, чтобы, сравнивъ ихъ съ крестьянами, подвергнуть ихъ всѣмъ ужасамъ частнаго самовластія. Брошенное на жертву бѣдности и презрѣнія православное духовенство, оставленныя въ ветхости, а перѣдко въ развалинахъ Русскія церкви, явное предпочтеніе оказываемое Уніатамъ, которыхъ всѣ злодѣйскіе поступки съ православными были покрываемы и оправдываемы, до такой степени, что дѣлали передъ ними виновными предметы ихъ оскорбленія, насилія и обидъ,— все это составляетъ плачевныя памятники ослѣпленія, которыхъ не изгладятъ ни вѣка, ни усилія человѣческія. Безъ этого пагубнаго соединенія, Русь могла бы еще найти иногда защиту въ самодержавіи великихъ князей, которые, не смотря на сильное противудѣйствіе Латинскаго духовенства, отъ времени до времени издавали благопріятныя для ней постановленія, которымъ самыя жестокия ея противники не смѣли еще сопротивляться. Но векорѣ послѣ Люблинскаго акта вкрались въ Литву всѣ недостатки управленія Польши. Бурная и своевольная шляхта содѣлывала недѣйствительными самыя спасительныя распоряженія королей, а вопль угнетеннаго народа, составлявшаго преимущественнѣйшее число жителей Литвы, не могъ найти утѣшенія въ лицѣ верховнаго правителя, а часто и не доходилъ до его слуха.

ПЕРІОДЪ Ш.

Отъ подписанія Люблинскаго акта до 1795 года.

Съ тѣхъ поръ, какъ Литва начала входить въ тѣснѣйшія сношенія съ Русью, начало проникать въ нее и просвѣщеніе. Извѣстно изъ предъидущихъ періодовъ, что литовцы переняли у русскихъ языкъ и письма. Со времени переселеній русскихъ въ Литву, возникали въ этой странѣ православныя церкви, а при такихъ церквахъ всегда находились училища, въ которыхъ обучали чтенію, письму, закону Божію и началамъ ариометики. Кромѣ того русскіе имѣли еще высшія учебныя заведенія: въ Вильнѣ при св. Троицкомъ монастырѣ, въ Минскѣ, Брестѣ, Оршѣ и Пинскѣ, при тамошнихъ церквахъ. Въ этихъ училищахъ обучали греческому, латынскому, русскому и польскому языкамъ. Въ этомъ случаѣ Русскіе далеко опередили католиковъ, которые со введенія римскаго исповѣданія въ Литву завели мало училищъ, да и въ тѣхъ юношество получало очень недостаточное образованіе. Не прежде 1566 года учреждено было при архипресвитеріальномъ костелѣ св. Іоанна училище правовѣденія,—существовавшее 13 лѣтъ и переданное въ послѣдствіи вмѣстѣ съ костеломъ іезуитамъ. Юношество, желавшее получить высшее образованіе, принуждено было отправляться въ Краковъ или за границу.

Въ началѣ XVI столѣтія русскіе имѣли уже въ Литвѣ свои типографіи: въ Вильнѣ Бабича и Мамоничей, въ Іевіѣ, въ Заблудовѣ, въ Супраслѣ и другихъ мѣстахъ. Знатнѣйшіе и богатѣйшіе фамиліи въ Литвѣ какъ то Острожскихъ, Чарторійскихъ, Вишневедкихъ, Рожинскихъ, Збаражскихъ, Олельковичей, Слуцкихъ, Коредкихъ, Сапѣговъ, Сангушковъ, Тышкѣвичей, Ходкѣвичей, Пацовъ, Ъоловичей; Поцѣвъ и множество другихъ, принадлежали къ православнои церкви. При содѣйствіи и защитѣ такого множества могущественныхъ лицъ въ государствѣ, православіе боролось успѣшно съ усиліями Римскаго духовенства, отражало побѣдоносно всѣ ихъ нападенія и могло бы устоять вѣки въ первоначальной своей чистотѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ избѣ-

жать продолжительныхъ и ужасныхъ преслѣдованій преемниковъ Сигизмунда Августа. Но неожиданное событіе повергло Литовскую Русь въ самое отчаянное положеніе. Въ Европѣ случился бѣдственный по своимъ послѣдствіямъ переворотъ, который сначала оживилъ умственную дѣятельность въ Литвѣ, но потомъ сдѣлался источникомъ безчисленныхъ внутреннихъ раздоровъ, и былъ причиною ожесточенія ненависти р. католиковъ къ православнымъ. Это было преобразование въ вѣрѣ въ западной Европѣ. Послѣдователи ученія Лютера, Кальвина и другихъ реформаторовъ, размножившихся въ Богеміи и Пруссіи, перешли въ Польшу и оттуда проникли въ Литву. Около 1540 года докторъ богословія Авраамъ Кульва, родомъ изъ Литвы, возсталъ публично противу р. католической церкви и, будучи начальникомъ одной нѣмецкой школы въ Вильнѣ и преподавателемъ нравственныхъ и Богословскихъ наукъ, разсѣвалъ на лекціяхъ между юношествомъ правила новаго ученія. По приказанію епископа Павла князя Гольшанскаго, онъ удаленъ отъ должности, а по рескрипту королевскому выгнанъ изъ Вильны. Въ 10 лѣтъ послѣ Кульвы, ксендзъ и нѣмецкій проповѣдникъ Іоаннъ Винклеръ, началъ въ костелѣ св. Анны съ кафедръ провозглашать преимущества новаго ученія. Епископъ Павелъ, узнавъ о томъ, воспретилъ ему входъ въ костелъ. Тогда Винклеръ обратился къ Морштину богатому виленскому гражданину, и въ его домѣ на нѣмецкой улицѣ завелъ училище, въ которомъ распространялъ реформу и умножалъ число ея послѣдователей; но послѣ смерти Морштина, лишившись покровителя, убѣжалъ въ Пруссію.

Не смотря на неудачныя попытки первыхъ проповѣдниковъ, реформа быстро распространялась въ Литвѣ, въ особенности въ то время, когда приобрѣла ревностнаго поборника и могущественнаго покровителя въ князѣ Николаѣ Радзивиллѣ *Черномъ*. Сначала содержалъ онъ кальвинскихъ проповѣдниковъ въ домѣ своемъ на Лукишкахъ, а потомъ перенесъ сборъ въ самый городъ, въ домъ, именуемый въ послѣдствіи кардиналей. Примѣръ и покровительство его вовлекли въ соблазнъ большую часть города. Мѣщане, въ особенности нѣмецкіе, приняли ученіе Лютера, шляхта же, по примѣру французовъ—Кальвина. При помощи сильныхъ покровителей и богатыхъ фундаторовъ, протестанты, въ особенности кальвинисты, заводили во многихъ мѣстахъ училища,

въ которыхъ преподаваемы были не одна грамматика, но и другія полезныя свѣдѣнія. Нѣкоторыя изъ нихъ получили титулъ гимназій; такими были заведенія въ Вильнѣ, Кейданахъ, Слуцкѣ, Новогрудкѣ, Несвижѣ, Заславѣ, Меретѣ, Ковнѣ и другихъ мѣстахъ. Вслѣдъ затѣмъ кальвины завели многія типографіи, изъ коихъ въ Вильнѣ извѣстны: Радзивилловская, Даниила Ленчицкаго, Іоанна Карцана, кастелана Іоанна Глебовича и Петра Кмиты. Кромѣ Вильна, имѣли кальвины типографіи въ Брестѣ, въ Любчѣ на Нѣманѣ, въ Ошмянѣ, въ Ковнѣ. Имѣя возможность, при помощи богатыхъ покровителей, содержать способныхъ и просвѣщенныхъ преподавателей и получать изъ-за границы учебныя пособія, къ тому же небудучи стѣсняемы никакою отвѣтственностію въ изложеніи своихъ мнѣній, не удивительно, что протестантскія училища имѣли болѣе успѣховъ на поприщѣ образованія юношества, нежели существовавшія до прибытія ихъ школы. За то быстрое распространеніе реформы начало угрожать паденіемъ господствующему исповѣданію. Большая часть духовныхъ лицъ римско-католическаго исповѣданія, перешло на сторону протестантовъ. Многіе настоятели приходскихъ церквей переженились и обратили костелы въ реформатскіе сборы. Изъ 700 приходовъ, считаемыхъ въ Литвѣ, немногія остались вѣрными своему исповѣданію, такъ, что на Жмуди считалось неболѣе шести, избѣжавшихъ общаго соблазна. Къ тому же вмѣстѣ съ реформою проникъ въ Литву и Аріанизмъ, нашедшій ревностныхъ покровителей въ знатной и богатой фамиліи Кишковъ. Аріане увлекли въ свою ересь многихъ кальвинскихъ проповѣдниковъ. Хотя Аріанизмъ не могъ утвердиться въ Литвѣ и влияние его было непродолжительно, за то стали возникать другія секты, которыхъ послѣдователи, ссорясь между собою, умножали только безпорядки въ государствѣ. Число этихъ сектъ возвысилось до такой степени, что въ царствованіе Сигизмунда Августа считаютъ ихъ до 70.

Вотъ гдѣ настоящая причина, настоящій источникъ продолжительныхъ и тяжкихъ страданій, какимъ враги православія подвергали русское народонаселеніе въ продолженіи двухъ съ половиною вѣковъ! Чтобы спасти римско-католическую церковь отъ совершеннаго паденія, виленскій епископъ Валеріанъ Протасевичъ, въ 1569 году, призвалъ въ Литву іезуитовъ. Это былъ рѣшительный ударъ для реформаторовъ,

но вмѣстѣ съ тѣмъ и для жителей православнаго исповѣданія. Приски іезуитовъ усилили преслѣдованія русскаго народонаселенія въ Литвѣ и поссорили двѣ славянскія народности до такой степени, что вѣка и перевороты не могли не только уничтожить, но даже ослабить, возбужденной между ими ненависти. Замѣтимъ, что въ одномъ и томъ же 1569 году произошли два событія, столь пагубныя для Литвы: Люблинскій съѣздъ и прибытіе іезуитовъ.

Еслибы новое ученіе, принесенное съ запада, увлекшее толпами въ свои общества р.-католиковъ разнаго званія и состоянія, не соблазнило бы вмѣстѣ съ тѣмъ многихъ православныхъ сановниковъ, то всѣ ухищренія іезуитовъ не имѣли бы столь печальныхъ слѣдствій для Литовской Руси. Имѣя могущественныхъ защитниковъ и покровителей въ сенатѣ и при дворѣ, православные легко могли бы отразить или предупредить всѣ нападеныя своихъ непріятелей, для которыхъ несравненно труднѣе было бы имѣть дѣло съ православными нежели съ протестантами. Имъ легче было преклонить на свою сторону оболъченныхъ новизною, нежели членовъ апостольской церкви, существовавшей болѣе 1,500 лѣтъ и учрежденной первыми провозвѣстниками христіанства. Но къ сожаленію, знатнѣйшія православныя семейства не избѣжали общаго соблазна и приняли реформу. Въ числѣ первыхъ ратоборцевъ, коихъ встрѣтили іезуиты на своемъ поприщѣ, находились: Санѣга, Сангушко, Ходкевичъ, Паць и другіе, кои уже изъ кальвинизма перешли въ латинство. Православные, лишась большей части сильныхъ покровителей, оставлены были безъ защиты на жертву проискамъ и насилію своихъ притѣснителей.

Іезуиты прибыли сначала въ Вильно, подъ охраненіемъ вооруженной стражи, въ числѣ 5 человѣкъ. Но это число постепенно увеличивалось до такой степени, что въ 1560 году они имѣли уже свои коллегіи въ Вильнѣ, Гроднѣ, Ковнѣ, Минскѣ, Смоленскѣ, Полоцкѣ, Витебскѣ, Крожахъ, Несвижѣ, Оршѣ, Брестѣ, Ригѣ, Новгородѣ Сѣверскомъ, Метиславлѣ, Динабургѣ, Илукштѣ, Шонбергѣ и въ другихъ мѣстахъ. Стараніемъ епископа Протасевича утверждены за ними значительный фундушъ на ихъ содержаніе. Для помѣщенія отданъ имъ каменный домъ и обезпечена сумма денегъ на имѣніи Ширвинтахъ. Къ коллегіи ихъ причислены имѣнія Мѣдники, Бѣнянце, Носковце, Пиль-

цюны, Меречь, Рыкойнѣ, а по смерти архипресвитера костела св. Іоанна Рюисъ-де-Мороса, отданъ имъ и этотъ костель съ принадлежностями. Это было основаніемъ того огромнаго имущества іезуитовъ, которое съ каждымъ днемъ увеличивалось дарами обращенныхъ ими въ католичество знатныхъ и богатыхъ лицъ, которое въ блистательную эпоху существованія ихъ въ Литвѣ цѣнимо было въ четыре милліона рублей серебромъ. Еще въ 1810 году, когда уже ихъ имѣнія, находившіяся въ б. Литовскомъ великомъ княжествѣ, перешли въ вѣдомство эдукаціонной комисіи, они имѣли еще 14,000 душъ въ Бѣлоруссіи.

Тотчасъ по прибытія своемъ въ Литву іезуиты съ ревностію занялись дѣломъ обращенія и пріобрѣли вскорѣ необыкновенныя успѣхи. Убѣдясь, что примѣръ могущественныхъ и богатыхъ лицъ болѣе всего содѣйствовалъ къ распространенію реформы, они прежде всего обратили вниманіе на эти лица, чтобы потомъ черезъ нихъ успѣшно дѣйствовать на массу народонаселенія. При помощи такихъ людей, какими были: Варшевицкій, Скарга, Латерна, Гродзицкій, въ короткое время обращены въ католичество многіе знатнѣйшія фамиліи. Начали отнимать забранные иновѣрцами костелы и отстраивать разоренные, уничтожать иновѣрческія училища и воспитывать новое поколѣніе въ духѣ покорности римскому престолу. Разосланныя миссіи по Жмуди, а вмѣстѣ съ иновѣріемъ старались истреблять остатки язычества. Для успѣшнѣйшаго достиженія этой цѣли изданы въ большемъ числѣ на литовскомъ языкѣ катихизисъ, молитвенники, церковныя пѣсни, объясненія ветхаго и новаго Завѣта, описанія церковныхъ обрядовъ, проповѣди, наконецъ грамматика и словарь литовскаго языка.

Обращеніе послѣдователей реформы шло быстро; но несравненно болѣе сопротивленія встрѣтили іезуиты со стороны православнаго народонаселенія, которое съ незапамятныхъ временъ держалось постоянно и вѣрно исповѣданія предковъ и удержало его по нынѣ, не смотря на всевозможныя происки, ухищренія и преслѣдованія противниковъ. Тяжела была участь православныхъ при первыхъ Ягеллонахъ Казимирѣ и Александрѣ; но она не могла идти въ сравненіе съ тѣмъ, что причинилъ имъ фанатизмъ іезуитовъ. Не имѣя возможности передѣлать на свой ладъ русское народонаселеніе, для соединенія по вѣроисповѣ-

данію жителей одного государства, избрѣли средство, по началамъ своимъ, противное обоимъ исповѣданіямъ — Унію, которую іезуиты поддерживали всѣми силами. Объ ней будемъ говорить позже; теперь возвратимся къ Сигизмунду Августу.

Послѣ люблинскаго съѣзда онъ жилъ только три года. Это время ознаменовано голодомъ и моровою язвою въ Литвѣ. Казалось ужасы природы предзнаменовали ужасы политической заразы, смятенія и безначалія, долженствовавшего сдѣлаться плодами соединенія двухъ народовъ. Голодъ погубилъ въ одномъ Вильнѣ 25,000 человекъ; — слѣдствіе его моровая язва — еще болѣе. Король, имѣя съ небольшимъ 50 лѣтъ, чувствовалъ истощеніе силъ своихъ и приближался къ гробу. Убѣгая отъ заразы, онъ выѣхалъ въ Тикоцинь, а оттуда въ Кнышинъ, въ которомъ и умеръ 7 іюня 1572 года.

Со смертію Сигизмунда Августа, можно сказать, не стало Литвы. Не имѣя съ тѣхъ поръ государственнаго своего существованія, она не имѣетъ уже и своей исторіи. Соединенная съ Польшею правами, чиноположеніемъ и устройствомъ, она подверглась съ нею и одинаковой участи. Слабая, бездушная, грустная *вдова Витовта*, какъ объясняется одинъ изъ новѣйшихъ литовскихъ дѣписателей (*Kraszewski, Wilno, T. 1, стр. 285*) стремилась вслѣдъ за Польшею къ безначалію и паденію.

Начнемъ наступающій періодъ словами того же писателя: „Польша брошена (была) въ добычу выборамъ и торгамъ, въ которыхъ ее продавали какъ бы съ молотка тому, кто больше дастъ.“ Литва по необходимости должна была раздѣлить съ нею эту незавидную участь. Во время созванія конвокаціоннаго сейма, Литовцы въ послѣдній разъ хотѣли показать слѣды самостоятельности своего отечества. Они домогались возвращенія, неоспоримо принадлежавшихъ в. княжеству, Подлѣсья, Кіева и Волыни, а также требовали, чтобы Польша не мѣшалась въ дѣла Ливоніи, при чѣмъ объявили, что безъ этого не приплюютъ на сеймъ своихъ пословъ. Но это была борьба приближающагося къ гробу со смертію, который силится еще обнаружить признаки жизни. Такая борьба не можетъ быть продолжительна. Польша имѣла уже множество агентовъ въ Литвѣ, которыя, думая только о собственныхъ, личныхъ выгодахъ, мало заботились о благѣ отечества.

Послѣ непродолжительнаго спора, послы были отправлены. Впрочемъ Литовцы вспомнили и на этотъ разъ о сочувствіи ихъ предковъ къ русскимъ, о вѣковыхъ дружескихъ съ ними сношеніяхъ и политикѣ славнѣйшихъ своихъ государей, которые постоянно туда обращали свои взоры и на прочномъ соединеніи съ Россіей основывали самыя пріятныя надежды своего отечества. Въ Литвѣ составилаь сильная партія, приглашавшая на престоль Феодора сына Іоанна IV царя московскаго. Къ нему даже отправлены были послы съ этимъ предложе-ніемъ. Но Іоаннъ не хотѣлъ унижить своего сына покорившись прихотливымъ требованіямъ поляковъ. Онъ несоглашался посылать своихъ пословъ на сеймъ, чтобы подобно другимъ претендентамъ выпрашивать избраніе. Онъ требовалъ, чтобы къ нему прислано было посольство съ просьбою о принятіи короны. Еще менѣе думалъ онъ о томъ, чтобы покупать себѣ приверженцевъ въ Литвѣ или Польшѣ. Постигая достоинство короны, онъ не хотѣлъ приобрѣсти ее съ аукціону. Соперники его дѣйствовали иначе, а потому неудивительно, что имѣли болѣе успѣха. Наконецъ французскій принцъ Генрихъ Валуа, братъ короля Карла IX, сдѣлавшій огромныя уступки шляхтѣ, на счетъ королевской власти и обязавшійся заплатить республикѣ 200 т. червонецъ на ея потребности, — выбранъ былъ королемъ въ 1573 году. Вслѣдъ за выборомъ его пришла вѣсть о Варооломеевской ночи, которая до крайности встревожила иновѣрцевъ, коихъ множество въ то время находилось въ Литвѣ, а въ особенности въ Вильнѣ. Изъ шляхты едва тысячная часть держалась еще римско-католическаго исповѣданія. Безпрерывная борьба Сигизмунда Августа съ возраставшею силою духовенства содѣйствовала много къ распространенію новаго ученія. Иновѣрцы опасались, чтобы новоизбранный король неослѣдовалъ примѣру брата и неупотребилъ равно жестокихъ мѣръ для истребленія или прекращенія успѣховъ ихъ исповѣданія. Опасенія эти вскорѣ оказались напрасными. Генрихъ получилъ отвращеніе отъ польской короны, по причинѣ вѣтренности народа, безпокойства, ссоръ и дерзости вельможъ и обязанности вступить въ бракъ съ пятидесятилѣтнею сестрою Сигизмунда Августа, что помѣщено было также въ число условій при его избраніи. Наконецъ получивъ извѣстіе о смерти брата своего Карла IX, котораго онъ былъ наслѣдникомъ, пока-

заль необыкновенное въ исторіи зрѣлище — убѣжалъ ночью изъ своего государства и прибылъ во Францію. Поляки, не смотря на то, что нелюбили его, гнались однакоже за нимъ, и тщетно употребляли всѣ усилія, чтобы склонить его возвратиться.

Во время междуцарствія, продолжавшагося около двухъ лѣтъ, пробудилось опять въ Литовцахъ желаніе сблизиться съ Россією. Отправлены были къ Іоанну послы съ намѣреніемъ возвести на престолъ сына его Θεодора. Они убѣдительно просили его выслать къ польскимъ вельможамъ ласковыя письма, а между тѣмъ подвинуть къ предѣламъ Литвы сильное войско. Іоаннъ не послушалъ совѣта литовскихъ вельможъ, не послалъ ни писемъ ни войска; а между тѣмъ выбранъ былъ князь трансильванскій Стефанъ Баторій, который прибывъ въ 1576 году въ Польшу, преклонилъ на свою сторону всѣ партіи, въ особенности иновѣрцевъ, которые ожидали отъ него покровительства, или по крайней мѣрѣ благоразумной терпимости. Но скоро по вступленіи его на престолъ они жестоко ошиблись въ своемъ расчетѣ. Новый король далъ большія преимущества іезуитамъ, кои постоянно предѣлывали иновѣрцевъ.

Еще въ 1573 году состоялась статья закона обезпечивавшая свободу вѣроисповѣданія и гражданскія права иновѣрцевъ наравнѣ съ римскими католиками. Король Генрихъ присягнулъ поддерживать исполненіе этой статьи всѣми силами. Но какъ власть короля, такъ и государственныя постановленія начали терять силу въ государствѣ, въ которомъ обнаружались уже явные признаки безначалія и своевольства. Надежда на вѣротерпимость Стефана Баторія оказалась тщетною, какъ сказано выше. Имѣя нужду въ содѣйствіи папы для отраженія притязаній австрійской партіи, противопоставлявшей ему соперника во время избранія, Стефанъ счелъ необходимою щадить и даже покровительствовать іезуитовъ, какъ ревностнѣйшихъ и дѣятельнѣйшихъ защитниковъ папской власти.

Между тѣмъ іезуиты не удовлетворились однимъ обращеніемъ иновѣрцевъ въ католичество. Предначертанія ихъ были гораздо обширнѣе. Имъ нужны были въ государствѣ значеніе, вѣсь, вліяніе на дѣла и лица, довѣренность сановниковъ и вѣнценосцевъ. Чтобы достигнуть этой цѣли, они избрали самое надежное средство — завла-

дѣтъ народнымъ образованіемъ. Такимъ образомъ, воспитывая юношество въ своемъ духѣ, они приготовляли себѣ безчисленныхъ агентовъ въ молодыхъ поколѣніяхъ. Впрочемъ имъ очень легко было достигнуть этой цѣли. За исключеніемъ училища правовѣденія, которое существовало недолго, всѣ прочія римско-католическія училища были ничтожны, неболѣе какъ нынѣшнія приходскія школы, въ коихъ учили только чтенію, письму и основаніямъ закона Божія. Они начали заводить высшія училища при своихъ коллегіяхъ, изъ коихъ первое заведено въ Вильнѣ при коллегіи св. Іоанна въ 1570 году еще при Сигизмундѣ Августѣ. Первымъ ректоромъ этого училища былъ Станиславъ Варшевицкій. Вслѣдъ затѣмъ учреждена епархіальная семинарія, на содержаніе которой епископъ Валеріанъ назначилъ 6 деревень изъ своихъ столовыхъ имѣній. Для помѣщенія обучающагося юношества и предохраненія его отъ сношеній съ иновѣрцами учреждены иждивеніемъ епископа конвиктъ и бурса при коллегіи. Съ тѣхъ поръ поплился источникъ пожертвованій, которыя, какъ вѣнценосцы, такъ и частныя лица обильно изливали на жертвенникъ просвѣщенія.

При громадныхъ средствахъ, находившихся въ рукахъ іезуитовъ, необыкновенной ихъ дѣятельности, и отличныхъ способностяхъ первыхъ ихъ ректоровъ: Варшевицкаго, Скарги, Вуйка, слава виленской коллегіи распространилась быстро между католиками. Но учрежденіе въ Вильнѣ коллегіи неудовлетворяло іезуитовъ и не отвѣтствовало вполне ихъ предначертаніямъ. Этой коллегіи нужны были высшая степень, почетнѣйшій титулъ и значительнѣйшія преимущества, чтобы дать ей возможность вступить въ соперничество съ краковскою академіею. Іезуиты поняли положеніе короля и съ дѣятельностію приступили къ исполненію своихъ предначертаній. Многія знатныя лица въ Литвѣ, даже изъ обращенныхъ ими въ католичество, постигли настоящіе ихъ виды и опасность, угрожающую государственному образованію, а потому всѣми силами старались имъ противудѣйствовать. Въ числѣ такихъ благонамѣренныхъ и дальновидныхъ людей находились: канцлеръ Радзивиллъ и каштелянъ Воловичъ. Но іезуиты подкупили королевскаго секретаря Ясинскаго, при помощи котораго и содѣйствіи епископа Валеріана преклонили совершенно на свою сторону короля. Въ 1578 году Стефанъ подписалъ дипломъ, возводящій ихъ коллегію на сте-

пень академіи. Новому заведенію предоставлено право давать ученые степени бакалавровъ, магистровъ, лиценціатовъ, и докторовъ свободныхъ наукъ, философіи и богословія. По желанію самыхъ іезуитовъ исключены изъ числа предметовъ, преподаваемыхъ въ академіи, правовѣденіе и врачебныя науки.

Такъ какъ учрежденіе академіи составляло для іезуитовъ не цѣль а средство къ достиженію другой цѣли, то неудивительно, что воспитаніе, направленное къ этой одной цѣли, не могло удовлетворять всѣмъ требованіямъ обучающагося юношества, тѣмъ менѣе нуждамъ государства. Имъ нуженъ былъ титулъ академіи и право раздавать ученые степени, чтобы обучающіеся не имѣли нужды искать ихъ въ краковской академіи, или въ заграничныхъ университетахъ католическихъ, а тѣмъ болѣе протестантскихъ. Это было училище вполнѣ духовное, приготовлявшее обучавшихся къ духовнымъ подвигамъ, проповѣдямъ, пренію съ иновѣрцами, однимъ словомъ образовавшее или новыхъ іезуитовъ, или ревностныхъ ихъ защитниковъ въ свѣтскомъ состояніи. Составъ академіи мало разнотствовалъ отъ прочихъ іезуитскихъ коллегій, учрежденныхъ для однихъ только лицъ, посвящавшихся духовному званію; только преподаваніе учебныхъ предметовъ было нѣсколько обширнѣе. Въ ней были два факультета: философическій и богословскій. Курсъ такъ называемыхъ свободныхъ наукъ считался приуготовительнымъ и заключалъ въ себѣ преподаваніе латынской и греческой грамматики, риторики и поэзіи. Первымъ ректоромъ академіи былъ знаменитый проповѣдникъ Скарга.

Казалось, что при такихъ средствахъ, какія находились въ рукахъ іезуитовъ, просвѣщеніе долженствовало быстрыми шагами подвигаться впередъ; но въ то время когда оно дѣйствительно шло впередъ у другихъ образованныхъ европейскихъ народовъ, въ Литвѣ утомляло только бесполезно умы обучавшагося юношества и обременяло память его обветшалыми положеніями, или лучше сказать пустыми фразами, могущими скорѣе притупить, нежели развить умственные способности. Намѣреніе ихъ состояло въ томъ, чтобы какъ можно долѣе держать это юношество въ подчиненности строгимъ училищнымъ правиламъ. Лучшіе годы своей юности обучавшіеся теряли въ изученіи наизусть изъ Алвара правилъ латынской грамматики стихами.

Риторика приспособлена была только къ нуждамъ проповѣдничества и преніямъ съ иновѣрцами. Поэзія имѣла свои опредѣленныя границы и закована была въ устарѣлыя формы; а въ уродливой схоластической философіи теряли только умственные силы на безплодныя и ни къ чему не ведущія разсужденія. Исторія, географія, ариметика и геометрія преподаваемы были сокращенно и небрежно, такъ, что окончившій курсъ этихъ наукъ, едва изучалъ начальныя ихъ основанія. Богословскія науки составляли вѣнецъ образованія въ академіи, но къ изученію этихъ наукъ допускали только тѣхъ изъ свѣтскихъ, которые обнаружили желаніе поступить въ духовное званіе. Но и эта теологія, по большей части казуистическая, образовала не истинныхъ по разуму и духу христіанъ, но послушныя орудія вовсе нехристіанскихъ предначертаній своихъ наставниковъ. Чтобы убѣдиться въ жалкомъ состояніи образованія въ іезуитской академіи, довольно взглянуть на программы ихъ экзаминовъ, которыя дошли до насъ. Въ этихъ программахъ заранѣе было показано, кто изъ обучавшихъ и о чемъ именно будетъ отвѣчать на экзаминѣ. Лица, на которыхъ возложены были эти роли, выбираемы были обыкновенно изъ числа сыновей знатнѣйшихъ и богатѣйшихъ сановниковъ въ Литвѣ. Кромѣ значительнѣйшихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ общихъ предметовъ наукъ, въ особенности естественныхъ, предлагаемы были ученикамъ для разрѣшенія слѣдующіе странные вопросы: Въ какое время года сотворень былъ мѣръ? весною, или осенью? Гдѣ находился Рай, и существуетъ ли по нынѣ? Былъ ли это настоящій змій, который прельстилъ Еву? Одинаковы ли вкусъ находили въ маннѣ добрые и злые? Употреблялъ ли Соломонъ червей и зеліе, вмѣсто желѣза, при достройкѣ іерусалимскаго храма? Въ особенныхъ ли комнатахъ трудились 70 толковниковъ при переводѣ библіи? и т. п. Обучавшіеся показывали успѣхи въ фехтованіи и танцованіи. Но въ послѣднемъ показанъ былъ такой танецъ, котораго значенія и фигуръ ни одинъ археологъ до сихъ поръ объяснить не можетъ. Въ программѣ названъ онъ: *la piselage*. (*Wizerunki i roztrząsania naukowe*. Т. 20. Wilno 1857, стр. 152).

При такомъ образѣ воспитанія юношества не удивительно, что въ продолженіи двухъ столѣтій просвѣщеніе въ Литвѣ не только не подвинулось ни на одинъ шагъ, но обучавшіеся поколѣнія часъ отъ часу

погружались въ густѣйшую тьму, съ которою свыклись уже до такой степени, что всякое новое открытіе въ наукѣ, не говоря уже о какомъ либо философскомъ выводѣ, противномъ образу преподаванія въ академіи, казалось для нихъ ересью. Но этимъ не кончилось. Чтобы преградить своимъ воспитанникамъ путь къ приобрѣтенію какихъ нибудь свѣдѣній, выходящихъ изъ предѣловъ ихъ программы, іезуиты еще въ началѣ XVI столетія прибрали въ руки свои цензуру, — и при Сигизмундѣ III распространили строгость ея до невѣроятной степени. Началось очищеніе бібліотекъ отъ такъ называемыхъ еретическихъ сочиненій. Не только то, что повидимому обнаруживало слѣды ереси, но что направлено было непосредственно противъ іезуитовъ, что приводило на память язычество, неисключая греческой міеологіи, наконецъ сочиненія такихъ писателей, кои обвиняемы были въ ереси, хотя бы во все ничего еретическаго въ себѣ не заключали, все это подвергается было запрещенію, отбираемо у владѣльцевъ, и публично сожигается палачемъ на площади.

Но чтобы вознаградить чѣмъ нибудь недостатки своего воспитанія, іезуиты старались забавлять своихъ воспитанниковъ занятіями, мало отличавшимися отъ дѣтскихъ игрушекъ. Въ академіи представляемы были сцены или діалоги, коихъ содержаніе взято было по болшой части изъ ветхаго завѣта. На улицахъ, во время крестнаго хода, въ болшіе праздники представляемы были народу такъ называемые іезуитами „anteludia, rompraе,“ въ которыхъ переодѣтые ученики изображали апостоловъ, ангеловъ съ крыльями и другія эмблематическія лица. Для этого напечатаны были программы, чтобы каждый изъ зрителей зналъ значеніе представленія. Въ одномъ изъ такихъ представленій, котораго описаніе дошло до насъ, во время крестнаго хода, шло нѣсколько колесницъ, или просто возовъ, наполненныхъ группами костюмированныхъ студентовъ. На первомъ являлась олицетворенная природа съ множествомъ звѣрей; на другомъ императоръ Оттонъ, влущій со св. причастіемъ въ рукахъ на сраженіе съ Венгерцами; на третьемъ сцены изъ Апокалипсиса; далѣе возы съ мучениками и подвижниками; въ пароконной бричкѣ помѣщенъ былъ цѣлый Римъ; передъ нимъ летѣли, въ лицѣ усатаго студента поэзія со сво-

ими стихотворцами, а съзади бѣжало забрызганное грязью красно-рѣчіе со своими ораторами.

Не трудно вывести заключеніе, какіе плоды могло принести такого рода образованіе и какую пользу оно принесло государству. Два вѣка держало оно народонаселеніе Литвы въ оковахъ обскурантизма, притуплявшаго умственные способности обучавшихся и содержавшаго цѣлыя поколѣнія въ слѣпомъ рабствѣ прихотямъ іезуитовъ.

Управляясь, сколько возможно было, съ протестантами, іезуиты обратили всѣ свои усилія противу православныхъ. Сказано было выше, что Стефанъ Баторій покровительствовалъ іезуитамъ по необходимости, чтобы преклонить на свою сторону папу, который благопріятствовалъ соперничествувавшему съ нимъ Ракузскому дому. Впрочемъ въ этомъ отношеніи онъ дѣйствовалъ не по убѣжденію, а согласно съ видами политики. Будучи Трансильванскимъ княземъ, онъ покровительствовалъ протестантовъ, а вступивъ на польскій престоль, іезуитовъ. Они съ своей стороны помогали ему всѣми силами, гдѣ только дѣйствія его небыли противны ихъ интересамъ. Но коль скоро дѣло коснулось вѣротерпимости, они противились ему упорно и распоряженія его оставляли безъ исполненія и даже безъ вниманія. Еще при жизни Стефана, въ 1585 году, по проiscaмъ ихъ, латынское духовенство отняло у Троцкаго православнаго монастыря и тамошнихъ церквей земли, дарованныя имъ еще Витовтомъ и пожертвованныя другими лицами. Жалобы православныхъ оставлены безъ удовлетворенія. Духовенство, лишенное средствъ къ пропитанію, оставило паству. Церкви опустѣли, и въ послѣдствіи, не будучи поддерживаемы, пришли въ ветхость и разрушились. Въ началѣ настоящаго столѣтія невидно было уже и слѣдовъ ни одной Русской церкви въ Трокахъ.

Въ царствованіе Стефана Баторія происходила кровопролитная война съ Московскимъ царемъ Іоанномъ IV за Ливонію; но описаніе подобныхъ событій принадлежитъ исторіи государства, а Литва въ то время не была уже государствомъ, а только польскою провинціей. А потому, не распространяясь объ этомъ предметѣ, скажемъ только, что эта война ведена была Русскими несчастливо и одна только

мужественная защита Пскова остановила успѣхи Стефана Баторія. Полоцкъ и многія города въ Ливоніи остались за Баторіемъ.

Вмѣшательство папы и іезуитовъ въ эту войну охладило Баторія къ одному и другимъ. Но это обстоятельство не привело іезуитовъ въ уныніе. Они рѣшились воспользоваться самимъ равнодушіемъ его къ вѣрѣ, для достиженія коварныхъ своихъ намѣреній въ отношеній къ православнымъ. Они подстрекнули его самолюбіе и склонность къ самовластію, которую неоднократно онъ обнаруживалъ въ продолженіи своего царствованія. Съ самыхъ древнихъ временъ, въ западно-русской церкви, лица, поступавшія на высшія духовныя степени, избираемы были іерархіей и представляемы были только на утвержденіе королю. Баторій присвоилъ себѣ право избирать, назначать и переводить съ одного мѣста на другое Русскихъ духовныхъ сановниковъ по своему произволу. Случалось, что онъ возводилъ въ эти званія свѣтскихъ недостойныхъ людей, а иногда и р. католиковъ, считая духовныя мѣста наградою за гражданскія заслуги (Акт. Запад. Рос. т. 3, № 158). Назначеніе епископовъ Брестскаго (Феодосія Лазовскаго) и Луцкаго (Іоны Красенскаго) явно обнаружили пружины, дѣйствовавшія на волю короля. Не оставалось никакого сомнѣнія, что это были слѣдствія происковъ іезуитовъ.

Въ 1582 году появился новый, Григоріанскій календарь. По ходатайству іезуитовъ, Баторій издалъ универсалъ о введеніи его въ употребленіе во всей Польшѣ и Литвѣ. Приведеніе въ исполненіе универсала произвело сильное волненіе въ народѣ и сдѣлалось новымъ источникомъ притѣсненія и обидъ, причиняемыхъ Русскимъ, которые не хотѣли отстать отъ прежняго календаря и покориться нововведенію. Насилія іезуитовъ дошли до того, что православныхъ выгоняли изъ церквей, когда они собирались въ нихъ слушать богослуженіе въ праздники, означенные старымъ календаремъ. Распоряженія Баторія къ обузданію такихъ беспорядковъ небыли приводимы въ исполненіе, потому что іезуиты не обращали на нихъ вниманія, если они несогласны были съ тайными или явными ихъ предначертаніями.

Но ежели съ одной стороны тайно и хитро составляемы были планы на погибель православію, то съ другой развивались и утверж-

дались два учрежденія, кои поддержали его во время продолжительной и опасной борьбы съ противниками, и сохранили драгоценныя сѣмена чистоты его до того времени, когда возшло благотворное свѣтило, подъ вліяніемъ котораго укрѣпились корни его въ западной Руси и собраны обильные плоды. Это были патронаты и братства. Съ давняго времени знатныя и богатыя лица православнаго исповѣданія, изъ коихъ многіе воздвигали на свой счетъ церкви и монастыри, и снабжали ихъ средствами къ содержанію, были ихъ покровителями или патронами. Это право патроната а вмѣстѣ съ нимъ и обязанности заботиться о благосостояніи церквей и священнослужителей, и нравственномъ образованіи паствы, переходили отъ отца на сына, въ дальнѣйшія поколѣнія. Братства составлялись при каждой церкви изъ сословія купцевъ и ремесленныхъ цѣховъ, которые поддерживали ихъ своимъ имуществомъ и содержали при нихъ больницы, богадѣльни и училища. Коль скоро обнаружались происки іезуитовъ и начались ихъ насилія, патронаты, разбросанные во всему в. княжеству, вступили между собою въ тѣснѣйшій союзъ, для защиты православной церкви, и примкнувъ къ одному главному патронату князя Константина Константиновича Острожскаго, составили нѣкоторую цѣлость, а потому могли дружно и общими силами предпринимать и приводить въ исполненіе обширнѣйшія предначертанія. Князь Острожскій, котораго самъ Баторій назвалъ верховнымъ хранителемъ и защитникомъ западно-русской церкви, оказалъ ей дѣйствительныя и важныя услуги своею ревностію къ ея благоденствію. Онъ вошелъ въ ближайшія сношенія съ Константинопольскимъ патріархомъ, нещадилъ казны своей на пріобрѣтеніе и напечатаніе церковныхъ книгъ, заводилъ и покровительствовалъ училища, за которыми имѣлъ бдительный надзоръ, собиралъ со всѣхъ сторонъ просвѣщенныхъ учителей и проповѣдниковъ и разсылалъ ихъ по Литвѣ. Къ сосредоточившемуся въ лицѣ его патронату присоединились и разбѣянные по западной Руси братства. Это многочисленное и сильное своимъ вліяніемъ общество, вида злонамѣреніе и интриги іезуитовъ и горькіе плоды ихъ усилій, вкравшіеся въ самую церковь безпорядки, предприняло и привело въ исполненіе рѣшительную мѣру къ ея обновленію—призвало въ Литву Константинопольскаго патріарха Іеремію II. О слѣдствіяхъ этой мѣры

скажемъ ниже, такъ какъ обстоятельство это принадлежитъ къ слѣдующему царствованію.

Между тѣмъ римско-католическое духовенство, отличавшееся всегда нетерпимостію, которую обнаруживало насиліемъ при всякомъ случаѣ, произвело новое волненіе въ Вильнѣ. Епископъ Валеріанъ Протасевичъ, видя быстрые успѣхи ученія иновѣрцевъ, вздумалъ употребить насильственную мѣру, чтобы остановить ихъ. Собравши множество некаатолическихъ книгъ, которыхъ большое число напечатано было въ Вильнѣ и другихъ городахъ Литвы, и между которыми также находились новыя переводы Библіи, велѣлъ палачу сжечь ихъ публично на лобномъ мѣстѣ. Ожесточенная чернь, возбужденная іезуитами, кинулась на евангелическія кирху и типографіи. Возникло страшное волненіе въ городѣ, которое какой то счастливый случай успѣлъ укротить. Король въ это время находился въ станѣ подъ Псковомъ. Узнавъ объ этомъ происшествіи, онъ написалъ отуда въ Вильно слѣдующія достопамятныя слова: „Мы дали присягу, обезпечивать свободу совѣсти всякаго; а потому запрещаемъ нарушать спокойствіе, а убѣжденія людей предоставляемъ на судъ самаго Бога.“ Но это благоразумное распоряженіе, какъ и другія несогласныя съ видами римско-католическаго духовенства, и въ особенности іезуитовъ, не принесло никакой пользы. Въ продолженіи царствованія Баторія, было еще не одно волненіе, возбужденное фанатизмомъ іезуитовъ.

Въ послѣднемъ году царствованія Баторія, высланъ былъ изъ Вильна въ Москву посломъ Михаилъ Гарабурда, извѣстный совершеннымъ знаніемъ русскаго языка, гибкимъ умомъ и усердіемъ къ православному исповѣданію. Онъ предложилъ московскимъ бояромъ важное предначертаніе, котораго исполненіе могло бы отвратить многолѣтнія и тяжкія несчастія отъ обоихъ государствъ. Во время тайнаго совѣщанія онъ открылъ боярамъ мысль соединить всѣ три государства: Россію, Литву и Польшу подъ власть одного лица. Онъ предлагалъ боярамъ условиться съ чинами королевства, дабы по смерти Баторія соединить подъ власть Θεодора Іоанновича Литву и Польшу, требуя только, чтобы Краковъ считаемъ былъ на равнѣ съ Москвою, а Вильно съ Новымъ-Городомъ. Если же бы случилось, что Θεодоръ умретъ прежде Баторія, то на такихъ же условіяхъ Баторію наследовать рус-

кій престоль. Бояре донесли о томъ царю, и отвѣчали Гарабурдѣ, что не дозволяютъ себѣ мыслить о смерти вѣнценосца своего, что ему Гарабурдѣ также неприлично желать смерти своему государю и на нее рассчитывать, и что наконецъ онъ какъ вѣрноподанный и думать о томъ не долженъ. Они объявили только согласіе на вѣчный миръ. Разгнѣванный Гарабурда сказалъ, что король не будетъ довольствоваться ни Смоленскомъ, ни Сѣверскою областію, а потребуеть Новгородъ и Пскова. Тогда бояре отвѣчали: «А нашъ Государь не дастъ вамъ ни драницы съ кровли. Можемъ обойтись безъ мира. Россія не старая; берегите отъ руки ея уже не Ливонію и Полоцкъ, а Вильно.» Этимъ кончились переговоры и Гарабурда уѣхалъ.

Царь Ѳедоръ Іоанновичъ отправилъ однакоже вслѣдъ за Гарабурдою посла своего Троекурова, чтобы узнать настоящія намѣренія Баторія. Еще при Іоаннѣ IV папа Александръ VI, старался примирить съ нимъ короля. Іезуитъ Поссевинъ, прибывшій въ Москву, дѣйствовалъ по видимому въ пользу московскаго Государя, который забавлялъ его мечтою соединенія всей Руси подъ властію папы, но никогда не далъ ему по этому предмету опредѣлительнаго отвѣта. Баторій преклонилъ на свою сторону преемника Александрова и Поссевина, и готовился къ новому походу, а воеводы его, не смотря на перемиріе съ Россією, грабили окрестности Пскова, Великихъ-Лукъ и Чернигова.

Троекуровъ нашелъ короля въ Гроднѣ. Паны узнавъ, что царь соглашается на миръ не иначе, какъ чтобы Баторій уступилъ ему Кіевъ и Ливонію, вспыхнули отъ гнѣва, представляли послу слабость и изнеможеніе Россіи, и опасности отъ внѣшнихъ непріятелей; наконецъ грозили общимъ возстаніемъ и нашествіемъ на Россію, вызываясь пожертвовать для того имуществомъ и жизнію. Троекуровъ слушалъ ихъ спокойно. Потомъ представилъ имъ настоящее положеніе Россіи, а также неудачу и вѣроломство Поляковъ такъ убѣдительно, что противники его утихли. Въ заключеніе своей рѣчи онъ сказалъ: «Мира желаемъ, но не купимъ; хотите войны? начинайте! Хотите добраго дѣла? говорите о дѣлѣ!» Положено было съѣхаться посламъ обоихъ державъ на рѣкѣ Ивашѣ, между Оршею и Смоленскомъ, для окончательныхъ переговоровъ.

Смерть Баторія, послѣдовавшая 12 декабря 1586 года, воспрепятствовала приведенію въ исполненіе этого договора. Въ Литвѣ и Польшѣ забыли о дѣлахъ съ Москвою. Избиратели раздѣлились на партіи, и въ этихъ странахъ въ продолженіи полутора года не было верховнаго правителя.

Нельзя не упомянуть въ этомъ мѣстѣ объ одномъ важномъ обстоятельстве, которое, хотя не принадлежитъ собственно къ исторіи Литвы, но относится непосредственно къ царствованію Баторія. Съ давняго времени составилось по обѣимъ сторонамъ южнаго Днѣпра военное общество, состоявшее изъ людей разнаго происхожденія. Туда стекались охотники изъ русскихъ, поляковъ, литовцевъ, татаръ и даже черкесовъ. Главныя условія, подъ которыми принимали въ общество, состояли въ томъ, чтобы говорить русскимъ языкомъ, исповѣдывать православную вѣру и повиноваться безусловно своимъ начальникамъ. Они назывались козаками, то есть бездомными. Главная цѣль ихъ существованія была битъ бусурманъ, особливо татаръ и турокъ, не обращая вниманія на то, находились ли они въ войнѣ или мирѣ съ сосѣдственными христіанскими державами. Они помогали неоднократно то Россіи, то Польшѣ въ войнахъ съ крымскими татарами; но чаще всего, независимо отъ интересовъ той, или другой державы, садились на легкія суда, отправлялись къ берегамъ Босфора или Малой Азіи, производили на нихъ грабежъ и опустошеніе и возвращались домой съ богатою добычею. Послѣдній начальникъ или гетманъ ихъ Евстафій Дашковичъ далъ имъ правильное образованіе по примѣру донскихъ козаковъ. Стефанъ Баторій чувствовалъ важность такого общества, которое съ большимъ успѣхомъ могло бы защищать южныя предѣлы его государства, и употребилъ всѣ старанія, чтобы привести ихъ въ зависимость отъ себя. Евстафій со всѣмъ козацкимъ обществомъ присягнулъ ему въ вѣрности. Король далъ ему всѣ знаки гетманскаго достоинства: королевское знамя, бунчукъ и булаву, назначилъ ему мѣсто-пребываніемъ городъ Батуринъ и раздѣлил козаковъ на полки. По новому учрежденію гетманъ былъ по прежнему самовластный начальникъ между своими, а самъ зависѣлъ исключительно отъ короля, а не отъ сейма, тѣмъ менѣе отъ короннаго гетмана. Весь признакъ его зависимости состоялъ въ томъ, что по призыву короля онъ обязанъ

былъ выставлять извѣстное число вооруженныхъ козаковъ на помощь его войску. Король далъ обѣщаніе покровительствовать въ землѣ козаковъ православное исповѣданіе и не дѣлать никакихъ перемѣнъ во внутреннемъ ихъ управленіи. Нарушеніе этихъ условій преемникомъ Баторія было началомъ продолжительныхъ и кровопролитныхъ волненій и непрерывныхъ возстаній козаковъ, которые окончились совершеннымъ отпаденіемъ ихъ отъ Польши и присоединеніемъ къ Россіи, какъ то увидимъ ниже.

Не будемъ исчислять подробностей новаго избранія и изворотовъ польскихъ вельможъ, стремившихся къ отклоненію избранія въ короли царя Московскаго Θεодора Іоанновича, чего такъ искренно желали литовскіе чины и большая часть народонаселенія Литвы. Скажемъ только, что послѣ продолжительныхъ интригъ, споровъ и несогласій, избранъ былъ наконецъ въ 1588 году Сигизмундъ III, сынъ шведскаго короля Іоанна III и Екатерины, сестры Сигизмунда Августа. Продолжительное его царствованіе было для Западной Руси періодомъ многихъ несчастій и смятеній, происшедшихъ въ особенности отъ ссоръ съ иновѣрцами, возбуждаемыхъ іезуитами, которые вполне овладѣли душою короля.

Первыми несчастіями въ началѣ царствованія Сигизмунда III были ужасы природы, страшный голодъ и вслѣдствіе его опустошительная моровая язва, поглотившая безчисленное множество жертвъ. Дошедшія до насъ описанія современниковъ этихъ бѣдствій, кои были какъ бы предвѣстниками иныхъ, долженствовавшихъ постигнуть эту страну въ продолженіи новаго царствованія, поражаютъ ужасомъ душу. Вскорѣ начались смятенія, кои были продолжительнѣе и слѣдствія ихъ ужаснѣе голода и моровой язвы. Это было насильственное введеніе религіозной Уніи, т. е. соединенія православной церкви съ римскою. Не можемъ при этомъ случаѣ пропустить безъ вниманія одного обстоятельства, которое до сихъ поръ выпускаемо было изъ виду лѣтописателями, а именно то, что самое слово *Унія*, составляетъ несокрушимый памятникъ преобладанія русскаго элемента въ Литвѣ. Все, что употребляемо было для увлеченія въ нее православныхъ: насиліе, проiski безчеловѣчіе, вѣковая съ ними борьба, наконецъ стольже продолжительное и мужественное ихъ противудѣйствіе, слишкомъ явственно свидѣ-

тельствуютъ, что преслѣдователи имѣли дѣло не съ малочисленнымъ сословіемъ, а съ огромною массою народонаселенія, составлявшаго существенную силу великаго княжества. Еслибы католическое духовенство имѣло въ виду одно намѣреніе навести на путь истины заблужденныхъ (такъ какъ оно часто воюетъ этимъ выраженіемъ), то для чего не употребило этихъ самыхъ усилій противъ татаръ, караимовъ и даже евреевъ, наводнившихъ Литву и Польшу? Именно отъ того, что они никогда не опасались ихъ перевѣса. Борьба съ протестантами происходила совершенно по другой причинѣ. Протестанты грозили наденіемъ католицизму. Но православные никогда не увлекались духомъ сектаторства и не навязывали никому своего вѣроисповѣданія. Одна только масса этого населенія приводила въ ужасъ католиковъ или лучше сказать поляковъ, кои не могли не предвидѣть, что рано или поздно Русь получитъ явный надъ ними перевѣсъ.

Мы не имѣемъ возможности заняться всѣми подробностями этого предмета, не смотря на особенную его важность. Желающихъ познакомиться съ нимъ ближе, отсылаемъ ко многимъ авторамъ, занявшимся имъ спеціально, а между ними къ Бантышъ-Каменскому, Кояловичу и другимъ. Скажемъ объ немъ только то, что невыходить изъ предѣловъ нашей программы, помѣщенной въ началѣ этого сочиненія.

Справедливо ученые изыскатели литовской древности замѣчаютъ, что это религіозное преобразованіе возникло не вдругъ, а подготовляемо было съ древнихъ временъ латынскимъ духовенствомъ и окончательно приведено въ исполненіе іезуитами. Въ самомъ уже манифестѣ Ягайлы 12 февраля 1387 года находились зародыши будущихъ смуть и волненій. Хотя, какъ сказано выше, манифестъ этотъ былъ обнародованъ, но неприведенъ въ исполненіе, но въ немъ уже указанъ путь, по которому латынское духовенство вело преемниковъ Ягайлы. Мы видѣли, что со временъ сына его Казимира усиливалась въ Литвѣ нетерпимость, а съ нею вмѣстѣ преслѣдованіе православнаго народонаселенія. Въ царствованіе Сигизмунда Августа облегчились на нѣкоторое время ихъ страданія, но реформы Лютера и Кальвина отторгли отъ православной церкви многихъ чадъ ея, въ особенности сильныхъ значеніемъ и богатствомъ покровителей ея, а прибытіе іезуитовъ довершило остальное. Ихъ происки, самовластіе Баторія, раздававшего выс-

шія духовныя званія православной церкви мірянамъ, соблазнительное поведеніе послѣднихъ, наконецъ вліяніе протестантовъ на паствы, оставленныя своими пастырями, выгнанными преслѣдователями или увлеченными въ латынство, породили въ самой западной церкви множество зла, которое могло устранить только вліяніе лица, имѣющаго необыкновенное значеніе. Въ этихъ то обстоятельствахъ папронаты и братства западно-русской церкви пригласили находившагося тогда въ Москвѣ патріарха константинопольскаго Іеремію II. По ходатайству князя Острожскаго и другихъ литовскихъ сановниковъ, коимъ Сигизмундъ III не смѣлъ еще отказать въ ихъ просьбѣ, патріархъ снабженъ былъ окружною королевскою грамотою, которою подчинены были ему всѣ лица и дѣла западно-русской церкви. Патріархъ прибылъ въ Литву въ 1589 году.

Первымъ дѣломъ, которымъ онъ занялся, было очищеніе іерархическихъ мѣстъ отъ лицъ, кои поступали въ монашество послѣ втораго и третьяго брака. Въ числѣ ихъ находился митрополитъ Описифоръ, человекъ безукоризненнаго поведенія, но вступившій въ монашество послѣ втораго брака. Патріархъ лишилъ его кафедры затѣмъ, чтобы другіе двоеженцы, кои были недостойнѣе его, не надѣялись пощады. На мѣсто его выбранъ Михаилъ Рагоза, котораго патріархъ долго не рѣшался утвердить въ санѣ митрополита, не замѣчая въ его свойствахъ ни особенной ревности къ православію, ни твердости, необходимой въ то время къ его защитѣ. Противясь представленіямъ тѣхъ, кои поддерживали Михаила, онъ предсказывалъ имъ неблагопріятныя слѣдствія такого выбора и, къ несчастію, скоро предсказанія его вполнѣ оправдались. Вслѣдъ за тѣмъ патріархъ потребовалъ отъ всѣхъ епископовъ-двоеженцевъ, чтобы они оставили свои мѣста. Повелѣніе это привело въ ужасъ недостойныхъ іерарховъ, наброшенныхъ православной церкви Баторіемъ, въ особенности Хелмскаго и Пинскаго, людей самаго порочнаго поведенія. Этой мѣры, которой необходимо требовало полное и полезное преобразование западно-русской церкви, не возможно было привести въ исполненіе совершенно по той причинѣ, что дѣла восточной церкви не дозволили долго оставаться патріарху въ Россіи и призывали его въ Константинополь. Не довѣряя митрополиту, онъ счелъ необходимымъ выбрать себѣ когонибудь изъ русскихъ епис-

коповъ, къ которому имѣлъ бы совершенную довѣренность. Къ несчастію, выборъ этотъ былъ неудаченъ. Онъ палъ на Луцкаго епископа Кирила Терлецкаго, который въ послѣдствіи такъ постыдно измѣнилъ довѣренности патріарха и общему дѣлу, и сталъ въ число первыхъ основателей Уніи. Бывъ до тѣхъ поръ, повидимому, безукоризненнаго поведенія и ревностнымъ защитникомъ православія, Терлецкій, вѣроятно чувствуя за собой тайную вину, которая со временемъ могла бы обнаружиться, вошелъ въ преступное сношеніе съ виновными епископами, кои по давно составленному іезуитами плану, одобренному королемъ, рѣшились передаться папѣ. Душою этого союза былъ владимірскій епископъ Иппатій Поцѣй. Виновные епископы, боясь подвергнуться участи, постигшей митрополита Онисифора, рѣшились предупредить личную опасность измѣною своей церкви и предательствомъ въ руки латынства своей пасты. Не было возможности начать это дѣло открыто въ самой Руси, въ которой они встрѣтили бы сильное сопротивление многихъ достойныхъ пастырей безчисленнаго русскаго народонаселенія, а въ особенности братствъ, которыхъ права утверждены были патріархомъ, а нѣкоторымъ изъ нихъ дано право ставропигіи, то есть непосредственной зависимости отъ константинопольскаго патріаршескаго престола. Заговорщики рѣшились дѣйствовать съ коварнымъ самовластіемъ. Преклонивъ на свою сторону слабаго митрополита, они сзывали два собора въ Брестѣ, на которыхъ разсматриваемо было ихъ предложеніе перейти всей западно-русской церкви подъ власть папы, по той якобы причинѣ, что константинопольскій патріархъ, стѣсняемый въ дѣйствіяхъ своихъ Турками, не можетъ имѣть надлежащаго попеченія о православныхъ церквахъ западной Руси. Не смотря на сильное сопротивление, которое каждый разъ встрѣчало это предложеніе, на послѣднемъ соборѣ, 2 декабря 1594 года, актъ уніи провозглашенъ и подписанъ четырьмя епископами, изъ коихъ двое не были еще посвящены, и однимъ архимандритомъ.

Терлецкій и Поцѣй отправились въ Римъ и представили Унію, какъ дѣло оконченное согласно якобы съ общимъ желаніемъ всего православнаго духовенства и народонаселенія западной Руси. Они обѣщали именемъ всей западно русской церкви признать папу главою ея, просили только оставить неприкосновенными всѣ обряды восточной цер-

кви и священнодѣйствіе на славянскомъ языкѣ, наконецъ выпросили у него письмо къ Сигизмунду о дозволеніи уніятскимъ епископамъ засѣдать въ польскомъ сенатѣ на равнѣ съ римско-католическими. Папа утвердилъ этотъ призракъ общей рѣшимости православнаго народонаселенія, и далъ предателямъ его требуемое ими письмо къ королю.

Коль скоро получено объ этомъ извѣстіе въ западной Руси, общее негодованіе православныхъ дошло до высочайшей степени. Всѣ громко укоряли предателей и требовали, чтобы ихъ подвергнуть примѣрному взысканію за дерзкую ложь, выдаваемую за истину отъ имени цѣлаго народонаселенія. Львовскій епископъ Балабанъ обнародовалъ о томъ протестъ, обличая заговорщиковъ въ безстыдномъ подлогѣ и измѣнѣ. Князь Острожскій, а вмѣстѣ съ нимъ многіе вельможи, патронаты и братства съ ужасомъ отвергли накинутае имъ двумя интригантами нововведеніе. Митрополитъ не зналъ на что рѣшиться и назначилъ соборъ въ Брестѣ 9 ноября 1596 года,—но самъ не осмѣлился на немъ явиться. Какъ должно было надѣяться, обманщики были обличены на соборѣ. Всѣ благомыслящіе требовали, чтобы они лишены были своего сана. Терлецкій и Поцѣй, подвинувшись уже слишкомъ далеко, вмѣсто отвѣта на протесты, рѣшились на отчаянное средство, которое только одно для нихъ осталось. Въ сопровожденіи другихъ епископовъ порочнаго поведенія, они провозгласили въ церкви Унію тогоже 9 октября. Напрасно православные обратились къ королю съ жалобою на явный обманъ и нарушеніе привилегій его предшественниковъ и вообще законовъ и всякой справедливости. Король вмѣсто отвѣта на ихъ жалобы, приказалъ привести въ дѣйствіе Унію, какъ будто бы она была дѣйствительно проявленіемъ воли всего православнаго населенія, и не велѣлъ никого пускать въ предѣлы государства отъ Константинопольскаго патріарха.

Таково было начало Уніи, изобрѣтенной коварствомъ и накинутаю насиліемъ, вопреки желанію и даже ожиданію православнаго населенія. Съ тѣхъ поръ уніаты, зная, что однимъ только страхомъ и насиліемъ сохранять свое зданіе, воздвигнутое на самомъ шаткомъ основаніи, и чувствуя, что при малѣйшемъ перевѣсѣ православныхъ, оно рухнетъ безъ всякой надежды къ возстанію, они употребляли такіа средства къ ослабленію своихъ противниковъ, какія только можетъ внушить самое враж-

дебное ожесточеніе. Подробности дѣйствій противниковъ православія извѣстны изъ сочиненій Георгія Коннискаго, Бантышъ-Каменскаго, Кояловича, актовъ, собранныхъ Императорскою археографическою комиссіею, и другихъ достовѣрныхъ источниковъ. Мы предложимъ здѣсь только тѣ событія, кои произошли въ древней Литвѣ и преимущественно въ средоточіи ея—Вильнѣ.

Вскорѣ послѣ Брестскаго собора умеръ митрополитъ Михаилъ Рагоза и мѣсто его занялъ Иппатій Поцѣй, ревностнѣйшій поборникъ Уніи и ожесточенный врагъ православія. Уніаты, вопреки всякой справедливости, при содѣйствіи короля и иезуитовъ, начали отбирать у православныхъ церкви, въ особенности такія, кои имѣли значительнѣйшіе вклады, которые только и искушали ихъ корыстолюбіе. Въ Вильнѣ уніаты захватили 12 лучшихъ и богатѣйшихъ церквей. Церкви же по городамъ и селеніямъ, коихъ не могли себѣ присвоить, запечатывали или разоряли, священниковъ преслѣдовали и мучили, а когда народъ, не находя пристанища въ церквахъ, строилъ себѣ шалаши за городомъ и собирался въ нихъ для молитвы, уніаты насильно выгоняли ихъ оттуда. Православнымъ оставлено въ Вильнѣ сначала 7 церквей: Свято-Духовскую, Пятницкую, Іоанна-Крестителя, Воскресенскую, Благовѣщенскую, Никольскую и Юріевскую.

Въ продолженіи того времени православные для своей защиты прибѣгали къ разнымъ средствамъ и еще въ 1599 году заключили съ протестантами союзъ, и на сѣздѣ въ Вильнѣ составили актъ, обѣщавъ себѣ взаимную помощь въ случаѣ напасти. Этотъ актъ, важный въ исторіи, изображающій духъ и стремленія тогдашняго времени, а вмѣстѣ съ тѣмъ представляющій притѣсненія, какимъ подвергались иновѣрцы, помѣщенъ въ сочиненіи Кіевского митрополита Евсевія подъ заглавіемъ: *Описаніе Кіевско-Софійскаго Собора и Кіевской епархіи.* (Кіевъ 1825). Онъ переведенъ съ польскаго подлинника, находящагося въ Радзивилловскомъ архивѣ въ Кенигсбергѣ. Такъ какъ предѣлы нашего сочиненія не дозволяютъ намъ помѣстить его въ цѣлости, то отсылаемъ читателей нашихъ къ сочиненію митрополита Евсевія. Здѣсь же скажемъ только, что изъ этого акта легко можно узнать всѣ подробности бѣдствій и преслѣдованія, причиненныхъ православнымъ, такъ что онъ одинъ, по этому предмету, можетъ замѣ-

нить множество затерянных, а может быть умышленно истребленных документов. Число членов собранія простиралось до 200 человекъ, между коими находилось множество князей, воеводъ, кастеляновъ и другихъ знатнѣйшихъ лицъ. Слова акта убѣждаютъ, что сильнѣйшую часть союза составляли православные. Главою и душою этого союза былъ Кіевскій воевода князь Острожскій. Кромѣ его изъ знатнѣйшихъ лицъ православнаго исповѣданія, подписавшихъ актъ, были сенаторы-князья: воевода Волынскій Александръ Острожскій, Брацлавскій кастелянъ Сангушко Коширскій, Адамъ и Михаилъ Вишневецкіе, Іоакимъ Корецкій, Кирилль Рожинскій, Юрій Пузына и множество пановъ. По этому можно судить, какъ велико было число непринадлежавшихъ къ Римской церкви и каково было притѣсненіе, которое заставило рѣшиться на такой поступокъ.

Однакожь, не смотря на число, значеніе и силу къ государствѣ членовъ этого союза, слѣдствія его не были столь благопріятны для иновѣрцевъ, какихъ должно было надѣяться. Римско-католическая партія, поддерживаемая королемъ и обладавшими его волею іезуитами, оказалась сильнѣе и противники ея съ трудомъ могли съ нею бороться. Внутренняя война свирѣпствовала съ ожесточеніемъ, правительство все не заботилось объ укрощеніи страстей, а только о помощи іезуитамъ и уніатамъ. Отбирали насильно у православныхъ церкви и монастыри, нападали на кирхи и типографіи протестантскія, а римско-католическое юношество, напитанное внушеніями іезуитовъ, заводило съ иновѣрцами драки на улицахъ, площадяхъ, кладбищахъ, и всѣ насилія его оставались безъ наказанія. Въ это то время появилось множество сочиненій, въ которыхъ непріатели православія, а иногда и протестанты, призывая для оправданія своего исторію, старались убѣдить своихъ противниковъ натянутыми выводами, искаженными, а часто и выдуманнными фактами, которыхъ часть служить къ сожалѣнію и понынѣ нѣкоторымъ упрямымъ умамъ основаніемъ къ защитѣ заблужденія. Еще болѣе заключалось въ этихъ сочиненіяхъ обидныхъ выраженій, пасквилей, личностей и клеветы. Изъ такихъ то сочиненій состояла въ то время почти вся литовская литература.

Едва 30 лѣтъ прошло со времени люблинскаго съѣзда, какъ недостатки управленія Польши, вкравшіеся въ Литву, принесли такіе пло-

ды и были причиною такого событія, какового Вильно не видѣло въ своихъ стѣнахъ со времени своего основанія. Въ 1600 году представилось зрѣлище необыкновенное и, можетъ быть, единственное по страшнымъ приготовленіямъ, угрожавшимъ общимъ смятеніемъ и по ничтожной и даже смѣшной своей развязкѣ. Событіе это описано подробно Нарушевичемъ. Мы представляемъ его вкратцѣ, за тѣмъ только, чтобы показать, что можетъ произойти въ государствѣ, въ которомъ нѣтъ энергической силы къ обузданію подобнаго самоуправства. Это былъ первый подарокъ Польши соединившейся съ нею Литвѣ.

Дѣло происходило между двумя фамиліями: Радзивилловъ и Ходкѣвичей. Предметомъ его была Слуцкая княжна Софія, дочь Георгія Олельковича и племянница Юрія Ходкѣвича, наслѣдница баснословнаго богатства. Обѣ эти фамиліи съ давняго времени находились въ несогласіи по причинѣ соперничества въ значеніи, силѣ и довѣренности въ государствѣ. Новое обстоятельство увеличило ненависть между ними и едва не довело ихъ до раздѣлки оружіемъ. Еще въ 1594 году Виленскій воевода князь Христофоръ Радзивиллъ составилъ предначертаніе женить своего сына Януша на княжнѣ Слуцкой и для того заключилъ съ ея опекуномъ и дядею Юріемъ Ходкѣвичемъ договоръ, въ которомъ сказано было, что если княжна, достигнувъ совершеннолѣтія, захочетъ выйти замужъ за князя Януша, то опекунъ ея Ходкѣвичъ обязуется выдать ее безъ всякаго прекословія. Спустя годъ послѣ этого уговора Юрій умеръ. Опекa перешла къ брату его Герониму, а вмѣстѣ съ нею обязанность исполненія договора. Радзивиллъ, неотступая отъ своего предначертанія, повторилъ договоръ съ новымъ опекуномъ, добавивъ къ тому, что „княжна, если сама того захочетъ, имѣетъ быть выдана за Януша 6-го февраля 1600 года въ Вильнѣ, въ домъ старосты жмудскаго Ивана-Карла Ходкѣвича.“ Домъ этотъ находится на большой улицѣ и принадлежитъ нынѣ виленскому учебному округу.

Между тѣмъ Христофоръ Радзивиллъ затѣялъ съ Ходкѣвичами тяжбу о имѣніи Копыссѣ, на которомъ обезпечена была принадлежавшая Ходкѣвичамъ сумма 5,000 злотыхъ. Поступки въ этомъ отношеніи Радзивилла были такъ неосторожны и сдѣлали столько неприятностей противной сторонѣ, что Иванъ-Карлъ и Александръ Ходкѣвичи

заставили Иеронима дать обязательство, что безъ ихъ общаго совѣта и согласія не выдастъ за мужъ княжны. Но Радзивилль, имѣя обязательство отъ Иеронима, что ни съ кѣмъ по этому предмету совѣтоваться не будетъ, подъ уплатою 100 т. литовскихъ копѣ, подалъ на него въ 1599 году жалобу виленскому трибуналу, въ которомъ предсѣдательствовалъ князь Юрій Радзивилль. Не удивительно, что при его содѣйствіи трибуналъ издалъ опредѣленіе, которымъ Иерониму присуждено было заплатить эту огромную сумму. Этотъ поступокъ Радзивилла ожесточилъ до чрезвычайности его противниковъ и сыну его Янушу не позволено было уже видѣться съ княжною Слуцкою.

Обѣ стороны начали приготовляться къ открытой войнѣ: Радзивилль—наступательной, Ходкѣвичи—оборонительной. Собрали въ государствѣ и наняли за границей солдатъ. Радзивиллу благопріятствовали иновѣрцы, Ходкѣвичу католики. Князя Острожскіе, воевода Смоленскій Абрамовичъ, кастелянъ жмудскій Нарушевичъ, герцогъ курляндскій привели или прислали Радзивиллу сильныя отряды. Имѣя въ своемъ распоряженіи до 6,000 человекъ пѣхоты, конницы и гайдуковъ, Радзивилль предпринялъ взять штурмомъ домъ Ходкѣвича, плѣнить невѣсту и выдать ее за князя Януша. Ходкѣвичи, съ своей стороны, сдѣлали надлежашія приготовленія къ своей защитѣ. Собрано было 1,600 всадниковъ и 600 человекъ пѣхоты въ отличномъ порядкѣ и хорошо вооруженныхъ. Начальство принялъ надъ ними Иванъ-Карль Ходкѣвичъ. Недостатокъ въ числѣ дополненъ былъ 24-мя пушками, которыми Ходкѣвичъ надѣялся отразить нападеніе противниковъ.

Король, узнавъ о такихъ приготовленіяхъ къ войнѣ внутри государства, старался помирить два сильные дома и упредить столь соблазнительный примѣръ. Онъ послалъ четырехъ сенаторовъ къ обѣимъ сторонамъ съ письмами и словеснымъ приказаніемъ немедленно прекратить смятеніе, распустить войско, а споры окончить миролюбно. Обѣ стороны благодарили короля за участіе и покровительство, хвалили его благонамѣренность, но приказаній его не исполнили. Наконецъ сенаторы убѣдили Ходкѣвича предложить условія примиренія. Ходкѣвичъ предложилъ три: Чтобы Радзивилль всѣ обязательства и записи судебнымъ порядкомъ уничтожилъ, не требовалъ никакихъ удовлетвореній, и рѣшеніе всего дѣла предоставилъ на сеймѣ wybranымъ

съ обѣихъ сторонъ довѣренными лицамъ; чтобы князь Янушъ посѣщаль княжну не иначе, какъ въ присутствіи дяди и опекуна; и чтобы княжна выдана была за него только въ такомъ случаѣ, когда сама на это согласится.

Радзивиллъ не принялъ такихъ предложеній, а предложилъ съ своей стороны условія, которыя отвержены были Ходкѣвичемъ. Наступило наконецъ 5-е число февраля. Радзивиллъ со всѣмъ своимъ войскомъ приготовился итти на штурмъ, а между тѣмъ въ послѣдній разъ отправилъ посольство къ Ходкѣвичамъ съ новыми предложеніями. Онъ узналъ, что домъ его противника охраняемъ былъ съ величайшимъ порядкомъ и искусствомъ. Но, повидимому, не обращая на то вниманія, готовился къ нападенію, хотя не спѣшилъ имъ. Онъ ожидалъ до полуночи вмѣстѣ съ сыномъ, одѣтымъ въ свадебный нарядъ, священникомъ въ торжественномъ облаченіи и *возными*. Дождавшись полуночи, вдругъ объявилъ черезъ возныхъ, что готовъ исполнить *все свои обѣщанія*. Какъ должно было понимать эти слова, — трудно догадаться, но только Радзивиллъ отступилъ отъ дома Ходкѣвичей и распустилъ свое войско, и это дѣло, начавшееся такимъ грознымъ вооруженіемъ, окончилось смѣшною и бесполезною судебною формальностію. Хотя споры между двумя домами продолжались еще нѣкоторое время, но уже не съ такимъ ожесточеніемъ. 8-го іюля того же года, передъ трибуналомъ, обѣ стороны примирились, а въ слѣдствіе этого примиренія князь Янушъ обвинялъ съ княжною Софіею въ Брестѣ 1-го ноября.

Отложимъ въ сторону всякаго рода предубѣжденіе! Спросимъ здравый смыслъ и совѣсть каждаго безпристрастнаго лица, чего должно было ожидать государство отъ такого управленія, подъ которымъ можно было приводить въ исполненіе подобныя предназначенія? По частному дѣлу, возникшему отъ ссоры двухъ фамилій, дѣлаются вооруженія, какъ бы для отраженія опаснаго непріятели, готова вспыхнуть междоусобная война, и нѣтъ власти, которая могла бы остановить такіе безпорядки, не говоря уже о наказаніи виновныхъ. Король совѣтуетъ, убѣждаетъ, тамъ, гдѣ должно повелѣвать, и, какъ можно было ожидать, его убѣжденій не слушаютъ. Какъ бы поступили Гедиминъ, Ольгердъ, Витовтъ, еслибъ при ихъ жизни возникло въ государствѣ что

либо подобное? Таковы были слѣдствія соединенія съ Польшею, отъ которой переходили въ Литву, часъ отъ часу съ большею силою, своеволие вельможъ и буйство шляхты. Этимъ не кончилось. Тотъ самый князь Янушь, о которомъ сказано выше, возсталъ въ послѣдствіи явно противъ самого короля, а что еще удивительнѣе, по прекращеніи мятежа остался безъ наказанія. Какой ограниченный умъ не могъ бы предсказать горькихъ слѣдствій такого своевольства частныхъ лицъ и безсилія правительства.

Между распоряженіями, сдѣланными для сохраненія внутренняго порядка, находился одинъ странный пунктъ. Предписано было: „каждому, желающему имѣть жизненные припасы, приобрѣтать ихъ покупкою, а не отнимать ихъ насильно или вырывать ихъ изъ рукъ другаго покупателя.“ Вѣроятно существовали подобныя насилія, когда должно было положить имъ предѣлъ закономъ. Но что значили всѣ частныя улучшенія въ законодательствѣ, когда общій составъ управленія ежеминутно угрожалъ упадкомъ государству.

Въ 1602 году прибыли въ Вильно Русскіе послы: бояринъ Михаилъ Салтыковъ и думный дьякъ Афанасій Власевъ съ грамотою отъ Бориса Годунова для подтвержденія перемирія, заключеннаго въ Москвѣ литовскимъ канцлеромъ Львомъ Сапѣгою на 20 лѣтъ. Сигизмундъ, находясь тогда въ Ливоніи, звалъ ихъ въ Ригу. Послы не согласились и заставили его прибыть въ Вильно. Здѣсь начались жаркія пренія. Королевскіе вельможи требовали, чтобы въ грамотѣ Сигизмундъ названъ былъ королемъ Шведскимъ, а Эстонія признана была собственностію Польши. Московскіе послы не соглашались ни на то, ни на другое, не принимая никакихъ убѣжденій. Король, цѣлуя крестъ прибавилъ, что будетъ пользоваться до смерти титуломъ короля Шведскаго и не уступитъ никому Эстоніи. Тогда Салтыковъ сказаалъ: «Король Сигизмундъ! цѣлуй крестъ Государю Борису Феодоровичу по точнымъ словамъ грамоты, безъ всякаго прибавленія, или клятвы не въ клятву.» Сигизмундъ принужденъ былъ переѣхать свою рѣчь и поклялся по грамотѣ. Покровительство, оказанное черезъ два года послѣ того самозванцу, а потомъ вѣроломное нашествіе на Россію самаго Сигизмунда и осада Смоленска, явно доказываютъ какъ онъ дорожилъ своею клятвою и въ чемъ состояла его набожность, которою онъ отличался.

Въ 1604 году основанъ былъ на Острой улицѣ, недалеко отъ ратуши, костель св. Казимира, который теперь обращенъ въ кафедральный православный соборъ. Множество знатныхъ и богатыхъ лицъ принесли большія пожертвованія на сооруженіе и содержаніе костела. Иезуиты, думавшіе безпрестанно о новыхъ приобрѣтеніяхъ, нашли способъ овладѣть основаннымъ костеломъ и всеми собранными пожертвованіями.

Въ это то время Польша включила въ исторію свою еще одну постыдную страницу. Покровительствуя бродягу, выдававшего себя за царскаго сына, она начала продолжительную и кровопролитную войну съ Россіей, которая, умноживъ только славу патріотизма Русскихъ, доказала Польшѣ ея неосновательность и неравенство борьбы, а вмѣстѣ съ тѣмъ ожесточила ненависть между двумя народами. Исторія самозванца Гришки Отрепьева и слѣдствіе его похода въ Россію слишкомъ извѣстны. Нераспространяясь въ описаніи подробностей этого эпизода, скажемъ только, что со смертію самозванца, котораго обманъ былъ вполнѣ обнаруженъ, казалось должно было прекратиться мнимое недоразумѣніе, а съ нимъ вмѣстѣ и все непріязненныя дѣйствія между двумя народами. Но Сигизмундъ, желая воспользоваться смятеніями въ Россіи, началъ съ нею новую войну безъ всякой причины и вопреки своей клятвѣ и существовавшему перемирію. Сначала успѣхи его были быстры. Онъ осадилъ Смоленскъ и послалъ сильное войско къ Москвѣ, которое разбило русскихъ подъ Клушинымъ и заняло столицу. Но торжество поляковъ было непродолжительно. Въ Нижнемъ Новѣгородѣ раздался голосъ, зовущій къ спасенію отечества, и многіе тысячи откликнулись на него жертвами имущества и жизни своей. Собрана многочисленная рать. Князь Пожарскій повелъ ее къ Москвѣ. Поляки выгнаны изъ столицы, разбиты вторично въ 90 верстахъ отъ нея, Россія очищена отъ непріятелей, и на престолъ ея возведенъ Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ. Смоленскъ остался въ рукахъ поляковъ, но не надолго, какъ то увидимъ ниже.

Между тѣмъ уніаты, управляемые митрополитомъ Иппатіемъ Поцѣмъ и ободряемые во всехъ своихъ дѣйствіяхъ правительствомъ, руководимымъ иезуитами, дошли до такой дерзости и даже безстыдства, что поступки ихъ могли бы почестъся баснями, еслибъ множество письменныхъ свидѣтельствъ не подтверждали ихъ дѣйствительности. Въ 1609

году случилось такое происшествіе, какому подобнаго не находимъ въ исторіи среднихъ временъ. За два года передъ тѣмъ обнародована конституція, силою которой повелѣно было согласоваться съ древними обыкновениями въ раздачѣ духовныхъ званій православной шляхтѣ. На основаніи этого постановленія православное духовенство, у котораго уніаты насильно отобрали церковь и монастырь св. Троицы, въ свою очередь отняло ее у нихъ, хотя это обстоятельство не обошлось безъ сопротивленія. Спустя два года, уніаты завладѣли снова церковью и монастыремъ, а между тѣмъ подъ предлогомъ издавна существовавшей уніи, которой никакихъ слѣдовъ въ Вильнѣ не находилось, намѣревались присвоить себѣ и древнюю митрополитальную церковь. Видя ихъ происки, православные подали въ трибуналъ жалобу, въ которой догазли неоспоримыми документами, что эти зданія принадлежали имъ съ самыхъ древнихъ временъ. Трибуналъ, убѣдясь въ основательности жалобы православныхъ и въ несомненной принадлежности имъ, какъ вышеупомянутыхъ церквей, такъ и другихъ, которыя захватили ихъ противники, опредѣлилъ возвратить имъ всё, а уніатовъ выгнать изъ Вильна. На основаніи этого опредѣленія поручено было земскому судіѣ Ивану Остику ввести судебнымъ порядкомъ православное духовенство во владѣніе Троицкимъ монастыремъ и церковью. Но едва только Остикъ съ чиновниками и духовенствомъ приблизился къ воротамъ монастыря, какъ оттуда выбѣжало сорокъ вооруженныхъ Севастійскихъ мучениковъ подъ предводительствомъ Василія великаго, чтобы воспрепятствовать имъ войти въ монастырь. Испуганный, а можетъ быть заблаговременно подкупленный Остикъ, убѣжалъ съ приведенными имъ чиновниками. Подъ этимъ предлогомъ остановлено приведеніе въ исполненіе рѣшенія трибунала, а между тѣмъ уніаты, при помощи іезуитовъ, обратились къ королю, который, *не осмѣливаясь противиться сороку мученикамъ и св. Василію великому*, приказалъ отдать митрополитальную и другія церкви уніатамъ, не смотря на опредѣленіе трибунала; на которое, по существовавшимъ законамъ, не было апелляціи. Это была вопіющая несправедливость, обнаруживавшаяся не разъ въ дѣйствіяхъ Сигизмунда въ подобныхъ дѣлахъ. Мнимое чудо, для сохраненія его на всегда въ памяти, нарисовано было на стѣнахъ монастыря и подтверждается многими сочиненіями іезуитовъ и уніа-

товъ, не смотря на то, что даже многіе изъ современниковъ ему не вѣрили.

Можно вообразить, до какой дерзости доходили послѣ того уніаты, будучи увѣрены, что всякое ихъ злодѣйство противу православныхъ не только останется безъ наказанія, но даже найдетъ защиту и покровительство у Сигизмунда. Они уже безъ опасенія преслѣдовали явно православныхъ, и тѣмъ смущали непрерывно спокойствіе города. По ихъ проiscaмъ высланъ изъ Вильна опредѣленіемъ королевскимъ архимандритъ Троицкаго монастыря Самуиль Сѣнчило за то, что не хотѣлъ содѣйствовать ихъ злодѣйствамъ и старался примирить обѣ стороны. На мѣсто его назначенъ воспитанникъ и любимецъ іезуитовъ Іосифъ Веніаминъ Рутскій. Иппатій Поцѣй, главная пружина и поборникъ интригъ и насилій уніатовъ, встрѣтилъ вдругъ неожиданную опасность тамъ, гдѣ менѣе всего надѣялся найти ее. Мѣщанинъ Тупека, обиженный лично Иппатіемъ и доведенный до отчаянія, остановилъ его близъ ратуши на рынкѣ, черезъ который онъ проходилъ съ множествомъ провожатыхъ, и ударилъ его мечемъ по шеѣ. Этотъ ударъ былъ бы смертельный, еслибъ Иппатій не прикрылся тростію. Тупека отрубилъ ему два пальца, просѣкъ третій до кости и повалилъ окровавленнаго на землю. Тупека поднялъ на него мечъ вторично, но былъ схваченъ служителями епископа, взятъ подъ стражу и посаженъ въ тюрьму. Поцѣя отнесли въ ближайшій домъ, а Іосифъ Рутскій съ намѣстникомъ своимъ Іосафатомъ Кунцевичемъ, который въ послѣдствіи былъ архіепископомъ Полоцкимъ, подняли отрубленные пальцы и положили ихъ на олтарѣ Троицкой церкви. Тупеку начали пытать, чтобы открылъ своихъ сообщниковъ. Уніатамъ хотѣлось замѣшать въ это дѣло, какъ можно болѣе православныхъ; но Тупека не открылъ ничего. Онъ осужденъ былъ на смерть, и ему отрубили голову на мѣстѣ преступленія.

Казалось, это происшествіе должно было просвѣтить уніатовъ и открыть имъ гибельныя слѣдствія ихъ насилія и несправедливости; но оно еще болѣе ожесточило ихъ противу православныхъ, кои подвергались повымъ и лютейшимъ преслѣдованіямъ. Вскорѣ послѣ того одинъ изъ гласныхъ Вильна, называвшійся также Тупекой, прибылъ съ городской стражею въ Пятницкую церковь, забралъ священные со-

суды, иконы, казну, священническія облаченія, и заперъ церковь своимъ замкомъ. Потомъ выгналъ изъ дома семейство священника этой церкви Львова, и передалъ домъ въ вѣдомство униатовъ. Напрасно Львовъ жаловался на такое насиліе духовному трибуналу, въ которомъ находились также свѣтскіе члены. Злодѣйское самоуправство было слишкомъ явно. Трибуналь опредѣлили удовлетворить обиженныхъ, но Тупека объявилъ, что дѣло это не подлежитъ духовному суду. Напрасно представляли убѣдительныя доказательства противнаго; свѣтскіе члены не хотѣли подписать опредѣленія, и не позволили внести его въ трибунальныя книги. Такимъ образомъ въ руки униатовъ перешла и Пятницкая церковь, или лучше сказать, источники, опредѣленные на ея содержаніе, которыхъ униаты только и добивались.

Въ 1610 году произошелъ въ Вильнѣ ужасный пожаръ, истребившій 4700 домовъ, 7 костеловъ, 3 реформатскія кирхи, іезуитскія коллегію и академію. Также сгорѣлъ нижній замокъ, въ которомъ на этотъ разъ жило королевское семейство. Королева съ трудомъ могла спастись съ королевичемъ Владиславомъ, переправясь на маленькой лодкѣ на другой берегъ рѣки. Во время смятенія многія дѣвицы ея двора потонули въ рѣкѣ.

Фанатизмъ іезуитовъ былъ причиною непрерывныхъ волненій въ государствѣ, особенно въ Вильнѣ. Подстрекаемое ими, академическое юношество заводило часто съ иновѣрцами на улицахъ и площадяхъ ссоры, которыя обыкновенно окончивались драками. Ученики евангелическихъ училищъ, входя въ споры съ академиками, нерѣдко раздѣлывались камнями. Въ 1619 году произошло въ Вильнѣ большое вольненіе. Академическіе воспитанники, по примѣру своихъ наставниковъ, вызвали противниковъ своихъ на словесное преніе. Назначень былъ для этого день. Но евангелики, опасаясь слишкомъ чувствительныхъ доказательствъ католиковъ, пришли на мѣсто спора въ полномъ вооруженіи, какъ на сраженіе. Католики не хотѣли начинать диспута. Отъ колкихъ словъ дошло до кулачныхъ убѣжденій, наконецъ воспитанники іезуитскіе обращены въ бѣгство и нѣсколько изъ ихъ ранено.

Посреди общаго ожесточенія Римскихъ католиковъ противу иновѣрцевъ, нашелся между первыми одинъ только благонамѣренный са-

новникъ, старавшійся кротостію и благоразуміемъ примирить враждовавшія стороны, и сдѣлалъ въ этомъ отношеніи все, что отъ него зависѣло. Это былъ Виленскій воевода Левъ Сапѣга, сдѣлавшій періодъ своего управленія достопамятнымъ мудрыми поступками, справедливостію и благоразумною терпимостію. Онъ неодобрялъ насилія католиковъ, не преслѣдовалъ иновѣрцевъ, и нашелъ средство укротить на время волненіе умовъ своею умѣренностію. Въ 1621 году будучи назначенъ предсѣдателемъ комиссіи, составленной для рассмотрѣнія споровъ между православными и уніатами, онъ окончилъ свое дѣло съ искусствомъ государственнаго человѣка и правосудіемъ нелицепріятнаго судьи. Въ это то время написалъ онъ славное письмо къ Полоцкому уніатскому архіепископу Иосафату, извѣстному своими насильственными поступками противу православныхъ. Письмо это, помѣщенное въ исторіи уніи, составленной Бантышъ Каменскимъ, свидѣтельствуешь о противныхъ, какъ человѣческимъ, такъ и Божескимъ законамъ, дѣйствіяхъ уніатовъ, и обнаруживаетъ вполне благонамѣренность, просвѣщеніе и праводушіе Сапѣги. Желających ближе познакомиться съ насиліями Кунцевича и узнать подробнѣе характеръ человѣка, причтеннаго западною церковію къ лику святыхъ, отсылаемъ къ сочиненіямъ Бантыша Каменскаго, Кояловича и другихъ, занимавшихся спеціально исторіей уніи.

Злодѣйства Кунцевича вывели наконецъ изъ терпѣнія православныхъ жителей Витебска, куда онъ прибылъ для распространенія и утвержденія уніи. Народъ взволновался и умертвилъ преслѣдователя въ собственномъ его домѣ въ 1624 году. Назначена была комиссія для изслѣдованія этого дѣла и наказанія виновныхъ. Предсѣдателемъ этой комиссіи назначенъ Левъ Сапѣга, который на этотъ разъ не оправдалъ общаго ожиданія и довѣренности, какою имѣли къ его качествамъ. Онъ производилъ изслѣдованія поспѣшно, неправильно, пристрастно, слушалъ однихъ обвинителей, оставилъ безъ вниманія всѣ злодѣйства уніатовъ, и дѣло это окончилось наказаніемъ многихъ вовсе невинныхъ лицъ, наложеніемъ тяжелой контрибуціи на православныхъ жителей и лишеніемъ города Магдебургскаго права. Новыя преслѣдованія и насилія постигли православныхъ вслѣдъ за умерщвленіемъ того, кто въ продолженіи своей жизни приказывалъ вырывать изъ земли тѣла умершихъ православныхъ и отда-

вать ихъ на съѣденіе собакамъ. (Жалоба православныхъ пословъ на сеймѣ 1623. Кояловичъ. Литвоск. церковная унія т. II, стр. 334).

Еще въ бѣдственнѣйшее состояніе привела западную Русь измѣна Полоцкаго архіерея Мелетія Смотрицкаго, который, долгое время будучи столбомъ и защитникомъ православной церкви, вдругъ принялъ сторону враговъ ея уніатовъ. Отступленіе его увлекло въ унію множество лицъ почетныхъ и просвѣщенныхъ, кои смотрѣли на него, какъ на образецъ для подраженія, и вѣрили словамъ его какъ оракулу.

Ужасы природы, присоединяясь къ внутреннимъ волненіямъ, смутили опять это несчастное царствованіе. Въ 1624 и въ 1625 годахъ свирѣпствовала снова въ Вильнѣ, Гроднѣ, Брестѣ и другихъ городахъ моровая язва и голодъ. По этому случаю составилось въ Вильнѣ братство св. Никодима для оказанія помощи умирающимъ и погребенія мертвыхъ. Въ общество это принимаемы были люди всякаго званія и состоянія и оказывали человѣчеству услуги по мѣрѣ своихъ способностей и возможности. Между членами братства находился одинъ приходской священникъ Петръ, который, посвятивъ себя погребенію мертвыхъ, вырылъ своими руками 300 могилъ и въ послѣдней изъ нихъ самъ скончался.

Въ 1627 году издано въ Вильнѣ королевское повелѣніе, свидѣтельствующее о развратѣ того времени и насиліяхъ еще одного рода, кромѣ политическихъ и происходившихъ отъ неумѣренной религіозной ревности. Постановленіе это гласить, чтобъ никто не осмѣливался *вывозить изъ Вильна насильно честныхъ дѣвицъ*. Какъ обольститель, такъ и дѣвица, позволявшая увести себя, лишались права на наслѣдство послѣ родителей и родныхъ своихъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлано предостереженіе родителямъ и опекунамъ, чтобы долго не держали дома взрослыхъ дѣвицъ и не давали имъ повода къ побѣгу.

Въ 1630 году возникъ опять въ Вильнѣ опустошительный пожаръ, а вслѣдъ за нимъ моровая язва, продолжавшаяся до слѣдующаго года.

Въ 1632 году умеръ Сигизмундъ III послѣ 45-ти лѣтняго несчастливаго для литовскаго края царствованія. Не присваивая себѣ правъ историка — судить дѣла вѣнценосца отдаленныхъ временъ, мы выставили на судъ каждаго безпристрастнаго читателя событія, которыя, лучше всякихъ умствованій, могутъ убѣдить въ основательности или неосновательности мѣръ, принятыхъ имъ въ управленіи, и обнаружить ихъ слѣдствія. Но не

излишнимъ считаемъ заключить, словами польскаго историка, повѣствованіе о царствованіи, которому Нѣмцевичъ посвятилъ три толстые тома. „Сигизмундъ, говоритъ Крашевскій, оставилъ въ государствѣ безпорядокъ, усилившееся духовенство, своевольную шляхту, раздраженныхъ непріятелей, непослушное войско, іезуитовъ богатыхъ и пріобрѣвшихъ вліяніе на всѣхъ и на все. Онъ утратилъ наследственную Шведскую корону, а послѣ себя оставилъ кандидатами на престолъ двухъ сыновей, печальную память о продолжительномъ и бесполезномъ царствованіи, нѣсколько построенныхъ имъ костеловъ, своей работы *патыну* (дискосъ на чашу) и образъ, разбитыя алхимическія реторты, сгорѣвшій Краковскій замокъ, мячикъ, ракету и старыя засаленныя карты, которыми игралъ *въ примѣру и во флосъ*.“

Но Сигизмундъ, преслѣдуя съ ожесточеніемъ православіе, не только не имѣлъ успѣха въ своихъ фанатическихъ предначертаніяхъ, но даже противу ожиданія попалъ въ другую совершенно противоположную цѣль. Онъ положилъ основаніе отторженію Малороссіи отъ Польши. Мы упоминаемъ объ этомъ происшествіи потому, что оно имѣло, по слѣдствіямъ своимъ, важное вліяніе и на судьбу Литвы. Извѣстно изъ прежде сказаннаго, что Малороссійскіе козаки получили отъ Стефана Баторія разныя права и преимущества, которыя связывали ихъ съ Польшею. Главнѣйшее изъ нихъ состояло въ томъ, что гетманъ ихъ зависѣлъ непосредственно отъ короля. Цѣль ихъ существованія была бить бусурманъ во всякое время. Вмѣсто того, чтобы падить это сословіе и привязать его вполне къ Польшѣ, которой южныя области они могли такъ успѣшно защищать отъ Турокъ и Татаръ, Сигизмундъ, опасавшійся гнѣва султана, не только отнялъ у нихъ права, данныя Баторіемъ, но рѣшился лишить ихъ величайшей драгоцѣнности — свободы совѣсти и ввести у нихъ унию. Въ 1589 году сеймъ подчинилъ козаковъ коронному гетману, безъ позволенія коего они не могли предпринимать никакого похода. Вмѣстѣ съ тѣмъ запрещено Малороссійскимъ козакамъ имѣть сношеніе съ Запорожцами, въ особенности продавать имъ военные и съѣстные припасы. За нарушеніе этого распоряженія грозили смертною казнью малороссійскимъ помѣщикамъ и ихъ управляющимъ. Распоряженіе это взволновало козаковъ до высочайшей степени. Не обращая вниманія на постановленіе сейма, они вооружились, сѣли на суда, отправились къ берегамъ Малой-

Азіи, ограбили Трапезундъ и Синопе и, возвратясь домой съ богатою добычею, обратили силы свои противъ Поляковъ. Сигизмундъ, съ трудомъ успѣвъ смирить козаковъ, принялъ самое безумное намѣреніе къ утверженію ихъ покорности. Онъ рѣшился ввести въ Малороссіи насильно унию, и отправилъ туда, для приведенія въ исполненіе этого предначертанія, Жолкѣвскаго съ сильнымъ войскомъ и униатскими проповѣдниками. Едва въ этой странѣ сдѣлалось извѣстнымъ повелѣніе Сигизмунда, чтобы признать папу главою церкви и принять всѣ условія униі, какъ во всей Малороссіи запылало смятеніе. Наливайко, выбранный гетманомъ, настигъ Жолкѣвскаго при Чигиринѣ и разбилъ его на голову. Началась уже явная, продолжительная и кровопролитная борьба между двумя поколѣніями. Козаки опустошили Волинь и Бѣлоруссію, но счастье преклонилось на сторону Поляковъ. Наливайко, окруженный ими подъ Лубнами, взятъ въ плѣнъ и отведенъ въ Варшаву, гдѣ замученъ самымъ безчеловѣчнымъ образомъ. Малороссія, наводненная поляками, униатами и іезуитами, подверглась ужаснѣйшимъ бѣдствіямъ, которыхъ вѣка не могутъ изгладить изъ памяти ея обитателей. Русскій народъ осужденъ на рабство, козаки сравнены съ крестьянами, имѣнія розданы Польской шляхтѣ, которая, отдавая ихъ въ аренду жидамъ, отдавала имъ вмѣстѣ съ тѣмъ и православныя церкви. Жиды, имѣя отъ нихъ ключи, заставляли себѣ платить за всякое священнодѣйствіе. Нельзя было благословить брака, окрестить ребенка, похоронить мертвого, не заплативъ сперва жиду опредѣленной имъ таксы, которая иногда простиралась до пяти талеровъ.

Въ безнадежномъ горѣ и неописанныхъ страданіяхъ жители Малороссіи стонали подъ игомъ безчеловѣчія, корыстолюбія и изувѣрства. Храбрѣйшіе и отважнѣйшіе изъ нихъ укрылись въ Запорожскую сѣчь ниже Днѣпровскихъ пороговъ, куда не могло проникнуть оружіе Поляковъ, ни Татаръ, ни Турокъ. Число бѣглецовъ увеличивалось безпрестанно, и въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ составила сильная рата, выбравшая гетманомъ славнаго въ исторіи Малороссіи Петра Конашевича Сагайдачнаго. Онъ возвратилъ на время родинѣ спокойствіе, внушилъ подвигами своими къ себѣ уваженіе Сигизмунда и сына его Владислава, и наконецъ приобрѣлъ такое вліяніе на управленіе Польши, что четыре раза заставлялъ сеймъ издавать благоприятныя постановленія для православныхъ и держалъ въ страхѣ іезуитовъ и униатовъ.

Но этотъ отрадный для Малороссіи періодъ былъ непродолжителенъ. Со смертію Сагайдачнаго, послѣдовавшей въ 1622 году, начались преслѣдованія съ новою силою и ожесточеніемъ. Чтобы имѣть понятіе о адскихъ изобрѣтеніяхъ притѣснителей, довольно привести въ примѣръ учрежденіе *пасочнаго* сбора. Ни одинъ изъ православныхъ не имѣлъ права печь у себя пасхальныхъ хлѣбовъ, а долженъ былъ покупать ихъ у имѣвшаго на откупѣ этотъ сборъ жиды за опредѣленную имъ цѣну и въ числѣ, соотвѣтствующемъ числу лицъ, составлявшихъ семейство покущика. Поступки преслѣдователей были столь отвратительны, что изъ уваженія къ человѣчеству, въ писателяхъ нашего времени является уже къ повѣствованію объ нихъ какой то родъ недовѣрчивости, не смотря на множество историческихъ и неподверженныхъ никакому сомнѣнію свидѣтельствъ. Нѣсколько разъ козаки, потерявъ терпѣніе, возставали подъ начальствомъ Тараса Трясилы, Павлюка и Острицы, поражали своихъ злодѣевъ и безпощадно истребляли поляковъ, уніатовъ и жидовъ, коихъ многіе тысячи погибли отъ ихъ оружія. Но поляки, соединяя съ насиліемъ обманъ и вѣроломство, успѣвали наконецъ обезоруживать своихъ противниковъ, которыхъ вожди, увлекаемые въ плѣнъ, оканчивали жизнь въ жесточайшихъ мукахъ. Съ живаго Павлюка содрана была кожа, а Острица колесованъ. Малороссія, въ самомъ бѣдственномъ положеніи перешла отъ Сигизмунда къ его преемнику.

Остановимъ на нѣсколько минутъ наше повѣствованіе и обратимъ вниманіе на то, что составляетъ величайшую важность въ изученіи каждаго предмета въ особенности исторіи. Эта наука убѣдительно всего обнаруживаетъ намъ таинственные пути Провидѣнія, непреложность его угрозъ и обѣтованій. При всей неистижимости своихъ дѣйствій, Оно всегда оставляетъ болѣе или менѣе видимые признаки своего участія въ земныхъ дѣлахъ. Мы видѣли, что Польша употребляла всевозможныя усилія для поддержанія и утвержденія уніи во вредъ православному населенію, и наконецъ составила предначертаніе истребить его совершенно. Долго успѣхи вѣнчали противузаконное дѣло; но оно явно противилось волѣ и завѣту Божества, и виновники его не могли остаться безъ праведнаго воздаянія. Этотъ продолжительный періодъ успѣховъ порока не долженъ приводить въ уныніе правыхъ и ободрять виновныхъ. Провидѣніе, для котораго время не существуетъ, привело

въ своей порѣ въ исполненіе премудрыя и всегда спасительныя для человѣчества предначертанія. Въ 1594 году, при усиленномъ содѣйствіи Польши, нѣсколько отступниковъ отъ православія провозгласили въ первый разъ унію, — и ровно черезъ 200 лѣтъ, въ такомъ же 94 году (1794) Польша утратила свое политическое существованіе. Такихъ видимыхъ признаковъ въ дѣйствіяхъ Провидѣнія на судьбу народовъ мы встрѣтимъ множество въ исторіи, если только будемъ внимательно и добросовѣстно слѣдить за ними.

Послѣ смерти Сигизмунда III, вся западная Русь рѣшилась поднять вопросъ о возстановленіи православія, и дала соотвѣтственную этому предмету инструкцію посламъ, выбраннымъ на избирательный сеймъ въ 1632 году. Виленское братство послало туда цѣлую книгу подъ заглавіемъ *Synopsis*, въ которой исчислены всѣ злоупотребленія и насилія уніатовъ, также приведены документы, свидѣтельствующіе о неоспоримыхъ правахъ православныхъ. „Въ Вильнѣ, сказано въ этой книгѣ, Русскія церкви обращены въ кабаки, харчевни и корчмы.“ (Такъ то уніаты заботились о благолѣпіи божіихъ домовъ, которые насильно отобрали у православныхъ) „разграблена церковь въ Ковнѣ и принадлежащая ей земля отобрана. Опустошены монастыри Троцкій, Лавришевскій, Гродненскій и другіе. Въ Бѣльскѣ угрожаютъ смертною казнію тому, кто не пойдетъ за крестнымъ ходомъ изъ церкви въ костелъ. Въ Мядзіолѣ принуждали насильно православныхъ принимать унію, а оказавшихъ сопротивленіе отправляли въ ссылку.“ Тамъ же между прочимъ сказано, что православные изгоняются изъ магистратовъ и цѣховъ, а невинными переполнены городскія тюрьмы. Изъ Кіева былъ отправленъ въ числѣ пословъ знаменитый защитникъ православія архимандритъ Петръ Могила, снискавшій своими достоинствами уваженіе обѣихъ сторонъ. Православные требовали возстановленія своихъ правъ, утвержденныхъ древними законами, и возвращенія заграбленныхъ уніатами церквей и принадлежавшихъ имъ имѣній. Легко можно было предвидѣть упорное сопротивленіе поляковъ и уніатовъ; но православные послы объявили, что не приступятъ къ избранію короля до тѣхъ поръ, пока не будутъ удовлетворены ихъ требованія. Приведеніе въ исполненіе этой угрозы могло имѣть важныя слѣдствія. Составлена была комиссія изъ равнаго числа лицъ

православныхъ и униатовъ подъ предсѣдательствомъ самаго королевича Владислава для составленія пунктовъ, кои должны были успокоить обѣ стороны. Определено было предоставить полную свободу вѣроисповѣданія обѣимъ сторонамъ и существованіе двухъ іерархій — православной и униатской съ равными правами и средствами. Сколь ни умѣренно было постановленіе комиссіи, и даже нѣкоторымъ образомъ отяготительно для православныхъ, ограбленныхъ въ конецъ униатами, но послѣдніе съ ожесточеніемъ противились его исполненію, и громко обвиняли Владислава въ пристрастіи къ ихъ противникамъ. Дѣло шло о томъ, что уравнивая средства обѣихъ сторонъ, должно было отнять отъ униатовъ многое несправедливо ими похищенное. Это для нихъ было страшнѣе упадка самой религіи, которую они на всякомъ шагу поступками своими оскорбляли. Послѣ многихъ упорныхъ противудѣйствій униатовъ и поддерживавшихъ ихъ всѣми силами поляковъ, Владиславъ заставилъ наконецъ сеймъ помѣстить опредѣленіе комиссіи въ *роста conventa*, и утвердилъ его своею присягою. Много содѣйствовалъ къ тому Петръ Могила, сопровождавшій его на коронацію. Вступивши на престоль, Владиславъ далъ грамоту православнымъ, которою предоставилъ имъ право избрать въ митрополиты Петра Могилу, возстановилъ православныя епископіи: Львовскую, Перемышльскую, Луцкую, и образовалъ новую Могилевскую. Наконецъ повелѣно было въ каждомъ городѣ Литвы возвратить православнымъ по одной церкви, въ Вильнѣ же отдать имъ назадъ Пятницкую и св. Іоанна Крестителя. Интриги униатовъ ставили безпрерывныя преграды исполненію этихъ распоряженій. Не смотря на королевское повелѣніе многое осталось безъ исполненія, и Виленскія церкви удержаны униатами. Власть короны ослабѣла въ Литвѣ, также какъ и въ Польшѣ. Самовольство католической аристократіи, а еще болѣе духовенства содѣлывало бесполезнымъ самыя благія предначертанія и повелѣнія королей. Это было одно изъ многихъ гибельныхъ слѣдствій соединенія Литвы съ Польшею.

Владиславъ былъ государь благонамѣренный и челоуѣколюбивый. Не одобряя фанатизма іезуитовъ и противясь проiscaмъ униатовъ, онъ всѣми силами старался помочь православному населенію и оградить его отъ преслѣдованія. Но, какъ сказано выше, власть его была на то недостаточна. Униаты подвинулись уже слишкомъ далеко, и каждая

уступка съ ихъ стороны повлекла бы за собою потерю матеріальныхъ благъ, которыми они болѣе всего дорожили. А потому преслѣдованія иновѣрцевъ продолжались съ прежнею силою, а внутри государства происходили безпрерывныя волненія, въ особенности въ Вильнѣ, не смотря на частыя посѣщенія его королемъ.

Въ 1637 году католики помрачили себя постыднымъ дѣломъ, которое, какъ и многія ему подобныя, было плодомъ ненависти ихъ къ иновѣрцамъ. Умеръ Виленскій бургомистръ Яковъ Гибль, служившій съ честію и пользою городу 38 лѣтъ. Подъ его надзоромъ построены: каменный мостъ на Вилии и Спасскія ворота. Будучи Аугсбургскаго исповѣданія, онъ прилагалъ особенное стараніе къ отстройкѣ сгорѣвшей кирхи, и на свой счетъ поставилъ олтарь. Исполняя ревностно обязанности своего званія, чуждый корыстолюбія, онъ всегда болѣе заботился о другихъ, нежели о себѣ. Лучшимъ доказательствомъ похвальныхъ качествъ его души служить то, что онъ сряду пять разъ былъ избираемъ въ званіе бургомистра. Когда единовѣрцы несли тѣло его на кладбище, толпа сорванцевъ остановила погребальное шествіе выбросила тѣло его изъ гроба, бросила въ канаву и засыпала камнями. На другой уже день тѣло достойнаго мужа отыскано и погребено съ честію. Память объ этомъ событіи сохранилась въ надгробномъ словѣ, произнесенномъ при погребеніи его пасторомъ Шенфлиссіусомъ.

Въ первыхъ числахъ октября 1639 года произошло въ Вильнѣ, между разновѣрцами, такое смятеніе, котораго слѣдствія были важнѣе прежде описаннаго. Оно возникло по странному и, можно сказать, ничтожному поводу. Какой то шляхтичъ Пѣкарскій, по вѣтренности, а можетъ быть и въ пьяномъ состояніи, вмѣстѣ со служителемъ своимъ Раковскимъ, пустилъ нѣсколько стрѣлъ изъ лука со стороны евангелической кирхи, стоявшей противъ костела св. Михаила. По сдѣланному имъ въ послѣдствіи показанію, онъ мѣтилъ въ галокъ, сидѣвшихъ на кирхѣ, а стрѣлы между тѣмъ попали въ изображенія святыхъ на стѣнахъ костела, иныя въ хоръ его, а нѣкоторыя въ садъ монахинь, которыхъ перепугали и разогнали. Тотчасъ разнесли вѣсть по городу, что евангелики стрѣляютъ въ костель, начали кричать и жаловаться на оскорбленіе святыни, и въ нѣсколько минутъ католики, а особливо академическое юношество, какъ бы отомщая за оскорбленіе, нанесенное ре-

лиги, толпами устремились къ кирхѣ съ рѣшительнымъ намѣреніемъ уничтожить ее. Академическіе студенты вытащили для этого изъ замка пушку и на себѣ привезли ее къ стѣнамъ кирхи, а въ продолженіи этого времени многіе начали грабить лавки, бить и оскорблять прохожихъ. Явилась наконецъ воеводская пѣхота и полицейскіе служители, которые съ трудомъ успѣли спасти отъ разрушенія кирху и возстановить спокойствіе. Обстоятельство это ожесточило обѣ стороны до высочайшей степени. Главою евангелической партіи былъ Виленскій воевода князь Ридзивилль, котораго пѣхота, мстя за его единовѣрцевъ, позволяла себѣ многія насилія и даже убійства. Сторону католиковъ принялъ Виленскій епископъ и многіе сенаторы. Съ обѣихъ сторонъ послано множество жалобъ къ королю, который для разсмотрѣнія ихъ, назначилъ комиссію, начавшую свои дѣйствія въ 1640 году. Представителемъ католиковъ и вмѣстѣ предсѣдателемъ комиссіи былъ Виленскій епископъ Авраамъ Война. Дѣло это не было приведено къ окончанію комиссіей. Оно поступило на разсмотрѣніе сеймоваго суда, который 26 мая 1640 года, по старанію ревностныхъ католиковъ сенаторовъ и епископа, сдѣлалъ самое несправедливое и отяготительное для евангеликовъ опредѣленіе. Приказано ихъ наказать, какъ возмутителей общественнаго спокойства, а въ избѣжаніе дальнѣйшихъ споровъ и безпокойствъ, могущихъ возникнуть отъ сосѣдства кирхи съ костеломъ, велѣно перенести ее за городскія стѣны.

Вотъ какія были послѣдствія ничтожнаго дѣла, которое могъ бы привести къ окончанію одинъ полицейскій чиновникъ, безъ всякаго шума и волненія. Чего можно было ожидать въ государствѣ, въ которомъ каждый присвоивалъ себѣ право быть судіею и исполнителемъ? Но жребій Литвы былъ уже брошенъ. Своевольство, перешедшее къ ней изъ Польши со времени Люблинскаго съѣзда, сдѣлалось уже слишкомъ обыкновеннымъ. Мы скоро увидимъ еще убѣдительнѣйшія доказательства и соблазнительнѣйшіе примѣры. Что же касается опредѣленія сейма, то кто не примѣтитъ въ немъ явнаго пристрастія и потворства католической партіи. Поводомъ безпокойства были два человека, которыхъ городское начальство знало. А потому слѣдовало обратить взысканіе на нихъ исключительно. Но и тѣ два человека, въ послѣдствіи, приговоромъ Виленскаго городскаго суда совершенно

оправданы, и отъ всякаго взысканія освобождены. За чтожь распро-
странять наказаніе на все сословіе диссидентовъ, тѣмъ болѣе, что вол-
неніе въ городѣ начали не они, а католики, которые самовольно ки-
нулись толпами къ кирхѣ въ намѣреніи разрушить ее. Не смотря на
все это, приговоръ сеймоваго суда приведенъ въ исполненіе. Пере-
несеніе кирхи за городъ празднуемо было духовенствомъ и католи-
ческими прихожанами какъ величайшее торжество, а сенаторовъ, содѣй-
ствовавшихъ такому постановленію, превозносили похвалами, какъ рев-
ностнѣйшихъ поборниковъ религіи.

Не удивительно, что такая несправедливость ободряла католиковъ,
которые, увѣрены будучи въ покровительствѣ высшаго начальства, про-
изводили безбоязненно новыя насилія. Тотчасъ по приведеніи въ ис-
полненіе сеймоваго суда, католики сдѣлали новое смятеніе въ горо-
дѣ. Въ это время умеръ какой то шляхтичъ Пржикопскій, служив-
шій долго при дворѣ Радзивилла. Онъ былъ исповѣданія евангели-
ческаго, и Радзивиллъ, изъ уваженія къ его заслугамъ, хотѣлъ сдѣ-
лать ему великолѣпныя похороны. Но лишь только вынесли изъ дома
его гробъ, за которымъ слѣдовало множество княжескихъ придворныхъ,
также пасторы, канторы, и наконецъ самъ Радзивиллъ, вдругъ кину-
лась толпа народа, которая вѣроятно уже ожидала этого шествія, ра-
зогнала камнями пасторовъ и канторовъ, выбросила изъ гроба тѣло
покойника и начала таскать его по улицѣ съ ругательствами. Всѣ
служители воеводы выбѣжали изъ дома съ палками, съ трудомъ усми-
рили буйную толпу и отняли у ней тѣло, чтобы похоронить его. Не
будемъ распространяться надъ выводомъ слѣдствій такого пристрастія
правительства къ одной какой нибудь сторонѣ; они очевидны. Ска-
жемъ только, что въ теченіи года рѣдкій день проходилъ безъ замѣ-
шательства и обиды. Съ одной стороны католики, сильные числомъ
и покровителями, оскорбляли евангеликовъ, а съ другой воевода часто
употреблялъ власть свою на притѣсненія и отомщеніе католикамъ.

Въ томъ же году, въ которомъ совершились два происшествія,
столь оскорбительныя для диссидентовъ, іезуиты праздновали въ Виль-
нѣ столѣтіе со времени основанія своего ордена. Празднество нача-
лось 31 августа въ день Игнатія Лойолы и продолжалось 8 дней.
Съ разсвѣтомъ этого дня начался колокольный звонъ по всѣмъ ко-

стеламъ, которые освѣщены и украшены были со всѣмъ возможнымъ великолѣпиемъ, какъ внутри, такъ и снаружи. Не только стѣны костеловъ, но даже башни, ворота, и принадлежавшія іезуитамъ зданія убраны были различнаго рода украшеніями, со всевозможною роскошью и пышностію. Въ особенности въ костелѣ св. Іоанна собрано было все, что только могло поразить богатствомъ, роскошью и великолѣпиемъ. Болѣе всего отличался ими главный оltарь, воздвигнутый посреди четырехъ Дорическихкихъ колоннъ, между которыми видны были статуи разныхъ святыхъ и два образа, изображавшіе Лойолу, на одномъ молящагося передъ Христомъ, а на другомъ наслаждающагося небеснымъ блаженствомъ. Тутъ же была серебряная доска съ приличною латынскою надписью въ честь основателя ордена.

Знатнѣйшія и богатѣйшія лица, а болѣе всѣхъ Виленскій кастелянъ Христофоръ Ходкѣвичъ, дѣлали большія пожертвованія, чтобы празднество это сдѣлать великолѣпнѣе. Епархіальное духовенство, воспитанники Алумната, и братство Пресв. Дѣвы, собрали богатую складку для составленія таблицъ съ надписями. Ученики академіи, съ своей стороны, жертвовали своими трудами, расписывая украшенія и сочиняя стихи и надписи.

Въ продолженіи этого празднества, каждый день, съ восхожденіемъ солнца, начиналось въ костелахъ богослуженіе при безчисленномъ стеченіи народа и продолжалось до самой ночи. Тогда зажигали иллюминацію, начинались фейерверки, стрѣляли изъ пушекъ и музыка гремѣла по цѣлымъ ночамъ. Изобразивъ это празднество, свидѣтельствовавшее и богатствѣ и значеніи іезуитовъ, въ такомъ видѣ, какъ оно происходило, не будемъ разсуждать о несообразности подобной пышности и излишества, съ бѣдностію и смиреніемъ, на которыя добровольно обрекаетъ себя каждый монахъ. Какъ объ этомъ предметѣ, такъ и о цѣли всѣхъ дѣйствій іезуитовъ довольно и безъ насъ написано.

Спустя три года послѣ этого торжества, Вильно увидѣло другое не менѣе великолѣпное, но болѣе странное какъ по цѣли своей такъ и по программѣ. Базиліане, кои во всемъ старались подражать руководителямъ и защитникамъ своимъ іезуитамъ, затѣяли въ 1642 году празднество въ честь мученика (!) Іосафата Кунцевича, о коемъ ска-

зано выше, хотя со времени его смерти не прошло и 50 лѣтъ. Этотъ человѣкъ, который помрачилъ жизнь свою и пастырское поприще противными христіанству поступками, котораго даже благонамѣренные католики сильно упрекали за пренебреженіе святительскаго долга и христіанской любви, удостоился, по смерти своей, почестей, какія рѣдко воздаваемы были величайшимъ праведникамъ и угодникамъ господнимъ. Празднество началось воинскими эволюціями за городомъ, при пушечныхъ выстрѣлахъ. Оттуда войска въ сопровожденіи толпы народа прибыли къ костелу св. Станислава. Тамъ встрѣтило ихъ католическое духовенство съ епископомъ. Вдоль улицъ отъ костела до Троицкаго монастыря, по обѣимъ сторонамъ стояли ряды участвовавшихъ въ представленіи при этомъ торжествѣ. Они раздѣлены были на три отдѣленія. Первое представляло войско Иосафата, царя Иудейскаго. Вооруженіе воиновъ, щиты, знамена украшены были эмблемами побѣды. Другое отдѣленіе изображало войско Индійскаго Иосафата и имѣло соотвѣтственное одѣяніе и оружіе. Въ третьемъ находились воспитанники академіи и городской совѣтъ въ парадныхъ одеждахъ. Они сопровождали колесницу, на которой поставлено было изображеніе торжествующаго мученика по среди хора юношей, одѣтыхъ на подобіе музъ, и пѣвшихъ хвалебные гимны при звукѣ трубъ и тимпановъ. На половинѣ дороги къ Троицкому монастырю поставлены были триумфальныя ворота, въ которыхъ встрѣтили шествіе базилиане и вмѣстѣ съ прочими вошли въ церковь. Ректоръ академіи Мельхіоръ Шемлингъ при звукѣ вокальной и инструментальной музыки совершалъ литургію предъ олтаремъ, украшеннымъ изображеніемъ Иосафата Кунцевича, которому похвальныя слова произнесли ксендзы Гончель и Цѣцишевскій. Король Владиславъ находился въ Вильнѣ во время этого полусхоластическаго, но во всякомъ случаѣ богопротивнаго торжества. Вотъ на какіе предметы употребляемы были доходы, принадлежавшіе заграбленнымъ у православныхъ церквамъ, которыя, въ рукахъ униатовъ, подвергались частъ отъ часу болѣе запустѣнію и разрушенію.

Въ концѣ царствованія Владислава IV возникло въ государствѣ сильное волненіе, котораго слѣдствія угрожали не только спокойствію, но даже независимости Польши. Доведенные до послѣдней крайности, насиліями поляковъ, Малороссійскіе козаки сдѣлали общее возстаніе,

выбрали гетманомъ Богдана Хмѣльницкаго, который призвалъ на помощь Татаръ, разбилъ Польскія войска на двухъ сраженіяхъ: при *желтыхъ водахъ* и при Корсунѣ, истребилъ нѣсколько тысячъ польской шляхты и жидовъ и выгналъ поляковъ изъ Малороссіи. Владиславъ недождался окончанія этой войны. Онъ умеръ въ 1649 году. Ему наследовалъ братъ его Іоаннъ Казимиръ кроткій, благочестивый, но слабый характеромъ государь. Въ его царствованіе Литовскій край претерпѣлъ много отъ заразы, возникшей войны съ Алексѣемъ Михайловичемъ, а болѣе всего отъ вѣроломнаго нарушенія поляками Виленскаго договора, гордости и несправедливыхъ притязаній вельможъ и своеволия королевскаго войска.

Успѣхи Хмѣльницкаго въ Малороссіи заставили Іоанна Казимира принять самому начальство надъ войскомъ. Онъ встрѣтилъ своего противника при Зборовѣ, но тамъ претерпѣлъ жесточайшее пораженіе. Будучи окруженъ козаками и татарами, онъ заключилъ съ Хмѣльницкимъ договоръ, по которому возвратилъ всѣ прежнія права Малороссіи, обѣщавъ вывести оттуда всѣхъ поляковъ, іезуитовъ и жидовъ, унию уничтожить, а свободу православнаго исповѣданія распространить во всѣхъ областяхъ бывшаго великаго княжества Литовскаго, наконецъ предоставить право Кіевскому православному митрополиту засѣдать въ польскомъ сенатѣ.

Это послѣднее условіе привело въ бѣшенство собравшихся на Варшавскій сеймъ, который, никакъ не желая допустить русскаго митрополита къ участию въ совѣщаніяхъ сената, подтвердилъ только въ общихъ выраженіяхъ Зборовскій договоръ, а между тѣмъ собиралъ новыя силы, чтобы вступить въ борьбу съ Хмѣльницкимъ, и содѣлать этотъ договоръ ничтожнымъ. Хмѣльницкій съ своей стороны, видя злонамѣреніе поляковъ, принималъ мѣры къ своему обезпеченію. Война скоро возобновилась, и Хмѣльницкій, оставленный малодушно татарами при Берестечкѣ, проигралъ сраженіе, и принужденъ былъ вступить въ переговоры съ поляками. Въ Бѣлой церкви заключенъ былъ миръ весьма отяготительный для козаковъ. Положено было жить имъ въ одномъ Кіевскомъ воеводствѣ, гетману ихъ зависѣть отъ короннаго гетмана, возвратитъ имѣнія польскимъ помѣщикамъ въ Малороссіи, и право арендовать ихъ жидамъ, наконецъ уменьшить число регистро-

выхъ козаковъ до 20 тыс. Но это обстоятельство открыло глаза Хмѣльницкому. Онъ понялъ, что собственными силами не спасеть Малороссіи отъ притѣсненія. На Татаръ и Турокъ онъ уже немогъ полагаться. А потому рѣшился покориться Царю Московскому и отправилъ къ нему пословъ ударить ему челомъ всѣмъ Запорожьемъ. Это событіе вовлекло Алексѣя Михайловича въ войну съ Польшею. Походъ его въ Литву описанъ, какъ польскими такъ и заграничными историками (которыя безъ сомнѣнія заимствовали свѣдѣнія отъ первыхъ) какъ нашествіе Батяи или Тохтамыша на Россію. А потому считаемъ необходимымъ изслѣдовать это событіе внимательнѣе.

„Каждый народъ“ говоритъ незабвенный исторіографъ нашего отечества, — „имѣть свое младенчество, и не долженъ его стыдиться.“ Мы и не стыдимся его. Передаемъ откровенно младшимъ поколѣніямъ описанные лѣтописцами недостатки и погрѣшности нашихъ предковъ, не приписываемъ имъ достоинствъ, которыхъ они не имѣли, но и не скрываемъ тѣхъ блистательныхъ качествъ, которыми они иногда сіяли во мракъ временъ дѣйствительнаго варварства и непросвѣщенія, наконецъ считаемъ священнымъ долгомъ употребить всѣ усилія къ опроверженію всякаго рода преувеличенія и клеветы, которыми заграничные писатели такъ недобросовѣстно ихъ оскорбляютъ. Отечество наше не только давно уже вышло изъ мрака варварства и невѣжества, но даже оспариваетъ у народовъ, признанныхъ просвѣщеннѣйшими, побѣдныя вѣнцы на поприщѣ наукъ, словесности и изящныхъ художествъ. Но посмотрите, что пишутъ объ насъ въ заграничныхъ газетахъ и журналахъ! Послушайте, что говорятъ иностранцы при встрѣчѣ съ нами о нашихъ соотечественникахъ, о нравахъ и государственномъ управленіи! Пусть голосъ совѣсти каждаго скажетъ: кого въ этомъ случаѣ справедливѣе можно обвинять въ невѣжествѣ? Они не могутъ разстаться съ идеею, какую составили себѣ о Русскихъ за нѣсколько столѣтій ихъ предки. Они не могутъ перенести какаго бы то нибыло преимущества нашихъ соотечественниковъ, которыхъ вѣчно желали бы быть руководителями и служить имъ образцами. Чтобы убѣдиться въ этомъ довольно прочесть заграничные періодическіе листки минувшаго года, описывающіе происшествія, которыхъ мы были свидѣтелями и очевидцами. Узнаемъ ли въ нихъ себя и тѣ событія, на которыя смотрѣли

собственными глазами? Послѣ этого удивительно ли, что описаніе происшествій, случившихся за 200 лѣтъ до нашего времени, переполнено заученными выраженіями, повторяемыми нѣсколько вѣковъ, о варварствѣ, раззореніяхъ, безотчетной кровожадности Русскихъ, которыхъ характера и постепеннаго образованія никогда не принимали на себя труда изучить основательно. Такъ между прочимъ описанъ памятный походъ Царя Алексѣя Михайловича въ Литву въ 1655 году. Конечно повѣрка описаній событій, случившихся въ столь отдаленное время, при недостаткѣ историческихъ свидѣтельствъ, сопряжена съ большимъ затрудненіемъ. А потому ограничимся приведеніемъ однихъ фактовъ и ихъ послѣдствій, описанныхъ тѣми же заграничными писателями, и сличеніемъ ихъ съ собственными ихъ выводами и заключеніями, и этимъ простымъ и безукрашеннымъ способомъ надѣемся вполне опровергнуть осужденіе, взводимое на мудраго и чловѣколюбиваго отца великаго преобразователя Россіи.

Царь Алексѣй Михайловичъ, вооруживъ четыре арміи, дѣйствовавшія по разнымъ направленіямъ, самъ съ главными силами устремился къ Литовской границѣ, которой защита поручена была великому гетману Литовскому, князю Радзивиллу. Усилія гетмана не могли остановить успѣховъ Русскихъ войскъ, которыя, въ короткое время, овладѣли Смоленскомъ, Витебскомъ, Полоцкомъ и Могилевомъ и двинулись во внутренность Литвы. Радзивиллъ, разбитый Черкасскимъ и Трубецкимъ при Оршѣ и Шкловѣ, принужденъ былъ поспѣшить на защиту Вильна, къ которому быстро подвигались русскія войска. Они заняли Минскъ, Ошмяну, Лиду, Троки и другіе города, а Радзивиллъ между тѣмъ спорилъ съ Гонсѣвскимъ и не принималъ мѣръ къ защитѣ Вильна. Стѣны города были во многихъ мѣстахъ разрушены, замки обращены въ цейхгаузъ и другія общественныя зданія, гарнизонъ былъ малочисленъ, орудія, вылитыя при Сигизмундѣ Августѣ, отъ долговременнаго употребленія, были въ ветхомъ состояніи, а вооруженіе мѣщанъ могло быть пригодно только во время крестнаго хода, а не для сраженія съ непріателемъ. Радзивиллъ поступилъ въ этомъ случаѣ съ городомъ почти какъ непріатель. Онъ забралъ какъ казенное, такъ и частное имущество, представлявшее какую нибудь цѣнность, и нагруживъ этой добычей множество подводъ, отправился съ нею въ Кейданы, якобы

затѣмъ, чтобы защищать Жмудь. Удивительно, что нашлись такіе писатели, которые оправдываютъ его поступокъ, говоря, что, по причинѣ малаго числа войска, не имѣя возможности спасти Вильна отъ нашествія непріятеля, онъ хотѣлъ по крайней мѣрѣ спасти городское имущество, чтобы оно не попало въ руки Русскихъ. Однако это имущество не возвратилось опять къ прежнимъ владѣльцамъ. Говорятъ также, что онъ не хотѣлъ подвергнуть опустошенію городъ и для того удалился. Иные же утверждаютъ, что во время приближенія русскихъ войскъ, Радзивилль расположилъ свой отрядъ на горахъ съ намѣреніемъ защищаться; но что войско оставило его послѣ кратковременной стычки съ непріятелемъ на мосту. Всѣ эти извиненія не оправдываются свидѣтельствомъ современниковъ, и поступокъ Радзивилля сдѣлался предметомъ осужденія.

По удаленіи гетмана разбѣжались въ разныя стороны зажиточнѣйшіе жители, остались только такіе, которымъ некуда и не съ чѣмъ было выбраться изъ Вильна.

30 іюля 1655 года, ровно въ 270 лѣтъ со времени перваго соединенія Литвы съ Польшею, на канунѣ дня этого соединенія, городъ взятъ Русскими почти безъ сопротивленія, не исключая замковъ, въ которыхъ началствовалъ Казимиръ Жиромскій. Какъ польскіе, такъ и заграничные писатели повѣствуютъ, что при взятіи Вильна, Русскія войска, въ особенности козаки, коими начальствовалъ Золотаренко, ограбили и опустошили городъ и истребили въ немъ 25 тысячъ жителей. Упоминаютъ даже, что зажженный ими городъ горѣлъ около 17-ти дней. По показанію Рудавскаго въ Вильнѣ нельзя было узнать Вильна, которое превратилось въ кучи пепла и развалинъ. Къ сожалѣнію мы уже болѣе вѣка убѣждаемся какой смыслъ имѣютъ произведенія польскихъ современныхъ писателей, и чему въ нихъ можно вѣрить, въ особенности тогда, когда приходится имъ описывать непріязненныя столкновенія съ Русскими. Возьмемъ только наугадъ нѣсколько польскихъ періодическихъ листковъ, напечатанныхъ за границею въ послѣдніе годы, а особливо въ минувшемъ, и свѣримъ ихъ съ происшествіями, которыя постоянно мы имѣли передъ глазами. Мы найдемъ притѣсненія, преслѣдованія, пролитіе безвинной крови, безчеловѣчіе, тамъ, гдѣ требовалось только исполненіе закона и вѣрности

къ данной присягѣ. Иностранные писатели также не умствуютъ въ этомъ отношеніи. Они переводятъ буквально бредни преступныхъ мечтателей и помѣщаютъ ихъ ложь и клевету цѣликомъ въ свои столбцы. Такъ происходило безъ сомнѣнія и въ то время. Историки, описывавшіе происшествія 1655 года, составляя свои описанія гораздо позже самыхъ событій, не могли изобразить непріятелей своихъ соотечественниковъ иначе, какъ варварами и истребителями, чтобы чѣмъ нибудь извинить вѣроломное нарушеніе заключеннаго ихъ уполномоченными Виленскаго трактата, который одинъ спасъ отъ неминуемой гибели Польшу, тѣснимую съ трехъ сторонъ Шведами, Русскими и Малороссійскими козаками. Приведемъ въ опроверженіе этого сказанія факты, описываемые тѣми же историками, кои такъ щедры на осужденіе всего Русскаго. Во первыхъ городъ взятъ почти безъ сопротивленія, а потому не было никакого повода жечь его и умерщвлять жителей, которые не защищались, а вмѣстѣ съ тѣмъ раззорять зданія, которыми Русскіе же владѣли потомъ нѣсколько лѣтъ. Во вторыхъ обстоятельства эти несходны съ кротостію права Алексѣя Михайловича, который, самъ начальствуя надъ войскомъ, не допустилъ бы его до бесполезнаго кровопролитія и раззоренія. Наконецъ въ тотъ же самый день, то есть 30 іюля, Алексѣй Михайловичъ имѣлъ торжественный въѣздъ въ Вильно. Его спровождала многочисленная свита въ 60-ти каретахъ, и вся дорога отъ городскихъ воротъ до самаго замка устлана была краснымъ сукномъ. Какъ же можно было дѣлать приготовленіе къ торжественному въѣзду побѣдоноснаго вѣнценосца посреди пожаровъ и раззоренія. Правда, что изъ находящихся у насъ подъ рукою польскихъ дѣписателей ни одинъ не воспоминаетъ о въѣздѣ Московскаго государя въ Вильно; но не менѣе того обстоятельство это не подвержено никакому сомнѣнію, и на это находятся неоспоримыя доказательства, какъ то: Берха — исторія Алексѣя Михайловича, дворцовыя записки и проч. Далѣе польскіе лѣтописцы увѣряютъ, что царь Московскій приказалъ истребить всѣ костелы, кирхи и мечети въ Вильнѣ. Такое распоряженіе не имѣло бы ни цѣли, ни смысла. Алексѣй же Михайловичъ представляется всѣми историками единоголоснаго, какъ государь мудрый, дальновидный и къ тому кроткій и человѣколюбивый. Такое повѣствованіе не можетъ быть ничемъ инымъ, какъ

только внушеніемъ безотчетной ненависти, старающейся чѣмъ нибудь обезобразить противника, не обращая на то вниманія, будетъ ли оно сходно не только съ естественнымъ теченіемъ дѣль, но и съ здравымъ разумомъ. Мы разсматривали съ величайшимъ вниманіемъ хроники костеловъ св. Станислава, Пресв. Дѣвы на Пескахъ, св. Іоанна, св. Анны, Кармелитовъ св. Терезы и другихъ, и нигдѣ не сказано, чтобы который нибудь изъ этихъ костеловъ былъ разрушенъ или поврежденъ во время пребыванія Русскихъ въ Вильнѣ. Хотя между прочимъ упоминаютъ, что въ 1663 году проѣзжавшій черезъ Вильно изъ Москвы императорскій посолъ Мейербергъ видѣлъ въ немъ только развалины и кучи пепла, но должно замѣтить, что это случилось спустя 8 лѣтъ по занятіи города Русскими, а между тѣмъ, по словамъ тѣхже писателей, Русскіе расположились въ городѣ, (вѣроятно не между развалинами и пепломъ) учредили свое управленіе и укрѣпили его на случай нападенія непріятеля, а въ 1656 году собрались и разбѣжавшіеся жители, чиновники и духовенство, которые безъ всякаго сомнѣнія должны были имѣть въ немъ пристанище, а къ пеплу и развалинамъ не для чего было возвращаться. Видѣнное Мейербергомъ опустошеніе, если оно дѣйствительно было, вѣроятно произошло позже, отъ другихъ причинъ; да и самый годъ показываетъ, что тогда уже около двухъ лѣтъ Русскихъ въ Вильнѣ не было, а новое завоеваніе города польскими войсками стоило имъ не малыхъ усилій. Сказаніе, что будто бы Русскіе взяли серебрянную раку св. Казимира, вѣсившую 3,000 фунтовъ, есть сказка, внушенная одною ненавистію ко всему Русскому. Кояловичъ говоритъ утвердительно, что прежде вступленія Алексѣя Михайловича въ Вильно въ 1655 году, рака съ мощами св. Казимира увезена въ Рожану къ Сапѣгѣ, и тамъ находилась нѣсколько лѣтъ въ его палатахъ. Когновицкій увѣряетъ, что въ домѣ Сапѣги видѣлъ поставленную въ память этого событія мраморную доску съ надписью: *Divo Casimiro Sacrum*. Наконецъ серебрянная рака св. Казимира существуетъ и понынѣ въ цѣлости и неприкосновенности въ Виленскомъ каѳедральномъ костелѣ, и нигдѣ не упоминается, чтобы она была отлита снова и даже передѣлана.

Въ продолженіи этого времени Польша, доведенная до крайности, принуждена была, для своего спасенія отъ неминуемой гибели, при-

бѣгнутъ въ великодушію Алексѣя Михайловича. Шведскій король Карлъ Густавъ, съ которымъ Іоаннъ Казимиръ также началъ войну, поражая на всякомъ шагу поляковъ, занялъ Варшаву и Краковъ и загналъ короля Польскаго въ Силезію; Хмѣльницкій, опустошивъ Галицію, приблизился къ Люблину, а Русскія войска заняли всю Литву. Польша отправила уполномоченныхъ просить у царя Московскаго мира, который и заключенъ былъ 3 іюля 1656 года въ Вильнѣ, или, какъ иные утверждаютъ, въ Немезѣ, въ 7 верстахъ отъ Вильна. Этимъ договоромъ, утвержденнымъ подписями обѣихъ сторонъ, постановлено: 1) признать Алексѣя Михайловича дѣйствительнымъ наслѣдникомъ Польскаго престола при жизни Іоанна Казимира. 2) Бѣлоруссію и Малороссію включить въ составъ Россійскаго государства. 3) унію уничтожить. Удивительно, что польскіе историки говорятъ объ этомъ событіи очень слегка, а иные вовсе объ немъ не упоминаютъ. Условія этого мира такъ важны и бросаютъ столько свѣта на послѣдовавшія дѣянія Алексѣя Михайловича, что одно только злонамѣреніе можетъ пропустить ихъ безъ вниманія. Не для чего было скрывать ихъ отъ публики, развѣ только для прикрытія своего вѣроломства, потому, что всѣмъ извѣстно, что, освободясь отъ Шведскаго короля, Польша возобновила войну съ царемъ Московскимъ, который, вѣря святости договора, тотчасъ по заключеніи его обратилъ оружіе противу Шведовъ. Напрасно нѣкоторые полагаютъ, что къ войнѣ со Швеціей склонилъ Алексѣя Михайловича императоръ, опасавшійся сосѣдства Карла, завоевавшаго уже всю Польшу. Царь Московскій, столько извѣстный своимъ умомъ и проницательностію, никогда бы не рѣшился, безъ основательной причины, останавливать успѣхи государя, дѣйствовавшаго съ нимъ за одно противу общаго непріятели. А причина этого находилась именно въ условіяхъ Виленскаго мира. Въ этомъ случаѣ дѣйствія Алексѣя Михайловича были естественны и основательны. Онъ вступался уже за будущее свое государство, и вооружался противу его врага. А иначе, не смотря на ходатайство императора, могъ ли онъ, не управясь съ однимъ непріателемъ, искать другаго? По всему видно, что дѣло съ Польшею было рѣшительно окончено, и окончено именно Виленскимъ договоромъ.

Вскорѣ по занятіи Русскими Вильна, учрежденъ городской совѣтъ, а начальство надъ городомъ и областію поручено воеводѣ князю Ша-

ховскому. Со всѣхъ сторонъ начали собираться купцы и ремесленники и возвратились къ прежнимъ занятіямъ. Въ 1657 году совѣтъ выбралъ пословъ, которыхъ отправилъ къ царю Алексѣю Михайловичу; но они доѣхали только до Борисова, гдѣ ихъ остановили и не дозволили продолжать пути, а потому они принуждены были возвратиться. Въ этомъ году свирѣпствовала зараза, похитившая множество жертвъ, а потому большая часть жителей выѣхала изъ Вильна. Управление городомъ поручено было войту Іосифу Корейлевичу, бургомистру и пятерымъ товарищамъ его, которымъ дана надлежащая инструкція. Приказано выбрать 30 человекъ пѣхоты, которые обязаны были днемъ и ночью ходить по городу и охранять дома и лавки отъ воровства и насилия. На содержаніе ихъ опредѣлено 1,000 злотыхъ на полъ года. Князь Шаховской прибавилъ къ нимъ еще 20 Русскихъ ратниковъ. Войтовскіе и бургомистерскіе суды поручены были Корейлевичу и его товарищамъ. Кто былъ недоволенъ ихъ рѣшеніемъ, могъ жаловаться князю Шаховскому. Эти чиновники обязаны были описывать и охранять оставшееся послѣ умершихъ имущество, наблюдать, чтобы по пустымъ домамъ и погребамъ не скрывались подозрительные люди, а праздные и неимѣвшіе никакого занятія выгоняемы было изъ города. Однѣ только Рудницкія ворота были отворены, и то только днемъ; ночью ихъ запирали и ключъ отъ нихъ хранился у Корейлевича. Мѣщанамъ приказано было брать предосторожности отъ огня какъ въ городѣ, такъ и въ окрестностяхъ. Всѣ эти распоряженія убѣждаютъ, что во время пребыванія въ немъ Русскихъ войскъ, Вильнововсе не было въ такомъ жалкомъ положеніи, въ какомъ представляютъ его польскіе писатели. Трудно было бы возобновить менѣе, чѣмъ въ два года городъ, превращенный въ пепель и разалины, къ тому еще населить его и завести въ немъ порядокъ и устройство. Память о кровопролитіи и опустошеніи поселила бы въ разбѣжавшихся жителяхъ страхъ, а не желаніе возвратиться. Да и что за причина могла бы заставить возвращаться туда, гдѣ все было истреблено и уничтожено.

Въ 1658 году городовое начальство снова избрало пословъ и отправило ихъ къ Алексѣю Михайловичу для изъявленія ему преданности жителей и съ просьбою о утвержденіи древнихъ правъ и преимуществъ, данныхъ городу, вознагражденія за понесенныя потери и убытки льго-

тами, а также о защитѣ отъ неправильныхъ дѣйствій нѣкоторыхъ лицъ. Послами выбраны были Виленскій войтъ Іосифъ Піотровичъ, ратманнъ магистрата Прокофій Дерофѣевичъ и секретарь общества Николай Костровицкій. Имъ дана была инструкція о чемъ они должны были просить Московскаго государя? Инструкція эта, хранившаяся въ библиотекѣ б. Виленскаго университета, составляетъ драгоцѣнный документъ, свидѣтельствующій о тогдашнемъ состояніи города. Въ этой инструкціи описаны потери города, бѣдное состояніе жителей, своевольство солдатъ и нѣкоторыхъ новыхъ чиновниковъ, какъ то обыкновенно бываетъ въ военное время, при занятіи непріателемъ города. Поручено посламъ просить объ освобожденіи гражданъ отъ податей, пошлинъ и тягостей на 20 лѣтъ; о прекращеніи выдачи мѣдныхъ денегъ, присылаемыхъ изъ Москвы, и разныхъ иныхъ льготяхъ. Но нигдѣ не видно того раззоренія и опустошенія, о коихъ сказано выше. Говорится только о сожженномъ Радзивилломъ мостѣ, и то только за тѣмъ, чтобы сборъ съ проѣзжающихъ черезъ этотъ мостъ поступалъ въ городскую казну на содержаніе госпиталей и другія надобности. Князь Шаховской, управлявшій Вильномъ, благоразуміемъ и сираведливостію приобрѣлъ искреннюю привязанность жителей, и въ данной посламъ инструкціи находился особенный пунктъ, которымъ велѣно было имъ просить государя объ оставленіи его на мѣстѣ.

Неизвѣстно какой успѣхъ имѣло это посольство. Впрочемъ каковъ бы ни былъ отвѣтъ государя, онъ уже не могъ принести никакой пользы жителямъ Вильна. Непостоянство поляковъ дало иной оборотъ общему дѣлу.

Императоръ объявилъ Карла X врагомъ имперіи и подвигъ противъ него нѣкоторыхъ нѣмецкихъ князей. Первый возсталъ король датскій, противъ котораго Карлъ направилъ свои силы и вывелъ большую часть своихъ войскъ изъ Польши. Тогда Поляки, освободясь отъ опаснѣйшаго врага и собравъ свои силы, объявили, вопреки всѣмъ усиліямъ короля, Виленскій договоръ недѣйствительнымъ, и сдѣлавъ разрывъ съ Алексѣемъ Михайловичемъ, начали снова съ нимъ войну. Еще осенью въ 1658 году показался сильный отрядъ ихъ въ Вержахъ подъ начальствомъ Гонеѣвскаго. Князь Долгорукій вышелъ противъ него съ Русскимъ войскомъ, вступилъ съ нимъ въ сраженіе, у-

ничтожилъ весь отрядъ, и взявъ въ плѣнъ Гонсѣвскаго, отослалъ его въ Москву, гдѣ онъ оставался четыре года. Въ этомъ то сраженіи, по свидѣтельству нѣкоторыхъ, убитъ одинъ изъ Русскихъ военачальниковъ, князь Хованскій. Тѣло его принесено въ Вильно и похоронено съ большими почестями въ церкви Пречистой Божіей Матери. Но по показанію другихъ, Хованскій жилъ еще во время нападенія Паца и защищалъ отъ него нижній замокъ.

Въ 1660 году Паць приступилъ къ городу, и послѣ кровопролитнаго сраженія, осадилъ замки, въ которыхъ заперся Русскій гарнизонъ, состоявшій всего изъ двухъ тысячъ человѣкъ. Паць громилъ стѣны замка ядрами, Русскіе отвѣчали ему тѣмъ же. Послѣ упорнаго и ожесточеннаго боя, Паць принужденъ былъ удалиться. Алексѣй Михайловичъ, по причинѣ неуройствъ въ Малороссіи по смерти Богдана Хмѣльницкаго и внутреннихъ безпокойствъ въ Россіи отъ ссоры съ патриархомъ Никономъ, не могъ обратить всѣхъ силъ своихъ на защиту Вильна, а оставшіяся въ немъ 2 тысячи человѣкъ не въ состояніи были противиться многочисленному войску Паца, которое онъ привелъ снова въ 1661 году. На канунъ праздника св. Пасхи, когда всѣ жители находились въ церквахъ и костелахъ, Паць сдѣлалъ нечаянно приступъ къ Вильну. Гарнизонъ снова заперся въ замкахъ. Начальствовавшій имъ князь Мозовской, (Польскіе историки называютъ его Мышатскимъ) извѣстный своею жестокостію, доходившей до безчеловѣчія, рѣшился во что бы то ни стало отстоять замки. Истопивъ всѣ возможныя средства къ защитѣ, онъ хотѣлъ наконецъ подорвать порохомъ оба замка, чтобы они не достались непріятелю. Но собравшійся военный совѣтъ, не видя возможности сопротивляться, арестовалъ Мозовскаго и выдалъ его съ замками Пацу. Мозовскій осужденъ былъ на смерть и казненъ на рынкѣ. Заслуживъ жестокостями своими смертную казнь, онъ сохранилъ по крайней мѣрѣ твердость въ послѣднія минуты своей жизни. Іезуиты уговаривали его принять латынскую вѣру, обѣщая ему за то сохраненіе жизни. Онъ отвергъ съ презрѣніемъ ихъ предложеніе, предпочитая смерть отступленію отъ вѣры предковъ.

Такъ вотъ гдѣ причина разоренія города и вообще того бѣдственнаго его положенія, въ какомъ видѣлъ его Мейербергъ и въ какомъ засталъ его Іоаннъ Казимиръ по своемъ прибытіи! Два штурма,

выдержанные замками при нападеніи Паца, и упорная защита Русскаго гарнизона, причинили городу несравненно болѣе вреда, нежели вступленіе войскъ Алексѣя Михайловича, которыя, какъ сами польскіе писатели утверждаютъ, не встрѣтили въ немъ сопротивленія.

Такимъ образомъ умедлилось осуществленіе великой мысли Алексѣя Михайловича присоединенія къ Россіи древняго ея достоянія. Но Провидѣніе, для котораго тысяча лѣтъ какъ одинъ день, и одинъ день какъ тысяча лѣтъ, убѣдило въ послѣдствіи вселенную, что эта мысль согласна была съ Его премудрыми предначертаніями. Спустя 100 лѣтъ послѣ этого событія вступила на всероссійскій престолъ Екатерина II.

Послѣ вступленія Алексѣя Михайловича въ Вильно, православные получили обратно захваченные у нихъ униатами церкви, и владѣли ими свободно въ продолженіи шести лѣтъ. Неизвѣстны подробности этого событія. Историки говорятъ объ немъ въ общихъ выраженіяхъ. А потому не возможно опредѣлить какія именно церкви перешли снова въ вѣденіе православнаго духовенства и какимъ образомъ опять достались униатамъ. Извѣстно только, что Петръ Великій, во время пребыванія своего въ Вильнѣ присутствовалъ при богослуженіи въ Пятницкой церкви, и въ ней же былъ воспріемникомъ при св. крещеніи африканца Анибала, дѣда знаменитаго русскаго поэта Пушкина. На этомъ только основаніи можно догадываться, что Пятницкая церковь находилась еще въ рукахъ православныхъ. Впрочемъ все это однѣ догадки, а опредѣлительныхъ свѣдѣній по этому предмету нами нигдѣ не отыскано. По выстуленіи русскихъ войскъ изъ Вильна преслѣдованіе православныхъ началось съ новою силою.

По занятіи Вильна польскими войсками, прибылъ туда Іоаннъ Казимиръ. Онъ смотрѣлъ съ соболѣзнованіемъ на раззореніе города и обдумывалъ средства къ возстановленію его благосостоянія, а между тѣмъ не смотря на жалкое его положеніе наложилъ на него новую тягость. Казна была истощена, войска, не получая жалованія, волновались, и грозили смертію своимъ начальникамъ, гетманамъ: Литовскому Викентію Гонсѣвскому и Полевому Казимиру Жиромскому. Городъ долженъ былъ на свой счетъ поставить и вооружить 120 коза-

ковъ, и сверхъ того доставлять извѣстное число денегъ, оружіе всякаго рода, порохъ, свинець, сукно и продовольствіе. На эти предметы Вильно издержало въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ 283,449 злот.

Въ 1662 году войско Литовское посрамило себя двумя отвратительнѣйшими поступками, которые были новыми плодами безпорядковъ, перешедшихъ отъ Польши, послѣ ея соединенія съ Литвою. Учреждена была комиссія для удовлетворенія войска жалованьемъ. Дѣйствія комиссіи шли медленно по причинѣ крайняго истощенія края. Нетерпѣливое войско, подстрекаемое неблагонамѣренными людьми, отправило изъ лагеря конные отряды къ вождямъ своимъ Гонсѣвскому и Жиромскому, требуя, чтобы они явились къ войску и дали отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ. (!) Какъ тотъ, такъ и другой, предвидя свою участь, хотѣли уклониться отъ исполненія этого безумнаго требованія, но были схвачены насильно, отвезены въ лагерь и изрублены бѣшенною толпою. Ктожь послѣ этого могъ ожидать защиты отъ законовъ и правительства въ государствѣ, въ которомъ высокая степень и многолѣтнія заслуги не могли спасти двухъ сановниковъ отъ безумной ярости ихъ подчиненныхъ. Предоставляемъ на судъ совѣсти каждаго благомыслящаго рѣшеніе вопроса: это ли времена, о которыхъ можно сожалѣть, или желать ихъ возобновленія? Благонамѣренная душа должна искренно благодарить Бога за то, что они уже прошли, и усердно молить Его, чтобы никогда не возвращались.

Наконецъ послѣ отчаянныхъ усилій, которыя вполнѣ раззорили жителей края, въ особенности бѣднѣйшіе классы трудящихся, требованіе войска было удовлетворено, и уплата жалованія успокоила волненіе.

Между тѣмъ злоупотребленія членовъ трибунала дошли до высочайшей степени. Они занимали насильно въ городѣ вдругъ по нѣсколько домовъ, выгоняли изъ нихъ хозяевъ, и располагались въ нихъ съ своимъ дворомъ и кліентами. Чтобы объяснить состояніе, въ какомъ находились въ это время граждане, и дать понятіе о самовластїи шляхты, приведемъ мнѣніе одного изъ новѣйшихъ польскихъ историковъ о тогдашнемъ состояніи края. „По истинѣ, (говоритъ Крашевскій) это былъ вѣкъ владычества силы. Никакое нравственное

убѣжденіе въ достоинствѣ, предназначеніи, благородствѣ человѣка, не преодолевало чувства силы, которое вело къ величайшимъ беззаконіямъ съ удивительнымъ легкомысліемъ. Тѣ самые, которые прежде, среди семействъ своихъ, жаловались и роптали на насиліе, имѣя возможность истощить его надъ другими, дѣлали это съ какимъ то удовольствіемъ. Какую власть могъ имѣть законъ тамъ, гдѣ засѣдали подобные люди для толкованія и подведенія его? Исторія трибуналовъ лучше всего обнаруживаетъ это ужасное состояніе государства, это развращеніе, которое породило безначаліе, усиливавшееся непрерывно при содѣйствіи необузданной шляхты.“

Сказано было выше, что по удаленіи Русскихъ войскъ изъ Вильно началось преслѣдованіе православныхъ съ новою силой. Съ тѣхъ поръ прошло едва четыре года, какъ издано было самое странное и несправедливое опредѣленіе на счетъ выбора членовъ городского совѣта и судей. Извѣстно, что на основаніи прежнихъ привилегій, выбираема была въ число членовъ половина католиковъ, а другая половина православныхъ, потому что все народонаселеніе состояло изъ послѣдователей этихъ двухъ исповѣданій. Такъ, какъ въ 1599 году православные составили союзъ съ протестантами для общей защиты отъ притѣсненія католиковъ, то и начали принимать въ магистратъ и судъ иновѣрцевъ, которые часто были бургомистрами, ратаманнами и проч. Наконецъ вспомнили, что въ прежнихъ привилегіяхъ ничего не сказано о диссидентахъ (и не удивительно! во время изданія привилегій ихъ не было). А потому, желая устранить ихъ отъ участія въ управленіи, король издалъ самое несправедливѣйшее опредѣленіе, въ силу котораго впредь не позволено выбирать никого въ члены магистрата, кромѣ католиковъ и уніатовъ. Кто не примѣтитъ въ этомъ распоряженіи явнаго пристрастія и насилія? — Если за основаніе такого распоряженія брали точный смыслъ привилегій, то за что устранили отъ выборовъ православныхъ, которые такъ явственно были въ нихъ поименованы? и съ другой стороны, за что предоставляютъ это право уніатамъ, о которыхъ не сказано въ привилегіяхъ ни одного слова? Все это обнаруживало духъ нетерпимости или, лучше сказать, духъ ненависти ко всему Русскому и стремленіе изгладить признаки руссизма какими бы то ни было путями.

Въ 1669 году Иоаннъ-Казимиръ, не видя возможности уврачевать язвы государства, отказался отъ престола, предсказавъ неминуемое паденіе Польши и присоединеніе Литвы къ Россіи. На мѣсто его избранъ былъ князь Михаилъ Корибутъ Вишневецкій, въ царствованіе котораго не произошло ничего особенно важнаго въ Литвѣ.

Въ 1670 году случилось въ Вильнѣ происшествіе, которое іезуиты хотѣли представить въ видѣ чуда. По случаю причтенія къ лику святыхъ Станислава Костки происходила процессія изъ костела св. Казимира къ св. Иоанну. Во время этой процессіи загорѣлась и совершенно истреблена пожаромъ главная и самая большая евангелическая кирха, а вмѣстѣ съ нею сгорѣло нѣсколько сосѣднихъ домовъ. Старались увѣрить легковѣрный народъ, что это естественное, а можетъ быть умышенно подготовленное событіе, произошло по срерхъестественной причинѣ, и что процессія низвела гнѣвъ Божій на *сборище отступниковъ*. (!!). За что же въ такомъ случаѣ пострадали сосѣдственные дома, которые по большей части принадлежали католикамъ.

По случаю коронаціи Иоанна III Собіекаго въ 1676 году, отправлены были къ нему послы изъ Вильна съ просьбою объ утвержденіи привилегій, данныхъ городу его предшественниками, и представленіи ему нѣкоторыхъ льготъ, въ особенности о уравниеніи податей съ домовладѣльцевъ, и чтобы таковыя подати уплачивали также іезуиты и кармелиты, имѣющіе свои дома въ городѣ. Въ инструкціи, данной посламъ, между прочимъ сказано, что жидаы, безпрестанно переселяясь изъ Украйны, Воыни и другихъ Русскихъ областей въ Литву, отняли у купцевъ, ремесленниковъ и обѣднѣвшихъ мѣщанъ шинки, и торгуя солью, сельдями, воскомъ, кожами и другими запрещенными товарами, заняли лучшія улицы въ городѣ и дома безъ установленнаго законнаго ввода во владѣніе, держатъ у себя христіанскую челядь, и такимъ образомъ доводятъ христіанъ до раззоренія, а вмѣстѣ съ тѣмъ содержатъ въ нечистотѣ занимаемыя ими мѣста. Посему поручено было посламъ просить объ искорененіи такого зла, предписаніи жидамъ платить ежегодно городу по 600 злот. и наконецъ объ уравниеніи мѣръ и вѣсовъ съ краковскими. Вѣроятно на основаніи этого ходатайства пословъ, въ 1678 году, возобновлена привиллегія, равняв-

шая въ правахъ Вильно съ Краковомъ. Разрѣшеніе прочихъ статей, заключавшихся въ просьбѣ, отложено на дальнѣйшее время.

Въ царствованіе Іоанна III съ 1693 года начались продолжительныя смятенія въ Литвѣ, вовлекшія эту страну въ большія неурядица и бѣдствія. Первоначально ихъ причиною была ссора Виленскаго воеводы и гетмана Литовскаго Сапѣги съ Виленскимъ епископомъ Константиномъ Бржостовскимъ, а слѣдствія этой ссоры произвели междоусобную войну между Сапѣгою и Огинскимъ. Это соперничество породило множество насилій и злодѣйствъ своевольной шляхты и довело страну до крайняго раззоренія. Опишемъ подробно это происшествіе, во первыхъ потому, что оно живо изображаетъ то нравственное состояніе, въ какомъ находилась тогда Литва, а во вторыхъ, чтобы убѣдиться, до чего можетъ довести государство своеволие частныхъ гражданъ, если не достаетъ ему сильной руки и твердаго характера къ скорому и рѣшительному обузданію подобнаго злоупотребленія. По этой причинѣ считаемъ необходимымъ войти въ подробности при описаніи этого событія.

Власть гетмана въ то время была почти неограниченная. Онъ имѣлъ право самъ собою назначать мѣста для поста войска, или денежный для него сборъ на провіантъ и фуражъ. Въ продолженіи 10 лѣтъ Сапѣга оставлялъ духовныя имѣнія свободными отъ поста, и довольствовался только небольшою уплатою денегъ, которыя вносились съ тѣхъ имѣній на содержаніе войска. Но узнавъ, что епископъ Бржостовскій жаловался на то королю съ прибавленіемъ разныхъ доносовъ, оскорбительныхъ для чести гетмана, перемѣнилъ образъ своихъ дѣйствій, отказался отъ принятія денежныхъ взносовъ, и нѣкоторые отряды войскъ поставилъ въ духовныхъ имѣніяхъ, а два Татарскія знамена помѣстилъ въ Бакштахъ, столовомъ имѣніи епископа. Поступокъ этотъ довель Бржостовскаго до высочайшей степени ожесточенія. Съ тѣхъ поръ началась ссора между двумя сановниками, которая усиливалась постепенно, несмотря на стараніе многихъ знатныхъ свѣтскихъ и духовныхъ лицъ и посредничество самаго короля, которые хотѣли примирить враждовавшихъ. Епископъ не стыдился употребить ложь, клевету и подлогъ, чтобы заставить Сапѣгу покориться. Приведенный въ ярость неудачами въ своихъ замыслахъ,

онъ рѣшился на отчаянное средство и прибѣгнулъ къ послѣдному духовному оружію противъ своего соперника. 18 апрѣля 1694 года онъ публично въ церкви предаль проклятію гетмана. Такая клятва должна была отлучить его отъ всякаго сообщенія съ вѣрными, не позволяла заключать съ нимъ договоры, путешествовать, удѣлять ему пищу, питье, огонь и жить съ нимъ подъ одною крышею, наконецъ приказывала роднымъ и друзьямъ его удалиться отъ него подѣ опасеніемъ такого же отлученія. Узнавъ о томъ, Сапѣга, тотчасъ отправилъ въ Римъ аппеляцію противу такого самовольнаго поступка епископа. Этимъ насильственнымъ средствомъ епископъ думалъ навести страхъ на всѣхъ приверженцевъ Сапѣги и принудить ихъ оставить его сторону. Но онъ скоро убѣдился въ томъ, какъ мало обращали вниманія на его угрозы и дѣйствія. Въ тотъ самый день Сапѣга далъ великолѣпный пиръ въ своемъ Антокольскомъ дворцѣ, который наполнился множествомъ гостей разнаго званія и состоянія. Всѣ принимали живѣйшее участіе въ обидѣ, причиненной гетману, и громко осуждали епископа. При пышномъ угощеніи раздавалась музыка, звуки трубъ и литавровъ при громѣ пушекъ, кои сопровождали непрерывные тосты за здоровье отлученнаго.

На другой день посланы были циркуляры во всѣ монастыри и костелы, чтобы вездѣ съ каедрѣ была объявлена анаѣема. Настоятели не знали на что рѣшиться. Собрали всѣхъ богослововъ, пересмотрѣли множество книгъ, и убѣдились только въ томъ, что не было никакой причины проклинать гетмана, а имъ повиноваться епископу. Наконецъ черезъ своихъ богослововъ донесли ему, что какъ прежде своего поступка онъ не спрашивалъ у нихъ совѣта, такъ по учиненіи его не можетъ требовать ихъ содѣйствія, а потому, пока не будетъ разрѣшена папою аппеляція Сапѣги, они анаѣемы не объявятъ.

Раздраженный этимъ отвѣтомъ епископъ пригласилъ къ себѣ всѣхъ пріоровъ монастырей и богослововъ, чтобы принудить ихъ къ исполненію его воли, но встрѣтилъ общее сопротивленіе. Онъ требовалъ по крайней мѣрѣ, чтобы отлученнаго имъ гетмана не допускали къ приобщенію св. тайнъ и присутствію при богослуженіи, но и на это настоятели монастырей не согласились, основываясь на привилегіяхъ, папскихъ буллахъ и каноническомъ правѣ. Епископъ, пришедъ въ

яръсть, грозилъ имъ заключеніемъ и приказалъ запереть двери своего дома, чтобы не выпускать ихъ пока не удовлетворять его желанію; но какъ и это средство не имѣло успѣха, то и принужденъ былъ ихъ освободить. Онъ хотѣлъ потомъ взволновать народъ, распуская ложные слухи, что по приказанію Сапѣги Татары и Литовскіе козаки намѣреваются ограбить городъ. Но благоразумныя мѣры, принятыя Сапѣгою, уничтожили козни епископа и успокоили народъ.

Епископъ громко жаловался, что его въ конецъ разорили и ограбили, что вмѣсто золотого креста, онъ долженъ носить деревянный, что не увѣренъ въ безопасности своей жизни и что подобно св. Станиславу хочетъ погибнуть мученическою смертію, защищая церковное имущество; однакожь этому никто не вѣрилъ.

Примасъ Радзѣвскій, узнавъ о такихъ поступкахъ епископа, несогласныхъ съ его званіемъ, старался письменно его образумить, а между тѣмъ послалъ гетману разрѣшеніе отъ наложеннаго на него проклятія. Но епископъ велѣлъ отвѣчать ему, что онъ распространяетъ свое вліяніе далѣе предѣловъ своей власти, и что онъ, Бржостовскій, такой же примасъ въ Литвѣ, какъ Радзѣвскій въ Польшѣ.

Гетманъ далъ знать епископу, что когда въ царствованіе Іоанна-Казимира, Виленскій епископъ Бялоръ силится присвоить подобный титулъ, то былъ официально призванъ въ Варшаву для объясненія, и немогши представить оправданія, отосланъ въ Гнѣзно, мѣстопребываніе примаса, гдѣ призналъ себя виновнымъ и внесъ въ акты того вѣдомства отреченіе на вѣчныя времена притязанія на титулъ примаса. Бржостовскому предъявлена была и выпись изъ тѣхъ актовъ, но онъ, не обращая на то никакого вниманія, и попирая права начальства, издалъ отъ себя опредѣленіе, уничтожавшее разрѣшеніе, данное примасомъ Сапѣгѣ.

Король, королева и королевичъ Іаковъ, узнавъ объ ожесточеніи епископа и неприличныхъ званію его поступкахъ, изъявили сильное противъ него негодованіе и искреннее участіе въ судьбѣ безвинно преслѣдуемаго гетмана. Примасъ, какъ самый высшій, послѣ короля, сановникъ въ государствѣ и глава духовенства въ Польшѣ, призывалъ судебнымъ порядкомъ епископа въ Гнѣзно для объясненія, по какому праву онъ оспариваетъ данное гетману разрѣшеніе. Но епископъ при-

слалъ только письменный отзывъ, въ которомъ спрашивалъ, по какому праву примасъ далъ Сапѣгѣ разрѣшеніе, и требовалъ на то доводовъ. Примасъ разрѣшилъ этотъ вопросъ опредѣленіемъ, которымъ далъ ему знать, что высшій не обязанъ, въ своихъ дѣйствіяхъ, давать отчета низшему, но имѣетъ право ждаты отъ него повиновенія; что епископъ на свой дерзкій вопросъ найдетъ отвѣтъ въ Римѣ; наконецъ требовалъ отъ него объясненія, почему онъ не явился къ нему на судъ? Епископъ все таки не явился, и 30 мая состоялось въ вѣдомствѣ прмаса опредѣленіе, которымъ обнаружены были всѣ еге неправильные поступки и злоупотребленія.

Бржостовскій много полагался на папскаго нунція, который въ самомъ дѣлѣ сначала дѣйствовалъ въ его пользу; но знатнѣйшія лица въ государствѣ убѣдили нунція, что онъ вмѣшался не въ свое дѣло и покровительствуетъ челоѣка, не заслуживающаго одобренія. Нунцій, чувствуя свою ошибку, но не жала въ ней признаться, далъ другое направленіе дѣлу. Онъ возсталъ противъ монаховъ, не повиновавшихся епископу, и приказалъ явиться въ нунціаторскій судъ всѣмъ настоятелямъ монастырей и каноникамъ регулярнымъ Антокольскимъ, а ксендза Малаховскаго, открыто державшагося стороны гетмана, привести подъ арестомъ. Монахи, основываясь на своихъ привиллегіяхъ, послали аппелляцію къ папѣ, ссылаясь на просьбы гетмана, отправленные предъ тѣмъ въ Римъ. Одни только Кармелиты-босые не приняли участія въ общемъ дѣлѣ и отдѣлились отъ прочихъ.

Аудиторъ нунція началъ угрожать монашескимъ орденамъ заключеніемъ, и приказалъ неминуемо явиться предъ нунціевъ судъ и объяснить въ немъ не иначе, какъ посредствомъ законныхъ консулторовъ. Монашествующіе, видя явное расположеніе дѣйствовать имъ во вредъ, обратились къ примасу, котораго избрали общимъ своимъ защитникомъ и покровителемъ. Примасъ, приглашалъ къ себѣ на судъ и ордена и епископа; но послѣдній не явился, а потому утверждено первоначальное опредѣленіе примаса.

Между тѣмъ наступилъ праздникъ св. Марка. Въ этотъ день обыкновенно всѣ монашествующіе ордена совершали по городу крестный ходъ. Но въ этотъ разъ, прибывъ къ дверямъ кафедральнаго костела, нашли ихъ запертыми, а на дверяхъ прибито было собственно-

ручное предписаніе епископа, запрещающее орденамъ участвовать въ крестномъ ходѣ.

Спустя нѣсколько дней послѣ того епископъ предалъ проклятію всѣхъ монаховъ, какъ непослушныхъ: прежде всего доминикановъ, потомъ бернардиновъ, францискановъ, кармелитовъ, а наконецъ іезуитовъ, которыхъ тщетно надѣялся обратить къ смиренію. Вслѣдъ за тѣмъ приказалъ предать проклятію, въ кафедральномъ костелѣ, нѣкоторыя частныя лица, потомъ велѣлъ заключить въ тюрьму многихъ монаховъ, въ особенности настоятелей орденовъ, и самъ всѣ костелы запечаталъ. Въ это время гетманъ отправился въ лагерь подъ Дубенку. Епископъ, преслѣдовавшій его на каждомъ мѣстѣ, послалъ емиссаровъ, чтобы взбунтовать противъ него войско и лишить его начальства. Происки его не имѣли успѣха; войско осталось вѣрнымъ своему начальнику, и вскорѣ гетманъ одержалъ на берегахъ Днѣстра блистательную побѣду надъ Турками и Татарами. Многіе сановники, послѣ одержанной гетманомъ побѣды, просили убѣдительно папу обеспечить его отъ преслѣдованія епископа и спячь несправедливо наложенное на него проклятіе.

Въ 1695 году во время сейма въ Варшавѣ, епископъ призывалъ на сеймовый судъ гетмана, а между тѣмъ послалъ множество безпокойной шляхты для смущенія сеймовыхъ совѣщаній, еслибы не удалась его предначертанія. Между прочимъ онъ хотѣлъ доставить званіе сеймоваго маршала Литовскому полевому писарю Крышпину. Присланная имъ шляхта произвела такіе безпорядки въ залѣ засѣданій, что должно было прибѣгнуть къ вооруженной силѣ для усмиренія безпокойныхъ. Происшествіе это произвело сильное негодованіе между послами, которые вскорѣ выѣхали изъ Варшавы. Королева и братъ ея дѣлали необыкновенныя усилія къ примиренію гетмана съ епископомъ, но безразсудныя требованія и упрямство послѣдняго дѣлали всѣ ихъ старанія бесполезными. Вскорѣ епископъ разослалъ во всѣ воеводства и повѣты письма, которыхъ содержаніе помѣщаемъ здѣсь, какъ образецъ натяжки и ожесточенія, столь предосудительныхъ для каждаго, тѣмъ болѣе для высшаго духовнаго сановника. Онъ писалъ, что за истребленіемъ гетманомъ духовныхъ фундушей долженъ неминуемо послѣдовать упадокъ костеловъ и исчезнетъ святость религіозной репре-

зентаціи, а католическая вѣра, ослабѣвъ безъ надлежащихъ во храмахъ жертвъ и поученій, должна будетъ уступить идолопоклоническому заблужденію древнихъ язычниковъ: (!!) что не будетъ никакой надежды для омраченнаго народа, когда должно будетъ предстать на страшный судъ предъ разгнѣвающимъ Всевышнимъ Творцомъ; (!!!) что есть еще время исправить все, только нужно, чтобы каждый католикъ усильно старался ограничить дѣйствія притѣснителей костеловъ, и этимъ единственнымъ средствомъ отвратить казнь, которая ожидаетъ ихъ и потомство въ будущности. Однакожъ всѣ эти посланія не сдѣлали никакого вліянія на умы литовцевъ и жудиновъ. Почти всѣ отвѣчали согласно епископу, что помѣщенія войскъ въ имѣніяхъ духовныхъ не могли сдѣлать имъ важнаго ущерба, и что онъ самъ содѣйствуетъ болѣе всего ослабленію вѣры, запечатавъ костелы и наложивъ на духовенство запрещение.

Въ это время пришла изъ Рима резолюція на жалобу епископа, обвинявшаго ордена въ неповиновеніи. Къ этой жалобѣ епископъ прибавилъ клевету, чтобы ожесточить противъ нихъ папу и успѣшнѣе достигнуть цѣли личной своей злобы и мести. Онъ писалъ, что всѣ настоятели объявили якобы не станутъ повиноваться ни епископу, ни нунцію, ни самому папѣ, а только своимъ генераламъ, безъ воли и приказанія коихъ они дѣйствовать не могутъ. Папа, повѣривъ такому доносу епископа, отдалъ жалобу его на разсмотрѣніе кардиналовъ, составлявшихъ конгрегацію, которая, хотя не похвалила поведенія епископа, но издала опредѣленіе, угрожавшее удаленіемъ отъ должностей всѣхъ старшихъ въ монашествующихъ орденахъ, и признаніемъ ихъ навсегда недостойными къ занятію высшихъ званій, если въ продолженіи трехъ дней, со времени объявленія имъ приговора, они не испросятъ прощенія у епископа. Такое опредѣленіе было утверждено папою. Монахи принуждены были смириться передъ епископомъ и покориться его волѣ, и тогда только снято съ нихъ отлученіе отъ церкви и костелы ихъ были отворены. Разрѣшеніе же дѣлъ съ гетманомъ папа отстрочилъ до опредѣленія наступавшаго сейма, которому обѣ стороны поручили это дѣло. Король Іоаннъ Собіескій назначилъ комиссію для разсмотрѣнія его изъ важнѣйшихъ свѣтскихъ и духовныхъ сановниковъ Литвы и Польши. Но ни усилія этой комиссіи, ни мно-

гогратныя очевидныя обличенія епископа, ни посредничество королевы, немогли смирить и обуздать упрямства Бржостовскаго и всѣ старанія къ примиренію враждовавшихъ остались тщетны.

Между тѣмъ на Жмуди въ Россіенахъ наступили сеймики для выбора депутатовъ въ Литовскій трибуналъ. Туда прибыли стольникъ Литовскій Сапѣга, Вилкомирскій маршалъ Паць и Жмудскій епископъ Крышпинъ, который привелъ съ собою 150 человекъ шляхты. Коль скоро собрались совѣщатели, возникъ споръ о предсѣдательствѣ. Староста Жмудскій Паць, по званію своему, хотѣлъ занять мѣсто предсѣдателя, но епископъ не позволялъ ему, доказывая, что духовное лице должно имѣть вездѣ преимущество передъ свѣтскимъ, и что онъ, какъ начальникъ епархіи, по примѣру своихъ предшественниковъ, долженъ предсѣдательствовать въ собраніи. Началось общее смятеніе и шумъ. Одни кричали, поддерживая епископа, другіе старосту. Не было возможности начать совѣщанія. Какой то шляхтичъ, обнаживъ саблю началъ грозить стольнику Сапѣгѣ. Поручикъ Сѣмашко, стоявшій недалеко съ нѣсколькими сотнями кавалеріи, увидя это, приблизился къ собранію и сказалъ: „Господа! вѣдь и мы, хотя воины, но также шляхта. Напрасно махать саблею около чужой головы. Лучше высказать, что кого беспокоить; а противу сабель найдутся сабли.“ Стоявшая въ отдаленіи шляхта начала бросать въ стольника камни. Слуга, стоявшій за кресломъ стольника, началъ отталкивать напиравшую шляхту. Сдѣлалось замѣшательство, въ продолженіи котораго кто то, видно пьяный, выстрѣлилъ въ толпу и убилъ шляхтича Янкѣвича. Взволнованная шляхта схватила епископа, опрокинула его съ креслами и растерзала бы его на части, еслибъ Сапѣга и маршалъ Паць не закрыли его саблями и не проводили въ карету. Шляхта успѣла только поколотить слугъ епископа. Присутствовавшіе ксендзы и всѣ приверженцы Крышпина разбѣжались по домамъ. Волненіе и крики продолжались нѣсколько дней. Въ это время староста Паць умеръ, и сеймики не состоялись. Епископъ велѣлъ старосту послѣ смерти предать проклятію, также какъ и Сапѣгу и маршала Паца. Онъ запретилъ покойнаго хоронить на кладбищѣ и не дозволилъ отпѣвать его ни въ какомъ костелѣ. Не прежде, какъ по ходатайству Мальтійскаго кавалера Паца епископъ смягчился и позволилъ похоронить старосту въ гробницѣ

Камалдулскаго монастыря близъ Ковна. Въ продолженіи этихъ смятеній въ 1698 году король Іоаннъ Собіескій умеръ.

29 августа созванъ былъ сеймъ въ Варшавѣ для выбора новаго короля. На этомъ сеймѣ состоялись между прочимъ постановленія: 1) чтобы впредь духовныя лица не осмѣливались вмѣшиваться въ свѣтскія дѣла, которыя подь какимъ бы то ни было видомъ подлежатъ разсмотрѣнію государственныхъ судовъ; 2) чтобы въ дѣлахъ духовныхъ не объявляли отлученій отъ церкви, не отнесясь прежде къ папѣ и не получивъ его согласія. Въ продолженіи этого времени Виленскій епископъ ѣздилъ въ Римъ, но будучи принятъ худо папою, и не нашедъ по прибытіи въ Варшаву въ живыхъ покровителя своего Іоанна Собіескаго, рѣшился примириться, хотя весьма неискренно, съ Сапѣгою. Онъ не возобновлялъ болѣе своихъ претензій, но отплатилъ въ послѣдствіи своему сопернику поступкомъ, погубившимъ его сына.

Въ прежнія времена было въ Польшѣ обыкновеніе, что со дня кончины короля, до избранія новаго открываемы были въ воеводствахъ и повѣтахъ такъ называемые *каттуровые* суды, въ которыхъ присутствовали судіи по выборамъ, а предсѣдательствовалъ маршалъ. На Жмуди искалъ званія маршала Литовскій стольникъ Георгій Сапѣга, который и избранъ былъ въ это званіе, не смотря на происки и сопротивленіе епископа Крышпина. Чтобы ослабить возраставшую силу Сапѣговъ и пріобрѣсть возможность противиться имъ, Жмудскій хорунжій Заранекъ, по сношеніи съ Огинскимъ и Витебскимъ воеводою Крышпиномъ, издалъ универсалъ, приглашая шляхту на военныя эзерциціи и назначивъ сборнымъ мѣстомъ Скирстимони. Подобные универсалы могъ издавать одинъ только сеймъ подь предсѣдательствомъ короля. Частныя ссоры вельможъ въ Польшѣ и Литвѣ были причиною злоупотребленія этой мѣры, принимаемой для защиты государства въ случаѣ опасности. Частыя конфедераціи, имѣвшія иногда цѣлію сопротивленіе волѣ самого короля, ободрили Огинскаго и Заранка въ противузаконномъ ихъ намѣреніи. Между тѣмъ перехвачены были письма воеводы Крышпина къ вдовствующей королевѣ, находившейся за границей. Онъ общалъ вмѣстѣ съ Литовскимъ хорунжимъ Огинскимъ, обнародовавъ всеобщее ополченіе, вывести въ поле множество шляхты для поддержанія правъ на престолѣ ея сына, и требовалъ только денегъ на содержа-

ніе войска. Гетманъ, узнавъ о томъ, приказаль сыну своему, стольнику, отправиться съ отрядомъ кавалеріи къ Скирстимони и разогнать тѣхъ, которые тамъ соберутся. Распоряженія эти имѣли вредныя слѣдствія для Заранка. Подъ Скирстимони собралось множество ратной шляхты и составленъ военный совѣтъ, на которомъ выбранъ единогласно начальникомъ Жмудской ратной силы стольникъ Сапѣга, а Заранекъ за самовольно разосланные универсалы и участіе въ перепискѣ съ королевой лишень званія хорунжаго. Огинскій, видя неудачу на Жмуди, вмѣстѣ съ Поцѣмъ и присоединившимся къ нимъ Заранкомъ, обратился къ Бресту, который окружили рвами и палисадами. Гетманъ, прибывъ съ тремя тысячами войска подъ Брестъ и окруживъ городъ, заставиль голодомъ осажденныхъ сдаться. Огинскій и Поцѣй съ 500 всадниковъ перешли подъ начальство Сапѣги; Заранекъ ночью убѣжалъ изъ Бреста. Гетманъ не только предаль забвенію поступокъ возмутителей, но обѣщаль стараться, чтобы находившемуся въ Брестѣ войску выдано было недоплаченное жалованье. Это обѣщаніе было поводомъ къ новому разрыву гетмана съ Огинскимъ, который, примирясь съ нимъ неискренно, искаль только случая возобновить ссору. По прибытіи въ Вильно, Огинскій началъ домогаться уплаты войску обѣщаннаго жалованья, полагая, что Сапѣга выплатить ихъ своими деньгами. Но когда гетманъ объявилъ ему, что войско иначе удовлетворено быть не можетъ, какъ изъ казны республики и что онъ обѣщаль только стараться о уплатѣ, а не уплатить изъ своихъ денегъ, тогда Огинскій, разсѣявъ по Вильну разныя клеветы на Сапѣгу, выѣхаль, угрожая вскорѣ возжечь сильный пожаръ. Между тѣмъ прибыли въ Вильно воевода Крышпинъ и Заранекъ и, оказывая наружную преданность и покорность гетману, приготавливали ему новые ковы.

Въ 1698 году происходили въ Польшѣ выборы и коронація преемника Юаннова Августа II. Гетманъ Сапѣга противился долго этому выбору; но наконецъ присоединился къ общей массѣ избирателей и присягнуль въ вѣрности новому королю. Въ это время его непріатели приготавливали ему новыя козни въ Литвѣ. Огинскій, имѣя многихъ приверженцевъ, и преклонивъ на свою сторону часть войскъ, состоявшихъ подъ начальствомъ гетмана, разсѣяль по цѣлому краю письма, наполненныя оскорбительною для Сапѣги и всей его фамиліи клеветою, и старался

вооружить противъ него всю шляхту. Сапѣга, съ своей стороны, обнародоваль объясненіе, въ которомъ опровергалъ взводимыя на него противниками обвиненія. Вѣсть о томъ дошла до короля, который, изданнымъ отъ себя универсаломъ 19 генваря 1697 года, повелѣваль Огинскому и собравшемуся при немъ войску немедленно положить оружіе и разойтись, а отдѣлившимся отъ гетмана отрядамъ перейти опять подъ его начальство.

Приведенный въ бѣшенство Огинскій отправился въ Варшаву, и при содѣйствіи министра Флемминга и другихъ знатныхъ лицъ приблизился къ королю и успѣлъ вымыслами и клеветою довести его до того, что онъ дѣйствительно сдѣлался равнодушиѣ къ Сапѣгѣ. Тогда Огинскій, прибывъ въ Литву, вошелъ въ сношенія съ кастеляномъ Коцѣломъ и другими знатнѣйшими Литовцами. Онъ условился съ ними созвать всеобщее ополченіе и разослалъ, прямо отъ себя, публичный о томъ призывъ къ шляхтѣ. Августъ, который безпрестанно думалъ о войнѣ со Швеціею, и, вспомнивъ сопротивленіе Сапѣговъ его выбору, не надѣялся, чтобы они содѣйствовали его намѣреніямъ и смотрѣлъ сквозь пальцы на дѣйствія сообщниковъ Огинскаго. Но гетманъ, примѣтивъ равнодушіе къ себѣ короля, усиливающуюся сторону Огинскаго, и наконецъ прибытіе саксонскихъ войскъ, которыя повидному должны были итти къ границамъ Ливоніи, взялъ свои мѣры, и разставилъ свои войска въ такихъ мѣстахъ, откуда могъ наблюдать вѣрнѣе за дѣйствіями Огинскаго, и дать надежный отпоръ въ случаѣ его нападенія или смущенія спокойствія края.

Огинскій, расположась въ Кенигсбергѣ, призывалъ туда шляхту и универсалами своими осыпалъ новыми клеветами Сапѣгу, который однако опровергъ ихъ скоро и успѣшно. Въ то же самое время Заранекъ, справедливо названный язвою Литвы, разослалъ универсалы по всей Жмуди, призывая шляхту къ составленію всеобщаго ополченія и назначая сборъ къ 15 числу октября. Такъ какъ на это небыло королевскаго опредѣленія, то едва третья часть шляхты жмудской собралась въ назначенное мѣсто. Несмотря на то, сдѣлано другое объявленіе о сборѣ къ 26-му ноябрю съ угрозами строгаго взысканія съ тѣхъ, кои не явятся. вмѣстѣ съ тѣмъ высланы послы къ королю для увѣренія его въ подданствѣ и вѣрности жмудскаго княжества. (!!).

Дерзость Заранка изумила даже польскихъ историковъ, которые съ отвращеніемъ описываютъ это происшествіе. (Narbutt Dzieje wewnętrzne narodu Litewskiego Т. II, р. 10—11) — Но этимъ некончилось. Скоро прибылъ Огинскій въ Россіены, куда собралось около 20 тысячъ конной и пѣшей шляхты. Узнавъ о приближеніи гетмана, Огинскій со своею шайкою бросился къ Шавлямъ, ограбилъ жилище стольника Сапѣги, потомъ прибывъ въ Шадово, разослалъ универсалы по всей Литвѣ, приглашая всѣхъ къ участию въ конфедераціи, и наложилъ на жмудскія староства контрибуцію, назначая на каждого ратника по 200 злот. Потомъ отправился въ Шкуды, имѣніе Сапѣговъ, чтобы ограбить его; но жители вышли оттуда со всѣмъ имуществомъ въ Пруссію и Курляндію. Тогда Огинскій обратился на іезуитскія имѣнія Задыги и Шавельскую Економію, и захватилъ изъ перваго 80 тысячъ и изъ другаго 200 тысячъ тинфобъ.

Съ тѣхъ поръ началась дѣйствительная междоусобная война въ Литвѣ между сторонами Огинскаго и Сапѣги. Гетманъ имѣлъ повсюду преимущество. Литва и Жмудь много потерпѣли отъ своеволія шляхты, предводимой Огинскимъ, Коцѣлломъ, Заранкомъ и другими противниками Сапѣговъ. Прибытіе саксонскихъ войскъ присланныхъ королемъ, затѣмъ, чтобы обезоружить враждовавшихъ, умножило только бѣдствія мирныхъ жителей этой страны. Имѣнія шляхты и духовенства наполнились Саксонцами, которые занимали обывательскіе дома, ставили въ комнатахъ лошадей, безчестили обывательскихъ женъ и дочерей, однимъ словомъ дѣлали жестокія обиды и насилія шляхтѣ и смѣялись надъ нею говоря: „пропало ваше *не позволяемъ!*“ Огинскій, желая убить своего соперника въ общественномъ мнѣніи, разносилъ вѣсти, что будто Сапѣги были причиною прибытія саксонскихъ войскъ, увѣривъ короля, что это единственная мѣра для обузданія дерзкой и своевольной шляхты, а между тѣмъ, сидя въ Варшавѣ и желая пріобрѣсти благорасположеніе короля, онъ присвоилъ себѣ титулъ генералиссимуса и выдавалъ ассигнаціи на содержаніе саксонскихъ войскъ. Этимъ онъ вооружилъ противъ себя большую часть Литвы и даже многихъ своихъ приверженцевъ. Партія его значительно ослабѣвала; гетманъ пріобрѣталъ ощутительный перевѣсъ; но ничтожное обстоятельство усилило сторо-

ну его противника и возобновило междоусобіе въ государствѣ съ новою силою.

Наступило время трибуналовъ въ Вильнѣ. Молодые князья Михаилъ и Янушъ Вишневецкіе пріѣхали туда съ толпою спутниковъ и въ великолѣпныхъ экипажахъ. Парадная ихъ карета запряжена была булаными лошадьми, какими ѣздилъ кастелянъ Коцѣллъ, главный непріятель Сапѣговъ. На канунѣ открытія трибунала гетманъ возвращался съ Антокола отъ полеваго гетмана Служки послѣ великолѣпнаго ужина. Щедрость угощенія распространена была на свиту его и слугъ, которые, провожая гетмана полушьяные, встрѣтили Вишневецкихъ на Св.-Янской улицѣ. Принявъ экипажъ ихъ за экипажъ Коцѣлла, спутники Сапѣги начали сгонять его съ дороги. Началась ссора, дошло до кулаковъ, а наконецъ и до оружія. Въ это время гетманъ дремалъ въ каретѣ и не зналъ что происходитъ на улицѣ. Минскій ротмистръ Цедровскій, находившійся въ свитѣ Вишневецкихъ, прискакалъ къ каретѣ и выстрѣлилъ изъ пистолета въ Сапѣгу. Онъ бы убилъ его на мѣстѣ; но къ счастью слуга его, заряжая пистолетъ, забылъ вложить въ него пулю. Спутники Сапѣги начали стрѣлять въ карету Вишневецкихъ и ранили обоихъ князей. На этотъ шумъ прибѣжала съ гаубтвахты пѣхота и взяла подъ стражу Цедровскаго, избиваго жестоко прикладами. Пробужденный гетманъ выскочилъ изъ кареты, усмиривъ смятеніе, принявъ въ домъ свой Вишневецкихъ, оказывалъ искренное участіе въ ихъ положеніи, и старался всѣми силами оправдаться передъ ними и убѣдить ихъ въ своей невинности. Но молодые князья, принявъ это случайное событіе за личное себѣ оскорбленіе, отвергли всѣ внушенія ума и приличія, и соединясь съ непріятелями Сапѣговъ, обѣщали прислать имъ на помощь нѣсколько тысячъ козаковъ.

Въ 1700 году началась открытая война со Швеціей. Саксонскія войска двинулись со всѣхъ сторонъ подъ Ригу. Непріатели Сапѣговъ, подъ видомъ вспомошествованія королю въ этой войнѣ, присылали со всѣхъ сторонъ вооруженную шляхту и назначили пунктъ сбора въ Липнишкахъ въ Опшмянскомъ повѣтѣ, гдѣ собралось около 20 тыс. человѣкъ, кои провозгласили главнымъ полковникомъ воеводство князя Михаила Вишневецкаго. Тамъ они сняли личину, перемѣнили цѣль услу-

ги королю, и приняли титулъ патриотической конфедераціи, въ намѣреніи ограничить и даже уничтожить власть и вліяніе Сапѣговъ. Такова была цѣль нѣсколькихъ сильныхъ аристократовъ, которые подкупомъ, обманомъ и оболъщеніемъ, собравъ толпу непросвѣщеннаго народа, подъ видомъ якобы патриотическаго союза, поправъ народныя права, презирая верховную власть и спокойствіе края, жертвовали всѣмъ своей гордости, зависти, личной ненависти и мести.

Гетманъ, не зная о причинѣ такого вооруженія, вышелъ изъ Вильна съ сыновьями своими и тремя тысячами войска и обратился къ Олькеникамъ, гдѣ находилась вся сила конфедератовъ. Едва онъ приблизился къ корчмѣ Лейпунамъ, прибылъ къ нему изъ стана мятежниковъ епископъ Бржостовскій въ видѣ посредника. Онъ говесе не имѣлъ желанія примирить враждовавшихъ, а только прибылъ въ намѣреніи узнать настоящую силу Сапѣговъ. Убѣдясь въ малочисленности ихъ отряда, онъ увѣрилъ, что соперники его не имѣютъ болѣе четырехъ тысячъ человѣкъ, и что имъ невозможно думать о успѣхахъ противъ такой силы, какою начальствовалъ гетманъ. Вскорѣ обнаружилось коварство епископа, который искалъ только одной гибели Сапѣги.

Заговорщики вывели всѣ свои силы. Начался ожесточенный бой. Гетманъ нѣсколько разъ отражалъ наступленія нестройной толпы; но силы ихъ безпрестанно возобновлялись. Опасаясь, чтобы Вишневецкіе не обошли его съ боковъ и съ тылу, предвидя, что защита будетъ причиною большаго кровопролитія и не желая губить своихъ соотечественниковъ, послалъ приказъ своему сыну Конюшему, начальствовавшему надъ пѣхотою, чтобы заключить капитуляцію, а самъ съ братомъ своимъ, великимъ казначеемъ и малымъ числомъ провожатыхъ уѣхалъ въ Вильно.

Конюшій начальствовалъ еще 1,500 пѣхоты. Онъ могъ еще защищаться; но, покоряясь волѣ отца, сдался со своимъ отрядомъ. Вишневецкіе торжественно увѣрили его въ сохраненіи жизни и чести, отвезли въ своей каретѣ въ Олькеники и помѣстили во францисканскомъ кляшторѣ. Они искренно желали спасти его жизнь; но Огинскій, Коцѣль и Заранекъ цѣлую ночь поили шляхту, которая

на разсвѣтъ ворвалась въ кляшторъ, вытащила Конюшаго на дворъ и изрубила саблями.

Послѣ этого безчеловѣчнаго поступка, послано нѣсколько отрядовъ въ Вильно, чтобы поймать гетмана и казначея, но они, освѣдомясь о происшедшемъ въ Олькеникахъ, успѣли отправиться къ пруской границѣ, а оттуда прибыли въ Варшаву.

Огинскій и его сообщники, составили актъ своей конфедераціи и, напечатавъ его, разослали повсюду. Въ этомъ актѣ заключалось постановленіе, чтобы Сапѣговъ и ихъ приверженцевъ искать и преслѣдовать, и конфисковать ихъ имѣнія. Люди, благопріятствовавшіе Сапѣгамъ, принуждены были оставлять свои жилища и скрываться въ монастыряхъ и заграницей. По дорогамъ умножились разбои, грабежи и воровство. Никто не былъ увѣренъ въ своей безопасности и обладаніи своимъ имуществомъ. Многочисленныя шайки бродягъ нападали на обывательскіе дома и грабили ихъ. Таковы были слѣдствія противузаконнаго союза мнимопатріотической ревности.

Нуженъ ли еще какой нибудь выводъ или заключеніе при описаніи этихъ происшествій, которыя сами такъ ясно и убѣдительно представляютъ всѣ ужасы тогдашняго состоянія края. И въ это^е то положеніе, съ такимъ усиліемъ, влекли свое отечество потомки Ягайлы въ продолженіи 180 лѣтъ.

Сапѣги, находясь тогда въ Варшавѣ, обратились къ королю и примасу съ представленіемъ о злодѣйскихъ дѣйствіяхъ литовской конфедераціи. Оба изъявили сильное и справедливое негодованіе. Король тотчасъ созвалъ сенатъ, который учредилъ комиссію изъ шести сенаторовъ для изслѣдованія дѣйствій мятежной шайки. Невзвѣстно по какой причинѣ умедлялось открытіе дѣйствій этой комиссіи. Вскорѣ наступилъ сеймъ, который прервали какіе то происки и несогласія. Между тѣмъ сообщники Огинскаго безпрестанно увеличивали свои силы новыми наборами. Король, недоволенъ будучи прерваніемъ сейма, на которомъ надѣялся получить помощь для войны со Швеціей, обратилъ вниманіе на усиливавшуюся въ Литвѣ конфедерацію и намѣревался употребить ее противу Шведовъ; а потому на настоянія Сапѣговъ и подаваемые ими меморіалы давалъ неудовлетворительные отвѣты. Сапѣги, видя равнодушіе короля къ ихъ

обидѣ, а между тѣмъ узнавъ о секретныхъ сношеніяхъ его съ Литовскими конфедератами, наконецъ не находя для себя безопасности въ Варшавѣ, уѣхали въ Вармію къ тамошнему епископу, а въ послѣдствіи времени приняли сторону Карла XII, съ которымъ въ это время возгорѣлась война съ новою силою.

Описывая подробности этихъ происшествій, мы нѣсколько удалились отъ главной цѣли нашего повѣствованія, — участи православнаго населенія Литвы. Участъ его была часъ отъ часу отяготительнѣе, чему немало содѣйствовали и описанныя нами беспорядки въ государствѣ. Если благонамѣренные государи, какими были Сигизмундъ Августъ, Владиславъ IV и даже Іоаннъ-Казимиръ, при всѣхъ усиліяхъ своихъ и искренномъ желаніи немогли оказать никакой помощи этому населенію; то чего оно могло ожидать во время настоящаго безначалія, отъ предводителей разбойничьихъ шаекъ и необузданнаго своевольства ихъ сообщниковъ. Этими обстоятельствами дѣятельно пользовались уніаты для распространенія своего вліянія и умноженія паствы, не обращая вниманія на средства, какими приводили въ исполненіе свои замыслы. Будучи слѣпыми орудіями католиковъ, въ особенности іезуитовъ, они не примѣчали этого, и около вѣка убѣждены были, что дѣйствуютъ самостоятельно. Первые, опутавъ ихъ своими сѣтями, сняли наконецъ личину, начали сами дѣйствовать явно, и употребляя безбоязненно угрозы и насиліе, обращали свои жертвы прямо въ латынство. Польша, съ самаго присоединенія къ ней великаго княжества, стремилась къ одной цѣли: ополячить Литву и Русь. Съ первою она управилась легко. Великая часть Литвы была одинаковаго съ нею исповѣданія; а потому Поляки напали на ея народность и старались всѣми силами изгладить слѣды ея. Они начали съ того, что подвергали осмѣянію и презренію все, что по наружности обличало Литовца, одежду, образъ жизни, языкъ, наконецъ нравы и обычаи. Эта коварная мѣра скоро подѣйствовала на Литовцевъ, которые, перенимая постепенно все польское, переродились до такой степени, что, забывъ многолѣтнее и упорное сопротивленіе этой связи своихъ предковъ, простодушно *увпрovali*, и вѣрять до сихъ поръ, что они соединились съ Поляками добровольно и непринужденно. Мало того, они отказались на всегда отъ своего происхожденія, и въ наше время

Литовскаго дворянина уже никто не въ состояніи увѣрить, что онъ не Полякъ. Но съ Русью дѣло шло несравненно труднѣе. Вѣроисповѣданіе, которое Русь отстаивала съ такимъ геройствомъ и самоотверженіемъ, ярко обозначая ея народность, ограждала ее отъ ударовъ, направленныхъ въ нее противниками. Не было возможности подумать о непосредственномъ нападеніи на самое вѣроисповѣданіе, а потому чтобы хоть сколько нибудь поколебать ея основанія, какъ выше сказано, придумана унія. Польское правительство, особенно духовенство, содѣйствовало всѣми силами ея распространенію. Когда же Унія захватила подъ свое владычество большую часть великаго княжества, и получила ощутительный перевѣсъ надъ православіемъ въ южной Руси, тогда латынское духовенство обратило и на нее свои виды. Около столѣтія унія была наемницею, рабою латынскаго духовенства. Полагая, что уже все сдѣлано для пользы латынской церкви, оно начало думать о средствахъ уничтожить и ее совершенно и на всегда слить съ латынствомъ. Начали съ богослуженія, вводя въ него такія обряды, какіе никогда въ восточной церкви не существовали. Въ уніатскихъ церквахъ явились открытые олтари, органы, шопотомъ читаемыя обѣдни (*), колокольчики во время посвященія даровъ, преклоненіе одного колѣна священникомъ или причетникомъ и многіе другіе. Самое облаченіе священнодѣйствующихъ и причетниковъ измѣнены по образцу латынской церкви. Напѣвъ во время общей обѣдни (суммы), введенъ былъ Латынскій. Во время архіерейскаго служенія епископъ садился на тронѣ, поставленномъ у стѣны по лѣвой сторонѣ иконостаса. Апостоль и Евангеліе, читаемы были не на серединѣ противъ царскихъ дверей, а на боку предъ трономъ архіерея. Однимъ словомъ если бы кто нибудь изъ православныхъ вошелъ въ уніатскую церковь, онъ никогда бы не узналъ своего богослуженія, и одинъ только славянскій языкъ далъ бы ему почувствовать, что прихожане ея принадлежали нѣкогда къ церкви его предковъ. Этимъ не кончилось. Чиноположеніе и управ-

---

(*) Частныя обѣдни, которыя совершали по нѣскольку разъ въ день въ одной и тойже церкви, предъ частными олтарями, какъ въ Римско-католическихъ костелахъ.

леніе іерархіей введено по образцу латынскихъ. Составились капитулы, явились офіціалы, прелаты, каноники, сурогаты и другія званія, какъ въ латынской іерархіи. Между бѣлымъ духовенствомъ явилось множество неженатыхъ, кои одни только допускаемы были къ занятію высшихъ духовныхъ званій. Наконецъ въ самой частной жизни духовенства произошли измѣненія, противныя постановленіямъ православной церкви. Какъ бѣлое духовенство, такъ и монашествующіе обстригали волосы и брили бороды. Самое одѣяніе ихъ было несоотвѣтственно ихъ званію; прелаты и каноники ходили во фракахъ, а монахи въ длинныхъ сюртукахъ.

Уніаты, не смотря на то, что сами уже сдѣлались предметомъ нѣкотораго рода презрѣнія у латынцевъ, продолжали ревностно свое служеніе ихъ проискамъ и приводили въ исполненіе давно задуманное ими предначертаніе. Въ особенности разразилась унія опустошительною грозою въ юго-западной Руси. Тамошнія епископіи были упразднены по причинѣ малаго числа православныхъ прихожанъ, выдержавшихъ столѣтнюю борьбу съ предательствомъ и насиліемъ. Но что всего было бѣдственнѣе для православной церкви въ той странѣ, — подъ конецъ XVII столѣтія исчезли на всегда съ лица земли Львовское и Луцкое братства, такъ что не оставили послѣ себя и слѣдовъ. Какимъ образомъ произошла эта катастрофа, никакія усилія изслѣдователей открыть не могутъ. Угнетенные до послѣдней крайности православные западной Руси, обратились снова къ единственному источнику, изъ котораго могли почерпнуть помощь и утѣшеніе — къ Россійскому двору. Правившая въ то время московскимъ государствомъ за малолѣтствомъ царей Іоанна и Петра Алексѣвичей, сеетра ихъ Софія Алексѣевна, при заключеніи договора и союза противъ Турціи, съ королемъ Іоанномъ-Собѣскимъ въ 1686 году, сильно домогалась возстановленія правъ православнаго населенія въ Литвѣ, обезпеченныхъ законами и привилегіями его предшественниковъ, и укрощенія незаконнаго преслѣдованія. Іоаннъ не только далъ приказаніе о приведеніи въ исполненіе всѣхъ требованій Россійскаго двора, но обѣщала распространить вліяніе свое на православныхъ жителей юго-западной Руси и возстановить православныя епископіи Львовскую и Перемыльскую. (Бантышъ-Каменскій, стр. 141—144). Но

объщаніе это не было приведено въ исполненіе по причинѣ ожесточеннаго сопротивленія Римско-католическаго духовенства и польскихъ вельможъ, которые не только воспрепятствовали удовлетворенію столь справедливымъ требованіямъ Россіи, но даже возобновили преслѣдованіе православныхъ съ новымъ ожесточеніемъ. Мы исчислимъ подробности этого преслѣдованія ниже; а теперь займемся событіями, случившимися въ Литвѣ въ продолженіи войны съ Карломъ XII. Описывая эти происшествія, считаемъ нужнымъ представить читателямъ нѣкоторыя любопытныя подробности, кои нигдѣ еще на русскомъ языкѣ не были напечатаны.

Извѣстно, что предъ началомъ этой войны составленъ союзъ противъ Швеціи между Петромъ I, Августомъ II и Датскимъ королемъ. Послѣдній долженъ былъ прежде всѣхъ оставить союзниковъ и заключить миръ съ Карломъ. Но Петръ I, не смотря на жестокое пораженіе войскъ своихъ подъ Нарвою въ 1700 году, не упалъ духомъ, не оставлялъ своихъ предначертаній, нашелъ новыя средства къ веденію тягостной этой войны, и во время личнаго свиданія съ Августомъ въ мѣстечкѣ Биржахъ, въ нынѣшнемъ Поневѣжскомъ уѣздѣ, укрѣпилъ съ нимъ союзъ и дружбу. Положено было возобновить общія усилія противъ Карла, который, узнавъ о переговорахъ въ Биржахъ, рѣшился обратиться со всѣми силами въ Польшу, и предвозвѣстивъ низложеніе Августа съ престола. Беспорядки, господствовавшіе въ Польшѣ, облегчили ему исполненіе этого предначертанія.

Послѣ постыднаго дѣла при Ольбѣникахъ, Сапѣги, увлеченные местию, готовы были омытъ свое униженіе въ крови Вишневецкихъ, Огинскаго, Заранка, Поцѣя, бывшихъ причиною ихъ низверженія. Они считали позволенными всѣ средства, которыя могли только вывести ихъ изъ униженія, а потому, перешедъ на сторону Шведскаго короля, имѣли главною цѣлью истребленіе своихъ противниковъ Шведскимъ оружіемъ. Для того побѣдители Сапѣговъ должны были по неволѣ держаться инаго пути, то есть остаться вѣрными Августу II, который съ своей стороны, имѣя въ виду ихъ помощь противъ Шведовъ, не преслѣдовалъ ихъ за воуженныя ими междоусобія въ Литвѣ и безчеловѣчное умерщвленіе Конюшаго Сапѣги.

По полученіи первой вѣсти о вторженіи Шведовъ въ Курляндію, Жмудская шляхта вооружилась подъ начальствомъ Огинскаго. Карлъ XII, расположившись лагеремъ при Грабинѣ, близъ Либавы, въ началѣ октября 1701 года, послалъ, для защиты имѣній Сапѣговъ, полковника Александра Гуммеріельма съ 600 ратниковъ; подполковникъ же Іоаннъ Августъ Мейерфельдъ отправленъ былъ къ Полунгѣ для занятія королевскихъ столовыхъ имѣній; наконецъ Банеру приказано занять Зельбургъ. Всѣ три военачальника имѣли порученіе наблюдать за движеніями Огинскаго и истреблять его отряды.

Это порученіе трудно было привести въ исполненіе. Огинскій уклонялся отъ сраженія, уходилъ поспѣшно, какъ скоро собирался значительный непріятельскій отрядъ, а между тѣмъ Жмудская шляхта, вторгаясь въ Курляндію, грабила селенія, уводила плѣнниковъ, и уходила съ добычею въ дремучіе лѣса, въ которыхъ не смѣлъ ее преслѣдовать раздраженный непріятель. Выведенный изъ терпѣнія Карлъ, посадивъ на крестьянскія сани 400 солдатъ, прибылъ 1-го декабря въ Сяды, соединился съ Гуммеріельмомъ, и пустился съ нимъ вмѣстѣ въ Кальварію, гдѣ ожидалъ ихъ Мейерфельдъ, готовый со всѣмъ отрядомъ къ сраженію. Тамъ узнали они, что Огинскій находился въ Шкудахъ. Шведы устремились къ тому мѣсту; но, не смотря на всевозможную поспѣшность, не застали уже Огинскаго. Король оставилъ въ Шкудахъ пѣхоту, и взявъ съ собою 1,100 всадниковъ, устремился къ Тыршкѣлямъ, старосту Огинскаго; но и тамъ уже его не нашли. Изъ донесеній шпионовъ узнали, что онъ со своимъ отрядомъ находился въ Тришкахъ, въ 4 миляхъ отъ Тыршкѣль. Немедленно король отправился въ походъ, чтобы занять это мѣстечко, для чего долженъ былъ преодолѣть не малыя препятствія. Мостъ на рѣкѣ былъ снятъ; надобно было пройти черезъ нее вбродъ. Военачальники и солдаты, не смотря на холодное время года, бросились въ воду, и съ большею трудностію, достигнувъ противоположнаго берега, вошли въ оставленные Огинскимъ Тришки. Усталые, измокшіе и перезябшіе Шведы, видя опустѣвшее мѣстечко, полагали, что непріятель не будетъ ихъ беспокоить, и рѣшились отдохнуть. Разсѣдали лошадей, и разставивъ малочисленные пикеты, уснули крѣпкимъ сномъ. Вдругъ въ 11 часовъ ночи около 1,000 всадниковъ подъ начальствомъ Огинскаго ворвались

въ мѣстечко, перекололи часовыхъ и зажгли нѣсколько домовъ. Къ счастью Шведовъ, ротмистръ Карлъ Филиппъ Сакъ и графъ Ларсъ Флемингъ не потеряли присутствія духа. Начальствуя небольшимъ отрядомъ, они мужественно отражали нападеніе Жмудиновъ, пока король, пробужденный тревогой, не успѣлъ собрать и привести въ порядокъ свое войско. Примѣтивъ это, Огинскій обратился въ бѣгство и едва не попался въ плѣнъ. Прогнавъ Жмудиновъ, король возвратился въ Тришки, приказалъ погасить пожаръ, и разставивъ сильнѣйшіе пикеты, вторично позволилъ солдатамъ отдохнуть.

Пробывъ одинъ день въ Тришкахъ, король, выступивъ оттуда, преслѣдовалъ по пятамъ Огинскаго по пути черезъ Лукники, Ужвенты, Кѣльмы, Цитовяны и Кейданы, и 18 декабря въ полночь прибылъ къ Ковну. Онъ думалъ на разсвѣтѣ вступить въ городъ; но въ продолженіи ночи сдѣлалась оттепель, ледъ на Вилии растаялъ и должно было переправлять войско на одномъ небольшомъ поромѣ, а лошадей вести вплавъ черезъ рѣку. Король преодолѣлъ всѣ эти препятствія, вышелъ съ первыми солдатами на берегъ, а Огинскій, не смѣя удерживать его на переправѣ, убѣжалъ со своимъ отрядомъ въ Вильно.

Въ Ковнѣ Карлъ XII пожертвовалъ значительную сумму денегъ въ пользу Лютеранской кирхи, въ которой богослуженіе нашелъ въ большомъ пренебреженіи. Оставивъ въ Ковнѣ полковника Гуммеріельма съ слабымъ отрядомъ для сохраненія въ своей власти города, Карлъ, вопреки усиленнымъ просьбамъ и предостереженіямъ своихъ офицеровъ, отправился къ своей арміи въ Курляндію черезъ Жмудъ. Это былъ чрезвычайно смѣлый шагъ, потому что хотя Огинскій находился въ Вильнѣ, однакожъ многочисленныя отряды его ходили по разнымъ направленіямъ Жмуди. Одинъ изъ такихъ отрядовъ вступилъ даже въ жаркое дѣло съ подполковникомъ Банеромъ 24 декабря. Все шведское войско пришло въ неописанное безпокойство, страшась за безопасность короля. Высланъ былъ съ сильнымъ отрядомъ драбантовъ Арведъ Горнъ, чтобы отыскать короля, или по крайней мѣрѣ узнать, гдѣ онъ находился. Горнъ встрѣтилъ его возвращающагося изъ Ковна и привелъ въ лагерь, къ величайшей радости всего войска.

Въ продолженіи этого времени Огинскій и его сообщники грабили и обременяли постоемъ духовныя имѣнія въ Литвѣ. Въ актахъ Виленскаго капитула часто упоминается о буйствѣ его подчиненныхъ. Виленскій капитулъ угрожалъ ему проклятіемъ, если не выведетъ войскъ изъ духовныхъ имѣній; но онъ мало обращалъ на то вниманія.

Дѣйствія партіи Огинскаго, не принеся никакой пользы Литвѣ, накликали на нее вскорѣ страшную грозу. 17 генваря 1702 года Карль XII со всѣми силами своими нагрянулъ на Жмудь. Ровно черезъ мѣсяць послѣ того занялъ Россіены и въ имѣніи Бѣловицахъ, въ полъ мили отъ этого города, оставался до конца марта. Устрашенная Жмудская шляхта объявила Огинскаго врагомъ отечества и отправила посольство къ королю Августу II о назначеніи другаго лица на его мѣсто. Но Огинскій, не обращая на то вниманія, уговорился съ Вишневецкимъ напасть на Шведовъ. Гуммеріельмъ, узнавъ объ ихъ намѣреніяхъ, рѣшился разбить ихъ порознь. Подъ Езною дѣйствительно возникла битва между Шведами и 12-ю знаменами Вишневецкаго. Литовцы обратились въ бѣгство, оставивъ на мѣстѣ 10 орудій, изъ которыхъ Шведы по недостатку въ лошадяхъ, увели только четыре. Гуммеріельмъ выслалъ ротмистра Бартольда Роксмана съ 40 всадниками для отысканія Огинскаго. Роксманъ встрѣтилъ отрядъ Литовцевъ, напалъ на него, и потерявъ 20 человекъ, принужденъ былъ удалиться. Гуммеріельмъ, взявъ съ собою 130 человекъ конницы и посадивъ на струги 100 человекъ пѣхоты, отправился по тому же направленію 11-го марта, желая прогнать непріятеля и забрать оставленные шесть орудій. Но Вишневецкій, зная о движеніи его, прибылъ подъ Езно съ 6 тыс. ратниковъ. Вѣроятно Гуммеріельмъ не зналъ о числѣ непріятелей, потому что 12 марта переправился черезъ Нѣманъ со стороны Езна и два дня шель вдоль берега, чтобы не прервать сношеній съ пѣхотою, плывшею вверхъ по рѣкѣ. На третій день онъ подвинулся впередъ и занялъ мѣстечко Дорсунишки, гдѣ намѣревался отдохнуть и дождаться пѣхоты. Вишневецкій ударилъ на него со всею своею силою. Гуммеріельмъ отразилъ его сначала; но въ то время, когда хотѣлъ узнать о числѣ непріятеля, былъ со всѣхъ сторонъ окруженъ и взятъ въ плѣнъ. Съ начала ожесточенные непріятели обошлись съ нимъ недостойно и безчеловѣчно. Они связали

ему руки и ноги, бросили въ хлѣвъ, и изрѣдка клали ему въ ротъ по куску хлѣба. Іезуитъ Беренсъ, находившійся въ то время въ отрядѣ Вишневецкаго, сжалясь надъ несчастьемъ плѣнника, исходатайствовалъ ему соответственное званію его содержаніе. Гуммеріельмъ находился въ плѣну 20 мѣсяцевъ и только въ октябрѣ 1703 года Шведскій король вымѣнялъ его на Саксонскаго полковника Генриха Гольца. Въ продолженіи всей неволи своей онъ пользовался особенными попеченіями іезуитовъ, а особливо отца Беренса, который проводилъ его въ Гейльсбергъ. Находившійся тогда въ этомъ городѣ Карль XII, узнавъ о его челоѵколюбіи, послалъ ему драгоцѣнный подарокъ, и удостоивалъ его иногда своей бесѣды. Коль скоро отецъ Беренсъ примѣтилъ, что король къ нему милостивъ, началъ объясняться свободнѣе, но привсемъ томъ такъ скромно и съ такимъ приличіемъ, что невозможно было ни въ чемъ осудить его обращенія. Передъ отъѣздомъ, получивъ позволеніе проститься съ королемъ, просилъ его убѣдительно объ исполненіи одной просьбы. Когда король спросилъ въ чемъ она состоитъ, отецъ Беренсъ, описывая краснорѣчиво добродѣтели короля; видимый въ немъ страхъ Божій, милосердіе и достоинства героя, прибавилъ, что онъ громкое въ цѣломъ свѣтѣ свое имя покрылъ бы вѣчною славою, еслибъ позволилъ въ Швеціи, или по крайней мѣрѣ въ Лапландіи поселиться хоть двумъ іезуитамъ; что имъ ничего не нужно, кромѣ самаго скромнаго жилища; что они будутъ жить на свой собственный счетъ, уплачивать причитающіяся съ нихъ подати, и еслибъ оказалось, что они отлучились съ мѣста своего жительства, разбѣзжаютъ по государству, или обучаютъ дѣтей, въ такомъ случаѣ добровольно подвергнутся смертной казни. Король, выслушавъ такую просьбу, спросилъ: „Чтожь они тамъ будутъ дѣлать?“ — „Ничего, отвѣчалъ отецъ Беренсъ, только жить. Имѣя своихъ монаховъ вездѣ, между христіанами и между язычниками, въ старомъ и новомъ свѣтѣ, мы желали бы имѣть хоть двухъ и въ Швеціи.“ — „Нельзя, отвѣчалъ король; мы благодаримъ Бога, что разъ уже избавились отъ іезуитовъ; однакожь, если отецъ Беренсъ, сдѣлавшись папою, увѣритъ насъ, что эти два іезуита будутъ вести себя спокойно, въ такомъ случаѣ, можетъ быть мы примемъ ихъ въ свое государство.“ — „Это самый милостивый отвѣтъ, ваше величество, но вмѣстѣ съ тѣмъ совершенный

отказъ въ моей просьбѣ; ни одинъ іезуитъ не будетъ папою.“— „А почему?“— „Потому, что апостольская коллегія всего усильнѣе держится этого правила: *Петръ! неотдавай ключей Іисусу, или никогда ихъ обратно не получишь.*“— „Стало бытъ и святая коллегія хорошо знаетъ отцовъ іезуитовъ?“— „Какъ же ей не знать насъ, когда мы придаемъ апостольской столицѣ столько могущества.“— „Вотъ видишь, отче, что и мы не хуже ихъ знаемъ, и по дѣламъ ихъ, и по собственной опытности.“— „Долженъ ли я, ваше величество, принять это за окончательное ваше рѣшеніе?“— „Дѣйствительно такъ, отвѣчалъ король, по крайней мѣрѣ сегодня.“ Потомъ, протянувъ къ нему руку, прибавилъ по латыни: „*Abite nunc et nunciate Petro.*“ (Удадитесь теперь и донесите о томъ Петру).

Въ то время, какъ Гуммеріельмъ попалъ въ руки Вишневецкаго, маіора Іоганъ Сигротъ, ротмистры Бломшельдъ и Шульманнъ и поручикъ Скруфъ рѣшились пробиться сквозь толпу непріятелей. Но мужество ихъ было бесполезно. Во время отступленія они попали на болотистое мѣсто, и не смотря на чудеса храбрости и множество ранъ, видя, что изъ всего отряда осталось въ живыхъ только 20 человекъ, должны были положить оружіе. Даже, изъ этой горсти, два драгуна бросились вплавъ черезъ Нѣманъ. Одного изъ нихъ убили крестьяне на противоположномъ берегу; другой достигъ отряда маіора гвардіи Акесля Гилленкрока, высланнаго для сбора контрибуціи въ имѣніяхъ Литовскихъ помѣщиковъ, преданныхъ Августу II.

Уничтоживъ отрядъ Гуммеріельма, Вишневецкій послѣшилъ противъ Шведской пѣхоты, находившейся на судахъ. Начальникъ этой пѣхоты Густавъ Сигротъ, родной братъ маіора взятаго въ плѣнъ, не зная, что сдѣлалось съ конницей, велѣлъ, для полученія вѣсти объ ней, выйти на берегъ унтеръ офицеру съ нѣсколькими рядовыми. Посланные наткнулись на передовую Литовскую стражу, и подъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ воротились на суда съ вѣстію о близости Литовцевъ. Сигротъ, желая лучше узнать обстоятельства дѣла, самъ вышелъ на берегъ, и убѣдившись въ справедливости донесенія, хотѣлъ переправиться на противоположный берегъ, и ожидать Гуммеріельма. Но лишь только они отчалили отъ берега, суда сѣли на мель, и никакая сила не могла ихъ сдвинуть съ мѣста. Литовцы открыли по нихъ огонь изъ

шести орудій, но ядра не долетали до непріятели. Вишневецкій велѣлъ поставить одно орудіе на самомъ берегу Нѣмана; но Шведы ружейнымъ залпомъ разогнали пушкарей. Вишневецкій, объявивъ непріятели объ участи Гуммеріельма, предложилъ капитуляцію. Шведы сначала отвергли ее, и съ обѣихъ сторонъ снова открытъ былъ сильный огонь. Наконецъ Шведы, видя, что нѣтъ никакой возможности противиться несравненно сильнѣйшему непріятели, приняли предложеніе Вишневецкаго и положили оружіе. Офицеры и унтеръ офицеры получили позволеніе возвратиться въ Ковно, а для безопаснаго перехода дана имъ охранительная стража. Въ то же время Заранекъ, узнавъ, что по приказанію Карла, подполковникъ Клесъ Экебладъ велъ изъ Митравы 1,000 Шведовъ и 400 Литовцевъ подъ начальствомъ Піотровскаго къ Биржамъ, для защиты имѣній Сапѣговъ, напалъ на арьергардъ Экеблада и умертвилъ до 50 человекъ; но видя, что Шведы остановились и приняли его съ рѣшительностію и мужествомъ, заблагоразсудилъ удалиться какъ можно поспѣшнѣе.

Ничтожный успѣхъ Вишневецкаго надъ слабымъ шведскимъ отрядомъ дорого стоилъ его отечеству. Карлъ XII далъ повелѣніе всему своему войску вступить въ Литву по Ковенской дорогѣ. Генералу Густаву Мернеру и полковнику графу Стенбоку, который былъ уже за Вилкомиромъ, приказано было овладѣть Вильномъ. А чтобы порученіе это привести въ исполненіе поспѣшнѣе, велѣно было конницѣ взять пѣхоту на лошадей. Такимъ образомъ Шведы ѣхали цѣлую ночь и на разсвѣтѣ 5 апрѣля заняли Виленскія заставы. Нападеніе было столь неожиданно, что Вишневецкій, посреди величайшаго смятенія, бѣжалъ изъ города. Шведы быстро преслѣдовали бѣгущихъ и одинъ рейтеръ уже схватилъ было князя, но какой то неизвѣстный Литовскій ратникъ застрѣлил его и вырвалъ изъ его рукъ своего вождя. Орудія, лошади и большая часть обозныхъ тяжестей достались въ руки побѣдителей. Наложена была тяжкая контрибуція на городъ, который долженъ былъ заплатить наличными деньгами, порохомъ и свинцомъ 148,605 злотыхъ 8 ½ грошей. Пороху выдано было 1859, а свинцу 2,503 фунта.

Между тѣмъ Вишневецкій послѣ пораженія своего въ Вильнѣ вздумалъ искать счастья въ нападеніи на Ковно. Онъ приказалъ По-

цѣю и Воловичу идти изъ Сморгонь въ Вильно, чтобы занять непріятеля и отвлечь его вниманіе отъ Ковна, а самъ въ это время напалъ на этотъ городъ 17 апрѣля. Лазутчики Вишневецкаго предупредили объ этомъ нападеніи мѣщанъ, которые тайно вооружились. Въ полдень, когда военачальники шведскіе сидѣли за обѣдомъ, Литовцы, съ громкими криками вторглись въ Вліямпольское предмѣстіе. Экебладъ съ горстію пѣхоты сталъ на мосту и защищалъ его съ необыкновеннымъ мужествомъ. Съ начала сраженія Шведы много потеряли людей, потому что Литовцы сильно напирали, а мѣщане съ крышъ домовъ и изъ за угловъ поражали ихъ сильнымъ огнемъ. Полковникъ Олофъ Трефенбергъ, со многими ратниками, палъ на мѣстѣ битвы. Но коль скоро Мернеръ вывелъ свое войско за мостъ, Литовцы не устояли и часу, и обратились въ бѣгство. Вишневецкій вторично едва не попался въ плѣнъ, и спасся съ трудомъ, пройдя черезъ берардинскій монастырь. Ковно наказано тяжкой контрибуціей; а съ Вильна при выходѣ изъ него Шведскихъ войскъ взыскана была вторично сумма, простиравшаяся до 22,113 талеровъ. Шведскій генераль кригскомисаръ Торанъ Адлерштеенъ составилъ списокъ, хранящійся въ подлинникѣ въ архивѣ Виленскаго магистрата, съ поясненіемъ, сколько какое вѣдомство должно было внести денегъ. Между прочимъ православный св. Духовскій монастырь долженъ былъ внести 250 талеровъ. Наконецъ бѣдные бонифратры обязаны были дополнить этотъ грабежъ, заплативъ 15 талеровъ. Съ іезуитовъ взыскано было 2,700 талеровъ.

Въ продолженіи пребыванія Шведовъ въ Вилнѣ главная ихъ квартира находилась на предмѣстии Свипишкахъ, дома въ городѣ и на прочихъ предмѣстіяхъ заняты были солдатами, остальная часть обоза расположилась за Виліей.

Оставивъ Вильно, Карлъ XII двинулся въ глубину Литвы. Прибывши въ Дорсунишки, гдѣ погибъ отрядъ Гуммеріельма, велѣлъ вырыть изъ земли, омыть, прилично одѣть и похоронить со всѣми военными почестями погибшихъ Шведовъ. Предъ самымъ погребеніемъ возникъ въ мѣстечкѣ пожаръ, и при сильномъ вѣтрѣ, грозилъ истребить его до тла. Король выслалъ на помощь жителямъ свое войско, которое, въ нѣсколько минутъ погасило огонь. Но вскорѣ послѣ того донесли ему, что Вишневецкій велѣлъ раздѣть Шведскихъ плѣнниковъ

и позволилъ Дорсунишскимъ женщинамъ сѣчь ихъ розгами. Вѣсть эта раздражила короля до такой степени, что онъ приказалъ своимъ солдатамъ, заечь съ четырехъ сторонъ мѣстечко и въ продолженіи часа неостался въ немъ камень на камнѣ. 15 апрѣля Карлъ вступилъ въ Пуни. Узнавъ, что тамошній настоятель далъ знать Вишневецкому о движеніяхъ Роксманна, велѣлъ сечь это мѣстечко. 16-го апрѣля занята была Шведами Олита, а 17-го Меречь, гдѣ король оставался цѣлую недѣлю. 25 онъ переправился черезъ Нѣманъ, а на другой день далъ аудіенцію посламъ республики въ Длуговицахъ. Тамъ то далъ онъ имъ извѣстный гордый отвѣтъ, что до тѣхъ поръ не положитъ оружія, пока Августъ II оставаться будетъ на Польскомъ престолѣ. Оттуда обратился онъ прямо къ Варшавѣ, которую занялъ 24 апрѣля.

По удаленіи Карла изъ Литвы, Заранекъ вздумалъ воспользоваться его отсутствіемъ и началъ нападать на малые Шведскіе отряды; но полковникъ Крузе разбилъ его близъ границъ Курляндіи, а Баргольдъ Роксманнъ уничтожилъ отрядъ его близъ Тыршклева. Вишневецкій получилъ сначала нѣкоторый успѣхъ надъ Салѣгой; но баронъ Георгій Іоранъ Майдель вступилъ съ нимъ близъ Юрборка въ сраженіе, въ которомъ Литовцы претерпѣли большой уронъ.

Успѣхи Карла XII въ Польшѣ ободрили Шведскихъ приверженцевъ въ Литвѣ; но при всемъ томъ дѣла ихъ шли неудачно, и Салѣга, соединясь съ Майделемъ, перешли въ Польшу. Тогда Литовскіе партизаны начали дѣйствовать рѣшительнѣе, старались сколько можно болѣе вредить Шведамъ, затрудняли сношенія ихъ съ Ригею и перехватывали гонцевъ. Но неудачное ихъ нападеніе на Голдингенъ дало имъ почувствовать ихъ слабость или неспособность. Огинскій и Вишневецкій отправили Виленскаго каноника Бялозора къ Петру I, просить у него помощи. Въ декабрѣ мѣсяцѣ присланы были два Русскіе полка подъ начальствомъ Нечаева и Протопопова, а также значительная сумма денегъ на содержаніе войска.

Удаленіе Карла изъ Литвы и присылка вспомогательнаго отряда Петромъ I, не принесли никакой пользы Литовскимъ партизанамъ. Неспособность ихъ вождей не дозволила имъ воспользоваться благоприятными обстоятельствами и присланнымъ вспомошествованіемъ. Огинскій, вступивъ въ сраженіе съ Левенгауптомъ близъ Салантъ, претер-

пѣлъ жестокое пораженіе и, потерявъ 600 человекъ убитыми и ранеными, 11 пушекъ и весь обозъ, принужденъ былъ спастись бѣгствомъ съ остатками своего войска. Вишневецкій, котораго Августъ II, наименовалъ великимъ гетманомъ, прибылъ съ свѣжимъ войскомъ и, соединясь съ Огинскимъ и новоприбывшимъ Русскимъ отрядомъ, рѣшился дѣйствовать наступательно. Соединенныя ихъ силы, простираясь до 7,000 человекъ, устремились къ Зельбургу, въ намѣреніи овладѣть этою крѣпостію, находившеюся въ Семигаліи на берегу Двины и защищаемую 300 ратниковъ. Узнавъ о томъ, Левенгауптъ, соединясь съ Сапѣгою поспѣшилъ на защиту крѣпости. Близъ Радзивилишекъ Сапѣга овладѣлъ большимъ обозомъ Вишневецкаго, въ которомъ находился богатый запасъ пороху, свинцу, а также всѣ драгоцѣнности дома Вишневецкаго и 24,000 талеровъ наличныхъ денегъ. Напавъ потомъ стремительно на отрядъ Вишневецкаго подъ Зельбургомъ, Левенгауптъ разсѣялъ правое его крыло, котораго начальникъ Сѣницкій, не умѣя остановить гораздо малочисленнѣйшаго непріятеля, обратился въ бѣгство отъ первыхъ его натисковъ. Офицеры, участвовавшіе въ сраженіи на этомъ крылѣ, которыхъ очевидецъ ихъ пораженія, Мацѣвичъ, называетъ школьными и рюмочными ридарями, оставили прежде всѣхъ мѣсто сраженія, котораго участь рѣшилась скоро въ пользу Шведовъ. Опасаясь слѣдствій этого пораженія, Вишневецкій и Огинскій отправили вѣстниковъ о томъ къ Петру I, находившемуся въ то время подъ Нарвою, и просили его, для спасенія Литвы, прислать 14,000 человекъ войска. Посланные прибыли къ Русскому Государю въ то время, когда онъ овладѣлъ этою важною крѣпостію. А потому вмѣсто просимыхъ 14,000 человекъ, Петръ I, вступилъ въ Литву со всѣмъ своимъ войскомъ.

Послѣ пораженія подъ Зельбургомъ Левенгауптъ овладѣлъ Биржами; но узнавъ о взятіи Нарвы, срылъ только укрѣпленія Биржъ и удалился къ Янишкамъ, гдѣ войско его расположилось на зимнихъ квартирахъ.

Вмѣстѣ съ прибытіемъ подъ Нарву Огинскаго и Заранка пріѣхалъ также туда и посоль Августъ II, Тома Дзялынскій для заключенія съ Россією оборонительнаго и наступательнаго договора, который съ русской стороны подписанъ адмираломъ Федоромъ Алексѣвичемъ Го-

ловинимъ въ Нарвѣ 19 августа 1704 года. Въ слѣдствіе этого договора Петръ I отправилъ тотчасъ Репнина съ 6-ю полками пѣхоты и 6-ю конницы къ Полоцку и Друѣ. Русскій генералъ Карлъ Реннъ получилъ повелѣніе къ октябрѣ соединиться съ Вишневецкимъ и вмѣстѣ съ нимъ войти въ княжество жмудское. При вступленіи въ эту страну, они встрѣтили близъ Шкуды 3,000 человекъ войска Сапѣги подъ начальствомъ Минскаго старосты Завиши. Литовцы обратились въ бѣгство, потерявъ до 200 человекъ убитыми и плѣнными. Послѣ этого генералъ Реннъ съ 2,000 Русскихъ вошелъ въ Вильно, гдѣ провелъ большую часть зимы. По свидѣтельству современниковъ Русское войско было содержимо въ строжайшемъ порядкѣ и повиновеніи начальникамъ, и не дозволяло себѣ никакого насилія и злоупотребленія. Зима и часть весны 1705 года прошли въ Литвѣ спокойно. Левенгауптъ не выходилъ изъ Курляндіи. Сапѣга, испытавъ неудачу, велъ себя осторожно. Литва, въ молчаніи, ожидала слѣдствій заключеннаго договора, который долженъ былъ ввести въ ея предѣлы двухъ могущественныхъ владыкъ сѣвера.

23 іюня Петръ прибылъ въ Полоцкъ, 26 послалъ Шереметева съ 20,000 войска въ Курляндію, 4-го іюля обнародовалъ манифестъ съ изложеніемъ причинъ вступленія въ предѣлы республики, и 25-го тогоже мѣсяца вступилъ съ войскомъ своимъ въ Вильно.

Желающихъ знать подробности пребыванія его въ Литвѣ отсылаемъ къ статьѣ, помѣщенной въ Виленскомъ Вѣстникѣ 1864 г. NN. 12—20. Мы изобразили только главныя черты этого событія, дополнивъ наше повѣствованіе свѣдѣніями, почерпнутыми изъ любопытной лѣтописи, находящейся въ Щорсовской библіотекѣ покойнаго графа Адама Хребтовича и заключающей въ себѣ исторію Виленской іезуитской коллегіи.

Петръ I прибылъ въ Вильно ночью съ 14 на 15 іюля, черезъ Полоцкую заставу, отъ которой до самой Виленской ратуши онъ шелъ пѣшкомъ съ преображенскимъ полкомъ. Въ первые дни своего пребыванія въ Вильнѣ онъ далъ великолѣпный *банкетъ*, на которомъ находились Виленскій епископъ Бржостовскій, Самогитскій староста Огинскій, кастелянъ Коцѣллъ и многіе другіе мѣстные сановники. Неизвѣстно въ какомъ домѣ остановился Русскій Государь и гдѣ проис-

ходилъ этотъ банкетъ. Въ послѣдствіи отведено было ему помѣщеніе въ палатахъ Слушковь, построенныхъ на берегу Вилии.

31 іюля онъ посѣтилъ коллегію іезуитовъ и присутствовалъ при заключеніи годовыхъ академическихъ трудовъ. Іезуиты, узнавъ заблаговременно о его желаніи, тотчасъ перемѣнили составленный на этотъ случай Латинскій актъ, и приготовили такойже на польскомъ языкѣ, сообразный съ обстоятельствами и который могъ бы понравиться Царю.

Петръ I прибылъ въ академію съ сыномъ своимъ Алексѣемъ Петровичемъ, военачальниками и министрами. Изъ особеннаго уваженія къ столь знаменитому гостю и для удобства его, устроено было великолѣпное сѣдалище; но царь занять его не хотѣлъ. Сначала онъ стоялъ, опершись о *театръ* (слова лѣтописи), а потомъ, не смотря на покорнѣйшую просьбу отца ректора, не занялъ приготовленнаго для него мѣста, а сѣлъ на деревянной скамьѣ. Онъ прослушалъ съ величайшимъ вниманіемъ весь актъ, пока не прочитали списка учениковъ, переведенныхъ въ высшіе классы. Потомъ посѣтилъ коллегію, гдѣ принявъ легкое подкрѣпленіе и увѣривъ іезуитовъ въ своей милости, домъ ихъ оставилъ. Іезуиты вскорѣ почувствовали слѣдствія Царской благосклонности. Русскія войска, простиравшіяся, по свидѣтельству Мацкевича, до 60,000, разположены были на предмѣстіи Снипишкахъ и далѣе за рѣкою Виліей (въ лѣтописи сказано на Лукишкахъ). Это нимало не препятствовало коллегіи имѣть непрерывное сношеніе съ ея Лукишскимъ фольваркомъ, вывозить оттуда сѣстные припасы и другіе предметы, а гдѣ только показался кто изъ членовъ ихъ сословія, Русскіе чиновники оказывали ему видимыя доказательства уваженія. Такъ по крайней мѣрѣ удостовѣряетъ Щорсовская лѣтопись.

На другой день послѣ академическаго акта Петръ I присутствовалъ при засѣданіи Виленскаго трибунала и съ большимъ вниманіемъ слушалъ пренія адвокатовъ. Онъ похвалилъ ихъ способности, но не одобрялъ существовавшего тогда обряда судопроизводства.

3-го августа Петръ получилъ извѣстіе о жестокой битвѣ, происшедшей между войсками Шереметьева и Левенгаупта. Онъ пошелъ противъ Шведскаго генерала со всѣми силами своими, и одной вѣстію

о своемъ приближеніи загналъ его въ Ригу, взялъ Баускъ, Митаву, Зельбургъ, и оставилъ въ нихъ свои гарнизоны.

Петръ I вышелъ изъ Митавы 1-го сентября и, пройдя, черезъ Кейданы и Ковно, вступилъ въ Гродно 27 сентября съ 30,000 пѣхоты и 10,000 конницы. 3-го октября ѣздилъ въ Тыкоцинъ для осмотра Саксонскихъ войскъ, бывшихъ подъ начальствомъ Даниила Бодо-фонъ-Шуленбурга. 8-го числа посѣтилъ князя Михаила Вишневецкаго и осмотрѣлъ Литовскій станъ. 13-го возвратился въ Гродно, распредѣлилъ въ немъ зимнія квартиры для войскъ своихъ и отправилъ Менцикова съ частію кавалеріи въ Польшу. Вишневецкій отрядилъ съ нимъ нѣсколько Литовскихъ знаменъ подъ начальствомъ Христофора Сѣнецкаго. Соединенный отрядъ Русскихъ и Литовцевъ дошелъ до Варшавы и разбилъ часть гвардіи Станислава Лещинскаго. Петръ приказалъ обвести Гродно валами, и далъ повелѣніе фельдмаршалу Огильви подвинуться къ этому городу со всѣми силами. Въ Гроднѣ онъ имѣлъ съ Августомъ II, совѣщаніе въ присутствіи польскихъ и литовскихъ пословъ и сенаторовъ, искренно приверженныхъ къ Августу. Послѣ совѣщанія, онъ далъ королю нѣсколько тысячъ конницы, съ которою онъ выступилъ изъ Гродна, соединился съ Саксонскимъ войскомъ и обратился противъ Рейнишильда. Вскорѣ Петръ, узнавъ о бунтѣ, возникшемъ на Волгѣ, отправилъ для усмиренія его Шереметьева, а самъ, сдавъ начальство надъ войскомъ Огильвию, уѣхалъ въ столицу 18-го декабря.

По отъѣздѣ Петра изъ Гродна Карлъ XII вмѣстѣ со Станиславомъ Лещинскимъ и всѣми силами своими двинулся къ этому городу. Онъ остановился въ Каміонкѣ и 27 генваря издалъ отзывъ къ Литовцамъ, приглашая ихъ покориться Лещинскому. Вишневецкій хотѣлъ нечаянно напасть на Потоцкаго, который стоялъ отдѣльно со своимъ отрядомъ. Въ этомъ намѣреніи онъ написалъ къ фельдмаршалу Огильвию, чтобы онъ прислалъ ему отрядъ Русскихъ войскъ. Письмо его было перехвачено и отдано Лещинскому, который тотчасъ приказалъ Потоцкимъ и Сапѣгамъ предупредить непріятели. Для любопытства предлагаемъ описаніе этой битвы Мацѣвичемъ:

„Партія Литовскаго войска, стоявшаго въ Олитѣ, подъ начальствомъ Сѣнецкаго, находилась въ негодномъ распоряженіи, безъ фур-

вахтовъ и безъ всякой стражи. Въ этомъ состояніи гг. Сапѣги и Потоцкіе, коронный писарь и Кіевскій воевода, напали на нее съ своимъ войскомъ. Передъ разсвѣтомъ ворвались въ городъ. Тамъ нечаянно брали всѣхъ, какъ грибы. Счастливы были тотъ, кто *дорвался* до лошади и скакалъ опрометью. Но такихъ было мало. Взяли бы и самаго Сѣнецкаго, еслибъ драгуны, стояшіе на гауптвахтѣ на рынкѣ, не удержали огнемъ толпы. Такимъ образомъ г. Сѣнецкій убѣжалъ въ одномъ камзолѣ. А тутъ между тѣмъ забирали все: возы, лошадей, знамена и самихъ ратниковъ забрали почти всѣхъ, въ томъ числѣ и меня и всѣ мои вещи, какъ то: лошадей, возы и снарядъ. Я понесъ тогда потери на три тысячи, (злотыхъ) потому, что одними наличными деньгами взяли у меня полтораста талеровъ.“

Посреди этихъ событій, Огинскій, неизвѣстно по какой причинѣ вздумалъ войдти въ тайныя сношенія съ Лещинскимъ и перейти на его сторону. Для облегченія ему этого дѣйствія, Карлъ XII отправилъ къ нему сильный отрядъ подъ начальствомъ своего генераль-адъютанта Карла Густава Дикерта. Но вдругъ Огинскій переѣнилъ намѣреніе, и соединясь съ Вишневецкимъ, Заранкомъ, Сѣнецкимъ и Русскими войсками, которыми начальствовалъ Бауръ, напалъ подъ Олькениками на отряды Сапѣговъ, Потоцкихъ и 1,000 драгунъ, бывшихъ подъ начальствомъ Дикерта. Битва была упорная и кровопролитная; но наконецъ Шведы одержали верхъ. Русскіе и Литовцы удалились къ Вилкомиру, а Дикертъ занялъ Вильно. Шведскій генераль, раздраженный измѣною Огинскаго, и узнавъ, что три дочери его и племянница Теодора Схолястика находятся въ одномъ изъ Виленскихъ женскихъ монастырей, взялъ ихъ насильно вмѣсто заложницъ, дабы такимъ образомъ принудить Огинскаго покориться Станиславу. Впрочемъ Дикертъ обходился съ плѣнницами со всею вѣжливостію, приличною ихъ молодости, званію и полу. Наконецъ изъ побѣдителя самъ сдѣлался плѣнникомъ одной изъ нихъ, и 13 октября 1707 года получилъ руку Теодоры Схолястики.

Въ продолженіи этого вторичнаго пребыванія Шведовъ въ Вильнѣ, городъ и окрестности подверглись ужаснѣйшему отягощенію, и можно сказать, грабежу, котораго подробности описаны въ Щорсовской лѣтописи. Жители съ грустію вспоминали о томъ времени, въ

продолженіи котораго Русскія войска занимали эту страну. Тогда частная собственность оставалась неприкосновенною и спокойствіе жителей было вполне обеспечено. А Шведы грабили свободно и безнаказанно не только частное, но и церковное имущество. Впрочем не одни Шведы разоряли беззащитных жителей; достойные соотечественники и защитники края вели себя не лучше неприятелей. Для удостовѣренія будемъ продолжать разказъ объ этомъ предметѣ словами Щорсовской лѣтописи:

„1-го февраля разнеслась вѣсть, что Шведы врываются въ городскія ворота. Всякъ уходилъ, куда его глаза вели. Даже Русскій гарнизонъ, дождавшись ночи, тайно вышелъ, оставивъ въ замкѣ съестныя припасы и военный снарядъ. На другой день, коль скоро разсвѣло, и оказалось, что это была ложная вѣсть, чернь бросилась на оставленный запасъ и начала забирать и уносить оружіе, порохъ, свинець, хлѣбъ и другія вещи... Ежедневно возрастала тревога на счетъ нападенія Шведовъ, опустошавшихъ окрестности.

„Городъ и вѣдомства обложены были тяжелой контрибуціей, которую собиралъ Григорій Огинскій, староста Жмудскій. Онъ понуждалъ къ скорѣйшей уплатѣ съ большимъ нетерпѣніемъ, потому, что предвидѣлъ свое бѣгство отъ приближающагося Шведа. Напрасно мы (іезуиты) умоляли его, чтобы пощадилъ насъ: опредѣленный *подымный* налогъ мы должны были заплатить. Потомъ показался на минуту Русскій полкъ; но скоро исчезъ и обратилъ только на городъ вниманіе поляковъ союзныхъ Шведамъ. Проходило наконецъ и Литовское войско съ княземъ Вишневецкимъ и Огинскимъ, но, кромѣ притѣсненія не оставило никакой надежды на защиту... Вскорѣ плачь и жалобы ограбленныхъ и разоренныхъ въ конецъ земледѣльцевъ, уносившихъ жизнь свою въ городъ, поразили всѣхъ горестію и тревогою.

„8-го марта Виленскій и Кіевскій воеводы, также Шведскій полковникъ Дикертъ расположились въ Вильнѣ и жителей обременили тяжкимъ грабительствомъ.“

Далѣе лѣтопись изображаетъ подробно насилія и неистовства Шведовъ, которыми они ознаменовали пребываніе свое въ Вильнѣ. Болѣе всѣхъ пострадали іезуиты. Они должны были заплатить 3,000 черв. съ коллегіи и 161 черв. съ принадлежавшихъ имъ домовъ. Ихъ

стѣсняли тяжкими езекуціями, опечатали ризницу и аптеку, наконецъ недостававшее число денегъ заставили дополнить церковнымъ серебромъ. Въ нѣкоторыхъ монастыряхъ вооруженные солдаты, разрубивъ шкафы и сундуки, забрали св. сосуды. Въ доминиканскомъ монастырѣ, каедрѣ и въ другихъ костелахъ, у священниковъ, отходящихъ отъ олтара послѣ литургіи, вырывали изъ рукъ св. чаши. Наконецъ Шведы, полагая что въ монастыряхъ укрыта какая нибудь частная собственность, требовали выдачи ея, и получивъ отказъ, дѣлали обыски со звѣрствомъ и осыпали ругательствомъ монаховъ.

Пребываніе Станислава Лещинскаго въ Литвѣ и успѣхи Шведовъ въ частныхъ сшибкахъ сдѣлали такое впечатленіе на жителей, что Новогрудскій, а вслѣдъ за нимъ Слонимскій и Лидскій повѣты покорились новому королю, первый 17-го, а прочіе 20-го марта.

Въ продолженіи этого времени Петръ I, отпраздновавъ новый годъ по обыкновенію въ Москвѣ, отправился 6-го генваря къ арміи. 21 числа прибылъ онъ въ Гродно, и узнавъ, что Карлъ, перейдя по льду черезъ Вислу, приближается къ границамъ Литвы, оставилъ въ Гроднѣ Миленфельда съ 2,000 человекъ, а самъ поѣхалъ въ Вильно. Миленфельду дано приказаніе стать на мосту и не пускать Карла въ городъ, а еслибы небыло возможности противиться напору Шведскихъ войскъ, — уничтожить мостъ. Но Миленфельдъ, при появленіи Шведскихъ войскъ отступилъ отъ моста, и Карлъ безпрепятственно занялъ городъ. Петръ приказалъ арестовать и отдать подъ судъ измѣнника; но онъ, подкупилъ стражу, и перешелъ на сторону Шведовъ. Послѣ Полтавскаго сраженія, Миленфельдъ, будучи взятъ въ плѣнъ, разстрѣлянъ, какъ измѣнникъ.

Петръ узнавъ, что съ Карломъ было не болѣе 600 человекъ при занятіи Гродна, послалъ 3,000 отборнаго войска, чтобы поймать его въ этомъ городѣ. Войско это успѣло печально ворваться въ Гродно и конный его отрядъ, напавъ стремительно на королевскую квартиру, избурилъ всѣхъ караульных; но Карлъ успѣлъ спастись, будучи предувѣдомленъ о нападеніи Русскихъ при содѣйствіи жителей Гродна, перешедшихъ на сторону Лещинскаго.

Петръ оставался въ Вильнѣ только восемь дней; но подробностей этого вторичнаго въ немъ пребыванія мы нигдѣ отыскать не

могли. Извѣстно только, что 3-го февраля Меншиковъ имѣлъ съ нимъ свиданіе и совѣщаніе въ этомъ городѣ, и въ тотъ же день посланъ имъ къ войскамъ, расположеннымъ близъ Минска.

Въ то время, когда уже великая часть Литвы приняла сторону Станислава Лещинскаго, и когда по его распоряженію учрежденъ былъ въ Вильнѣ Senatus Consilium изъ 20 сенаторовъ, Петръ приказалъ фельдмаршалу Огильви придвинуться съ войскомъ къ границѣ Россіи.

Въ половинѣ апрѣля 1706 года Карлъ выступилъ изъ Жолудка, гдѣ въ то время была его главная квартира. Дальнѣйшія движенія его войскъ и дѣйствія Карла, случившіяся внѣ предѣловъ Литвы, выходятъ изъ круга событій, составляющихъ предметъ нашего повѣствованія. Скажемъ только, что слѣдствіемъ этого похода Карла было перенесеніе войны въ Польшу, вступленіе Шведовъ въ Саксонію, Алтранштадтскій миръ, и отреченіе Августа отъ польскаго престола.

Петръ I, предвидя, что Карлъ со всюю силою своею, обратится на Россію, посѣтилъ въ предѣлы Польши, прибылъ 10-го декабря 1706 года въ Жолкѣвъ, и призвалъ примаса Шембека для совѣщанія о безопасности и цѣлости республики. Шембекъ, какъ первый сановникъ въ государствѣ, разослалъ универсалы, призывая сенатъ собраться въ Львовѣ къ 7-му февралю 1707 года. Тамъ, послѣ четырехдневныхъ совѣщаній, постановлено возобновить трактатъ, заключенный первоначально съ Россіей. Республика обязалась вмѣстѣ съ Петромъ I поддерживать войну съ Карломъ XII до тѣхъ поръ, пока въ ея предѣлахъ не останется ни одного Шведскаго солдата.

Между тѣмъ Вишневецкій, полагая, что отреченіе отъ престола Августа II освободило его отъ данной присяги, началъ тайно сноситься съ Левенгауптомъ и склоняться къ примиренію съ Саксѣями.

Обстоятельства эти не могли долго оставаться въ тайнѣ. Полагаютъ, что Огинскій, питавшій къ нему негодованіе, со времени полученія имъ великой Литовской булавы, увѣдомилъ о его намѣреніяхъ царя, который, желая убѣдиться въ истинѣ, приглашалъ Вишневецкаго въ главную квартиру въ Жолкѣвъ для объясненія.

Вишневецкій, чувствуя вину свою, не смѣлъ покориться призванію Петра; а наконецъ снялъ личину и открылъ непріятельскія дѣйствія противъ Русскихъ. Въ это время панцерный хорунжіи Огинскаго, Иванъ Несторовичъ, возвращался изъ Москвы, куда посланъ былъ за деньгами для Литовскаго войска. Вишневецкій приказалъ Людвигу Сѣнецкому стеречь его на обратномъ пути, взять подъ стражу и съ деньгами доставить въ его станъ. Сенцкій съ братомъ своимъ Христофоромъ, узнавъ, что Несторовичъ находился въ Оршанскомъ повѣтѣ, настигли его близъ Борисова, взяли его въ плѣнъ и забрали деньги. Но въ это время подошелъ къ этому мѣсту русскій генераль Вольховскій съ 8,000 человекъ войска. Онъ напалъ на Сѣнецкихъ, истребилъ большую часть ихъ отряда, отобралъ значительную часть казны и самихъ Сѣнецкихъ загналъ въ Быховъ, въ которомъ находилось 3,000 человекъ гарнизона. Вольховскій, окруживъ крѣпость, далъ обо всемъ знать генералу Бауру и Огинскому, которые, прибывъ съ 40,000 человекъ войска подъ Быховъ и пустивъ въ крѣпость 20,000 (?) бомбъ, заставили осажденныхъ отворить ворота. Сѣнецкіе, заключены въ оковы, отправлены въ Москву, а потомъ въ ссылку.

Вишневецкій не имѣлъ болѣе возможности скрывать настоящихъ намѣреній своихъ. Онъ явно перешелъ на сторону Станислава (какъ говоритъ Мацкевичъ) къ величайшему стыду своего имени и конечному раззоренію и гибели в. к. Литовскаго. Для оправданія своего поступка Вишневецкій разослалъ по Литвѣ объявленія, заключающія въ себѣ поводы, которые принудили его къ тому. Но это усиліе не сдѣлало никакого впечатлѣнія на его соотечественниковъ. Между прочимъ появился въ то время на всѣ пункты этого объявленія письменный отвѣтъ какого то шляхтича, помѣщенный въ журналѣ Мацкевича, въ которомъ доказана вся неосновательность поступка Вишневецкаго, или, лучше сказать, вѣтренность его. Отвѣтъ этотъ напечатанъ въ цѣлости въ прекрасномъ сочиненіи гр. Евстафія Тышкевича подъ заглавіемъ *Listy o Szwecyi* (Письма о Швеціи).

Въ февраль мѣсяцѣ 1708 года Карль XII снова вступилъ въ Литву. Въ продолженіи февраля онъ находился въ окрестностяхъ Опшяны, прошелъ Суботники, Трабы, Гольшаны, Крево, и стоялъ нѣсколь-

ко недѣль въ Сморгоняхъ, откуда выступивъ 28 марта, прибылъ на другой день въ Радошковичи, гдѣ пробылъ до 16 мая. По свидѣтельству Нордберга (т. 2, р. 65) Шведы имѣли продовольствіе въ изобилии, потому что Кенігсбергскіе купцы пріѣзжали съ разными товарами. Въ началѣ ощутителенъ былъ недостатокъ въ хлѣбѣ; но Шведы скоро научились отыскивать послѣдніе запасы, зарытые въ ямахъ несчастными жителями. Выходя въ поле предъ восхожденіемъ солнца, они искали такихъ мѣстъ, на которыхъ не было росы, потому что роса, сохраняя во всякомъ случаѣ въ себѣ нѣкоторую степень теплоты, осушала скоро покрывавшую ее землю. Въ такихъ мѣстахъ Шведы начинали рыть, и поиски ихъ никогда не оставались безполезными. 18-го мая Карлъ вступилъ въ Минскъ, потомъ черезъ Смилевичи и Игумень подвинулся къ Березинѣ; 16-го іюня занялъ Могилевъ на Днѣпрѣ, оттуда вступилъ въ Украину, гдѣ ожидало его рѣшительное пораженіе при Полтавѣ.

7-го августа вступилъ въ Литву Левенгауптъ, который оставался въ ней пять недѣль, и грабилъ всѣхъ безъ исключенія, *не давая никому спуска*, какъ объясняется Мацкевичъ. Всего тягостнѣе для жителей было то, что онъ не далъ имъ посѣять хлѣба, а что нашель въ снопахъ, велѣлъ вымолотить и забралъ съ собою.

Въ продолженіи этого времени Вишневецкій, соединясь совершенно со Шведами, долженъ былъ уступить великую булаву Сапѣгѣ; самъ же съ *надворнымъ* своимъ ополченіемъ вездѣ преслѣдовалъ Русскія войска и истреблялъ отдѣлявшіеся отъ главныхъ силъ отряды. Петръ, разгнѣванный дѣйствіями Вишневецкаго, приказалъ попадавшихъ въ неволю солдатъ его не считать военнопленными, а вѣшать ихъ на первыхъ встрѣчающихся деревьяхъ. Когда театръ войны перенесенъ былъ на Украину, Вишневецкій оставался въ имѣніяхъ своихъ на Полѣсьѣ, и какъ бы посреди мира и тишины, началъ строить великолѣпный дворецъ въ Каролинѣ. Послѣ Полтавской битвы онъ хотѣлъ возобновить сношенія съ Огинскимъ и Поцѣмъ, но на дорогѣ къ Августу II, въ деревнѣ Скоморохахъ близъ Сокала, схваченъ Русскими войсками и отвезенъ сначала въ Москву, а потомъ въ Глуховъ, откуда бѣжалъ 13 декабря 1710 года. Долго послѣ того онъ принуж-

день былъ скрываться за границей, пока не получилъ въ 1716 году отъ Августа позволенія возвратиться въ Польшу.

Счастіе повидимому благоприятствовало Лещинскому. Отреченіе Августа II отъ польскаго престола, отдѣлило навсегда, какъ полагали, Польшу отъ Саксоніи. Всѣ европейскіе дворы за исключеніемъ Россійскаго признали Станислава королемъ. Карль XII, оставивъ въ Польшѣ 7,000 человекъ для поддержанія его правъ, обратился со всѣми силами на Петра, который въ то время находился въ Гроднѣ. Оставленный союзниками, не довѣря своему счастію и видя быстрые успѣхи Карла, Петръ предложилъ ему миръ, требуя одного только приморскаго города въ Ингріи. Карль, полагая, что управится съ нимъ также, какъ и съ Августомъ, отвѣчалъ, что объяснится съ нимъ о томъ въ Москвѣ, и назначилъ генерала Шпарра комендантомъ этого города. Въ то время Петръ произнесъ эти достопамятныя слова: „Братъ мой Карль хочетъ быть Александромъ; но во мнѣ не найдетъ Дарія,“ и рѣшился одинъ продолжать войну. Карль хотѣлъ идти къ Смоленску. Недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ принудилъ его остановиться. Въ это время Мазепа, замышляя измѣну, предложилъ Карлу помощь и содѣйствіе козаковъ, изобиліе припасовъ въ Ураинѣ и обширныя поля для его стана, пока Левенгауптъ не приведетъ къ нему значительнаго подкрѣпленія изъ Курляндіи и Жмуди. Карль отправился въ Украйну; а Петръ, настигнувъ Левенгаупта въ Мстиславскомъ воеводствѣ при мѣстечкѣ Лѣсномъ разбилъ его на голову. Изъ 15 тыс. спаслось едва 5 тыс. человекъ, 8 тыс. подводъ съ съѣстными припасами и военными снарядами достались въ руки побѣдителей. Послѣдовавшая за тѣмъ побѣда надъ Карломъ подъ Полтавою окончательно уничтожила его силы и предначертанія. Станиславъ Лещинскій, узнавъ о томъ, поколебался на престолѣ. Августъ разослалъ манифесты, объявляя Альтранштадтскій договоръ вынужденнымъ, слѣдственно ничтожнымъ. А Карль, по прибытіи въ Бендеры отправилъ къ Станиславу собственноручное письмо слѣдующаго содержания:

„Узнавъ, что извѣстіе о Полтавскомъ сраженіи и неизвѣстность о моей участи сильно огорчили Ваше Величество, спѣшу донести, что это пораженіе не такъ важно и не такъ рѣшительно, чтобы невозмож-

но было его загладить, также, что рана моя можетъ быть вылечена въ двѣ недѣли. По этому прошу ваше кор. вел. не терять своего великаго мужества и быть увѣреннымъ, что я вскорѣ найду средства присоединиться къ в. в. съ значительными подкрѣпленіями. Затѣмъ поручая в. в. Провидѣнію Божию, остаюсь и проч. (подписано) Carolus.“

Но это обѣщаніе, не имѣвшее надежнаго основанія, не успокоило Станислава. Принужденъ будучи оставить Польшу, въ которую вступилъ торжествующій Августъ, онъ отправился сначала въ Шведскій лагерь въ Померанію, а потомъ, подъ чужимъ именемъ прибылъ въ Бендеры для свиданія со своимъ покровителемъ. Но тутъ онъ окончательно потерялъ надежду удержаться на польскомъ престолѣ. Переговоры съ Портою и другими дворами не имѣли никакихъ благопріятныхъ для Карла послѣдствій, а упрямство не дозволило ему возвратиться въ отечество, гдѣ онъ могъ бы дѣйствовать рѣшительнѣе и успѣшнѣе.

Послѣ знаменитой Полтавской побѣды Петръ обратилъ всѣ свои силы на Станислава Лещинскаго. Войска его вступили въ Польшу и Литву. Казимиръ Сапѣга, начальствуя 1,500 человекъ хотѣлъ остановить движеніе корпуса генерала Полонскаго и вступилъ съ нимъ въ сраженіе близъ Накваши. Не смотря на отчаянное сопротивленіе Литовцевъ, Полонскій разсѣялъ этотъ отрядъ и взялъ множество плѣнныхъ. Карлъ оставался еще долго въ Бендерахъ. Въ продолженіи этого времени Петръ успѣлъ утвердить Августа на Польскомъ престолѣ.

Не смотря на долговременную и тяжкую войну съ Карломъ, Петръ постоянно занимался судьбою своихъ единовѣрцевъ въ Литвѣ, принималъ отъ нихъ жалобы на притѣснителей и требовалъ по этому предмету отчета у сейма. Еще въ 1700 году при заключеніи съ Августомъ союза противъ Швеціи, Петръ, узнавъ что уніаты захватили православный Цѣперскій монастырь въ Пинскомъ повѣтѣ, написалъ сильное письмо къ Августу, представляя ему сколько такіе поступки уніатовъ въ его государствѣ противны дружбѣ и союзу, заключенному между двумя монархами, указалъ на IX статью договора съ предшественникомъ его Іоанномъ Собіескимъ, которою обезпечена неприкосновенность

православныхъ церквей и монастырей, и наконецъ требовалъ немедленнаго возвращенія православнымъ захваченнаго униатами монастыря. Это письмо его сначала осталось безъ отвѣта. Въ послѣдствіи поляки, стѣсненные Шведами, видя единственное средство къ своему спасенію въ помощи Петра, давали ему самыя торжественныя обѣщанія удовлетворить всѣмъ его требованіямъ; но коль скоро миновалась бѣда, возобновлялось упрямство польскихъ матнаговъ и духовенства, и требованія царя, домогательство его представителей и даже королевскія повелѣнія, издаваемые въ пользу православныхъ, оставались безъ дѣйствія.

Покровительство сильнаго и благонамѣреннаго государя было для православныхъ необходимо, потому что въ это время возникло противъ нихъ такое гоненіе, какому подобныхъ мало встрѣчаемъ въ исторіи среднихъ вѣковъ. Свидѣтельствомъ тому служитъ проектъ, составленный нѣкоторымъ іезуитомъ въ 1717 году и клонившійся къ окончательному истребленію православія въ Литовско-Русскихъ областяхъ (Projekt wygubienia Rusi). Онъ долго хранимъ былъ въ тайнѣ, хотя нѣкоторыя частныя лица имѣли у себя съ него списки. Наконецъ онъ отысканъ въ Львовскомъ капитульномъ архивѣ и напечатанъ въ актахъ, изданныхъ г. Тургеновымъ.

Въ 1718 году Петръ получилъ трогательныя прошенія отъ настоятелей Литовскихъ и Бѣлорусскихъ монастырей, кои, исчисляя возобновлявшіяся притѣсненія и преслѣдованія, дѣлаемыя имъ униатами, обращались къ нему, какъ къ послѣднему источнику своего спасенія. 9 марта тогоже года Петръ снова писалъ къ Августу, представляя ему очевидное нарушеніе заключенныхъ съ нимъ трактатовъ и торжественныхъ обѣщаній сейма, и возобновлялъ свое ходатайство въ пользу православныхъ. На это письмо его не послѣдовало удовлетворенія, и даже привиллегія, данная Августомъ 28 ноября 1720 года, которою онъ возобновилъ всѣ дарованныя православнымъ предшественниками его права и преимущества, осталась безъ дѣйствія. Тогда Петръ отправилъ въ послѣдній разъ письмо къ Августу, требуя назначенія комиссаровъ для изслѣдованія жалобъ православныхъ и учиненія имъ немедленнаго вознагражденія. Письмо это окончилъ онъ этими словами: „Буде же паче чаянія по сему нашему представленію

и прошенію удовольствія по силѣ помянутыхъ вѣчнаго мира договоровъ неслѣдуетъ, то принуждены Мы будемъ въ вышеозначенныхъ толь великихъ обидахъ греческаго исповѣданія людямъ, такожъ и подданнымъ Нашимъ, на тѣхъ партикулярныхъ людей, которые имъ такое утѣсеніе и гоненіе, противно вѣчному мирному постановленію, чинить дерзають, сами удовольствія искать.“

Само собою разумѣется, что послѣ такихъ выраженій, написанныхъ Петромъ великимъ, опасно было неокázatъ какого нибудь движенія въ защиту православныхъ въ Литвѣ, тѣмъ болѣе, что о всѣхъ насиліяхъ униатовъ сообщено было и папѣ, чрезъ кардинала Спиноли. Король приказалъ назначить комиссію для разсмотрѣнія жалобъ православныхъ и доставленія имъ удовлетворенія, потребовалъ на судъ Луцкаго католическаго епископа Рупіевскаго за нападеніе на православныхъ въ Пинскѣ, и въ письмѣ, посланномъ митрополиту, увѣрялъ его въ приложеніи особеннаго старанія къ сохраненію мира и отстраненію всѣхъ непріятностей, дѣлаемыхъ православнымъ. Но это были одни толко обѣщанія, которыя никогда не были исполнены; а по кончинѣ Петра великаго преслѣдованіе православныхъ возобновилось съ новымъ ожесточеніемъ, особливо въ Бѣлоруссіи, какъ то увидимъ ниже.

Въ продолженіи этого времени возникло въ Вильнѣ шесть опустошительныхъ пожаровъ (1706, 1715, 1737, 1741, 1748, 1749), какимъ подобныя рѣдко встрѣчаемъ въ дѣписаніяхъ. Нѣсколько разъ большая половина города была истребляема огнемъ, а въ 1709 году свирѣпствовалъ въ Литвѣ, а въ особенности на Жмуди ужасный голодь. Жители деревень, оставивъ свои жилища, стекались толпами въ Вильно, и не имѣя пропитанія, умирали сотнями на улицахъ. Съ трудомъ успѣвали хоронить мертвыхъ, бросая по 80-ти труповъ въ одну яму. Въ продолженіи 9 мѣсяцевъ умерло до 26 тыс. душъ въ одномъ городѣ. Вслѣдъ затѣмъ появилась жестокая моровая язва, истребившая болѣе 20 тыс. христіанъ и до 4 тыс. жидовъ. Однихъ іезуитовъ умерло 118 человекъ. Въ 1710 году зараза возобновилась и истребила 30 тыс. человекъ.

Посреди ужасовъ войны, пожаровъ и заразы, жители не пропускали случая, доставлявшаго имъ возможность веселиться и забавляться. Вмѣстѣ со вступленіемъ Шведскихъ войскъ въ Литву появились въ

Вильпѣ карнавалы и гарусели, введенные Августомъ II. А въ продолженіи выше-описанныхъ бѣдствій въ 1730 году князь Радзивиллъ ввелъ первый разъ въ Вильно веселую *Редуту* съ великолѣпнымъ угощеніемъ; для котораго было приготовлено 1,000 марципановъ и 80 боченковъ вина. Музыка выписана была изъ Риги и Кенигсберга. На это увеселеніе приглашены были помѣщики изъ воеводствъ Виленскаго, Троцкаго и Жмуди. Костюмы замаскированныхъ изображали одѣянія разныхъ иноземныхъ народовъ. Въ особенности упоминаютъ о костюмѣ Индійскаго Кацика, на груди котораго сіяло столько бриліантовъ, что отъ блеска ихъ *блѣднѣло освѣщеніе*. (Sic). Редута окончилась въ 8 часовъ по утру!

Въ 1734 году вступившій на польскій престолъ Августъ III, во время коронаціи своей, далъ торжественную присягу сохранить права и преимущества православной церкви и неприкосновенность ея имущества во всей силѣ и обширности. Но, не смотря на святость этой клятвы и явное усиліе вѣнценосца сохранить ее, уніаты, поддерживаемые Римскимъ духовенствомъ и польскими вельможами, напали съ новымъ ожесточеніемъ на православныхъ, какъ хищный звѣрь на свою добычу. Считаемо необходимымъ войти въ подробности при описаніи этого гоненія, дабы каждый здравомыслящій читатель по внушенію совѣсти своей рѣшилъ вопросъ: что оставалось дѣлать Русскому правительству послѣ непрерывнаго и явнаго пренебреженія его ходатайства въ пользу его единовѣрцевъ, дерзости Римскаго духовенства и Польскихъ вельможъ и оскорбительнаго для русскаго двора упрямства сейма? Картина этихъ печальныхъ событій убѣдительно докажетъ, что рѣшительныя дѣйствія, предпринятія императрицею Екатериною II для обузданія ослѣпленныхъ, были не только естественны и справедливы, но даже неизбѣжны.

Въ самомъ началѣ царствованія Августа III, вопреки его желанію и клятвѣ, нѣсколько тысячъ православныхъ жителей Бѣлоруссіи обращены въ унію насиліемъ или обольщеніемъ. Болѣе 200 приходскихъ церквей заграблены уніатами и причислены къ Полоцкому архіепископству. Монастыри мужскіе: Пустынскій, Онуфріевскій, Нагорный св. Николая и Дѣвичьи: Мазаловскій и Церковицкій, находившіеся въ Мстиславльскомъ воеводствѣ, подверглись такой же участи. Чтобы ли-

шить православную церковь послѣднихъ жизненныхъ силъ и довести ее до окончательнаго заустѣнія, гонители убѣдили Августа издать незаконный универсалъ, которымъ запрещалось замѣщать упразднвшіяся мѣста священниковъ, безъ собственнаго соизволенія короля. Такимъ образомъ въ селахъ, принадлежавшихъ Римско-католическимъ помѣщикамъ, открывшіяся вакансіи священниковъ оставались незанятыми до тѣхъ поръ, пока изъ ставленниковъ не нашелся желающій, по слабости или принужденію, перейти въ унию. Тогда уже и церковь со всѣми прохожанами считалась униатскою. Впрочемъ нерѣдко случалось, что помѣщики не ожидали кончины настоятеля прихода. Коль скоро замѣтили въ немъ твердость въ православіи, которой колебать не могли ни угрозы ни оболъщенія, изгоняли его насильно изъ дома и прихода. Нерѣдко такіе изгнанники, лишеные всего имущества и крова, принуждены были съ семействами скитаться какъ нищіе по свѣту, и никто не смѣлъ удѣлить имъ помощи или пристанища, чтобы подвергнуться гнѣву и мести преслѣдователей. Наконецъ, чтобы подвергнуть окончательно поруганію православную вѣру, польскіе помѣщики предали въ руки жидовъ, *арендовавшихъ* ихъ имѣнія, и находившіяся въ нихъ Русскія церкви. Потомство съ трудомъ повѣритъ тому, на что отваживались эти вѣковые враги христіанства, подъ защитою власти помѣщиковъ, а между тѣмъ на это существуютъ неоспоримыя доказательства. Не говоря уже о земляхъ и угодіяхъ церквей, которыя жида съ безпримѣрною наглостію отбирали у священниковъ, они вторгались въ самыя церкви, грабили церковную утварь, заключали пастырей въ оковы, или, оклеветавъ ихъ какъ мятежниковъ передъ мѣстными чиновниками, предавали въ руки истинныхъ палачей, кои, держа ихъ въ тюрьмахъ, ямахъ и въ хлѣвахъ, били, мучили, увѣчили, а иногда до смерти убивали. Такъ въ мѣстечкѣ Радзивиловѣ жида присвоили себѣ церковную землю; въ Кричевѣ захватили церковную утварь и священные сосуды. Въ Милославичахъ и Радзивиловѣ жида оклеветали священниковъ Савинича и Стратоновича въ сношеніяхъ съ разбойникомъ Воцилою, за что невинныхъ пастырей заключали въ псарню, томили голодомъ и безчеловѣчно мучили. Въ Копысѣ, по ложному доносу жида, урядникъ велѣлъ посадить жену священника Коронцевича въ клѣтку, вывезти ее на ры-

нокъ и предъ народомъ вертѣтъ съ нею кльтку кругомъ (Konnotasya krzywd w episkopii Białorusko Graeco Rusk. 1754). Сами архіереи бѣлорусскіе подвергались неоднократно поруганію, обидамъ и даже опасностямъ лишиться жизни, отъ необузданной шляхты, причинявшей имъ разныя насилія не только безнаказанно, но даже по одобренію и потворству высшихъ лицъ. Епископъ Сильвестръ при осмотрѣ епархіи окруженъ былъ на дорогѣ буйной шляхтою, которая, осыпавъ его ругательствами, бросала въ него камнями и грязью, а шляхтичъ Петръ Святскій дважды ранилъ его саблею. (Ист. униі стр. 215). Подобнымъ обидамъ подверглись преемники Сильвестра Арсеній и Іосифъ; наконецъ Кавецкій, слуга помѣщика Зенкѣвича, отъявленнаго врага православныхъ, ворвавшись въ домъ епископа Іеронима, буйствовалъ въ немъ какъ разбойникъ и выстрѣлилъ въ архіерея изъ пистолета, но къ счастью не попалъ въ него. Чтобы имѣть понятіе о состояніи, въ тѣ времена, православныхъ въ Литвѣ и Бѣлоруссіи, довольно заглянуть въ прошенія, посылаемыя ими Петру великому, императрицамъ Екатеринѣ I, Аннѣ Іоанновнѣ, Елисаветѣ Петровнѣ и Екатеринѣ II. За всякимъ такимъ прошеніемъ возобновляемо было ходатайство Россійскаго двора, старанія представителей его въ Варшавѣ о прекращеніи насилія, а въ слѣдъ затѣмъ торжественныя обѣщанія королей и государственныхъ сановниковъ укротить преслѣдованіе и удовлетворить обиженныхъ. Нерѣдко даже были дѣлаемы согласныя съ этимъ обѣщаніемъ правительственныя распоряженія. Но, не смотря на все это гоненія не прекращались, а обличенные въ насиліяхъ, оскорбленія правъ человечества, и даже нарушенія приказаній собственнаго ихъ правительства, никогда не были подвержены взысканію. Не удивительно, что обхождение съ ними такого рода увеличивало только ихъ дерзость и нахальство, и на послѣдокъ дошло до того, что враги православія насильно выгоняли послѣдователей его не только изъ домовъ ихъ но даже изъ церквей и загоняли въ костелы или униатскія церкви, а тѣхъ которые рѣшались остаться вѣрными своему исповѣданію, стращали висѣлицею, костромъ и различными орудіями истязаній. (Слово Георгія Конисскаго на день рожденія императрицы Екатерины II, 21 апрѣля 1767 года).

Къ умноженію бѣдствій православныхъ въ Западно-Русскихъ областяхъ, Виленской Римско--Католической епархіей управлялъ тогда епи-

скопъ Зеновичъ, человекъ гордый, строптивый, дерзкій и вполне чуждый христіанской любви и состраданія къ ближнимъ. Руководствуясь одною ненавистію къ православію, онъ простеръ преслѣдованіе послѣдователей его за предѣлы своей власти и за кругъ своего управленія. Не смотря на явное противудѣйствіе короля и благонамѣренныхъ государственныхъ сановниковъ, онъ осмѣлился самъ собою послать приказанія къ духовнымъ и свѣтскимъ начальникамъ въ Бѣлоруссіи, чтобы они ни подѣ какимъ видомъ не дозволяли починять обветшалыхъ православныхъ церквей и строить новые на мѣсто разоренныхъ. Когда же король, желая удовлетворить ходатайству императрицы Елисаветы Петровны, данною на имя его особенною грамотою повелѣлъ оградить гонимыхъ отъ всякаго притѣсненія, Зѣновичъ и подвластное ему духовество отвѣчали, что дѣйствуютъ такимъ образомъ „по тайной заповѣди папы.“ Напрасно Литовскій канцлеръ князь Чарторійскій, въ письмѣ своемъ къ епископу, обличалъ его въ сильныхъ выраженіяхъ и требовалъ исполненія королевской воли. Зѣновичъ простеръ свою дерзость до того, что въ отвѣтъ своемъ канцлеру осмѣлился помѣстить, что прекращеніе преслѣдованія православныхъ не должно быть останавливаемо до тѣхъ поръ, пока дѣло это не будетъ рассмотрѣно на сеймѣ, и по этому предмету не будутъ опредѣлены новые законы (!!). Новые жалобы посыпались къ императрицѣ изъ Литвы и Бѣлоруссіи. По приказанію ея Русскій посланникъ Гроссъ въ 1753 году исходатайствовалъ у короля назначеніе, для рассмотрѣнія этихъ жалобъ, комиссіи, въ которой присутствовали бы члены съ обѣихъ сторонъ. Но комиссары, опредѣленные со стороны Римскихъ Католиковъ, уклонялись подѣ разными предлогами отъ своего назначенія, комиссія никогда не собиралась въ полномъ комплектѣ, и эта мѣра, какъ и всѣ прежнія, не доставила никакого облегченія въ судьбѣ православныхъ.

Посреди столькихъ бѣдствій и униженія православной церкви, Провидѣніе послало ей неустрашимого поборника и ревностнаго защитника, который, въ сороколѣтней борьбѣ съ врагами ея, изумилъ ихъ своею твердостію и приобрѣлъ ихъ уваженіе своими добродѣтелями. Милость Превѣчнаго самымъ торжественнымъ образомъ наградила его твердость и самоотверженіе такимъ вѣнцемъ, какой со-

ставлялъ постоянный предметъ его благочестивыхъ желаній и труженческихъ усилій. Будучи свидѣтелемъ многолѣтнихъ страданій и униженія православной церкви, онъ увидѣлъ ее наконецъ возставшею изъ развалинъ, обновленною, прославленною. Примѣрный сынъ воинствующей церкви, оставаясь вѣрнымъ и преданнымъ ей въ несчастіи, онъ ободрялъ унылыя сердца своихъ единовѣрцевъ посреди бурной и мрачной ночи гоненій и угнетенія и поддерживалъ ихъ упованіе на помощь неба краснорѣчивымъ словомъ и великимъ примѣромъ, пока наконецъ взошло солнце освобожденія и яркими лучами славы увѣнчало претерпѣвшую до конца свою избранницу. Это былъ Могилевскій архіпастръ, знаменитый Георгій Конисскій. О подвигахъ его на поприщѣ защиты православія въ западной Руси будемъ говорить ниже. Теперь займемся нѣсколько минутъ политической судьбою Литвы.

По этому предмету, въ продолженіи 30 лѣтняго правленія Августа III, исторія этой страны представляетъ мало событій, достойныхъ вниманія. Величайшія усилія къ отысканію матеріаловъ для дополненія этого періода остались безуспѣшны. Его наполняютъ происки и дѣйствія самовластиа усилившихся въ Литвѣ фамилій Чарторійскихъ, Радзивилловъ, Сапѣговъ, Хрептовичей, Огинскихъ и другихъ. Эти дѣйствія, которыми вообще изобилуетъ исторія Польши, составляютъ предметы слишкомъ однообразные и довольно извѣстные, а потому не заслуживаютъ подробнаго изложенія. Вообще въ царствованіе Августа III, государя добраго, но слабаго и недалководнаго, Чарторійскіе приобрѣли необыкновенную силу и доставляли приверженцамъ своимъ всѣ важнѣйшія мѣста въ государствѣ. Но въ послѣдніе годы жизни короля они встрѣтили намѣреніямъ своимъ неожиданное сопротивленіе. Душою Августа овладѣли три челоуѣка, которыхъ называли въ народѣ придворною тройцею. Это были: министръ королевскій графъ Бриль, *надворный* коронный маршалъ Юрій Мнишекъ и Краковскій епископъ Каетанъ Солтыкъ. Они раздавали королевскія милости, и безъ нихъ никто не могъ достигнуть никакого званія. Не задолго до сейма 1762 года открылось нѣсколько важныхъ вакансій въ государствѣ, а именно: подканцлерства короннаго, подканцлерства Литовскаго, гетманства Литовскаго и Виленскаго вое-

водства. Придворная тройца, не жалая еще раздражать Чарторійскихъ, хотѣвшихъ все эти мѣста роздать своимъ пріятелямъ, предлагала имъ распорядиться ими по своему произволу, а себѣ предоставляла только назначеніе Короннаго подканцлера. Но Чарторійскіе издавна желали показать перевѣсъ свой надъ любимцами Августа, и потому глава ихъ фамиліи, Литовскій канцлеръ, сказалъ гордо Мнишку: „или все такъ какъ мы хотимъ,—или ничего.“ Мнишекъ имѣвшій гордости не менѣе канцлера, спросилъ его: „а если ничего?“ На это канцлеръ отвѣчалъ: „въ такомъ случаѣ будемъ знать какъ поступить.“ Раздраженный этими угрозами дворъ отдалъ немедленно Литовское гетманство Полоцкому воеводѣ Салѣгѣ, а Виленское воеводство Литовскому мечнику князю Карлу Радзивиллу, извѣстному странностію своего характера и поступковъ. Для любопытства опишемъ подробности этого назначенія, которыя лучше всякихъ выводовъ и заключеній свидѣтельствуютъ о тогдашнемъ состояніи дѣлъ въ государствѣ. По открытіи вакансіи Виленскаго воеводы, Богушъ, секретарь Радзивилла, посланъ былъ къ Мнишку ходатайствовать о доставленіи ему этого мѣста. Богушъ отъ имени князя, предлагалъ за то 40,000 червонцевъ. Лишь только Богушъ сдѣлалъ это предложеніе, Мнишекъ, какъ будто сопротивляясь ему, вскрикнулъ: „Помилуйте, сударь! какъ можно дать ему такую важную должность, когда онъ сумасшедшій?“— „Тѣмъ лучше, отвѣчалъ Богушъ, потому, что если дадите ее умному, то князь Чарторійскій найдетъ *умъ на умъ*, и легко успѣетъ умнаго перетянуть на свою сторону; а съ сумасшедшимъ не сладить и не передѣлаетъ его по своему.“— „Браво!—воскликнулъ Мнишекъ,—отсчитывайте деньги!“ Такимъ образомъ Радзивиллъ, не смотря на свои странности сдѣлался Виленскимъ воеводой.

Не можемъ пропустить безъ вниманія еще одного обстоятельства царствованія Августа III, которое объяснить намъ какимъ образомъ Польша утратила вліяніе на дѣла Курляндіи. Извѣстно, что по прекращеніи Кетлеровой лініи возведенъ былъ, содѣйствіемъ императрицы Анны Іоанновны, въ званіе герцога Курляндскаго, оберъ камергеръ ея Биронъ. Жестокость и злодѣйства, какими онъ помрачилъ царствованіе своей благодѣтельницы, были причиною, что по смерти

Анны, правительница Анна Карловна сослала его въ заточеніе. Курляндія оставалась долгое время безъ герцога. Предъ кончиною Елисаветы Петровны, Августъ просилъ соизволенія ея на возведеніе въ званіе герцога Курляндіи меньшаго сына своего Карла. Императрица, находясь уже въ болѣзненномъ состояніи и предвидя близкую свою кончину, мало обращала вниманія на дѣла земли, на которую смотрѣла съ равнодушіемъ, а потому легко изъявила согласіе на предложеніе Августа. Карлъ вступилъ во владѣніе Курляндіей какъ вассаль Польши, и присягнулъ въ вѣрности Августу. Но вступившая вслѣдъ за тѣмъ на всероссійскій престолъ, мудрая и дальновидная Екатерина II, смотрѣла на это событіе иными глазами. Она чувствовала, что такимъ образомъ Россія лишаетъ себя добровольно приобретеннаго вліянія на дѣла страны, которая рано или поздно должна была слиться съ нею въ одно государство. Не желая дѣйствовать явно вопреки согласію своей предшественницы, она нашла другое средство къ достиженію своего намѣренія. Она вызвала Бирона изъ заточенія и возвратила ему всѣ прежнія его права. Тогда Биронъ разослалъ объявленія, что съ возвращеніемъ этихъ правъ, неоспоримо возвращенъ ему и санъ герцога Курляндскаго, а потому требовалъ отъ Карла, чтобы онъ немедленно удалился изъ герцогства; но видя, что объявленіе это не имѣло успѣха, вошелъ съ Русскимъ войскомъ въ Курляндію и заставилъ своего соперника бѣжать въ Польшу. Съ тѣхъ поръ Польша невозобновляла уже своихъ притязаній на эту область, которая, спустя нѣкоторое время по смерти Бирона, присоединена окончательно къ Россіи.

Одно только, что ни въ чемъ не измѣнило своего хода въ продолженіи всего царствованія Августа III и шло въковымъ путемъ, проложеннымъ ненавистію и фанатизмомъ, было преслѣдованіе православія въ Литвѣ, а въ особенности въ Бѣлоруссіи. Непримиримыя его враги рѣшились нанести ему послѣдній ударъ, преградивъ Русскому духовенству всѣ пути къ образованію, на что Георгій Конисскій жалуется неоднократно въ проповѣдяхъ своихъ, говоря, что враги православныхъ „лишивъ ихъ свободы совѣсти, отняли у нихъ и свѣтъ ученія.“ Достойный этотъ пастырь, вступивъ въ управленіе епархіей, обратилъ на этотъ предметъ особенное вниманіе. Онъ устроилъ въ

Могилевѣ духовные училища и семинарію, испросивъ на это пособіе отъ Русскаго правительства, которое назначило на то ежегодно по 400 рублей. Вскорѣ потомъ учредилъ при архіерейскомъ домѣ типографію, въ которой напечатанъ катихизисъ Теофана Прокоповича. Книгу эту разослалъ онъ по всѣмъ православнымъ церквамъ своей епархіи, вмѣнивъ настоятелямъ приходовъ въ непремѣнную обязанность обучать по немъ своихъ прихожанъ правиламъ вѣры. Враги православія, захватывая церковныя имѣнія, старались всѣми силами истреблять документы, на основаніи которыхъ эти церкви владѣли ими. Георгій тщательно собиралъ ихъ и устроилъ, нарочно для этого предмета, архивъ при архіерейской каѳедрѣ, въ которомъ сохранилъ отъ расхищенія и уничтоженія множество актовъ, составившихъ въ послѣдствіи любопытные матеріалы для исторіи Бѣлороссіи. Часть этихъ документовъ напечатана въ *Бѣлорусскомъ архивѣ древнихъ актовъ*, изданномъ издженіемъ покойнаго канцлера графа Румянцова въ 1824 году.

Но знаменитому пастырю должно было собрать всѣ свои силы для совершенія труднѣйшаго и опаснѣйшаго подвига. Ему должно было стать грудію за безопасность и самую жизнь своихъ духовныхъ овецъ, на которыхъ хищные волки напали съ новымъ ожесточеніемъ. Еще прежде вступленія его въ управленіе Могилевскою епархіей, въ 1747 году Минскій кастелянъ Юдицкій, войдя въ мѣстечко Лось съ вооруженною силою отнял насильно православную церковь и отдалъ ее униатамъ. Въ мѣстечкѣ Улѣ, Лепельскаго повѣта, совершилось событіе, которое не только приноситъ стыдъ и униженіе каждому благонамѣренному и образованному правительству, но едва ли могло быть терпимо у дикихъ и непросвѣщенныхъ народовъ. Оно приводило на память дѣйствія Антіоха Епифана, котораго исторія заклемила названіемъ *безумнаго*. Доминиканскаго ордена миссіонеръ Овлочинскій, не успѣвъ обольщеніемъ склонить православныхъ жителей мѣстечка къ отступленію отъ вѣры предковъ, собралъ буйную шляхту и солдатъ, отнял у нихъ насильно Преображенскую церковь, а беззащитныхъ прихожанъ подвергъ самымъ ужаснымъ истязаніямъ и поруганію. На нихъ возложены были тяжелые кресты, и съ какими то вѣнцами на головѣ и веревками на шеѣ, ихъ таскали по мѣстечку, сѣкли розга-

ми, стращали висѣлицами и кострами, наконецъ заграбили имущество церкви и прихожанъ. Во многихъ мѣстахъ не дозволяли вѣнчать новобрачныхъ по обрядамъ греко-россійской церкви, обвиняемыхъ же приводили насильно въ униатскія церкви, и обвинявъ ихъ вторично, записывали въ число униатскихъ прихожанъ. Всѣ эти насилія списаны были преосвященнымъ Георгіемъ и представлены, при донесеніи, св. правительствующему синоду. Императрица Елисавета Петровна въ 1758 году, чрезъ посредство Русскаго посланника въ Варшавѣ, въ сильныхъ выраженіяхъ требовала отъ короля и сейма удовлетворенія обиженныхъ и наказанія виновныхъ. Все было обѣщано и ничего не исполнено. Преслѣдованіе продолжалось по прежнему, а оставленіе безъ взысканія виновныхъ усилило только ихъ буйство и наглость.

Не смотря на очевидную опасность, которая угрожала не только овцамъ, но и самому пастырю, Георгій рѣшился объѣхать свою паству и въ началѣ іюня 1759 году отправился въ Оршу. Тамъ уже находился лжеапостоль Овлочинскій. Узнавъ о пріѣздѣ архіерея, онъ рѣшился принести его на жертву свсему изувѣрству. Приведемъ въ подлинникѣ описаніе этого происшествія издателемъ жизнеописанія Георгія Конисскаго (стр. XXX и XXXI). „При самомъ вѣздѣ преосвященнаго изъ монастыря въ городъ, толпы миссіонеровъ, шляхтичей и солдатъ сопровождали его насмѣшками, неистовыми криками и ругательствами, запретили звонить въ колокола, и разогнали городскіе цѣхи, вышедшіе къ нему на встрѣчу съ хоругвями. Сего мало. Во время самаго богослуженія, когда Георгій началъ говорить народу поученіе, ворвались они въ церковь, и не уважая ни святыни, ни святителя, неистовствовали въ самомъ храмѣ Божіемъ. Со оружіемъ въ рукахъ и въ шапкахъ, бѣгали, кричали, поносили архіерея, били народъ, и выгнавъ изъ церкви, преслѣдовали съ камнями, пистолетами и обнаженными саблями до монастыря Кутейнскаго. Преосвященный едва могъ найти убѣжище въ стѣнахъ обители. Но разъяренные окружили и монастырь, въ намѣреніи непременно тутъ убить его. Чтобы спастись отъ ярости губителей и неминуемой страдальческой смерти, приказалъ онъ положить себя въ крестьянскую телѣгу, и прикрывъ навозомъ, вывезти изъ монастыря. Провидѣніе, охраняющее пути праведника, со-

крыло его отъ лютыхъ убійць. Такимъ образомъ принужденъ былъ онъ отложить дальнѣйшее обозрѣніе церквей.“ Описание это почерпнуто изъ исторіи уніи стр. 359 и сл., также изъ донесенія Георгія пр. Синоду въ 1759 году.

Вслѣдствіе этого донесенія императрица Елисавета двумя рескриптами 10 августа и 22 октября тогоже года повелѣла посланнику своему Воейкову увѣдомить о томъ короля и его совѣтъ и требовать настоятельно не только удовлетворенія обиженныхъ, но и генеральной привилегіи для огражденія на будущее время православныхъ отъ такихъ незаконныхъ насилій. Напрасно посланникъ представлялъ королю и вельможамъ, что такіе наглые поступки, оставленные безъ взысканія, наносятъ безчестіе самому Польскому правительству, обличая его въ безсиліи или неумѣніи обуздать беззаконіе. Князь Чарторійскій увѣрялъ его безпрестанно въ искреннемъ желаніи удовлетворить требованіямъ императрицы, и обѣщаль употребить всевозможныя старанія къ прекращенію подобныхъ злодѣяній. Но эгимъ только и кончились всѣ его старанія и вскорѣ православные подверглись еще ужаснѣйшимъ насиліямъ. Казалось, что уніаты и католики усиленно трудились надъ тѣмъ, чтобы вывести изъ терпѣнія Русское правительство.

Вслѣдъ за этимъ ходатайствомъ императрицы Елисаветы многія семейства и даже цѣлыя селенія отторгнуты отъ православной церкви и загнаны въ католицизмъ или унію въ Мстиславскомъ воеводствѣ и въ Невельскомъ повѣтѣ іезуитомъ Снарскимъ и пробощемъ Сутоцкимъ. Жена Мстиславскаго воеводы князя Сапѣги отдала церковь въ Дубровнѣ со всѣмъ ея имуществомъ и прихожанами уніатскому священнику Корзуну. Она же въ мѣстечкѣ Лядахъ, построивъ уніатскую церковь, велѣла насильно гнать въ нее православныхъ прихожанъ. Въ мѣстечкѣ Костюковичахъ Минскій староста Ивановскій продалъ уніату православную церковь за 200 талеровъ, бывшаго же въ ней протоіерея Василя Проскуру ограбилъ и выгналъ съ семействомъ изъ дому, на мѣсто же его послалъ къ Полоцкому уніатскому митрополиту для посвященія почти безграмотнаго поповича Бруевича. Видя непреклонность прихожанъ оставить вѣру предковъ, Ивановскій пришелъ въ селеніе съ латынскими миссіонерами, множествомъ вооружен-

ной шляхты, солдатамъ и пушкой и передалъ ихъ насильно въ руки уніата. Отчаянные прихожане съ воплями и рыданіями бѣжали на кладбище, повергались на могилы своихъ родныхъ и восклицали: „блаженны вы умершіе въ благочестіи!“ Опредѣленный въ Могилевѣ плебаномъ Михаилъ Зеновичъ во время миссіи въ 1761 году загонялъ православныхъ въ костелы, заставлялъ ихъ исповѣдываться у католическихъ миссіонеровъ, и тѣхъ, которые оказывали малѣйшее сопротивление заключалъ въ тюрьму и подвергалъ ужаснымъ истязаніямъ. Такъ одной православной дѣвушкѣ, не согласившейся оставить своей церкви, велѣлъ терзать тѣло терновникомъ и жечь раскаленнымъ желѣзомъ. Желѣзо Русскаго солдата Теодору Марковскую держалъ болѣе полугода въ тюрьмѣ съ груднымъ ребенкомъ, который въ ней и умеръ. Мужа ея, пришедшаго просить пощады женѣ, велѣлъ засѣчь плетью. Наконецъ, не имѣя возможности преклонить Марковской къ отступничеству, приказалъ жечь огнемъ ея руку, которая вся покрылась гнойными ранами. Отторгнувъ насиліемъ и жестокостями православныя церкви въ Кричевѣ, Палиновичахъ и Капинѣ, и одобренный безнаказанностію за свои преступныя дѣйствія, онъ рѣшился на послѣдокъ принести въ жертву своему изувѣрству и Архіерея Георгія. Собравъ іезуитскихъ воспитанниковъ и вооруживъ ихъ ружьями, саблями и дубинами, ворвался ночью въ домъ Георгія и семинарію. Бѣшеная толпа, разломавъ ворота, переранила многихъ воспитанниковъ и монаховъ, и производя различныя безчинства, съ криками искала своей жертвы. Архіерей съ величайшимъ трудомъ успѣлъ укрыться отъ своихъ убійць въ низкомъ и сыромъ подвалѣ своего дома.

Новый рескриптъ императрицы на имя Воейкова отъ 26 генваря 1761 года и сильныя домогательства посланника не принесли никакой пользы православнымъ. А между тѣмъ доминиканецъ Овлочинскій, неистовствуя въ Улѣ, въ Школѣ и въ Полоцкѣ, отличаясь новыми насиліями и даже сумасбродствомъ, присовокуплялъ еще къ тому кровавыя насмѣшки надъ своими жертвами, такъ, что нѣкоторые даже изъ уніатовъ стыдились его безумныхъ дѣйствій.

Получивъ объ этомъ извѣстіе, Императрица послала еще два рескрипта на имя Воейкова отъ 15 февраля и 23 октября 1761 года, и посланникъ ея сильно домогался укрощенія безумія Овлочинскаго.

На все это дано обѣщаніе снестись по этому предмету съ папскимъ нунціемъ (!!). Также не дѣйствительны были усилія Петра III, который 17 марта 1762 года писалъ къ представителю своему въ Варшавѣ Ржицевскому, чтобы онъ всѣми силами старался защищать православныхъ отъ притѣсненія. Письмо свое Императоръ окончилъ этими словами: „Намъ неостается инаго способа, какъ, противъ такихъ самовольныхъ и намъ недоброжелательныхъ употребить современемъ такія мѣры, что имъ могутъ быть тягостными.“ Эти слова были пророческимъ изреченіемъ, которое вскорѣ исполнилось, какъ неминуемое слѣдствіе ослѣплѣнія умовъ и ожесточенія сердецъ враговъ православнiя.

Представивъ эту печальную, но вѣрную картину страданій православныхъ, спросимъ совѣсти каждаго, чего могли ожидать ихъ противники, поправшіе законы божескіе и человѣческіе, какъ не совершеннаго оставленія ихъ Богомъ и праведнаго воздаянiя человѣческаго. А между тѣмъ вспомнимъ, какія жалобы раздавались въ Польшѣ и повторялись въ западныхъ государствахъ Европы, когда переполнилась мѣра доглотерщiя Превѣчнаго, и виновныхъ постигло заслуженное наказаніе за вѣковыя злодѣйства. Съ какою совѣстію эти люди, облитые съ ногъ до головы кровію и слезами православныхъ, осмѣливались упрекать въ насильственныхъ мѣрахъ Русское правительство, которое сами, съ безпримѣрнымъ упорствомъ и наглостію, старались вывести изъ терпѣнiя и эти самыя мѣры его добровольно накликали на себя вѣковыя беззаконіями? — Повторяемъ еще разъ, что мѣры, предпринятія Императрицею Екатериною II, къ обузданію ихъ буйства и наказанію ожесточеннаго злодѣянiя, были не только естественны и справедливы, но и неизбежны и даже необходимы. Докажемъ это продолженіемъ нашего повѣствованiя!

Въ 1764 году при содѣйствіи Екатерины II, вступилъ на Польскій престолъ Станиславъ Августъ Понятовскій. Тридцати-лѣтнее царствованіе его было бурно и исполнено множества событiй, достойныхъ вниманiя. Но большая ихъ часть происходила въ собственной Польшѣ. Въ Литвѣ, вовлеченной въ ея судьбу и безпорядки, отразились только отголоски тѣхъ смятенiй, которыя приготовили ея паденіе. Всѣ сочиненiя, заключающія въ себѣ обстоятельства царствованiя Станислава Августа, описываютъ подробно происшествiя, случившіяся въ Польшѣ,

и доставляютъ немного свѣдѣній о тогдашнемъ состояніи Литвы. Предлагаемъ читателямъ нашимъ все то, что, послѣ непомѣрныхъ усилій, успѣли мы найти у разныхъ авторовъ, описывавшихъ этотъ несчастный періодъ, а также въ городскихъ архивахъ, частныхъ рукописяхъ и наконецъ въ старыхъ газетахъ, кои мы имѣли возможность отыскать. Для полноты разсказа мы будемъ принуждены иногда выходить изъ предѣловъ Литвы, потому что не одно происшествіе начиналось или оканчивалось внѣ ея.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ того же года депутаты православныхъ и протестантовъ Польши и Литвы, коихъ Поляки называли общимъ именемъ *диссидентовъ*, прибыли въ С.-Петербургъ просить высочайшаго покровительства и защиты Императрицы. Принявъ милостиво ихъ просьбу она повелѣла находившимся въ Варшавѣ графу Кайзерлингу и князю Репнину принять дѣятельнѣйшія мѣры къ огражденію гонимыхъ отъ преслѣдованія. 14-го сентября подали они королю меморіаль, въ которомъ, именемъ Императрицы требовали: „Диссидентовъ благороднаго и низкаго сословія, согласно узаконеніямъ государства и рѣчи-посполитой, возстановить во всѣхъ правахъ, коими издавна они пользовались, а особливо въ тѣхъ, которыя касаются до свободнаго отправленія ихъ вѣры, и кои принадлежатъ имъ неоспоримо, какъ свободнымъ, вѣрнымъ, безпорочнымъ гражданамъ.“ (Ист. униі стр. 375). Прусскій король также съ своей стороны далъ соотвѣтственную инструкцію своему послу въ Варшавѣ, въ защиту протестантовъ, живущихъ въ Польшѣ и Литвѣ.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ того же года Георгій отправился въ Москву во время коронаціи Екатерины II. Представъ предъ Монархиней, онъ въ трогательной рѣчи изобразилъ страданія своихъ единовѣрцевъ и возлагаемую ими на нее надежду. Императрица увѣрила его въ готовности защищать угнетенныхъ, и давъ ему на этотъ предметъ рекомендательное письмо къ королю, отправила его въ Варшаву. Прибывъ туда 27-го іюня 1765 года, Георгій, вручая данную ему грамоту Станиславу Августу, произнесъ убѣдительную рѣчь на латынскомъ языкѣ, въ защиту православной вѣры, гонимой въ его владѣніяхъ. Король тронуть былъ изображеніемъ несчастій своихъ подданныхъ, обѣщаль удов-

летворить вполнѣ ходатайству Императрицы, обласкалъ искренно Георгія и пригласилъ его къ своему столу.

Ласковый пріемъ, сдѣланный королемъ Русскому архіерею, привелъ въ бѣшенство польскихъ магнатовъ. А между тѣмъ въ Бѣлорусіи преслѣдованіе православныхъ не прекращалось. Въ селеніи Смолвичахъ Мстиславскаго воеводства ксендзь Терлецкій съ іезуитами захватилъ православную церковь, а прихожанъ страдая уголовнымъ судомъ, заставилъ разбѣжаться по лѣсамъ, въ которыхъ они долго страдали отъ голода и стужи. За ними посланы ловчіе съ ружьями и собаками. Гонясь за несчастными, какъ за диками звѣрьми, они заставили ихъ наконецъ покориться насилію и перейти иныхъ въ латынство, а иныхъ въ унию.

Скоро и православные и протестанты поражены были новымъ ужаснымъ ударомъ, но который былъ для нихъ предвѣстіемъ освобожденія, потому что заставилъ Екатерину II дѣйствовать рѣшительно. Поляки, озлобленные тѣмъ, что иноземные дворы обнаружили вліяніе на дѣла Польши, отвергли на сеймѣ ихъ ходатайство въ пользу диссидентовъ и опредѣлили лишить ихъ свободы вѣроисповѣданія и гражданскихъ правъ. (Бантке Hist. Król. Polsk. Т. II стр. 463). Это значило узаконить всѣ преступныя дѣйствія ихъ враговъ. Напрасно король, предвидя гибельныя слѣдствія такого ослѣпленія, хотѣлъ упредить гнѣвъ Императрицы и дать 17 февраля 1766 года повелѣніе: „Уніатскимъ архіереямъ изъ среды своей избрать одного епископа и прислать въ Варшаву для отысканія и постановленія надлежащихъ мѣръ къ взаимному успокоенію враждующихъ; а между тѣмъ каждый въ своей епархіи долженъ строго воспретить дальнѣйшія обиды.“ (Списокъ съ этой грамоты найденъ въ числѣ старинныхъ Дисненскихъ актовъ). Эта мѣра принята была слишкомъ поздно, а потому и не имѣла успѣха. Необузданные и ослѣпленные польскіе магнаты, какъ то: примасъ Каетанъ Солтыкъ, Кіевскій епископъ Залускій, Краковскій воевода Ржевускій, князь Радзивиллъ, Огинскій, Браницкій, Пулавскій и другіе, къ которымъ присоединился и папскій нунцій, явно и съ ожесточеніемъ возстали противъ диссидентовъ и 24 ноября 1766 года послѣ бурныхъ засѣданій, склонили сеймъ издать противъ нихъ самое обидное постановленіе (Бантке Hist. Król. Polsk. Т. II стр. 467).

Чтоже оставалось дѣлать Императрицѣ послѣ дѣйствій, столь оскорбительныхъ для чести Русскаго престола? Не говоря уже о защитѣ правъ человѣчества, эта самая честь требовала энергическихъ мѣръ и рѣшительныхъ дѣйствій. Такъ и поступила Екатерина II. 6 октября 1766 года она обнародовала манифестъ, въ которомъ убѣдительно изложены ея искреннія намѣренія и даже священная обязанность спѣшить на помощь угнетеннымъ противъ враговъ ихъ, неуважавшихъ неприкосновенности международныхъ трактатовъ, ни повелѣній своего короля. Вслѣдъ затѣмъ она повелѣла двинуться во внутренность Польши своимъ войскамъ, которыя подъ начальствомъ графа Салтыкова, Нумерса и Кречетникова въ скоромъ времени окружили Варшаву.

Для объясненія дальнѣйшихъ дѣйствій Поляковъ, возвратимся на нѣсколько минутъ назадъ, и посмотримъ, что происходило въ ихъ отечествѣ со времени кончины Августа III.

Конвокаційный сеймъ начался въ Варшавѣ 7 мая 1764 года. Гетманъ Браницкій, воеводы Кіевскій Потоцкій и Виленскій Радзивилль, державшіеся Саксонской партіи, поссорясь съ Чарторійскими, выѣхали изъ Варшавы. Радзивилль, прибывшій на сеймъ съ двумя полками, отправился съ ними въ Литву для защиты своихъ имѣній. Партія Чарторійскихъ обратила противъ него свои силы. Радзивилль имѣлъ нѣсколько тысячъ своего надворнаго регулярнаго войска и столько же козаковъ и егерей; а къ тому же, имѣвъ нѣсколько крѣпостей, могъ бы легко одолѣть слабое надворное войско Чарторійскихъ и соединившись съ ними небольшою Русскою отрядъ, еслибъ, при своемъ могуществѣ и богатствѣ, имѣлъ сколько нибудь здраваго разсудка и познанія въ военномъ искусствѣ. Но ему не доставало ни того ни другаго; къ тому же, будучи вѣчно пьянъ (слова лѣтописи) (1), немогъ различить умнаго совѣта отъ неосновательнаго. Соперники его осадили Несвижъ, городъ крѣкій, но слабо защищаемый по малочисленности гарнизона и недостатку аммуниціи. Радзивилль, вмѣсто того, чтобы спѣшить на защиту города, переходилъ со своимъ войскомъ изъ одного имѣнія въ другое, считая Несвижъ неприступною крѣпостію, и полагая, что онъ легко разобьетъ собравшійся около него отрядъ,

(1) *Obraz Polakow i Polski w XVIII wieku* Т. I, стр. 227.

утомленный штурмомъ. Получивъ , противу ожиданія , извѣстіе , что Несвижъ взятъ и ограбленъ , онъ хотѣлъ вымѣстить гнѣвъ свой надъ Флемингомъ , тестемъ Адама Чарторійскаго , и напалъ на мѣстопробываніе его Тересполь. Взявъ его и забравъ тамошній гарнизонъ , онъ еще болѣе ожесточилъ противъ себя соперниковъ , которые , соединясь съ Русскими войсками , отправились за нимъ въ погоню и близъ Слуцка нанесли ему жестокое пораженіе. Въ самомъ разгарѣ сраженія , когда еще перевѣсъ не клонился ни на ту , ни на другую сторону , Радзивиллъ съ 200 всадниковъ обратился въ бѣгство и спасся въ Молдавію. Противники рѣшились отнять у него средства предпринимать какія нибудь дѣйствія , противныя ихъ намѣреніямъ. Литовская конфедерація объявила его нарушителемъ общественнаго спокойствія , наѣздникомъ на имѣнія благомыслящихъ гражданъ и неумѣющимъ пользоваться своимъ имуществомъ , которое и отдано было въ опеку , а самому Радзивиллу назначено на содержаніе по 40 тыс. золотыхъ ежегодно , если останется въ государствѣ , если же выѣдетъ за границу , то не болѣе 10 тыс. Такимъ образомъ почти баснословный богачъ своего времени дошелъ бы до послѣдней крайности , еслибъ не поддерживали его родственники собственными своими деньгами. По удаленіи Саксонской партіи изъ Варшавы послѣдоваль безъ сопротивленія 7-го сентября 1764 года выборъ Станислава Августа , а 25 ноября его коронація.

Сказано было выше , что Императрица для поддержанія справедливыхъ требованій диссидентовъ и своего въ пользу ихъ ходатайства , повелѣла своимъ войскамъ вступить въ Польшу. Пользуясь ея покровительствомъ и при содѣйствіи Русскихъ войскъ , диссиденты въ 1767 году составили конфедерацію въ Торнѣ , въ намѣреніи силою поддерживать свои права. Вскорѣ пламень смятенія распространился по всему государству , въ особенности по Литвѣ. Составились конфедераціи въ Слуцкѣ и другихъ мѣстахъ , угрожая государству внутреннею и вмѣстѣ страшною религіозною войною. Составленъ былъ длинный списокъ вѣковыхъ обидъ , причиненныхъ иновѣрцамъ , въ особенности православнаго исповѣданія. Этотъ списокъ , переходя изъ рукъ въ руки , увеличивалъ на каждомъ шагу приверженцевъ конфедераціи и противниковъ короля , дѣйствовавшего сначала противъ диссидентовъ. Раз-

несся слухъ о намѣреніи конфедератовъ низложить его съ престола. Слухъ этотъ былъ столь благопріятенъ для диссидентовъ, что и тѣ, кои вовсе не думали покровительствовать ихъ вѣроисповѣданія, приняли ихъ сторону единственно по ненависти къ фамиліи Чарторійскихъ. Такими были Мнишекъ и всѣ приверженцы Саксонской линіи, и наконецъ Краковскій епископъ Каетанъ Солтыкъ, который до тѣхъ поръ дѣйствовалъ съ величайшимъ ожесточеніемъ противъ иновѣрцевъ. Предводители конфедерации, съ великимъ множествомъ своихъ послѣдователей собрались въ Радомѣ, гдѣ составленъ былъ генеральный актъ конфедерации, который между прочими подписанъ былъ и епископомъ Солтыкомъ. Князь Радзивилль, преслѣдуемый Чарторійскими, принялъ главное начальство надъ недовольными составившими грозное ополченіе, поддерживаемое еще и Русскими войсками.

Актъ Радомской конфедерации внесенъ былъ на Варшавскій сеймъ 29 сентября тогоже года. Но коль скоро противники Чарторійскихъ узнали, что Императрица Екатерина II, при содѣйствіи которой Станиславъ Августъ возведенъ на престолъ, никогда не согласится на его низложеніе, и будетъ поддерживать его всѣми силами, начались на сеймѣ новыя волненія и ссоры. Тотъ самый епископъ Солтыкъ, который не задолго передъ тѣмъ подписалъ актъ Радомской конфедерации, началъ съ ожесточеніемъ вооружаться противъ правъ диссидентовъ и приводилъ въ доказательство своихъ требованій выдуманныя узаконенія и натянутыя умствованія. Примѣру его послѣдовалъ Кіевскій епископъ Залускій, гетманъ Ржевускій и сынъ его, наконецъ Калишскій посолъ Кожуховскій, человекъ краснорѣчивый и смѣлый. Дерзость этихъ лицъ вывела ихъ изъ предѣловъ приличія и благоразумія до такой степени, что по окончаніи засѣданія, начальствовавшій Русскими войсками въ Варшавѣ князь Репнинъ взялъ ихъ подъ стражу и отправилъ въ Россію. Члены сейма примѣтили, что слишкомъ далеко подвинули свою неумѣренную ревность. Чтобы загладить неосновательность своего поступка, учредили комиссію для разсмотрѣнія требованій диссидентовъ, и въ началѣ 1768 года, сеймъ, согласно съ ея рѣшеніемъ и основными законами государства, опредѣлилъ: предоставить имъ полную свободу вѣроисповѣданія и гражданскія права

на равнѣ съ Римскими католиками, а вмѣстѣ съ тѣмъ утвердить всѣ основные законы республики на счетъ избирательнаго образа правленія, преимуществъ дворянъ и единогласнаго рѣшенія дѣлъ на сеймѣ. Наконецъ право оберегать неприкосновенность рѣшенія этого сейма ввѣрено Россійской Императрицѣ. Это постановленіе заслуживаетъ особеннаго вниманія. Оно вполне объяснитъ причины, по которымъ Екатерина II вмѣшалась въ дѣла Польши во время Тарговицкой конфедерации.

Спокойствіе въ Польшѣ возстановилось, но не на долго. Это несчастное государство, по тогдашнему своему порядку дѣлъ осуждено было на вѣчное безпокойство. Недавно тысячи рукъ поднялись на защиту правъ диссидентовъ, оскорбленныхъ Польскимъ правительствомъ; а теперь, когда сеймъ доставилъ имъ законное удовлетвореніе, образовались новыя партіи, имѣвшія совершенно противныя виды. Въ февралѣ 1768 года составилаь Барская конфедерация, въ намѣреніи стѣснить свободу и права иновѣрцевъ, низложить съ престола Станислава Августа, и возобновить древнія права, нарушаемыя якобы вліяніемъ Россіи. Главнымъ виновникомъ новаго смятенія былъ Каменецъ-Подольскій епископъ Адамъ Красинскій. Онъ скрылся отъ бдительности князя Репнина, объѣхалъ многія области государства, возбуждая повсюду фанатизмъ и ненависть къ королю и Россіи, наконецъ, отправясь за границу, скитался по всѣмъ европейскимъ дворамъ, прося помощи возмущившейся партіи. Маршаломъ конфедерации былъ Рожанскій подкоморій Михаилъ Красинскій, братъ епископа, а душою ея три брата Пулавскіе, въ особенности Казимиръ. Конфедерация имѣла также своего пророка нѣкоего Марка, монаха Кармелитскаго ордена, который предвѣщалъ ей самыя успѣшныя слѣдствія и въ доказательство истины своихъ предвѣщаній, низводилъ громъ съ неба (то есть призывалъ ихъ предъ наступленіемъ бури). Но этотъ пророкъ кончилъ прежде и неудачнѣе всѣхъ свои мнимо-апостольскія дѣйствія. Будучи пойманъ козаками и получивъ чувствительное увѣщаніе нагайками, заключенъ въ какой то монастырь, и болѣе не являлся на поприщѣ конфедерации.

Какъ только узнали объ этомъ волненіи въ Варшавѣ, тотчасъ посланы были противъ конфедератовъ Русскія войска и нѣсколько пол-

ковъ королевской легкой конницы подъ начальствомъ короннаго ловчаго Ксаверія Браницкаго. Эти войска выгнали конфедератовъ изъ Бара, и поражая ихъ на всякомъ шагу, заставили искать спасенія въ Бердичевской крѣпости. Браницкій осадилъ ее и, несмотря на сильное сопротивленіе, взялъ ее приступомъ. Множество конфедератовъ взято было въ плѣнъ. Остатки ихъ успѣли спастись бѣгствомъ и скрыться въ Молдавію. Туда привелъ также изъ Литвы остатки своей партіи, разбитой Русскими и королевскими войсками, староста Паць. Наконецъ прибылъ къ нимъ Іоакимъ Потоцкій, который совѣтовалъ бѣглецамъ обратиться подъ покровительство Турокъ и всѣми мѣрами стараться склонить ихъ къ войнѣ съ Россіей. Въ этомъ намѣреніи онъ самъ отправился въ Константинополь и увѣрилъ великаго визиря, что если онъ только покажется съ арміею на границѣ, то вся Польша и Литва возстанутъ поголовно и соединятся съ нимъ противъ Россіи. Потоцкій обѣщалъ даже именемъ сейма уступить Турціи за ея помощь двѣ южныя пограничныя провинціи. Визирь охотно принялъ это предложеніе и ожидалъ только благовиднаго предлога къ разрыву съ Россіей. Вскорѣ представился и предлогъ. Въ Константинополь пришло извѣстіе, что Русскія войска, преслѣдуя конфедератовъ и стараясь выгнать ихъ изъ Балты, сожгли этотъ городъ, который въ то время принадлежалъ Турціи. Екатерина, не желая начинать войны съ Турціею, предложила султану отстроить Балту на счетъ своей казны. Но Потоцкій и другіе знатнѣйшіе начальники конфедерации, бывшіе съ нимъ въ Константинополь употребляли всевозможныя усилія, чтобы это предложеніе было отвержено. Происки ихъ имѣли полный успѣхъ. Султанъ не хотѣлъ слышать ни о какомъ удовлетвореніи, и приказалъ визирю двинуться съ войскомъ къ границамъ Польши. 150 тыс. турокъ и 80 тыс. татаръ выступили въ поле противъ Екатерины, которая не имѣла возможности въ то время противопоставить имъ болѣе 17 тыс. Начальство надъ этой малочисленной, въ сравненіи съ непріятельскою, ратію ввѣрено было Румянцову.

Коль скоро пришло объ этомъ извѣстіе въ Польшу и Литву, безпокойные и недалководные считали Россію погибшею, а дѣло конфедератовъ вполне выиграннымъ. Въ короткое время новыя партіи конфедератовъ наводнили какъ Польшу такъ и Литву. Въ послѣдней, по

уничтожені отряда собравшагося въ Барѣ, явились съ партіями своими Коссаковскій и Гораинъ. Первый, прибывъ изъ Турціи, собралъ въ окрестностяхъ Вилкомира около 3,000 человекъ и провозгласилъ себя начальникомъ Вилкомирской конфедераціи. Гораинъ, имѣя партію, состоявшую изъ 400 человекъ, хотѣлъ съ нимъ соединиться, но разбитый подъ Вильномъ Русскими войсками, загнанъ совсѣмъ отрядомъ въ болото. Козаки догнали и закололи его пиками, не смотря на то, что онъ просилъ пощады, за что козаки были строго наказаны по распоряженію своего начальства, потому что Русское правительство приказало вообще щадить сдававшихся конфедератовъ. Коссаковскій былъ нѣкоторое время счастливѣе, и противился иногда успѣшно русскимъ войскамъ, которыя гоняли его по Литвѣ около двухъ лѣтъ. Нѣкоторыя незначительныя удачи поселили въ немъ столько дерзости, что онъ, перешедъ границу, ворвался въ Русскія владѣнія, ограбилъ и сжегъ нѣсколько селеній. Но этимъ онъ нанесъ своей партіи рѣшительный ударъ. Противъ него отправлены были значительнѣйшія силы, которыя, преслѣдуя его неутомимо, истребивъ почти весь его отрядъ, заставили его бѣжать изъ Литвы. Съ нѣсколькими сообщниками своими онъ съ величайшимъ трудомъ добрался до Ченстохова, гдѣ находились остатки партій Пулавскаго и Зарембы. Кромѣ Коссаковскаго и Гораина возникли еще въ Литвѣ партіи Борженцаго, Оскирки и Киркура; но партіи эти были малочисленны и только грабили и разоряли своихъ соотечественниковъ, которыхъ подозрѣвали въ приверженности къ Русскимъ. Гораздо опаснѣйшая для спокойствія края была конфедерація Литовскаго великаго гетмана Огинскаго, о судьбѣ которой скажемъ ниже.

Между тѣмъ неожиданная вѣсть привела въ изумленіе и ужасъ всѣхъ противниковъ короля и недоброжелателей Россіи и нанесла рѣшительный ударъ всѣмъ конфедераціямъ. Румянцевъ, поразилъ отдѣльно полчища татаръ и отбросивъ ихъ въ Крымъ, обратился на великаго визира и одержалъ надъ нимъ баснословную побѣду при Кагулѣ, за которою послѣдовалъ рядъ блистательныхъ подвиговъ Русскихъ войскъ, доведшій Порту до крайняго униженія. Турки, озлобленные противъ Поляковъ, которые вовлекли ихъ въ эту бѣдственную войну, старались вымѣстить на нихъ свои неудачи. Въмѣсто оказываемаго имъ прежде

покровительства, они начали их преслѣдовать, недоставляли имъ съѣстныхъ припасовъ, а наконецъ отдѣлявшихся случайно отъ своихъ отрядовъ конфедератовъ ловили, рубили имъ головы, и отсылали подъ видомъ русскихъ головъ къ своимъ начальникамъ. Конфедераты, потерявъ большую часть своихъ людей и лошадей, въ самомъ жалкомъ видѣ вышли изъ Турціи въ Венгрію и обратились подъ покровительство императора Іосифа II, который назначилъ имъ мѣстопробываніемъ городъ Прешау. Туда прибыли турецкіе выходцы Красинскій, Паць, Потоцкій и другіе, а къ нимъ начали сходиться съ разныхъ сторонъ Радзивилль, епископъ Красинскій, Сувчинскій, Карчевскій и множество иныхъ пановъ, непріязненныхъ королю. Тамъ они составили совѣтъ конфедераціи подъ названіемъ *генеральность*, и оттуда высылали универсалы къ воеводствамъ, чтобы приставали къ конфедераціямъ, возникающимъ противъ короля въ государствѣ. „Хорошо убѣжденіе! (говоритъ авторъ лѣтописи), но дурень примѣръ, — убѣжавъ съ поля сраженія, кричатъ другимъ деритесь! Даемъ вамъ власть сражаться съ непріателемъ, но сами не хотимъ нюхать пороху, потому что это вредно для здоровія. Такой былъ образъ мыслей тѣхъ пановъ, которые составляли генеральность. Имѣя желаніе спасти отечество, они неимѣли смѣлости сражаться за него. Они высылали отъ имени республики пословъ въ Парижъ, въ Вѣну, въ Саксонію, прося вспомога- тельнаго войска, или по крайней мѣрѣ денегъ; но ни откуда ничего не получили. Между тѣмъ сами въ Прешау ѣли, пили, веселились проигрывали въ карты тысячи червонцевъ другъ другу, а иногда венгерскимъ магнатамъ, и предавались распутству для славы своего народа. Всѣ эти расходы покрывали они деньгами, присылаемыми изъ ихъ имѣній пріятелями, или награбленными воюющими партіями и доставляемыми генеральности. Виленскій воевода Радзивилль поддерживалъ болѣе всего расточительную генеральность, занимая милліоны въ разныхъ заграничныхъ банкахъ и помогая ими истощеннымъ своимъ товарищамъ.“

Эта то генеральность обратилась къ Огинскому, убѣждая его составить конфедерацію въ Литвѣ и обѣщая ему помощь Франціи. Ревностнымъ агентомъ конфедераціи былъ Коссаковскій, о которомъ сказано выше. До тѣхъ поръ гетманы пользовались еще почти не-

ограниченною властію надъ войскомъ. Огинскій началъ собирать войска подь предлогомъ военныхъ экзерцицій. Но коль скоро узнали о томъ въ Варшавѣ, тотчасъ предписано было ближайшему Русскому отряду воспрепятствовать собранію Литовскихъ войскъ и заставить ихъ возвратиться на прежнія квартиры, а отъ гетмана потребовано объясненіе, на какомъ основаніи онъ предпринялъ эти движенія безъ дозволенія государственныхъ чиновъ. Огинскій, оставаясь упорно въ своемъ предначертаніи, не далъ никакого отвѣта, а тежду тѣмъ напалъ, при Несвижѣ, на выступившій противъ него Русскій отрядъ и умертвилъ на мѣстѣ сраженія до 800 человекъ. Командовавшій Русскими, полковникъ Аудичъ, погибъ на мѣстѣ битвы. Этотъ успѣхъ Огинскаго могъ имѣть важныя слѣдствія. Вся Литва могла бы прійти въ волненіе, а въ слѣдъ за нею и Польша. Усилія, употребленныя для уничтоженія Барской конфедераціи, и блистательные успѣхи Русскихъ войскъ остались бы безъ всякой пользы. Не только бездѣйствіе, но даже медленность была опасна. Но Россія имѣла въ то время генія, котораго дальновидность постигла важность этого событія, и педала времени новой конфедераціи утвердиться и распространиться по Литвѣ. Суворовъ, сдѣлавшійся уже извѣстнымъ чудными подвигами своими въ Литвѣ и Польшѣ, и уничтожившій за нѣсколько времени предъ тѣмъ полчища Казимира и Франца Пулавскихъ при Брестѣ Литовскомъ, находился въ то время въ Люблинѣ. Узнавъ о новомъ возстаніи, онъ извѣстилъ о томъ генерала Веймарна, подь начальствомъ коего онъ состоялъ въ то время, и представлялъ ему необходимость принять скорыя и рѣшительныя мѣры къ прекращенію зла въ самомъ началѣ. Не извѣстно почему Веймарнъ приказалъ ему оставаться на мѣстѣ, и ожидать дальнѣйшихъ повелѣній. Тогда Суворовъ, постигая всю важность благовременныхъ мѣръ, отважился на подвигъ, который въ случаѣ неудачи угрожалъ ему одному неминуемою погибелью. Принявъ отвѣтственность на себя, онъ приказалъ отряду своему двинуться въ походъ вопреки распоряженіямъ генерала. Въ четверо сутокъ прошелъ онъ 250 верстъ и явился предъ Столовичами, гдѣ стоялъ Огинскій съ 4,000 войска. Имѣя всего 850 человекъ, Суворовъ, въ темную ночь, ворвался въ городъ, выгналъ изъ него Литовцевъ, истребилъ

ихъ до 500 человекъ, и освободилъ Русскихъ плѣнниковъ, взятыхъ Огинскимъ при Несвижѣ. Утромъ войска, расположенныя за городомъ, напали сами на Суворова, но были разсѣяны съ величайшимъ урономъ. Наконецъ конница генерала Бѣляка, напавъ стремительно на Суворова, окружила слабый отрядъ его. Непоколбимая твердость Русской пѣхоты и удачныя атаки козаковъ уничтожили это послѣднее усиліе непріятели. Бѣлякъ обратился въ бѣгство. Около 2,000 труповъ партіи Огинскаго покрывали поле битвы; болѣе 1,000 взято въ плѣнъ. 12 пушекъ, обозъ, гетманскія регалии, казна, знамена и множество лошадей были трофеями побѣдителей. Новая конфедерація была въ полной мѣрѣ уничтожена. При вторженіи Суворова въ Столовичи Огинскій спалъ крѣпкимъ сномъ. Будучи пробужденъ тревогою и накинувъ на себя шубу, онъ вскочилъ на коня и ускакалъ изъ города. Онъ не думалъ уже возвращаться назадъ, отправился съ величайшею поспѣшностію за границу и, прибывъ въ Парижъ, оставался тамъ нѣсколько лѣтъ. При немъ находился ксендзь Вязевичъ, которому, передъ сраженіемъ, онъ отдалъ на сохраненіе свою шкатулку съ драгоценностями и важными бумагами. Кс. Вязевичъ попался съ этой шкатулкою въ плѣнъ Русскимъ. Изъ найденныхъ въ ней бумагъ узнали, что Виленскій епископъ князь Массальскій входилъ въ сношенія съ гетманомъ. Тотчасъ послано было въ Вильно приказаніе арестовать епископа; но онъ, узнавъ о пораженіи Огинскаго и догадавшись, что сношенія ихъ могутъ быть открыты, выѣхалъ за границу, будучи преслѣдуемъ по пятамъ Русскими, которые однакожь не могли его настичь. Онъ прибылъ вслѣдъ за гетманомъ въ Парижъ, въ которомъ находился пять лѣтъ. Въ домѣ его Русскіе нашли заготовленнаго оружія и мундировъ на три тысячи человекъ. Все это было забрано. Таковъ былъ конецъ конфедераціи Огинскаго, на которую столько надѣялись враги Россіи, и которая существовала всего шесть недѣль.

Тогда наступило время праведнаго расчета и удовлетворенія Россіи за вѣковыя обиды и преслѣдованія ея единовѣрцевъ, за преступное нарушеніе святости многократно заключенныхъ съ нею трактатовъ, за дерзкое пренебреженіе высокаго ходатайства Русскихъ вѣнценосцевъ въ защиту угнетеннаго православія, за враждебное поду-

щеніе Порты къ войнѣ съ Россіей, и наконецъ за явныя непріятельскія дѣйствія Поляковъ противъ Русскихъ войскъ во многихъ мѣстахъ Литвы и Польши. Императрица по соглашенію съ дворами Австрійскимъ и Прусскимъ подписала первый раздѣлъ Польши въ 1772 году. Бѣлорусія, въ коей находилось семь провинцій и 1,360,000 жителей, навсегда возвращена Россіи. Области Могилевская, Оршанская, Рогачевская и Мстиславская со всѣми церквами и монастырями вошли въ составъ Бѣлорусской епархіи. Георгій Конисскій остался ея правителемъ.

Соображая всѣ эти обстоятельства, спросимъ совѣсть каждаго неувлекающагося пристрастіемъ или предубѣжденіемъ: найдетъ ли онъ въ этомъ теченіи дѣлъ что нибудь неестественное или несправедливое? Не сами ли Поляки собственными руками приготовили паденіе своему отечеству? Чего инаго могли ожидать они отъ своего упрямства и ожесточенія? Обманывая около ста лѣтъ Русское правительство, измѣняя непрерывно своимъ торжественнымъ обѣщаніямъ тотчасъ по заключеніи трактатовъ, наконецъ явно отвергнувъ ходатайство Россійскаго двора и сдѣлавъ на сеймѣ совершенно противное ему распоряженіе, они заранѣе должны были удостовѣриться, что это дѣло не можетъ окончиться иначе, какъ обращеніемъ на нихъ Русской вооруженной силы, или просто войною съ Россіей, за которою по самому обыкновенному ходу дѣлъ должно послѣдовать удовлетвореніе. Никакое правительство не дѣйствуетъ и не дѣйствовало иначе отъ начала міра. А потому такой участи, по тойже самой причинѣ должна была подвергнуться и Польша, тѣмъ болѣе, что она не только возстала явно съ оружіемъ противъ Россіи, но и вовлекла ее своими интригами въ продолжительную войну съ Турціей.

Это то удовлетвореніе и послѣдовало въ 1772 году. Удовлетвореніе самое естественное и самое справедливое. Область, отторгнутая нѣкогда Литвой отъ Руси, возвратилась въ законные ея предѣлы; тмы православныхъ чадъ св. церкви сокрушили оковы, наложенные на нихъ слѣпымъ изувѣрствомъ, и перешли на лоно своей матери. Достойный ратникъ и защитникъ ея Георгій Конисскій отправился 10 марта 1773 года въ С.-Петербургъ и, представъ предъ Мо-

нархиней, излил въ трогательной рѣчи, отъ имени своей насты, искренную благодарность за ея освобожденіе.

Къ сожалѣнію этотъ поучительный урокъ не просвѣтилъ поляковъ, не убѣдилъ ихъ въ неравенствѣ борьбы съ колоссальнымъ могуществомъ Россіи и гениемъ ея Монархини, и неистребилъ въ ихъ умахъ гибельной самонадѣянности, которая поразила неисцѣлимыми язвами ихъ отечество и наконецъ довершила его паденіе.

Въ 1775 году сеймъ подтвердилъ первый раздѣлъ Польши, и вмѣстѣ съ тѣмъ постановилъ не дѣлать никакихъ измѣненій въ конституціи безъ вѣдома и воли Россійской Императрицы, въ противномъ случаѣ, считать такого рода дѣйствія за объявленіе войны.

Тринадцать лѣтъ господствовала глубокая тишина въ Польшѣ и Литвѣ. Правительство Польское сдѣлало въ продолженіи этого времени многія улучшенія во внутреннемъ управленіи въ особенности по части народнаго просвѣщенія, чему содѣйствовалъ важный переворотъ, случившійся вскорѣ послѣ перваго раздѣла Польши. До тѣхъ поръ образованіе юношества находилось исключительно въ рукахъ іезуитовъ, при вліяніи которыхъ успѣхи въ немъ вовсе несоотвѣтствовали огромнымъ пожертвованіямъ какъ царствовавшихъ такъ и частныхъ лицъ на содержаніе учебныхъ заведеній. Но приобрѣтенныя ими сила и вліяніе въ государствѣ были столь могущественны, что не было возможности и надежды устранить зло обыкновенными мѣрами, и рѣшительнымъ распоряженіемъ правительства. Должно было ожидать помощи и содѣйствія извнѣ. Благomyслящія лица съ удовольствіемъ слѣдили за постепеннымъ ихъ упадкомъ на западѣ. Изгнаніе іезуитовъ изъ Португаліи, Испаніи, Франціи, Неаполя, Сициліи, Пармы, Мальты и другихъ странъ, ласкало противниковъ ихъ надеждою, что и Польша когда нибудь отъ нихъ освободится. Но въ Польшѣ они угоренились крѣпче, нежели гдѣ либо и одно только окончательное уничтоженіе ордена могло ее отъ нихъ избавить. Это наконецъ наступило въ 1773 году. Папа Климентъ XIV буллою *Dominus et Redemptor poster* обнарудовалъ наконецъ уничтоженіе іезуитовъ. Они не могли уже оставаться въ Римско-католическомъ государствѣ и успѣли удержаться въ одной только Россіи, куда якобы не доходила папская бул-

ла. А какъ уничтоженіе ихъ произошло уже по присоединеніи Бѣлоруссіи къ Россіи, то имъ удалось сохранить костелы, монастыри и имѣнія, которыя они имѣли въ нынѣшнихъ Витебской и Могилевской губерніяхъ. Къ несчастію Польши удаленіе ихъ послѣдовало слишкомъ поздно. Они уже успѣли сильно укрѣпить въ ней корни нетерпимости и фанатизма, кои неоспоримо были одною изъ главныхъ причинъ ея паденія.

Сеймъ постановилъ доходы съ имѣній, принадлежавшихъ іезуитамъ обратить на содержаніе учебныхъ заведеній, и учредить высшее вѣдомство для управленія дѣлами народнаго просвѣщенія. Для этого предмета учреждены первоначально три коммисіи: 1) раздавательная, 2) судебная, 3) эдукаціонная. Первой надлежало описать и оцѣнить поіезуитскія имѣнія и отдать въ содержаніе благонадежнымъ лицамъ съ уплатою по $4\frac{1}{2}$ процента съ оцѣночной суммы. Судебная разбирала могущіе произойти споры тѣхъ имѣній съ частными лицами. Эдукаціонная завѣдывала преимущественно дѣлами просвѣщенія, повѣряла приходъ съ расходомъ и разсылала суммы на содержаніе училищъ. Такое раздѣленіе властей и дѣйствій было причиною многихъ безпорядковъ и злоупотребленій. А потсму въ 1776 году какъ раздавательныя, такъ и судебныя коммисіи уничтожены, и дѣйствія ихъ сосредоточены въ однѣхъ эдукаціонныхъ.

Въ продолженіи этого времени обращено вниманіе на исправленіе законодательства въ особенности коренныхъ законовъ, а потому собравшійся въ 1788 году сеймъ, извѣстный подъ названіемъ четырехъ-лѣтняго, занялся составленіемъ новой конституціи, которая была окончена и обнародована 3-го мая 1791 года. Это уложеніе извѣстно подъ названіемъ конституціи 3 мая. Постановленіями двухъ сеймовъ (1768 и 1775) неприкосновенность коренныхъ законовъ Польши и правъ ея гражданъ предоставлена покровительству и защитѣ всероссійской Императрицы, безъ вѣдома и воли которой сеймъ не имѣлъ права дѣлать въ нихъ ни малѣйшихъ измѣненій. Но король Прусскій Фридерикъ Вильгельмъ II, котораго предшественникъ, при первомъ раздѣлѣ Польши получилъ всю Польскую Пруссію, за исключеніемъ крѣпостей Торна и Данцига, думалъ безпрестанно о пріобрѣтеніи этихъ крѣпостей вошелъ въ дружескія сношенія съ Поляками, увѣрялъ ихъ,

что они, какъ свободный народъ, могутъ, не относясь къ Россіи, заняться исправленіемъ своего законодательства, и наконецъ 20 марта 1790 года заключилъ съ ними договоръ, по которому обязался поддерживать ихъ всѣми силами своими, еслибъ кто нибудь вздумалъ остановить ихъ на поприщѣ улучшеній государственныхъ постановленій. Поляки, которые каждое подобное изъясненіе дружескаго расположенія иноземнаго государя принимали за голосъ съ неба и предвѣстіе избавленія ихъ отъ вліянія Россіи, не проникли настоящихъ намѣреній короля и впали въ новое непростительное заблужденіе. Императрица, намѣреваясь начать новую войну съ Турціей, и заключивъ для этой цѣли союзъ съ Императоромъ Іосифомъ II, велѣла объявить Полякамъ, что она откажется отъ всякаго вліянія на дѣла Польши, и предоставитъ имъ полную свободу дѣлать всякія измѣненія и улучшения въ управленіи и законодательствѣ, если они соединятся съ нею противу общаго непріятели христіанства. Не было благоприятнѣе минуты для предупрежденія опасностей, угрожавшихъ Польшѣ. Это былъ единственный случай, который могъ не только спасти и утвердить самостоятельность ея, но даже возвысить ея значеніе въ политическомъ мірѣ. Но вмѣсто того, чтобы воспользоваться имъ, Поляки обратили его на свою гибель. Безотчетная ненависть заглушила въ нихъ всѣ внушенія ума и недозволила взвѣсить опасности необдуманнаго предначертанія. Съ одной стороны они полагались на неудачи, которыя могла претерпѣть Россія въ предпринимаемой войнѣ съ Турками, а съ другой на искреннюю дружбу и обѣщанную помощь могущественнаго сосѣда. Въ обоихъ случаяхъ они жестоко обманулись въ своемъ расчетѣ. Турецкая война увеличила только славу и могущество Екатерины, а Прусскій король скоро заставилъ ихъ горько сожалѣть о своей оплошности. Но въ книгѣ судебъ народовъ и царствъ, приговоръ Польшѣ подписанъ былъ уже тѣмъ, кто никогда не рассказываетъ въ своихъ дѣйствіяхъ. А потому, закрывъ глаза на будущее, Поляки отвергли предложеніе Екатерины, и возобновили союзъ съ Пруссіей.

Скоро созрѣли гибельные плоды ихъ ослѣпленія. Конституціею 3-го мая между прочимъ опредѣлено быть престолу Польскому наследственнымъ вмѣсто избирательнаго, уничтожить *liberum veto* (не-

позволяю) и на сеймахъ рѣшать дѣла большинствомъ голосовъ. Это постановленіе нашло сильное противудѣйствіе въ Польшѣ и Литвѣ. Нѣсколько вельможъ, потерявшихъ надежду быть когда нибудь избранными въ короли, (такъ какъ на это каждый изъ нихъ имѣлъ притязаніе) и множество шляхты, которая такимъ образомъ лишалась возможности шумѣть и безчинствовать на сеймахъ, составили въ мѣстечкѣ Тарговицахъ на Подольѣ, для ниспроверженія новой конституціи, сильную конфедерацию. Враги новаго постановленія, присоединяясь къ этой конфедерации въ великомъ множествѣ, составили наконецъ грозное ополченіе. Начальниками этой конфедерации были генераль коронной артиллеріи Феликсъ Потоцкій, великій коронный гетманъ Ксаверій Браницкій, и полевой коронный гетманъ Северинъ Ржевускій. А какъ новая конституція уничтожала два важнѣйшія права, дарованныя шляхтѣ предшественниками Станислава Августа и утвержденныя его присягою при вступленіи его на престоль, а именно: право избранія короля и единогласнаго рѣшенія дѣлъ на сеймахъ; а защита древныхъ правъ и преимуществъ ввѣрена была постановленіями двухъ сеймовъ Императрицѣ Екатерины; то конфедераты обратились подъ ея покровительство, прося у нея содѣйствія и помощи. Удовлетворяя ихъ просьбѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ принятому на себя обязательству, Екатерина повелѣла войскамъ своимъ двинуться на помощь конфедератамъ. Волненіе быстро распространилось по Польшѣ и Литвѣ. Въ послѣдней главную роль игралъ Симонъ Коссаговскій. Будучи около двадцати лѣтъ непримиримымъ врагомъ Россіи, однимъ изъ усерднѣйшихъ дѣйствователей Барской конфедерации и главною пружиною дѣйствій Огинскаго, во время его возстанія, онъ вдругъ перемѣнилъ образъ мыслей и поведенія, соединился съ Потоцкимъ, Ржевускимъ и Браницкимъ, и даже перешелъ въ службу Императрицы Екатерины II, которая пожаловала его чиномъ генераль-лейтенанта. Въ послѣдствіи времени, при содѣйствіи брата своего епископа Ливонскаго, онъ получилъ званіе Литовскаго гетмана. Начальствуя сильнымъ отрядомъ, составленнымъ изъ притивниковъ новой конституціи, и поддержанный Русскими войсками, отряженными къ нему генераломъ Кречетниковымъ, онъ вступилъ 15 мая 1792 года въ Вильно. При этомъ случаѣ онъ обнародовалъ нѣсколько прокламацій, а въ числѣ ихъ одну къ Виленскому магистрату-

ту. Списокъ съ этой прокламаціи найденъ въ протоколахъ магистрата и предлагается здѣсь въ переводѣ съ Польскаго.

„Почтенные члены Виленскаго магистрата! Къ вамъ обращаетъ рѣчь гражданинъ, выросшій между вами и потому совершенно вамъ извѣстный, какъ по намѣреніямъ, такъ и по дѣйствіямъ, любящій отечество и вольность своего народа. Онъ обращаетъ къ вамъ рѣчь свою безъ обольщенія, дабы вы обратили вниманіе на судьбу вашу и будущность (и постигли) какія слѣдствія уготовляетъ вамъ конституція 3-го мая, накинута на васъ насиліемъ. Наконецъ обращаетъ къ вамъ рѣчь главный начальникъ войскъ конфедераціи великаго княжества Литовскаго, подкрѣпленный вспомогательнымъ войскомъ, присланнымъ всепресвѣтлѣйшею Россійскою Императрицей, вслѣдствіе деклараціи, которую я сообщилъ вамъ съ тѣмъ, чтобъ вы заключающееся въ ней исполнили завтрашній день въ своемъ засѣданіи въ 10 часовъ утра (то есть вамъ остается) или стремиться къ утвержденію благополучія вашего, и возвращенію утраченныхъ уже преимуществъ, оказывая благодарность всемилостивѣйшей Государынѣ за присланную помощь, при ходатайствѣ чиновъ конфедераціи; или подвергнуться тѣмъ ужаснымъ послѣдствіямъ, которыя ожидаютъ сопротивляющихся. Вильно 15 мая 1792 года. (Подписано) Симонъ Коссаковскій.“

17 іюня отправленъ былъ отъ Виленскаго магистрата къ генералу Кречетникову, хранящійся также въ его протоколѣ адресъ слѣдующаго содержанія:

„Ваше превосходительство!

„Приобрѣтая вновь древнія наши права, драгоцѣнное для насъ прежнее управленіе и древнія наши преимущества, дарованныя намъ королями Польскими и республикою, съ преисполненными искренней радости сердцами, приносимъ къ стопамъ вашего превосходительства, съ величайшею признательностію, чувства безпредѣльной благодарности всемилостивѣйшей Государынѣ Императрицѣ Всероссійской, за присылку, вслѣдствіе деклараціи, вспомогательныхъ войскъ для защиты древнихъ нашихъ правъ, возвращенія свободы и уничтоженія конституціи 3-го мая, накинута намъ насиліемъ; равно какъ и за то, что исполненіе столь важнаго подвига благоволила она поручить высокой особѣ вашей, такой особѣ, которая въ областяхъ, занятыхъ Русскими

войсками, представила несомнѣнные доводы полезнаго управленія, отраднанаго для государства, драгоцѣннаго для гражданъ. Ваше превосходительство привели въ исполненіе чистыя намѣренія Ея Императорскаго Величества, не дали до сихъ поръ почувствовать что такое война и какія несчастныя слѣдствія она влечетъ за собою. Для занятія города Вильна и возобновленія спокойствія, вы благоволили прислать генераль лейтенанта Коссаковского. Вы не ошиблись въ своемъ выборѣ, назначивъ на сей предметъ этого великаго мужа, который обратилъ скорбь нашу въ радость, слезы въ удовольствіе, изгналъ страхъ и возбудилъ довѣренность. За столь великое благодѣяніе не остается болѣе ничего, какъ повторить, что мы будемъ прославлять до гроба высокую особу вашу. (Подписано) „Виленскіе бургомистры: Антоній Ляховичъ, Александръ Хмаржевскій, ратманъ города Вильна Даніиль Готлибъ Гертель.“

Отрядъ Русскихъ войскъ, вступившихъ въ то время въ Вильно, состоялъ изъ Псковскаго и Нарвскаго пѣхотныхъ полковъ, подъ начальствомъ полковниковъ Лыкова и Миллера, одного баталіона егерей, четырехъ ротъ полевой артиллеріи и донскаго Кирѣева полка. Начальникомъ этого отряда былъ генераль маіоръ Арсеньевъ, къ которому Коссаковский велѣлъ явиться къ 21 іюня всѣмъ находившимся въ городѣ обывателямъ, состоявшимъ въ военной службѣ, для объявленія причинъ своего пребыванія въ Вильнѣ и принятія на себя новыхъ обязанностей для пользы края.

25 іюня совершаемо было въ костелѣ св. Іоанна торжественное богослуженіе для принесенія Всевышнему благодаренія за возрожденіе отечества, при чемъ находились всѣ сословія въ праздничныхъ одѣянїяхъ, а магистраты и цехи съ парадными своими знаменами и хоругвями.

Литовскіе конфедераты, утвердившись въ Литвѣ при помощи Русскаго войска, соединились съ Тарговицкими и составили верховное судилище подъ названіемъ *генеральности*, имѣвшее мѣстопробываніе въ Гроднѣ. Области, или воеводства управляемы были частными конфедерациями, зависѣвшими отъ генеральности. Прежде еще учрежденія генеральности, начальники конфедерации собрались въ Брестѣ и положили отправить къ Императрицѣ Екатеринѣ II депутацію, состояв-

шую изъ 15 человекъ для засвидѣтельствованія ея Величеству благодарности за оказанную помощь и содѣйствіе къ защитѣ свободы. Начальникомъ этой депутаціи былъ Браницкій, исполнившій это порученіе въ 1792 году. Того же года въ Гроднѣ празднуемо было съ необыкновеннымъ торжествомъ тезоименитство Ея Величества. Послѣ богослуженія и благодарственнаго молебствія, въ продолженіи коихъ всѣ костелы наполнены были народомъ, послѣдовалъ обѣдъ, а въ вечеру великолѣпный балъ, данный начальниками конфедераціи. Жители веселились всю ночь на улицахъ при яркомъ освѣщеніи города.

Въ продолженіи этого времени въ Польшѣ разгорѣлась открытая война съ Россіей. Для защиты конституціи 3 мая Поляки вооружили 40,000 человекъ, коими начальствовали Костюшко и племянникъ короля Іосифъ Понятовскій. Прусскій король, на котораго они столько надѣялись сначала, потребовалъ у нихъ уступки Торна и Данцига. Получивъ отказъ, онъ началъ оказывать имъ часъ отъ часу менѣе сочувствія и наконецъ перешелъ совершенно на сторону Екатерины, Русскія войска быстро приблизились къ Варшавѣ. Костюшко, несмотря на незначительный успѣхъ подъ Дубенкою, почувствовалъ перевѣсъ Русскаго оружія и отступалъ, будучи преслѣдуемъ по пятамъ. Столица была въ опасности. Король, не видя возможности противиться оружію Екатерины, присоединился къ Тарговицкой конфедераціи.

22 апрѣля 1793 года онъ прибылъ въ Гродно. Ему приготовлена была великолѣпная встрѣча; но онъ отказался отъ всякаго рода почестей и прибылъ въ городъ инкогнито. Въ Гроднѣ созванъ былъ сеймъ, котораго маршаломъ выбранъ былъ, за отсутствіемъ Феликса Потоцкаго, Валевскій; но онъ скоро отказался отъ этого званія и мѣсто его занялъ Пулавскій.

Въ продолженіи дѣйствій конфедераціи Вильна подвержена была большому отягощенію по причинѣ содержанія вспомогательныхъ Русскихъ войскъ, а еще болѣе отъ самовластныхъ дѣйствій начальниковъ конфедераціи. Изъ документовъ, хранящихся въ архивѣ Виленскаго магистрата, оказывается, что городъ имѣлъ постояннаго, хотя не всегда вѣрнаго, дохода 40 тыс. золотыхъ. Между тѣмъ на одни дрова для отопленія квартиръ, гауптвахтъ и лазаретовъ вспомогательнаго войска издержано въ продолженіи 9 мѣсяцевъ 2,712 червонцевъ. Эта

сумма превосходила уже весь городской доходъ. Для удовлетворенія же другимъ надобностямъ, какъ то на продовольствіе войскъ, на содержаніе лошадей для почтъ и курьеровъ и т. п. должно было прибѣгать къ займамъ. А потому въ концѣ 1793 года городъ имѣлъ уже 115,000 злот. долгу (*). На эту сумму онъ долженъ былъ уплачивать проценты, что наносило еще большій ущербъ городскому хозяйству. Всего тягостнѣе для страны было то, что конфедерація Виленскаго воеводства, присвоивъ себѣ неправильно верховную и безотчетную власть, уничтожала противузаконно рѣшенія магистрата, и препятствовала приводить ихъ въ исполненіе. Магистратъ подавалъ безпрерывныя просьбы гетману, епископу, канцлеру, прося у нихъ заступничества, наконецъ отправилъ въ генеральность формальную жалобу на противузаконныя дѣйствія воеводской конфедераціи; но всѣ его усилія не имѣли успѣха. Городу суждено было страдать до тѣхъ поръ, пока онъ не поступилъ вполне подъ управленіе Русскаго правительства.

Въ 1793 году генеральность дала предписаніе, чтобы изъ каждой провинціи и пяти главнѣйшихъ городовъ республики присланы были по два депутата въ Гродно къ 15 февралю для представленія просьбъ и потребностей городовъ. Въ слѣдствіе чего и Виленскій магистратъ выслалъ на этотъ предметъ двухъ своихъ членовъ. Но всѣ эти распоряженія не принесли никакой пользы краю. Ни генеральность, ни сеймъ, не имѣли ни времени ни охоты заниматься его потребностями и прискивать средства къ улучшенію его положенія.

Дѣйствія Гродненскаго сейма и слѣдствія ихъ второй раздѣлъ Польши принадлежатъ исторіи государствъ, а потому мы ихъ описывать не будемъ. Скажемъ только, что Екатерина возвратила Россіи часть древняго ея достоянія княжества Волынское и Минское, составлявшія въ послѣдствіи Волынскую Подольскую, и Минскую губерніи. Торнъ и Данцигъ достались Пруссіи.

Поляки, видя крайнее свое униженіе, рѣшились для спасенія своего на самое гнусное злодѣйство, котораго никакое пристрастіе ни

(*) По счетамъ магистрата, городъ издержалъ на содержаніе Русскихъ войскъ къ концу 1793 года до 300 тыс. злот.

оправдать ни извинить не можетъ. Убѣдись на опытѣ, что они никогда неустоятъ въ открытой борьбѣ съ Россіей, вздумали составить заговоръ для тайнаго истребленія Русскихъ войскъ во время ночи. Спрашивается, чего они могли ожидать въ случаѣ неудачи, какъ не окончательнаго паденія своего отечества? Впрочемъ еслибъ и удалось имъ привести успѣшно въ исполненіе свое безчеловѣчное намѣреніе и истребить Русскія войска, занимавшія Литву и Польшу; то неужели имъ не приходило въ голову, что Россія во всякое время могла вооружить и наслать на нихъ ополченіе сильнѣе прежняго, которое бы залило Литву и Польшу и подвергло виновныхъ примѣрному взыскаіію? Но страсти—эти самыя гибельныя совѣтники, ослѣпили вполне мнимыхъ патріотовъ, которые своимъ безуміемъ нанесли мучительнѣйшія раны своему отечеству и наконецъ повергли его въ гробъ. Мы опишемъ только тѣ происшествія, которыя случились въ Литвѣ въ слѣдствіе этого заговора.

Онъ составленъ былъ въ Дрезденѣ, куда удалились знатнѣйшіе противники Тарговицкой конфедераціи. Оттуда посылали они тайныхъ агентовъ въ Польшу и Литву для собиранія единомышленниковъ. Въ нѣсколько мѣсяцевъ по закрытіи Гродненскаго сейма вспыхнулъ мятежъ въ нѣсколькихъ пунктахъ Польши и Литвы. Жертвою его сдѣлались нѣсколько тысячъ Русскихъ, вѣроломно умерщвленныхъ мятежниками, а слѣдствіемъ его было паденіе Польши и окончательный раздѣлъ ея. Въ Вильно присланы были съ преступнымъ порученіемъ поручикъ Колонтай, извѣстный игрокъ Хацкѣвичъ и инженеръ-полковникъ Ясинскій, который въ продолженіи нѣсколькихъ недѣль скрывался въ погребахъ и выходилъ оттуда только ночью. Изъ Польскихъ войскъ находились въ Вильнѣ двѣ роты артиллеріи, двѣ роты четвертаго полка и два эскадрона поселенныхъ татаръ. Наканунѣ мятежа прибыли седьмой полкъ и первая рота перваго полка. Въ рукахъ Польскихъ войскъ находились замокъ, арсеналь и комиссаріатъ, гдѣ производилась ежедневная выдача жалованья и порціонныхъ денегъ каждому солдату въ особенности. Подъ предлогомъ полученія жалованія, солдаты приходили туда въ шинеляхъ, оставались тамъ до самой ночи, а потомъ выносили подъ шинелями оружіе для раздачи обывателямъ. Для исполненія преступнаго намѣренія назначенъ былъ день св. Пасхи. Въ

ночи передъ праздникомъ собрались съ разныхъ сторонъ въ замокъ, по ротамъ, всѣ Польскія войска и вооруженные обыватели, соединившіеся съ ними, и получили приказаніе, пользуясь темнотою, приблизиться какъ можно болѣе къ Русскимъ постамъ и дожидаться пушечнаго выстрѣла, который долженъ былъ служить сигналомъ къ общему нападенію. Подобныя распоряженія сдѣланы были и въ Гроднѣ, въ которомъ начальствовалъ генералъ маіоръ князь Циціановъ. Но тамъ мятежники неимѣли никакого успѣха. Заговорщики собрались въ одномъ монастырѣ и ожидали только сигнала къ началію бунта. Имъ посланъ былъ изъ Варшавы баталіонъ королевской гвардіи для поддержанія ихъ дѣйствій. Но одинъ донской козаць, вырвавшійся изъ этого города во время смятенія, пустился по дорогѣ въ Гродно, прискакалъ туда прежде прибытія королевской гвардіи и рассказалъ князю Циціанову о Варшавскомъ бунтѣ и намѣреніи бунтовщиковъ идти на Гродно. Чтобы убѣдиться въ истинѣ этого разсказа и узнать подробности заговора, князь приказалъ схватить прибывшую въ то время Варшавскую почту и принести къ себѣ нераспечатанный чемоданъ. По вскрытіи хранившихся въ немъ писемъ, онъ убѣдился въ дѣйствительномъ существованіи заговора и узналъ всѣ составлявшія его лица. Тотчасъ отправлена была команда къ монастырю, въ которомъ они собрались. Заговорщики взяты и посажены подъ стражу; мостъ на Нѣманѣ былъ снятъ, а Русскія войска выступили въ лагерь. Скоро послѣ того, явился баталіонъ королевской гвардіи; но не найдя моста и увидѣвъ Русское войско въ лагерѣ, съ величайшею поспѣшностію удалился.

Но въ Вильнѣ мятежь разгорѣлся во всей силѣ, и причинилъ множество безпорядковъ, насилій и убійствъ. Коль скоро раздался пушечный выстрѣлъ, Поляки сдѣлали вдругъ нападеніе на всѣ Русскіе посты и безъ труда ими овладѣли, при чемъ многіе изъ русскихъ погибли, часть взята была въ плѣнъ, едва половина успѣла спастись бѣгствомъ. Стоявшіе на главной гауптвахтѣ при костелѣ св. Казимира Русскіе солдаты частію убиты, частію обезоружены и взяты въ плѣнъ. Въ руки Поляковъ попались также генералъ Арсеньевъ, полковникъ Языковъ и бывшій въ послѣднее время комендантомъ въ Вильнѣ полковникъ Ребокъ, которые содержимы были подъ строгимъ карауломъ. Но самая плачевная участь постигла генерала Коссаковскаго, судію

Швейковского и других их приверженцовъ, державшихся Русской стороны, и которыхъ мятежная партія считала измѣнниками отечества. Обольщенный зачинщиками бунта народъ, ворвался въ ихъ дома, повлекъ ихъ на площадь и предъ костеломъ св. Казимира перевѣшалъ. Толпы народа дрались на улицахъ кольями и ножами, а у нѣкоторыхъ были ружья и пистолеты. Но преслѣдуя своихъ мнимыхъ измѣнниковъ и непріятелей, они часто поражали и своихъ единомышленниковъ, потому, что посреди темной ночи небыло возможности различить своихъ отъ противниковъ.

Если русскій отрядъ, стоявшій тогда въ Вильнѣ, не былъ совершенно истребленъ, и даже остатки его, соединясь за городомъ, сдѣлались страшны для непріятеля, то этимъ онъ обязанъ былъ мужеству и распорядительности командовавшаго тогда артиллеріей, подполковника Тучкова. Слухи о составленіи заговора давно уже ходили по городу и доходили до генерала Арсеньева, но онъ не хотѣлъ имъ вѣрить. Мнѣніе его раздѣляли почти все Русскіе офицеры, которыхъ злоумышленники старались по возможности усыплять. Но Тучковъ, не пренебрегая никакою вѣстію и примѣтивъ даже самъ написанныя надъ дверьми квартиръ Русскихъ краснымъ карандашемъ буквы Rz. (вѣроятно rzpać rѣзать), принялъ такія мѣры, которыя въ послѣдствіи спасли болѣе половины отряда. Паркъ его расположенъ былъ за Троцкимъ предмѣстіемъ при урочищѣ Погулянкѣ. На случай тревоги онъ назначилъ для своей команды сборныя мѣста, снабдилъ караульныхъ офицеровъ ключами отъ пороховыхъ ящиковъ, и приказалъ, чтобы при каждой пушкѣ ночью были зажжены фитили. Всѣмъ же, остававшимся въ городѣ, отдалъ тайный приказъ, чтобы какъ только услышатъ тревогу спѣшили къ парку. Ревностнѣйшимъ исполнителемъ его распоряженій былъ фельдфебель Подгайскій, который въ послѣдствіи былъ подполковникомъ артиллеріи. Онъ неуспѣшно слѣдилъ за всеми сомнительными происшествіями, умиралъ ссоры, возникавшія, какъ бы нечаянно, между Русскими и Польскими солдатами, зачинщиковъ бралъ подъ карауль, и обо всемъ извѣщалъ немедленно со всею подробностію Тучкова. Передъ тою самою ночью, въ которую произошло волненіе, майоръ Теттау привелъ гренадерскую роту перваго Польскаго полка, и жалуясь, что городское начальство якобы неприготовило для

его команды квартиръ, просилъ Тучкова помѣстить ее на одну ночь вмѣстѣ съ Русскими солдатами. Тучкову показалось подозрительнымъ такое предложеніе, а потому онъ приказалъ Подгайскому отдать имъ всѣ Русскія квартиры, а своимъ командамъ велѣлъ ночевать на сборныхъ мѣстахъ.

Лишь только раздались выстрѣлы и набатъ, Тучковъ, ночевавшій въ то время въ городѣ, сѣлъ на приготовленную для него лошадь, и вдвоемъ съ гусаромъ, пользуясь темнотою ночи, поскакалъ по улицамъ, наполненнымъ пьянымъ и взволнованнымъ народомъ, и чтобы миновать караулы, разставленные Поляками, они пробрались до огороднаго плетня на концѣ предмѣстья Погулянки, разобрали его, и такимъ образомъ достигли благополучно парка. Въ это время рота егерей, пробужденная пальбою и тревогою, рѣшилась выйти изъ города. Ворота заняты были ротою Поляковъ при одной пушкѣ. Картечный выстрѣлъ изъ этой пушки не смутилъ егерей. Они ударили въ штыки, положили на мѣстѣ почти всѣхъ Поляковъ, и въ числѣ сорока человѣкъ пробрались къ парку, открывъ своимъ геройскимъ подвигомъ путь конвойнымъ козакамъ генерала Арсеньева и маіору Глазенану съ двумя ротами Псковскаго пѣхотнаго полка, который также прибылъ въ паркъ, а вслѣдъ за нимъ явился поручикъ Дубровскій съ одною ротою Нарвскаго полка. Черезъ нѣсколько минутъ, къ величайшей радости всего отряда, прибылъ фельдфебель Подгайскій, и привелъ съ собою всю роту, собранную имъ, за исключеніемъ погибшихъ, а также подполковника Высоцкаго съ его женою, фургоны съ денежною казною и сорокъ гренадеръ, составлявшихъ при ней карауль. Всѣ они обязаны были спасеніемъ и свободою исключительно присутствію духа и распорядительности Подгайскаго.

Предъ разсѣтомъ находилось уже въ паркѣ, кромѣ артиллеристовъ, до 700 человѣкъ подъ ружьемъ, а къ вечеру число ихъ увеличилось до 2,200 человѣкъ. Артиллерійскія лошади и конская сбруя захвачены были мятежниками — люди не имѣли продовольствія; начальникъ отряда сдѣлалъ столь благоразумныя распоряженія, что въ короткое время явились и лошади и сбруя и продовольствіе.

Вышедшіе изъ Вильны солдаты донесли Тучкову, что въ одномъ монастырѣ хранился, недавно привезенный, большой запасъ пороху,

и взялись заечь его. Тучковъ отрядилъ къ городу три колонны, каждую во сто человекъ, которыя не только взорвали на воздухъ хранившійся запасъ, но и взяли въ плѣнъ маіора Теттау со всею его ротою, и привели въ паркъ. Поляки поставили противу парка 4 орудія, которыя немедленно были сбиты Русскими ядрами. Они выслали потомъ противъ Русскаго отряда команду, которую козаки заманили подъ картечные выстрѣлы и уничтожили совершенно.

Храбрый Тучковъ, въ продолженіи двухъ дней, бомбардировалъ городъ и отражалъ всѣ покушенія, которыя Поляки осмѣливались дѣлать на его отрядъ. Но положеніе его становилось часъ от часу затруднительнѣе. Въ городѣ умножалось число непріятелей, которые могли обратить на него исключительно всѣ свои усилія, а въ 10 миляхъ находился корпусъ генерала князя Гедройця, состоявшій изъ 6 тыс. пѣхоты и кавалеріи, и могъ зайти ему въ тылъ. Единственное средство состояло въ томъ, чтобы какъ нибудь добраться до Гродна и соединиться съ княземъ Циціановымъ. Собранный военный совѣтъ и положено было предпринять отступленіе. Оно совершено было съ необыкновеннымъ искусствомъ, не смотря на множество препятствій и трудностей, въ особенности при переходѣ черезъ Понарскую дефилею, въ которой пушки и зарядные ящики везены были людьми на разстояніи 3 версты, по крутому, узкому и извилистому подъему. Послѣ трехсуточнаго труднаго и утомительнаго похода, присоединился къ отряду Нарвскаго пѣхотнаго полка маіоръ Раутенштернъ съ остатками своего баталіона, разбитаго нечаянно корпусомъ Гедройця. Близъ почтовой станціи Гонеты показались войска Гедройця, но приняты были Русскими съ такимъ мужествомъ, что послѣ троекратнаго нападенія на центръ отряда, встрѣчаемы будучи каждый разъ сильнымъ картечнымъ огнемъ, оставили поле сраженія, покрывъ его тѣлами своихъ людей и лошадей, и удалились. Въ этомъ блистательномъ дѣлѣ Русскіе потѣряли всего 4 человека убитыми и ранеными. На другой день отрядъ двинулся по дорогѣ къ Меречу. Пройдя 10 версты, встрѣтилъ два эскадрона карабинеръ, высланныхъ ему на встрѣчу княземъ Циціановымъ, а на берегу Меречанки двѣ роты пѣхоты при двухъ орудіяхъ. Въ Меречѣ Тучковъ приказалъ разобрать нѣсколько избъ, и сдѣлавъ изъ нихъ плоты, переправилъ свой

отрядъ на противоположный берегъ рѣки. Оттуда уже отрядъ продолжалъ слѣдованіе безъ всякаго препятствія до самаго Гродна, близъ котораго встрѣченъ былъ со всѣми знаками военнаго торжества и почестей, которыя заслужилъ своею храбростію. Корпусъ князя Циціанова построены былъ въ одно большое каре. Во время приближенія отряда Тучкова загремѣла музыка, предстоящій фасъ каре раздвинулся и отрядъ введенъ былъ въ середину, гдѣ отслуженъ былъ благодарственный молебень, а при вступленіи отряда пѣвчіе возгласили: „Тебе Бога хвалимъ!“

На третій день по прибытіи отряда Тучкова, велѣно было ему пройти церемоніальнымъ маршемъ по всему городу. За войскомъ вели Польскихъ пѣвчихъ и несли ихъ знамя. Во время этой церемоніи, которой благопріятствовала прекрасная погода, множество дамъ стояло въ открытыхъ окнахъ и на балконахъ. Изъ устъ нѣкоторыхъ вырывались громко слова, обличавшія ихъ чувства: „Смотрите! Вотъ идутъ Виленскіе недорѣзки!“

По окончаніи церемоніи войска вошли по новоустроенному мосту въ лагерь, и всѣ пушки, по приказанію князя Циціанова, обращены были на городъ, который, вслѣдъ за тѣмъ, долженъ былъ пополнить аммуницію храбраго отряда и наградить его за подвигъ. На городъ наложена была контрибуція деньгами и сукномъ изъ тамошнихъ фабрикъ. Изъ денегъ выдано отряду не въ зачетъ третнее жалованіе, а сукно употреблено на обмундировку.

Въ продолженіи этого времени генераль Заіончекъ, сосредоточивъ въ Вильнѣ находившіяся въ Литвѣ войска, укрѣпилъ городъ и провелъ ретраншементъ отъ оврага выше острыхъ воротъ до рѣки Вилии. Русскія войска подступили подъ Вильну 8-го іюля подъ начальствомъ генераль-поручика Кноринга, при которомъ находился и Тучковъ, дѣйствовавшій съ отличнымъ присутствіемъ духа во время нѣсколькихъ приступовъ. Корпусъ Кноринга составляли отряды генераловъ Ланскаго, графа Зубова, Германа и Бенингсона. Послѣ многихъ нападеній, ознаменованныхъ мужествомъ Русскихъ войскъ, и причинившихъ большой вредъ непріятельскимъ укрѣпленіямъ, — наконецъ 31 іюля сдѣланъ былъ общій приступъ. Польскія войска не выдержали нападенія и вышли изъ города, который сдался на капитуляцію. Нельзя

не замѣтитъ въ этомъ вмѣстѣ обстоятельства, которое неоднократно попадется въ лѣтописяхъ нашего міра и котораго никакъ нельзя приписать случаю. Вильно, столица Литвы, занята окончательно Русскими 31 іюля, именно въ тотъ самый день, въ который произошло соединеніе Литвы въ Польшю.

При торжественномъ вступленіи Русскихъ войскъ въ городъ по правой сторонѣ улицы стояло Русское духовенство и жители Греко-Россійскаго исповѣданія, — по лѣвой Поляки стояли на колѣнахъ. Генераль Кнорингъ сошелъ съ лошади, приложился ко кресту, поднесенному игуменомъ, потомъ, сѣвъ на лошадь и обратясь къ Полякамъ, сказалъ: „Императрица Екатерина объявляетъ вамъ прощеніе. Вставайте!“ Толпа немедленно вскочила на ноги и закричала „вивать!“ Во время проѣзда по городу многіе Поляки, знакомые Тучкову, бѣжали по обѣимъ сторонамъ его лошади и оказывали ему знаки необыкновенной благосклонности, доходившей до униженія. Войско выстроилось противу св. Духовскаго монастыря, въ церкви котораго началось молебствіе, а подполковнику Тучкову предоставлено было огласить побѣду троекратнымъ залпомъ изъ 80 Русскихъ и отнятыхъ у Поляковъ орудій.

Съ тѣхъ поръ Русскія войска не выходили уже изъ Виленскаго воеводства, которое вмѣстѣ со всею бывшею Литвою вскорѣ на всегда возвращено Россіи.

Остановимъ же теперь на нѣсколько минутъ внимательный взоръ на описанныхъ нами происшествіяхъ! Изслѣдуемъ добросовѣстно ихъ ходъ, причины и послѣдствія! — и мы безъ труда и натяжки выведемъ самыя естественныя и неоспоримыя заключенія: 1) что народонаселеніе древняго великаго княжества Литовскаго было преимущественно Русское, съ которымъ природные Литовцы сливались безпрепятственно и охотно, до роковаго для Литвы введенія Римско-Католическаго исповѣданія. 2) Что Польскій элементъ былъ совершенно чуждъ Литвѣ до временъ Ягайлы, съ которыхъ, вторгаясь насильственно въ предѣлы великаго княжества, онъ стремился разными путями къ одной цѣли, чтобы ополячить какъ природныхъ Литовцевъ, такъ и Русскихъ. Вѣковая борьба съ послѣдними, постоянное ихъ преслѣдованіе и упор-

ное ихъ сопротивленіе обнаружили только огромность массы ихъ народонаселенія и очевидное доказательство, что оно не имѣло ничего общаго съ притѣснителями, кои были ничѣмъ инымъ, какъ пришельцами въ чужой сторонѣ. 3) Что соединеніе Литвы съ Польшею никогда небыло естественнымъ ни добровольнымъ, но было слѣдствіемъ усилій и происковъ Поляковъ и недальновидности потомковъ Ягайлы. 4) Что это соединеніе было роковымъ ударомъ для самостоятельности Литвы и вовлекло ее въ бездну безпорядковъ и неустройствъ, коими была заражена Польша, и кои неминуемо должны были причинить ея паденіе. Наконецъ 5) Что дѣйствія Русскаго правительства въ отношеніи къ участи Польши были самымъ естественнымъ слѣдствіемъ упрямства и ослѣпленія Поляковъ, а потому были правильны и необходимы.

Разставаясь съ предметомъ, изученію котораго мы посвятили многочисленныя труды и усилія, сдѣлаемъ еще одинъ выводъ, основанный не на соображеніяхъ и умствованіи, а просто на самыхъ событіяхъ, кои краснорѣчивѣе и убѣдительнѣе поддержать наше положеніе. Никто уже не сомнѣвается въ томъ, что полезныя знанія должно пріобрѣтать не для удовлетворенія пустому любопытству, не для суетнаго желанія блистать обиліемъ своихъ познаній, но для извлеченія изъ нихъ существенной пользы уму и сердцу, для предостереженія, руководства и освѣщенія путей нашего земнаго странствованія. Въ этомъ случаѣ ни одна наука не доставитъ намъ столько средствъ, въ такомъ обиліи и съ такою легкостію, какъ исторія, если только мы будемъ искать ихъ добросовѣстно. Разсмотримъ внимательно слѣдствія описанныхъ нами событий, и пути Господни не будутъ намъ казаться непостижимыми. Исторія разительнo оправдываетъ неизбѣжность исполненія Его угрозъ и вѣрность обѣтованій; а для достиженія спасительной цѣли этой науки не нужно углубляться въ тонкости отвлеченій. Простое наблюденіе за ходомъ событий просвѣтитъ нашъ умъ быстрѣе и основательнѣе, нежели натянутыя умствованія сочинителей, посвящающихъ свои дарованія личнымъ своимъ выгодамъ, а часто и страстямъ, а потому трудящихся съ предосудительнымъ и нерѣдко преступнымъ намѣреніемъ.

И такъ, откройте наугадъ какое хотите мѣсто исторіи Литвы до

окончательнаго возвращенія ея Россіи! Что вы найдете на каждой страницѣ ея? Изнурительныя войны, опустошенія отъ нашествія непріятеля, внутреннія смятенія отъ несправедливаго присвоенія власти вельможами, соперничества ихъ между собою, фанатизма и насилія Римско-католическаго духовенства, пренебреженіе верховной власти и даже правъ чловѣчества. Всѣ эти болѣзни усиливались постепенно тѣмъ съ большею силою, чѣмъ ближе было возвращеніе края Россіи, которое одно только должно было положить имъ предѣлы. Прибавимъ къ тому бѣдствія природы: заразу и голодъ, а также пожары, разбои и грабительства, происходившіе столь часто въ описанныя нами времена, и сравнимъ это состояніе края съ тѣмъ, въ которомъ онъ находился подъ управленіемъ Русскихъ государей! — Самыя прилежныя розысканія во всѣхъ историческихъ источникахъ не представляютъ благомыслящей души ничего, кромѣ мудрыхъ и отеческихъ распоряженій правительства, и благотворныхъ ихъ послѣдствій. Личная безопасность каждаго гражданина, прочность и защита правъ каждаго сословія, порядокъ и устройство, столь давно невиданные въ Литвѣ, обузданіе своевольства сильнаго, открытіе пути способностямъ и уму къ достиженію высшаго предназначенія и улучшенію состоянія, покровительство просвѣщенію, оживленіе промышленности и наконецъ проистекшее отъ того внутреннее спокойствіе и несомнѣнное благоденствіе края, — вотъ предметы, кои могутъ наполнить страницы исторіи этой страны со времени возвращенія ея Россіи. Въ продолженіи этого періода сама природа перестала смущать жителей Литвы своими ужасами. Около 40 лѣтъ невидно было ни заразы, ни голода, ни даже тѣхъ истребительныхъ пожаровъ, кои одно Вильно, въ предыдущія времена испытало болѣе двадцати. Зараза, опустошавшая 37 разъ Литву, явилась по возвращеніи ея Россіи, въ первый разъ въ 1831 голу, какъ бы знаменіе небеснаго гнѣва, за соблазнительное и преступное участіе въ мятежъ Польши, и вмѣстѣ съ прекращеніемъ его исчезла.

Сравнивъ безпристрастно событія этого періода съ предыдущими и прибавивъ еще къ тому милости Русскихъ Государей, излившіяся, въ такомъ обилии, на жителей здѣшняго края, — кто изъ слѣдующихъ внушенію чистой совѣсти и неувлекающихся пристрастіемъ и ослѣпле-

ніемъ, осмѣлится не признать, — и не признать искренно, что никогда, во все время существованія своего, страна эта не была такъ счастлива, какъ подъ Русскимъ владычествомъ? Утверждать противное — значитъ говорить противъ своего убѣжденія и здраваго разсудка. Это можетъ доказать фактически каждый, кто добросовѣстно займется описаніемъ событій, случившихся въ Литвѣ съ 1795 года.

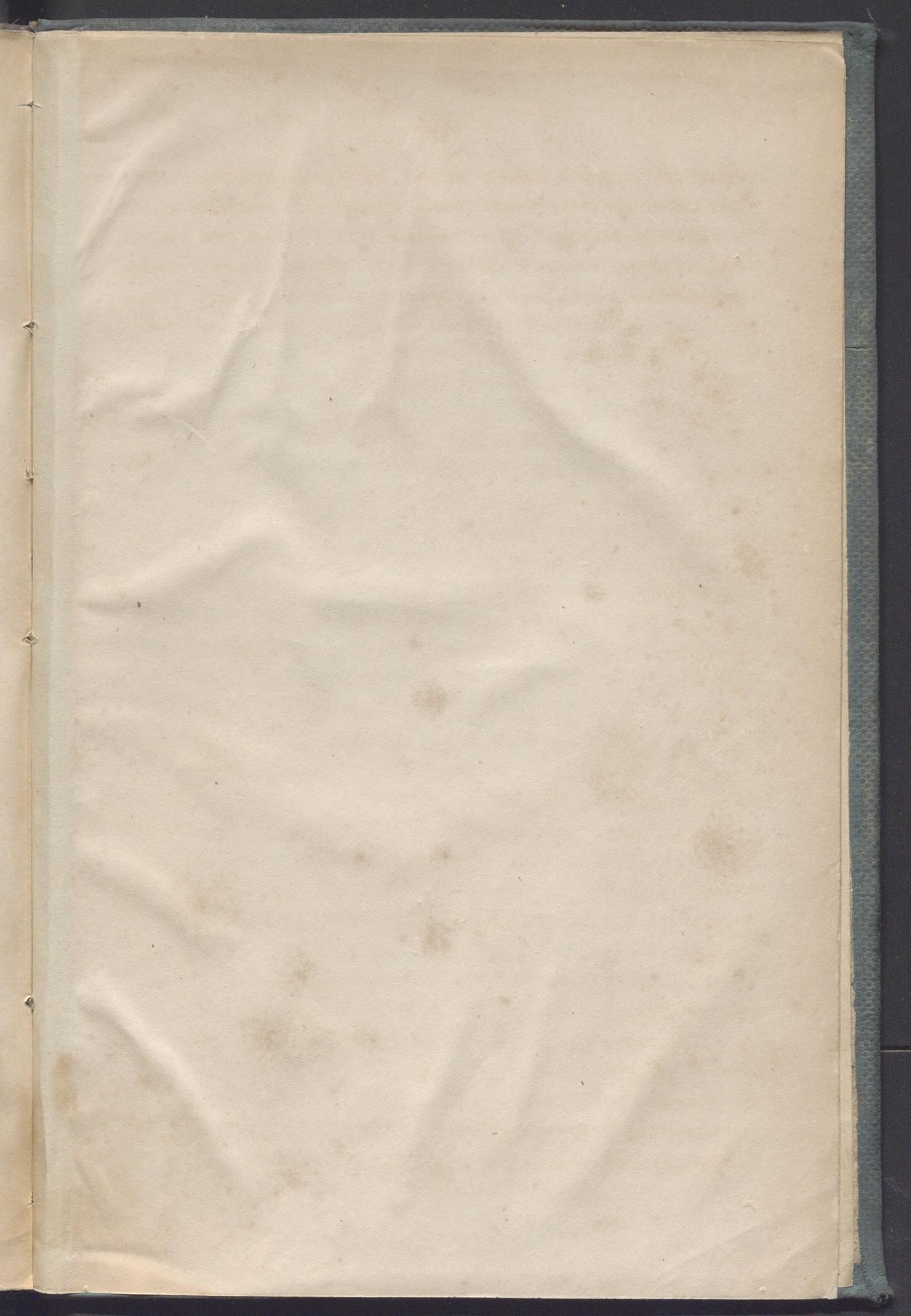
К о н е ц ъ .

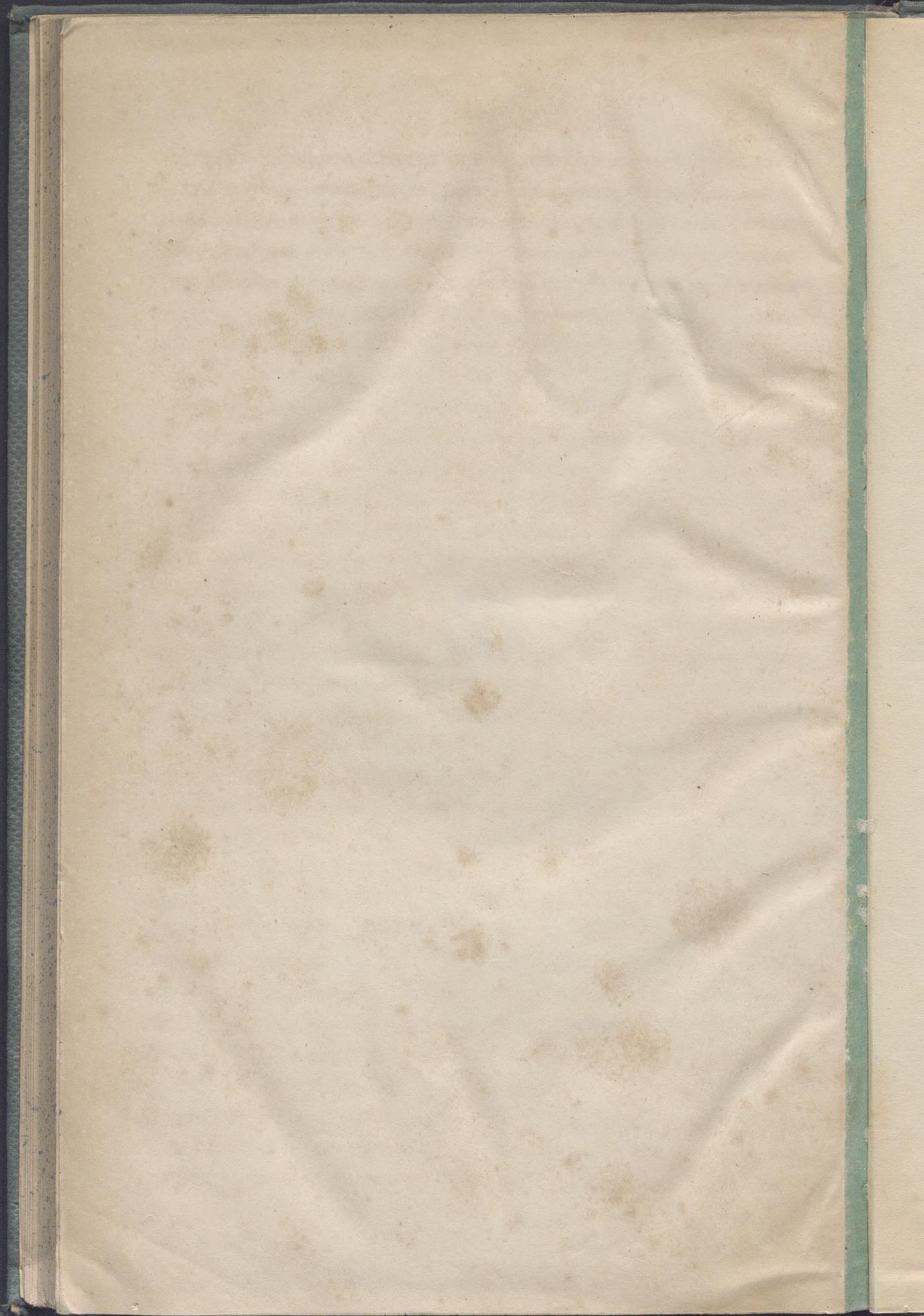

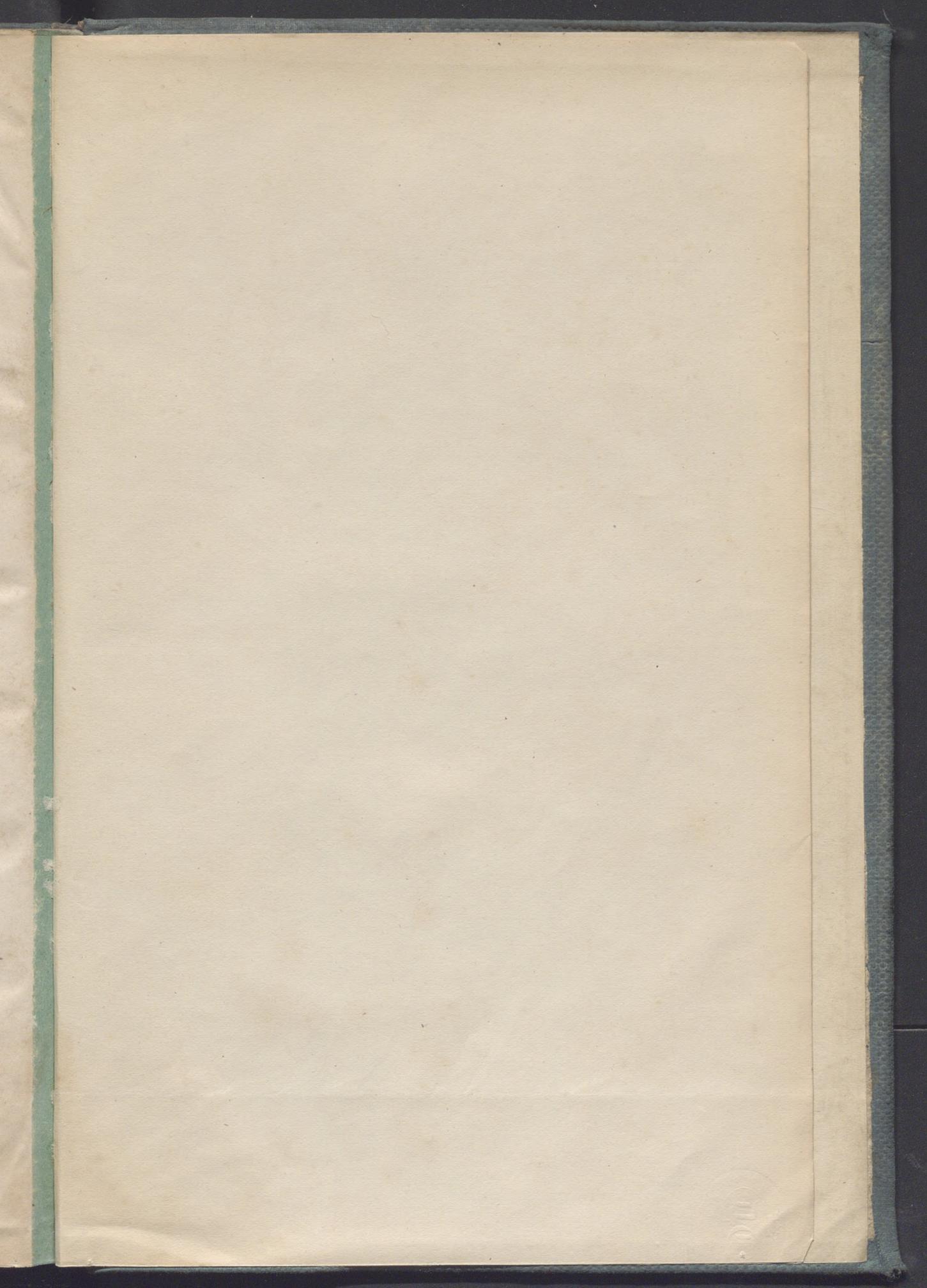
ниже, оспаривается не признала, — и не признала несправедливо, что никто
 да, во все время существования своего, страна эта не была так са-
 стина, как под Русским владычеством? Утверждать подобное
 означает говорить против своего долга и вразумительно. Это
 может доказать фактически каждый, кто добросовестно займется опи-
 санием событий, произошедших в Азии с 1785 года.

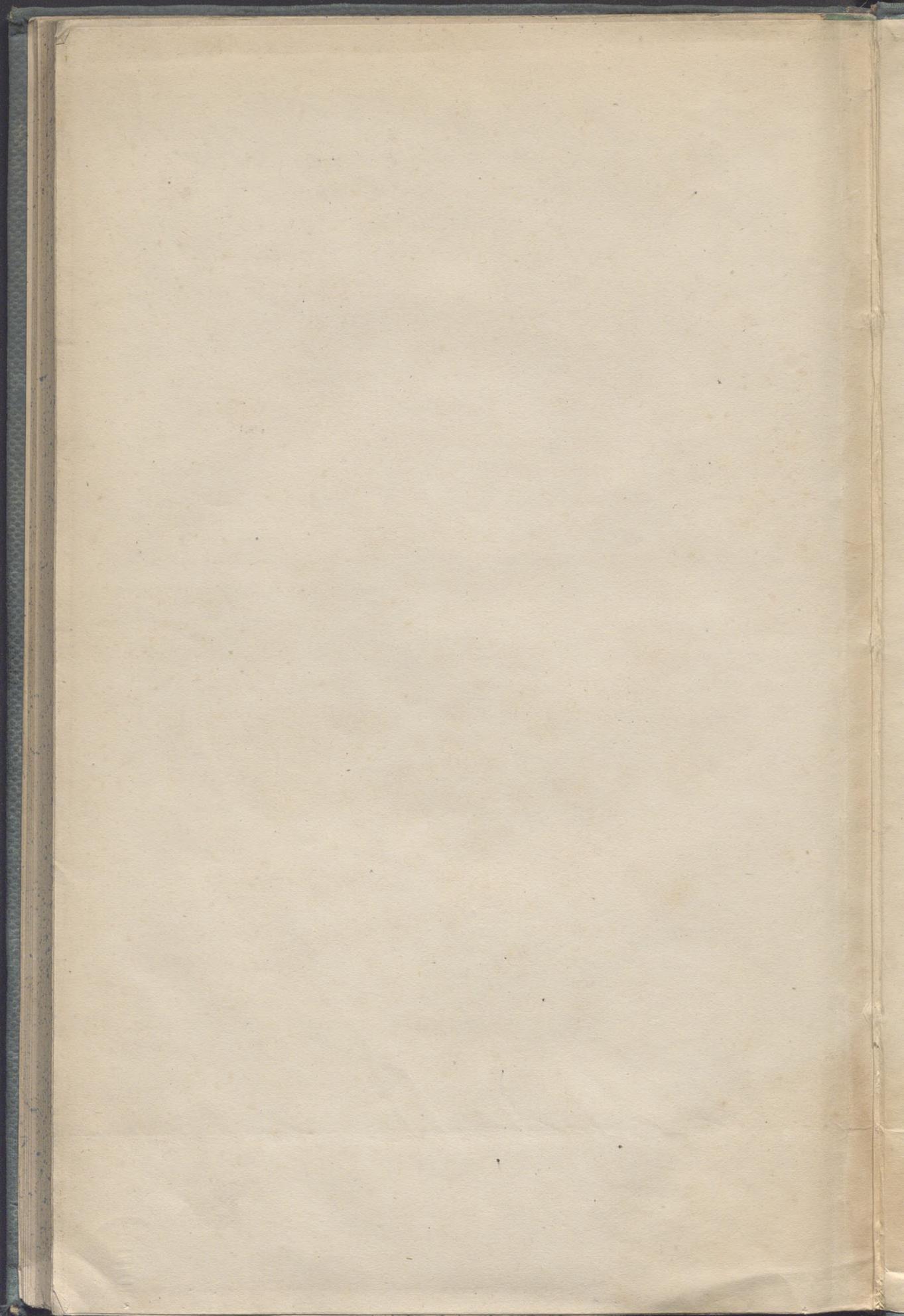
Конда

Biblioteka Narodowa
Warszawa

30001025542255

2010562
